МОСКВА-41

Сергей Михеенков

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга трагична, потому что иной быть и не могла. 1941 год. После летних боёв, тяжёлых потерь — личного состава, вооружения и территорий — Красная армия остановилась на ближних подступах к Москве. Всё. Дальше отступать было уже некуда. Историки, отечественные и зарубежные, до сих пор спорят и не могут прийти к общему согласию в понимании того, что же произошло на Московском рубеже, откуда появилась такая энергия у дивизий и бригад Западного и соседних с ним фронтов. Какое чудо произошло? Почему группа армий «Центр» не смела защитников Москвы в октябре, когда у вермахта, казалось, всё складывалось как нельзя лучше? Почему недожала в ноябре, когда тонкая ниточка советской обороны стала утолщаться, обрастать стрелковыми и танковыми бригадами, дивизионами «Катюш», но всё же по-прежнему была ещё слаба? Почему не удержала удара наших армий в декабре? И почему так жёстко Красная армия была остановлена в начале 1942 года на исходе контрнаступления? На все эти вопросы автор книги «Москва-41» отвечает, исследуя судьбы действующих лиц и героев одной из самых масштабных и грандиозных битв Великой Отечественной/ Второй мировой войны. В книге впервые публикуются многие документы из различных архивов, фондов и частных коллекций, ставших доступными только в последние годы.

- Сергей Михеенко
  -
  -
  - ЗАГАДКА МОСКВЫ
  - «СПЛОШНОЕ МОРЕ ОГНЯ…»
  - ПОТОМОК ЕРМАКА
  - ПОСЛЕДНИЙ БОЙ КОМАНДАРМА
  - ЧЕЛОВЕК ВОЙНЫ
  - «ОН ШЁЛ И ТИХО ПЛАКАЛ…»
  - КТО ОСТАНОВИЛ ГУДЕРИАНА
  - ГЕРОЙ СОЛОВЬЁВОЙ ПЕРЕПРАВЫ
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ И СОБЫТИЯ
  - ИЛЛЮСТРАЦИИ
    -
    -
    -
    -
    -

- БИБЛИОГРАФИЯ
- INFO
- СЕРИЯ
- СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ
- Сергей
-

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28

- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72

- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116

- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160

- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204

- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212

Жизнь замечательных людей ®

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2026

(1826)

Сергей Михеенко

МОСКВА-41

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

*

© Михеенков С. Е., 2020
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2020

«Русский солдат — подлинная загадка. Несмотря на все невзгоды, порождаемые тоталитарным режимом, он готов был героически защищать этот режим».

Роберт Кершоу, британский историк

«Успевшие отрасти бороды придают всем нам сходство с подводниками, руки наши покрыты коркой грязи. Когда же мы в последний раз стирали обмундирование? Когда мылись сами? Похоже, ни один месяц успел миновать. Тело одеревенело от постоянного лежания скрючившись в траншеях и окопах. Ни рук, ни ног не чувствуешь от холода! Зато чувствуешь, как тебя поедают вши. А где наши добрые товарищи, сражавшиеся плечом к плечу с нами?»

Из письма родным фельдфебеля Ганса Шиффа,

«Нет! Не дождь и снег остановили фашистские войска под Москвой. Более чем миллионная группировка отборных гитлеровских войск разбилась о железную стойкость, мужество и героизм советских войск, за спиной которых был их народ, столица, Родина».

Маршал Советского Союза

Георгий Константинович Жуков

ЗАГАДКА МОСКВЫ

Битва за Москву началась на самом деле значительно раньше, чем пишут в современных энциклопедиях. Она началась как минимум ранним утром 22 июня 1941 года, когда германские войска вторглись в Советский Союз, когда начались кровопролитные приграничные сражения. И даже раньше, во время дипломатических и политических баталий, когда советское правительство всячески пыталось замирить, умилостивить голодного зверя, изготовившегося к прыжку. Однако все заключённые между СССР и германским Третьим рейхом договоры и пакты всего на какое-то время, возможно, самое незначительное[1], отсрочили день начала нашествия.

Но не будем перечить историкам и обозначим хронологические рамки Московской эпопеи общепринятыми 30 сентября 1941-го и 20 апреля 1942 годов и постараемся этих рамок придерживаться. Хотя формально, рассказывая о героях сражения за столицу нашей Родины, сделать это, по правде сказать, будет невозможно.

Все немецкие штабные документы кануна вторжения на нашу страну и лета 1941-го буквально криком кричали о Москве и важности Центрального направления. Самой желанной целью немцев стала Москва. Из всех трёх групп армий «Центр» была самой мощной. Правда, в ходе боёв, часть её сил была отвлечена на Белорусское и Ленинградское направления, а затем ещё и на Киевское. Немецкое командование опасалось фланговых ударов с севера и с юга, а потому приняло решение обезопасить фланги центральной группировки, нацеленной на Москву. Полевые армии и танковые группы генерал-фельдмаршала Фёдора фон Бока должны были без помех, стремительным и глубоким ударом овладеть столицей врага.

Не получилось. Недодумали в немецких штабах. Недорассчитали. Недоучли. Перенадеялись на мощь своего оружия, на подготовку немецкого солдата — те качества, которые пока вермахт не подводили — и на несокрушимость доктрины блицкрига. Но за Бугом — на Березине, Днепре и Оке — в окопах оказались не французы, не англичане или поляки, а бойцы Красной армии. Надежды на то, что колосс рухнет и распадётся сам, достаточно его лишь хорошенько толкнуть, тоже не оправдались. В этом смысле советники Гитлера по национальным и политическим проблемам из числа специалистов по России своего шефа попросту обманули. Слишком много ненависти у них было к Советскому Союзу (часто по личным причинам), чтобы

сохранить столь важную объективность. Но им не хватило даже благоразумия. Колосса вермахт толкнул, причём толкнул основательно, с каждым разом усиливая и наращивая силу своих толчков. Колосс пошатнулся. Но не упал. Более того, он отреагировал. Ответ был сокрушительным. Но уже для Третьего рейха. Сила духа воина Красной армии оказалась твёрже и сильней силы духа, помноженной на опыт и врождённые качества германского солдата. Вот в чём был главный просчёт Гитлера и его генералов.

Были и другие аргументы. О некоторых из них рассказано в этой книге.

Когда, по прошествии лет и десятилетий, историки и публицисты, отечественные и западные, начали размышлять о том, почему же всё-таки германская армия не смогла захватить ни Москвы, ни Ленинграда, ни третьего ключевого города — Сталинграда, — и успешно завершить первый этап военных действий на Восточном фронте где-нибудь на линии Вологда — Астрахань, — когда возникает вопрос, так что же случилось с германской военной машиной, возникают заготовки, которые теперь, в эпоху обилия информации, никуда не годятся. Морозы, дожди и прочее — это ведь ничуть не фантастичней, если бы в какой-то момент схватки вермахта и Красной армии на стороне второй выступили бы полчища инопланетян.

Сейчас всё больше распространяется среди знатоков и толкователей истории Великой Отечественной и Второй мировой войн идея о том, что разгрома 41-го года не было, что Красная армия жертвенно дралась с первых часов нашествия, отступала, теряя сотни тысяч убитыми, ранеными и пленными. Но, несмотря на колоссальные потери, значительную часть своей задачи она всё же выполнила. Эта идея окрыляет одних и удручает других. Не разделяя энтузиазма первых и пораженчества вторых, предполагаю, что истина где-то посередине. Но всё же ближе к аргументам первых.

Командующий наступавшей под Москвой 2-й немецкой танковой группой генерал Гейнц Гудериан в своих мемуарах писал, что к концу первого лета войны, когда его дивизии остановились на Десне, танковые моторы были уже изношены, техника требовала капитального ремонта. Одним словом, те боевые единицы, которые не сгорели в предыдущих боях, в бой идти не могли. Изношенными на подступах к Москве оказались не только танковые моторы и ходовая часть, износилась армия, неосмотрительно бросившаяся в блицкриг на Советский Союз. Износилась уверенность немцев в своей непобедимости.

Фронт двинулся вспять именно под Москвой. Москва подала

пример, укрепила силу духа солдат, защищавших Ленинград, Таганрог, Ростов-на-Дону, Тулу и другие твердыни и укрепрайоны нашего фронта от Балтийского до Чёрного морей.

Однако летом и в начале осени 41-го всё выглядело не столь оптимистично.

К концу сентября после вынужденной летней остановки 1941 года немцы создали на Центральном направлении огромную группировку. Советские войска, противостоявшие группе армий «Центр», по многим позициям, в том числе по количеству боевой техники, уступала противнику кратно.

Тридцатого сентября фон Бок двинул свои армии и танковые группы вперёд: вермахт начал операцию «Тайфун». Наступление должно было решить судьбу Москвы и таким же решающим образом повлиять на итог восточного похода.

Командующий войсками Западного фронта генерал-полковник И. С. Конев, видя перед собой силу, остановить которую на Вяземском рубеже он явно не сможет, предложил отвести часть войск на Можайскую линию обороны. Ставка не разрешила ему это сделать.

Начало «Тайфуна» действительно напоминало смерч. Танковые и моторизованные лавины прорвали оборону Западного и Резервного фронтов, перехватили важнейшие коммуникации, овладели крупными городами, формируя «котлы» — под Вязьмой, Рославлем и Брянском. Только в районе Вязьмы в окружении оказалось пять армий, некоторые вместе с полевыми управлениями — 19, 20, 24, 32, 16-я. До сих пор нет точных данных о потерях Красной армии, понесённых в первом Вяземском окружении. Исследователи называют разные цифры: от 663 до 883 тысяч бойцов и командиров. Из окружения вышел лишь каждый десятый…

Удар «Тайфуна» открыл немецким войскам основные дороги на Москву. Но противник не смог в полной мере воспользоваться успехом. А, как говорил Александр Суворов, недорубленный лес, как известно, скоро вырастает.

Верховный вызывает из Ленинграда генерала армии Г. К. Жукова, назначает его на Западный фронт. Можайскую линию по приказу нового комфронта быстро занимают уцелевшие дивизии, отдельные полки, батальоны и артиллерийские дивизионы. Поднятые по тревоге к Можайску, Малоярославцу и Туле подтягивались курсанты военных училищ и части НКВД. Железной рукой Жуков гасит панику и останавливает немецкие танки. Начинается противостояние на последнем рубеже. Зачастую оно переходило в бойню, верх в которой брала то одна, то другая сторона.

Октябрь был самым трудным. Немцы давили из последних сил. На всех направлениях. 18 октября пал Можайск, 27 октября — Волоколамск. В обстоятельствах приближения врага к Москве, в осаждённом городе вспыхивает паника[2]. Ставка и Верховный главнокомандующий остаются в столице. Жуков мечется по передовой, с каменным лицом и холодным взглядом появляется в штабах армий и дивизий, требует, угрожает, выжимает из войск, казалось, уже невозможное. Приказывает эшелонировать оборону в глубину. Эта мера даёт заметный положительный результат. Противник вязнет даже на тех участках, на которых концентрирует свои удары. 29 октября ударные части 2-й танковой группы Гудериана предпринимают атаку на Тулу, но она отбита с большими для немцев потерями в танках и живой силе. Продвижение вермахта замедляется и на северном фланге Западного фронта, где храбро и умело сражается 16-я армия генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского, оперативные группы генералов Г. Ф. Захарова и Ф. Т. Ремизова, полковников А. И. Лизюкова и П. Г. Чанчибадзе.

Седьмого ноября 1941 года на Красной площади состоялся парад войск Московского гарнизона и частей, уходящих на фронт. Верховный главнокомандующий И. В. Сталин напутствовал войска: «Война, которую вы ведёте, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Дмитрия Пожарского, Кузьмы Минина, Александра Суворова, Михаила Кутузова!»

В ноябре немцы выскребают из своих сусеков последние резервы, ставят в строй «кухонных буйволов»[3], тыловиков, легкораненых и предпринимают последний удар. На севере немцы бьют на Клин. На юге — в обход Тулы на Каширу и Михайлов. В центре, уже в первых числах декабря, — на Кубинку. Местами прорывают нашу оборону и устремляются к Москве. Но бреши вовремя закрывались маневренными резервами либо подошедшими из второго эшелона свежими частями. Прорвавшиеся танки и мотопехота либо уничтожались, либо оттеснялись на исходные. Всё. Наступательный ресурс германской армии израсходован, а к обороне на достигнутых рубежах немцы оказались не готовы. 5 декабря получив в 16.00 телефонограмму фон Бока начальник Генерального сухопутных войск генерал-полковник Франц Гальдер записал: «Фон Бок сообщает: силы иссякли. Завтра он сообщит, есть ли необходимость отвести войска». На следующий день генерал-фельдмаршал Вальтер фон Браухич подаёт в отставку[4] с поста главнокомандующего сухопутными силами Германии.

Тем временем, залатав бреши и создав небольшие резервы, войска Западного фронта организуют пробные удары. Под Серпуховом, в районах Наро-Фоминска и Тулы, на севере у Клина и Яхромы. Но силы этих ударов слабы и пока ничего, кроме потерь, не приносят.

Сталин хмур, сдержан, терпелив и расчётлив. Всё висит на волоске.

Гитлер в бешенстве. Удар «Тайфуна» не достиг своей цели. Генералы сообщают, что их армии, корпуса и танковые группы израсходованы на пути от Рославля до Серпухова, от Вязьмы до Волоколамска, от Орла до Тулы, что полки и батальоны сведены из трёхсоставных в двусоставные, что численность рот при этом едва достигает одного взвода. Россия поглотила самую мощную группировку германской армии.

Немцев пугала фронтальная атака на Москву. Верстая планы второго наступления на советскую столицу, в немецком Генеральном штабе рассуждали так: лобовая атака приведёт к мясорубке, в которой, при всей стойкости германского солдата и превосходстве германского оружия, окажутся перемолоченными и лучшие дивизии группы армий «Центр». Резервов у фон Бока, как известно, не было: перебрасывать сюда дополнительные силы Гитлер не планировал. Поэтому было решено осуществить охват Москвы и Московского укрепрайона с флангов двумя сильными группировками: южной— на Тулу и Михайлов, северной — на Волоколамск, Клин и Дмитров. Именно здесь, на флангах, действовали 2-я и 4-я немецкие танковые группы. Но, от рубежа к рубежу, от окопа к окопу, немецкие панцерваффе таяли на глазах. В полыхающих боевых машинах сгорели лучшие танковые экипажи Гудериана и Гота. Замёрзли, прижатые к ледяной пашне, гренадеры 4-й полевой армии генерал-фельдмаршала фон Клюге. А русские постоянно выставляли то новую дивизию, то несколько бригад, то целую армию. Они гасили очередную попытку прорыва, сводили на нет отчаянные усилия наступающих.

Из Сибири, с Дальнего Востока, из Казахстана и Поволжья к Москве шли и шли эшелоны. На подмосковных станциях выгружалась пехота, с платформ съезжали танки, артиллеристы скатывали орудия, коноводы выводили лошадей. Штабы Красной армии оказались дальновидней и предусмотрительней штабов вермахта. Сталин переигрывал Гитлера.

В начале декабря 1941 года после некоторого затишья фронт, опоясавший Москву с запада, юго-запада и северо-запада, ожил, задвигался. Всё началось с действия небольших, до батальона, передовых групп. 5-го числа начались массированные налёты советской авиации. Шнуры натянула артиллерия. На рубеж атаки

вышли танки. И закипел подмосковный снег.

От Калинина на севере и до Ельца на юге раскалённым железом засветилась гигантская девятисоткилометровая дуга. Постепенно, не сразу, армии перешли в наступление. Противник дрогнул и начал отходить, бросая тяжёлое вооружение, склады с имуществом и боеприпасами. Порой в спешке оставляли даже раненых. Зимнее отступление вермахта чем-то напоминало летнее отступление Красной армии.

Это было первое масштабное наступление Красной армии и первое столь же значительное поражение вермахта во Второй мировой войне. Советские войска продвинулись на запад на 100, а на некоторых участках до 250 километров. Освобождены Таруса, Калуга, Калинин, Можайск, Наро-Фоминск, Белев, тысячи сёл и деревень Московской, Тульской, Калининской и Смоленской областей. Битва за Москву положила начало очищению территории СССР от немецких оккупантов.

Немецкие планы блицкрига рухнули.

Боевой дух советских солдат и командиров после череды поражений и неудач поднялся.

В какой-то момент в Ставке и в войсках возникла иллюзия полного разгрома германской армии. Вскоре она, впрочем, прошла. Противник занял новые позиции на тыловом рубеже и к февралю 1942 года восстановил оборону. К тому времени наши непрерывно наступающие войска в значительной мере израсходовали свой ресурс. Наступление есть наступление, оно требует резервов, резервов и резервов. А эти резервы должны быть вооружены, экипированы, обеспечены транспортом, хотя бы гужевым, а также продовольствием и медикаментами. Всякое наступление выдыхается, тем более такое масштабное, каким оно получилось зимой 1941/42 года под Москвой.

Отступающий противник всегда старается не пропустить того мгновения, когда наступающую сторону начинает одолевать усталость, когда в дело вмешиваются различные факторы — растянутость коммуникаций, отставание артиллерии и тылов, маршевая неразбериха, отсутствие устойчивой связи, неизбежные во время движения прорехи на флангах. В феврале-марте немцы нанесли серию контрударов в районах Вязьмы, Кирова, Жиздры, Ржева, Белого, Юхнова и Мосальска. В ряде мест противник разрезал порядки наших частей и подразделений, охватил с флангов, окружил. Целые армии, армейские группы и отдельные дивизии и корпуса оказались изолированными и вынуждены были прорываться на соединение со своими войсками ценою огромных потерь. Именно в это время в «котле» под Вязьмой оказались западная группировка 33-й армии, 1-й гвардейский

кавалерийский корпус и несколько воздушно-десантных бригад. Судьба их оказалась трагичной. В апреле 1942 года при попытке вырваться из окружения кратчайшим путём на Износки погибла армейская группа генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова. 20-м апреля заканчивается хронология Битвы за Москву.

Разумеется, этим кратким очерком невозможно сколько-нибудь подробно очертить историю Битвы за Москву. Цель предисловия иная — показать важность события и его масштаб. Герои этой книги, каждый на своём рубеже, делали своё дело. Зачастую их война укладывалась в проходную фразу суточных донесений о боях местного значения, которые существенно не повлияли на общий ход боевых действий дивизии, армии, фронта. Но теперь-то, с расстояния лет, мы понимаем, что судьба сражения зависит от каждого одиночного окопа и того, насколько стойко и умело его удерживает простой рядовой солдат. Тем более что в ходе Битвы за Москву — и это признают в своих мемуарах и интервью и советские полководцы, и немецкие генералы — в какой-то момент возникли такие обстоятельства, когда судьба сражения стала зависеть от стойкости каждого взвода, от каждой удерживаемой позиции, какой бы, казалось, незначительной она ни была; дрогни пулемётный расчёт, не удержи свои окопы взвод или рота, и противник тут же хлынул бы в образовавшуюся брешь, потеснил батальон, свернул фланги полка и в прорыв устремились бы танки и тяжёлая техника врага.

Говорят, Гитлер постоянно сравнивал себя с Наполеоном, оглядывался на его неудачи. Но лавров Наполеона он не стяжал. Захватив столицы многих европейских государств и заставив служить себе многие народы Европы, он не смог покорить русских. Он даже не сумел взять столицы Советского Союза. Загадка Москвы так и осталась для немцев неразгаданной.

После Битвы за Москву, которая завершилась успехом Красной армии, взятие Берлина стало лишь делом времени.

«СПЛОШНОЕ МОРЕ ОГНЯ…»

Иван Андреевич Флёров,

капитан, командир первой в Красной армии

батареи «Катюш»

1

Долгие годы его имя значилось в графе «без вести пропавшие». Публиковались скупые сведения: командовал батареей экспериментальных реактивных установок… первый залп по врагу сделал не то в районе Орши, не то в районе Рудни… погиб в октябре 1941 года в Вяземском «котле»… Ходили нелепые слухи, будто бы намеренно завёл установки в болота, чтобы сдать немцам…

Правда была иной.

Иван Андреевич Флёров родился 24 апреля 1907 года[5] в селе Двуречки Липецкого уезда Тамбовской губернии, ныне Грязинского района Липецкой области, в семье служащего. Отец работал счетоводом на Боринском сахарном заводе, мать была домохозяйкой. Семья была большой — шестеро детей. Иван окончил земскую школу. Учился с азартом, при выпуске получил похвальный лист. Особенное рвение проявлял на уроках арифметики. После окончания школы работал в родном селе. Потом поступил на Боринский сахарный завод учеником слесаря. Затем с отличием окончил школу ФЗУ (фабрично-заводского ученичества) при чугунолитейном заводе в Липецке. Как отличника и лучшего выпускника Ивана Флёрова оставили при школе ФЗУ мастером производственного обучения. Уже тогда обнаруживал любовь к конструированию, инженерии.

В 1927 году призван в РККА. Служил в артиллерийском полку. В 1928 году демобилизован.

В 1933 году призван на полуторамесячные командирские артиллерийские курсы. Как оказалось, это стало началом военной карьеры.

В 1939 году Флёров зачислен слушателем на командный факультет Артиллерийской академии РККА им.

Ф. Э. Дзержинского[6]. Через год старший лейтенант, командир батареи 94-го гаубичного артиллерийского полка, он, не окончив курс обучения, принял участие в Советско-финской войне. Отличился при штурме одного из укрепрайонов линии Маннергейма.

После окончания боевых действий Флёров вновь вернулся в академию и продолжил прерванную учёбу. В эти годы он жил в Балашихе.

Тактику в академии преподавал будущий защитник Ленинграда генерал-майор Л. А. Говоров. Леонид Александрович сразу обратил внимание на курсанта, не просто влюблённого в артиллерийское дело, но и прекрасно владеющего им. В год поступления Флёрова в академию вышел научный труд Говорова «Атака и прорыв укреплённого района». Флёров досконально проштудировал его и явился к преподавателю с вопросами. В 1940 году они вместе ушли на Зимнюю войну. Говоров возглавил штаб артиллерии 7-й армии, а Флёров гаубичную батарею одного из артполков этой армии. Оба отличились и оба были награждены орденами Красной Звезды: Флёров получил орден в 1940 году за бои у озера Саунаярви.

Вскоре Говоров возглавил Артиллерийскую академию, но когда началась новая война, тут же отбыл на фронт — руководил штабом артиллерии Западного направления, а затем командовал артиллерией Резервного фронта. Во время Смоленского сражения генерал планировал действия артиллерии в Ельнинской наступательной операции.

Именно по его рекомендации Флёров, к тому времени уже капитан, был назначен командиром первой экспериментальной части реактивной артиллерии — особой батареи реактивного действия. В ней имелось семь установок: пять опытных и две серийные. В батарее была также одна 122-мм гаубица, пристрелочная. Кроме того, 44 грузовика для перевозки боеприпасов, продовольствия, шанцевого инструмента, другого имущества и личного состава — 160 солдат и офицеров. Боекомплект батареи составлял 600 реактивных снарядов М-13 и 100 выстрелов для гаубицы М-30 обр. 1938 года. На машины были загружены бочки с бензином на три полных заправки всей штатной техники батареи.

2

Реактивная установка БМ-13 стала оружием нашей Победы, одним из главных её символов: как дивизионная пушка ЗиС-3, как

танк Т-34, как песня «Валенки» в исполнении Лидии Руслановой и Красное знамя над Рейхстагом.

Идея снаряда-ракеты родилась давно, ещё до создания ствольной артиллерии. С изобретением более совершенных и мощных видов пороха конструкторы вновь вернулись к «забытому старому». В начале 30-х годов в Реактивном научно-исследовательском институте (РНИИ) в Москве под руководством Юрия Победоносцева[7] были созданы образцы авиационных реактивных снарядов. В качестве направляющей использовалась труба. С одной стороны, это было удобно, с другой — оперение ракет было небольшим, под калибр направляющей трубы, а это не давало необходимой точности огня.

В 1937 году провели очередные испытания. Снаряды-ракеты начинили новым порохом — трубчатым нитроглицериновым, увеличили оперение, направляющие упростили — теперь они были открытыми, рельсовыми. Испытания прошли успешно.

К 1939 году был создан осколочно-фугасный снаряд калибра 132-мм. Конструкторы увеличили боевую часть и дальность полёта. Боеприпас значительно удлинили, что улучшило его баллистику. Реактивные снаряды теперь ложились более точно. Это и был знаменитый снаряд М-13.

Корпус реактивного снаряда представлял собой сварной цилиндр, поделённый на три отсека: боевая часть, камера сгорания и в хвостовой части, суженной, реактивное сопло. Авиационный реактивный снаряд РС-132 имел длину 935 мм, диаметр 132 мм, весил чуть больше 23 килограммов. Установки для пуска РС-132 крепили под крыльями истребителей И-16, штурмовиков Ил-2 и тяжёлых бомбардировщиков. Реактивный снаряд для наземной установки имел длину 1,41 метра, диаметр 132 мм и весил 42, 3 килограмма. Цилиндр с оперением заполнен твёрдой нитроцеллюлозой. Боевая часть весила 22 килограмма. Масса взрывчатого вещества собственно фугаса — 4,9 килограмма, что равно шести противотанковым гранатам. Как отмечают специалисты, при том, что заряд головной части реактивного снаряда М-13 был вдвое меньше заряда немецкого *Nebelwerfer,* «поражающее воздействие на небронированную технику и живую силу было намного сильнее. Это было достигнуто вследствие увеличения газового давления взрыва из-за встречного движения детонации. Подрыв взрывчатых веществ осуществлялся с двух сторон (длина детонатора была лишь немного меньше длины полости для ВВ), и когда две волны детонации встречались, то газовое давление взрыва в месте встречи резко возрастало, вследствие этого осколки корпуса имели значительно большее ускорение, разогревались до 600–

800 °C и имели хорошее зажигающее действие. Кроме корпуса, разрывалась ещё и часть ракетной камеры от горевшего внутри пороха, это увеличивало осколочное действие в полтора-два раза по сравнению с артиллерийскими снарядами аналогичного калибра»[8]. Иногда, когда наши бойцы стрелковых подразделений после артподготовки врывались в окопы противника, наблюдали такую картину: ходы сообщения и блиндажи были завалены телами немецких солдат, при том, что следы ранений на них отсутствовали. Возникла даже легенда о «термитном заряде» М-13. Подобный заряд действительно испытывался, но несколько позже — примерно через год под Ленинградом — и был признан излишним. К тому же он был значительно дороже и сложнее в производстве. Залп по площади и без того создавал «интерференцию взрывных волн», и это усиливало поражающий эффект.

В том же 1939 году была изготовлена первая пусковая установка. Раму установили на шасси трёхосного грузовика ЗиС-6. 16 снарядов крепились попарно на восьми укороченных направляющих, которые во время пуска располагались поперёк шасси. Во время огня машину сильно раскачивало, и снаряды разлетались веером. В короткие сроки пусковую модернизировали: теперь она располагалась вдоль машины, что позволило значительно удлинить направляющие. Кроме того, заднюю часть грузовика поддомкрачивали, что придавало установке бóльшую устойчивость и повышало точность огня. Новая модель (МУ-2) производила залп всего за десять секунд. Дальность стрельбы превышала восемь километров. Вес установки составлял 8 тонн 330 килограммов.

В 1940 году провели государственные испытания МУ-2. Военные, присутствовавшие на полигоне в качестве главных экспертов и заказчиков, были в восторге. Установку приняли на вооружение под названием «Реактивный миномёт БМ-13»[9] и тут же заказали опытную партию.

Ничем подобным ни одна из армий мира не располагала. Разработки велись и в США, и в Германии, но зарубежные ракетостроители шли по несколько другому пути. Немецкие конструкторы уже к началу войны имели шестиствольный 158,5-миллиметровый реактивный миномёт *Nebelwerfer 41*. Наши солдаты называли его «ишаком» — при запуске он издавал характерные звуки. Почти по всем параметрам он уступал советской БМ-13: по мобильности, по весу и мощности разрывного заряда, по максимальной дальности стрельбы, по количеству направляющих, а значит, и мощи залпа. «Ишак» стрелял осколочно-фугасными, зажигательными и

агитационными минами на расстояние до 6,9 километра и размещался на двухколёсном лафете. В 1942 году их стали устанавливать на полугусеничные тягачи и бронетранспортёры — новая машина получила название 75 *cmPanzerwerfer 42 auf Sf* или *Sd. Kfa. 4/1,* — сделав реактивную артиллерию вермахта более мобильной. Массово немцы применили *Nebelwerfer* в 1942 году на Восточном фронте во время летнего наступления под Севастополем. Известно, что в начале зимы 1942-го всадники 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта П. А. Белова[10]захватили одну установку в районе Всходов на реке Угре во время прорыва на Вязьму[11].

В самый канун нападения Германии — 17 июня 1941 года — дивизион БМ-13 первой промышленной серии прибыл на подмосковный полигон. За действиями расчётов и пуском наблюдали нарком обороны СССР маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, начальник Генерального штаба РККА генерал армии Г. К. Жуков, недавно назначенный наркомом вооружения СССР Д. Ф. Устинов. По итогам стрельб 21 июня 1941 года командование приняло решение о развёртывания серийного производства боеприпаса М-13 и установок БМ-13 на базе грузовиков ЗиС-5 и ЗиС-6… В это время офицеры передовых частей вермахта рассматривали в бинокли противоположный берег Буга, определяя броды и намечая направление атак, а танковые экипажи дивизий первого эшелона загружали боеприпасы и дозаправляли свои боевые машины.

Двадцать второго июня 1941 года сотрудники НИИ-3[12]собрались на экстренное совещание. Стало очевидным, что никаких войсковых испытаний проводиться уже не будет — не до того. Сейчас, в новых обстоятельствах, самое важное «собрать все установки, отправить их в бой». Первые семь машин, собранные в НИИ-3, составили первую батарею реактивной артиллерии.

Решение о формировании первой отдельной экспериментальной батареи БМ-13 было принято 28 июня 1941 года. Из резерва Ставки Верховного главнокомандования батарею тут же передали в распоряжение командующего войсками Западного фронта «для испытаний непосредственно в боевой обстановке». Тогда же назначили надёжного командира с инженерным образованием и артиллерийским опытом — капитана Ивана Андреевича Флёрова.

Состав отдельной экспериментальной батареи:

— взвод управления (1 головная машина);

— пристрелочный взвод (122-мм гаубица);

— 3 огневых взвода (по 2 боевых машины);

— парковый взвод;
— взвод боевого питания;
— хозяйственное отделение;
— отделение подвоза горюче-смазочных материалов;
— санитарная часть.

Продуктовый паёк батареи — семь сутодач.

Расчёт установки БМ-13 состоял из 5–7 человек:
— командир установки — 1;
— наводчик — 1;
— водитель — 1;
— заряжающие — 2–4.

Штат управления подразделением и обслуживания нового оружия тоже находился в экспериментальной стадии. Командный состав батареи укомплектовали в основном выпускниками и слушателями Артиллерийской академии им. Ф. Э. Дзержинского и курсантами 1-го Московского Краснознамённого артиллерийского училища им. Л. Б. Красина, на базе которого и шло формирование батареи — в комплексе зданий по Хорошевскому шоссе. Солдаты и сержанты подбирались из числа опытных артиллеристов. Все были коммунистами и комсомольцами.

Как это ни парадоксально, никакой специальной подготовки ни офицеры, ни номера боевых расчётов батареи капитана Флёрова не имели. Готовить и обучать их было некогда. Фронт 41-го года был полем для многих импровизаций.

По воспоминаниям миномётчиков батареи, когда их выстроили перед установками, многие решили, что под чехлами трёхосных грузовиков понтоны. Когда же брезент сняли, с минуту длилось молчание. «Всё было дико и неясно», — рассказывал командир боевого расчёта Иван Гаврилов. Бывалый воин, участник Зимней войны и похода в Западную Белоруссию, повидавший много разных диковинок среди трофейного оружия и имущества, он никак не ожидал, что новое секретное оружие внешне будет выглядеть настолько просто и совершенно не воинственно. Но, как оказалось, под этой видимой простотой крылось гениальное коллективное изобретение советских военных конструкторов.

В дни формирования подразделения руководители-разработчики БМ-13 инженер-конструктор А. С. Попов[13] и военинженер 2-го ранга Д. А. Шитов[14] успели провести лишь три занятия. Попов вкратце рассказал об устройстве пусковой установки. Шитов также в общих чертах пояснил принцип действия ракет. Установка была проста и в конструкции, и в применении, поэтому артиллеристы с опытом осваивали её

быстро.

По воспоминаниям одного из артиллеристов, вырвавшихся из вяземского окружения, в конце последнего инструктажа Попов похлопал по небольшому деревянному ящику, укреплённому на подножке кабины боевой машины и сказал: «Как вы думаете, для чего здесь этот ящик?» Кто-то из артиллеристов простодушно предположил, что для инструментов: инструментальный ящик водителя. «Ничего подобного, — сказал инженер-конструктор Попов. — В день отправки вашей батареи на фронт мы набьём этот ящик тротилом и вставим пиропатрон, чтобы при малейшей угрозе захвата установки врагом можно было подорвать и её, и боеприпасы».

Секретное оружие, секретные боеприпасы, секретное подразделение, секретный маршрут, секретные задачи, которые вот-вот придётся выполнять где-то на западе, где гремят бои. Это было главным, что должны усвоить солдаты и офицеры отдельной батареи. Тайну нового оружия нужно было сохранить во что бы то ни стало и при любых обстоятельствах. По этой причине и во время занятий «никаких письменных инструкций и наставлений не выдавалось, запрещалось делать какие-либо записи».

Командование волновало другое. Показательные стрельбы на полигоне — это всего лишь навсего стрельба в тире по мишеням… Как зарекомендует себя новое секретное оружие в настоящем деле, на передовой, в бою? Как будут с ним управляться расчёты? Какой урон может нанести оно врагу? Можно ли применить его в борьбе с бронетехникой противника? Какой эффект можно ожидать при массированной обработке обороны противника, занятой пехотой?

Для этого к экспериментальной батарее командование и руководство НИИ-3 прикомандировало группу конструкторов, разработчиков и производственников, а также представителя Главного артиллерийского управления РККА подполковника А. И. Кривошапова[15].

Все ЗиСы батареи были новенькие. Водители надёжные. В трудных обстоятельствах они могли быть и механиками, вполне способными устранить лёгкие неполадки машины. Весь личный состав переодели в новое обмундирование.

3

В ночь на 3 июля 1941 года колонна зачехлённых машин, похожих на горбатые изваяния, выехала из Москвы на Западный фронт. Их сопровождали грузовики, крытые брезентом. Маршрут

лежал на Ярцево, далее на Смоленск. Днём закончили все приготовления к маршу. Капитан Флёров получил приказ: 2 июля в 20.00 головой колонны подойти к Поклонной горе. Колонна растянулась на километр. Впереди — семь установок. За ними грузовики с контейнерами, в которых лежали ракеты.

На Бородинском поле сделали короткую остановку. Построились. «Мы, бойцы, командиры, политработники отдельной артиллерийской батареи, клянёмся, что никогда и никому не отдадим секретное оружие, вверенное Родиной…»

Двигались только ночью, на день машины загоняли в лес, тщательно маскировали, выставляли охрану. Времени не теряли: продолжали учёбу — расчёты заряжали установки, тренировались в определении целей и прицеливании.

Военинженер 2-го ранга Дмитрий Шитов, включённый в инженерную группу, произвёл пересчёт с артиллерийских таблиц и подготовил исходные данные для ведения огня реактивными снарядами. Новые таблицы размножили в семи экземплярах и передали всем командирам расчётов. Артиллеристы тут же приняли их к исполнению. Для них это была вполне знакомая грамота, тем более что и прицелы на БМ-13 стояли артиллерийские.

Там же, в лесу во время днёвок, насыщенных постоянными тренировками, стало очевидным: стрелять с помощью выносного пульта управления неудобно, чревато задержками. Решили производить пуск непосредственно из кабины. Заряжающими и подносчиками набрали крепких, плечистых бойцов. Новое дело они освоили быстро, в считаные минуты производили полную зарядку установки.

В дороге, особенно артиллеристы, над ними посмеивались:

— Эй, понтонёры! Пушка-то вам зачем? Стрелять из неё хоть умеете?

Им ничего другого не оставалось, как смеяться вместе со всеми.

В Вязьме первая остановка. Здесь, в штабе Западного фронта, капитан Флёров доложил о прибытии.

В эти дни начиналось Смоленское сражение. Почти без всякой паузы после захвата Белостока и Минска группа армий «Центр» двумя клиньями своих подвижных соединений нанесла удар на Витебск и Могилёв. Пали Невель и Полоцк. Оставлен Витебск. 13 июля немцы вошли в Велиж, Демидов и Оршу…

До 12 июля батарея находилась в расположении 20-й армии в районе Борисова. Огня не открывали, постоянно меняли место дислокации. В небе всё время висели немецкие самолёты. Однажды бойцы не выдержали и открыли по ним огонь из

винтовок и ручных пулемётов. Капитан Флёров тут же приказал сниматься и перебазироваться на запасную позицию. На следующий день вернулись на прежнее место — оно было основательно перепахано взрывами авиационных бомб. По дороге мимо их колонны прошли танки. Утром они возвращались. Замыкающая колонну бронемашина остановилась, из неё вышел офицер, кивнул на гаубицу, спросил, что за часть.

— Особого назначения, — ответил капитан Флёров.

В те дни обстановка на фронте 20-й и 16-й армий накалилась до предела. Со своих позиций были сбиты армии правого крыла Западного фронта. 20-й и 16-й армиям грозило оперативное окружение. Что вскоре и произошло. А в те дни начался отход в район Смоленска, на новые позиции.

Офицер-танкист окинул взглядом зачехлённые установки и сказал:

— Капитан, не знаю, что у вас там под брезентом, но скажу главное — немедленно отступать. Пока дорога свободна. Мосты вот-вот будут взорваны…

Батарея покидала позиции, не сделав ни одного залпа.

Новую боевую задачу поставил начальник штаба артиллерии Западного фронта генерал-майор Г. С. Кориофилли[16]: в связи с резко обострившейся ситуацией выдвинуться западнее в район железнодорожной станции Орша, «на которой скопились фашистские эшелоны с личным составом, боеприпасами, техникой, горючим и другими материальными ресурсами». Станция Орша стала первой целью батареи капитана Флёрова. По другим сведениям, на станции в это время находились составы с грузами тылов 20-й и 16-й армий Западного фронта. Горючее для танков, самолётов и автотранспорта, боеприпасы, снаряжение, оружие. Вывезти всё это имущество из Орши отходившие советские войска просто не успевали.

Батарея вышла на исходные 14 июля в полосе обороны 73-й стрелковой дивизии 20-й армии. Здесь колонну встретил командир дивизии полковника. И. Акимов[17], получивший приказ накануне обеспечить охрану установок в период пребывания их в расположении его части.

ЗиСы с установками выстроились на опушке леса. Станция, эшелоны в тупиках, станционные постройки были хорошо видны в бинокль. До цели по прямой всего три километра. Командиры боевых машин заняли свои места в кабинах, ждали приказа на пуск. Остальные бойцы ушли в укрытия. Капитан Флёров стоял в окопе на НП на холме над речкой Оршицей. И вот он поднял руку и скомандовал:

— По фашистским захватчикам, батареей, огонь!

Командир одной из боевых машин — Валентин Овсов вспоминал: «Переключил рубильник электропитания. Правой рукой дал оборот маховичка. Земля дрогнула и осветилась. Огонь летит в цель. Неужто это наши ракеты?»

Многие бойцы и офицеры залп БМ-13 наблюдали впервые. Увиденное их потрясло. Подполковник Кривошапов вспоминал: «После залпа по фронту метров на двести-мы это видели и без биноклей — поднялось море огня».

После залпа установки одна за другой начали выезжать с опушки. Батарея спешно снималась с позиции. Через несколько минут колонна втянулась в лес. Когда вскоре в небе появился немецкий самолёт-разведчик, колонна уже была далеко. Со стороны Орши прилетело несколько снарядов, разорвавшиеся в пойме Оршицы. Самолёт-корректировщик цели не обнаружил, и немцы прекратили артиллерийский огонь.

К исходу дня капитан Флёров получил другой приказ: отработать по переправе через реку Оршица близ города Орши. К тому времени на переправе скопилось много боевой техники противника. Залп накрыл и переправу, и предмостные участки на обоих берегах. Маршал А. И. Ерёменко, в те дни генерал-лейтенант, заместитель командующего Западным фронтом, в своих мемуарах «На Западном направлении» писал: «Из Ставки была получена телефонограмма следующего содержания: «Предполагается широко применить против фашистов «эрэсы» и в связи с этим испробовать их в бою. Вам выделяется один дивизион М-8. Испытайте его и доложите своё заключение». Долго я размышлял после этого, что это за «эрэсы». Никто из окружающих меня командиров тоже никогда не слышал такого странного слова. И лишь когда прибыл дивизион этих «эрэсов», я узнал, что это за оружие. Незадолго до войны, будучи председателем Государственной комиссии по испытанию новых видов оружия, я видел эти «эрэсы», правда, в то время их не называли ни «эрэсами», ни «Катюшами»…

15 июля 1941 года во второй половине дня непривычный рёв реактивных мин потряс воздух. Как краснохвостые кометы, метнулись мины вверх. Частые и мощные разрывы поразили слух и зрение сплошным грохотом и ослепительным блеском.

Эффект одновременного разрыва 320 мин в течение 26 секунд превзошёл все ожидания. Солдаты противника в панике бросились бежать в тыл. Попятились назад и наши солдаты, находившиеся на переднем крае, вблизи разрывов (в целях сохранения тайны никто не был предупреждён об испытаниях)…

После «опыта» я послал донесение в Ставку с подробным описанием результатов. Фронтовики дали самую высокую оценку

нашему новому оружию».

Запись в Журнале боевых действий батареи несколько уточняет маршала: «В 15 часов 14 июля капитан Флёров дал команду открыть огонь. Семь пусковых установок БМ-13 нанесли удар по скоплению живой силы и танков фашистов в районе Орши. За семь-восемь секунд батарея выпустила 96 реактивных снарядов. Одна установка не стреляла из-за сгоревшего кабеля. В связи с неточным прицеливанием (новая техника) и спецификой рассеивания РС на такой дальности, основной удар пришёлся по посёлку железнодорожников. На станцию упало 4–5 РС. В 16 часов 45 минут был произведён второй залп — по переправе через реку Оршицу».

Критики нашей Победы, нашего оружия и всей трагедии, пережитой в годы войны, говорят о том, что эффект от огня реактивных миномётов был больше психологический, нежели разрушительный. Дескать, «Катюша» стреляла неточно, по площадям, и что, мол, не столько поражала противника, сколько подавляла его психику, действовала морально. Но дело в том, что — старая истина-морально сломленное войско уже наполовину побеждено…

Немцев переполошили эти залпы. Из штаба группы армий «Центр» в Генеральный штаб полетело донесение: «Русские применили батарею с небывалым числом орудий. Снаряды фугасно-зажигательные, но необычного действия. Войска, обстрелянные русскими, свидетельствуют: огневой налёт подобен урагану. Снаряды разрываются одновременно. Потери в людях значительные». Под удар на переправе попала колонна 17-й немецкой танковой дивизии. Потери были серьезными, так что в течение трёх дней дивизия не принимала участия в наступлении, приводила себя в порядок, ремонтировала танки и бронетехнику.

Участник того героического рейда гвардеец-миномётчик И. Гаврилов вспоминал: «Оправившись от первого удара, враг усиленно и настойчиво стал следить за действиями нашей батареи, неотступно используя наземную и авиационную разведку. Батарея часто стала подвергаться ожесточённой бомбардировке, яростному обстрелу артиллерией.

Неоднократно в район действия батареи враг сбрасывал листовки, в которых призывал нас за большое вознаграждение сдать новое оружие немецкому командованию.

Мы смеялись над посулами гитлеровцев и продолжали бить врага.

Тогда в район наших действий гитлеровцы выбросили авиационный десант с задачей захватить батарею. Однако и этот трюк не удался. Личным оружием мы перебили десант, а

уцелевшая часть его скрылась в Смоленских лесах».

После серии пусков группа инженеров, конструкторов, возглавляемая подполковником Кривошаповым, отбыла в Москву. Военинженеру 2-го ранга Дмитрию Шитову капитан Флёров выдал справку, написанную на бланке с грифом «СССР. НКО. Отдельная артиллерийская батарея». Далее от руки: «15 июля 1941 г. Действующая армия». Настоящим документом удостоверялось, что Шитов и Попов за время пребывания на фронте провели следующую работу: 1) теоретическую подготовку личного состава батареи; 2) практические занятия у автоустановок; 3) непосредственно руководили работой в боевых операциях на фронте. «Указанные товарищи проявили максимум усилий для хорошего овладения материальной частью личным составом батареи». Справку, написанную рукой капитана Флёрова, военный инженер хранил всю жизнь.

Подобные справки командир батареи выписал и другим товарищам, отбывающим в Москву. Подполковнику Кривошапову капитан передал письмо для жены Валентины Трофимовны и сказал: «Можно смело докладывать Верховному главнокомандующему товарищу Сталину, что создано превосходное оружие. Надо думать, отголоски наших залпов дойдут от Орши до Берлина!»

4

И до Москвы, и до Берлина отголоски залпов отдельной батареи дошли очень быстро. Немцы начали настоящую охоту за БМ-13. Для захвата установок были сформированы специальные группы, забрасываемые через линию фронта. Забрасывали агентурных разведчиков. Изучали маршрут движения колонны с секретным оружием.

Через месяц, когда батарея действовала в районе Ельни, к колонне прибился «рыжий грузин». Юркий, любопытный, разговорчивый. Миномётчики сразу приметили: носит карабин, а шомпол от винтовки, длинный… На ногах стоптанные ботинки, обмотки. Стал заглядывать под брезент: что да как… Бойцам сказал, что отстал от своей части, что родом с Кавказа, грузин. А командир взвода боепитания Кузьмин возьми и окликни его: «Гамарджоба!»[18] Но тот даже не оглянулся. И сержант сразу всё понял: рыжие грузины бывают, но ты, парень, не грузин…Рыжего задержали, доставили в штаб дивизии, в Особый отдел. При обыске нашли небольшой фотоаппарат.

В одном из приказов немецкого командования, разосланного

в середине августа в войска первого эшелона, говорилось: «Русские имеют автоматическую многоствольную огнемётную пушку. При захвате таких пушек немедленно сообщить…» В другом: «Войска доносят о применении русскими нового вида оружия, стреляющего реактивными снарядами. Из одной установки в течение 3–5 секунд может быть произведено большое количество выстрелов. О каждом появлении этих орудий надлежит доносить командующему химическими войсками при верховном командовании в тот же день».

Немцы поручили отслеживание маршрутов батарей БМ-13 (к тому времени их действовало под Смоленском уже несколько) химикам. И это не случайно. Дело в том, что свой *Nebelwetfer* они создавали для пуска химических снарядов. И, вполне вероятно, что появление на фронте советской установки для запуска реактивных снарядов большого калибра разбудил в них страх перед химической войной. За каждую захваченную установку немецкое командование обещало своим солдатам и офицерам Железный крест, повышение в чине и отпуск на родину.

Спустя два дня батарея капитана Флёрова мчалась по просёлочной дороге к Рудне. Фронт по периметру Смоленского сражения рвался от перенапряжения. И чудо-оружие, о поразительной мощи которого уже ходили слухи в каждой дивизии, в каждой роте и каждом окопе, направляли туда, где создавалось особенно трудное положение. После отхода 19-й армии от Витебска немцы продолжали давление вдоль шоссе Витебск — Смоленск. Их передовые части угрожали открытому флангу 20-й армии, которая прикрывала Смоленск. Командующий армией генерал-лейтенант П. А. Курочкин[19], в подчинении которого в те дни была передана секретная батарея, в составе своего резерва — 144-й и 233-й стрелковых дивизий и нескольких артполков — направил её в район Рудни. Именно там противник вклинился в нашу оборону наиболее опасно, угрожая прорывом и расчленением армии на две группировки.

Немецкие танки двигались так быстро, что тылы не успели подвозить горючее, и им пришлось окопаться, оседлав шоссе Минск — Москва. Окопанный танк с достаточным количеством боеприпасов — неприступная крепость для пехоты. А если их десятки, то они могут удерживать большой район.

После тщательной разведки и определения целей батарея капитана Флёрова накрыла этот район сотнями реактивных снарядов. В этот раз установки зарядили по максимуму — по шестнадцать М-13. И, не меняя позиции, а лишь корректируя направление огня, произвели три залпа. Впереди разлилось море огня, и бушевало оно несколько минут. Противник в панике

отошёл, бросая боевые машины и тяжёлое вооружение. Стрелковые подразделения, которые тут же заняли немецкие окопы, шли по трупам. Позже стало известно: уничтожено до 400 солдат и офицеров противника. Дивизии резерва выровняли линию фронта, заняли выгодные позиции, и угроза флангу 20-й армии была снята.

Из доклада Военного совета Западного фронта от 24 июля 1941 года: «…20 армия т. Курочкина, сдерживая атаки до 7 дивизий противника, нанесла поражение двум немецким дивизиям, особенно вновь прибывшей на фронт 5 пехотной дивизии, наступавшей на Рудня и к востоку. Особенно эффективное и успешное действие в разгроме 5 пехотной дивизии оказала батарея «РС», которая тремя залпами по сосредоточенному в Рудня противнику нанесла ему такие потери, что он целый день вывозил раненых и подбирал убитых, остановив наступление на целый день. В батарее осталось 3 залпа. Просим о присылке ещё двух-трёх батарей с зарядами…»

В Рудне помнят подвиг гвардейцев-миномётчиков капитана Флёрова. На развилке дорог стоит поднятая на постамент легендарная «Катюша». На мраморной плите надпись: «Храбрым воинам первой в мире реактивной батареи капитана И. А. Флёрова от благодарных трудящихся Роднянского района». Три месяца сражались гвардейцы-миномётчики на смоленской земле. Уничтожали врага на днепровских переправах, в районах Рославля, Спас-Деменска и Духовщины, на Ярцевских высотах.

В подмосковную Балашиху время от времени уходили письма. Флёров писал жене. Скучал по сыну.

«…Только что приехал в местечко N. Вылез из машины, отошёл несколько метров, в машину ударил снаряд. Борта в щепки, чемоданы и их содержимое на куски, а я и шофёр остались абсолютно невредимы. После этого приходится ещё раз заявить, что проживу я не менее ста лет».

«…Наши дела идут хорошо. Про город Е., очевидно, вы читали в газетах. Всё это происходило при нашем участии… С гордостью можно сказать, что противник почувствовал всю мощь нашего советского оружия». Город «Е» — это Ельня.

В августе батарея вновь была выведена из армейского подчинения во фронтовой резерв. К тому времени многие установки были повреждены. Слепые обстрелы на позициях, огневые налёты при подъезде к передовой, бомбардировки на дорогах не проходили бесследно. В батарее были и людские потери, и материальные. К тому же техника есть техника, она порой ломалась. Две установки вышли из строя ещё в июле, и их отправили в Москву в ремонт на завод «Компрессор»,

расположенный на востоке столицы. Во время боёв под Ельней были повреждены и остальные пять боевых машин. К сентябрю батарея капитана Флёрова получила четыре новые установки. Это уже были серийные БМ-13.

К тому времени на Западном направлении действовали ещё несколько батарей «Катюш»[20]:

— Особая батарея РГК лейтенанта Александра Михайловича Куна (пропал без вести в октябре 1941 года в Вяземском «котле») — 9 установок;

— Особая батарея РГК старшего лейтенанта Николая Николаевича Денисенко, действовала на позициях армейской группы генерала К. К. Рокоссовского— 3 установки;

— Особая батарея РГК старшего лейтенанта Петра Никитича Дегтярева — 4 установки;

— 16-я батарея МУ РГК старшего лейтенанта Александра Герасимовича Денисова — 4 установки;

— 76-я отдельная батарея лейтенанта Николая Фёдоровича Дятченко (пропал без вести в октябре 1941 года в Вяземском «котле») — 4 установки;

— 19-я батарея МУ РГК старшего лейтенанта Евгения Александровича Черкасова (пропал без вести в октябре 1941 года при выходе из Вяземского «котла») — 4 установки;

— 30-я батарея МУ РГК старшего лейтенанта Василия Александровича Куйбышева (впоследствии он будет командовать отдельным гвардейским миномётным дивизионом) — 4 установки.

Производство БМ-13 было налажено на двух заводах: на Московском заводе «Компрессор» и на Воронежском заводе им. Коминтерна.

Постановлением Государственного комитета обороны СССР, подписанным И. В. Сталиным, был утверждён график выпуска «Катюш». Согласно этому графику в августе воронежцы должны были выпустить 114 установок, москвичи — 99. Но трудности наладки серийного производства не позволили ни тем, ни другим выдать плановое количество машин. В сентябре — октябре выпуск «Катюш» значительно увеличился.

Личный состав батарей формировался одновременно с выпуском машин. Когда БМ-13 пошли потоком, Главное артиллерийское управление РККА начало формировать гвардейские миномётные полки и отдельные гвардейские миномётные дивизионы. Согласно недавно рассекреченным документам, по данным из ГАУ, на Западном направлении действовало 67 установок. Двухвзводный штат батареи в то время составлял четыре установки. Большинство из них вместе с

личным составом погибли в Вяземском «котле».

Действовали батареи успешно. Из Журнала боевых действий 12-й немецкой танковой дивизии 3-й танковой группы: «30.7 огневые позиции 2./2 ап попали под огонь одной русской миномётной установки. Позиции этого дивизиона находились восточнее Печеничено. При выстрелах наблюдалось большое облако дыма. Первая часть траектории похожа на след при запуске сигнальной ракеты. Одновременные разрывы распределяются на площади от 100 м в ширину до 100–200 м в глубину. Некоторые боеприпасы могут частично заполняться горючей жидкостью, отчего при падении она разбрызгивается, и окружающие деревянные и другие горючие предметы немедленно загораются. По найденным частям снарядов речь может идти о калибре 12–15 см. При нахождении оболочек снарядов и других остатков от разрыва немедленно сообщить…»

На следующий день: «30 и 31. 7 в районе 2./5 мпп[21], в чьём тылу находился 2./2 ап, русские применили новое оружие и новые боеприпасы. Это должен быть машинный гранатомёт, стреляющий автоматически. При сильном звуке выстрела и небольшом выбросе пламени шлейф дыма поднимается на высоту около 200 м. С поднятием дыма поднимается огненный шар, который светится на высоте 150–200 м. Его цвет ярко-белый. Затем больше ничего не слышно. Через секунды следуют разрывы. Воронки не обнаруживаются. Видно только пятно от ожога диаметром 2 м. Это место глянцевое, при этом создаётся впечатление, что как будто масляная жидкость выброшена из снаряда. Найденные гильзы (две найдены целыми) имеют длину 50 см и диаметр 12 см. Металл, должно быть, не очень жёсткий. Цвет изнутри и снаружи чёрный. На теле снаряда, кажется, оперение. Горение не наблюдалось. Пехотинцам 5 мпп следовало доложить, что у них от выброса из этой гранаты форма немедленно загорелась. Предполагается, что имело место применение жидкости с фосфором, из-за ярко-жёлтых брызг при разрыве».

Из записи от 1 августа 1941 года: «5:00. В 12 мпп огонь в глубину обороны. Русские стреляют 15 см (снарядами) и метательное устройство (как наш реактивный миномёт?) залповое…»

Из донесения штаба 20-й танковой дивизии в штаб 3-й танковой группы 2 августа 1941 года: «…2. 8. 41. противник использовал по позициям зажигательные боеприпасы. Как действенное средство защиты используются парусиновые накидки *(Gasplane),* которые плохо горят и могут быть быстро сброшены. Собственные арт. обстрелы против установленных зажигательных

действий особенно успешны».

Из показаний пленных красноармейцев, захваченных разведчиками 12-й танковой дивизией. Допрос 5 августа 1941 года: «…Вчера должны были прибыть 8–9 ракетных орудий. Одни выстреливают 14 снарядов в минуту, другие — 16. Смонтированы на машинах и распределены на фронт».

Из донесения пехотного полка «Великая Германия» 5 августа 1941 года: «Устройство делает 32 выстрела непосредственно один за другим. Действие гранат подобно действию гранат 10,5—12,2 см. Разрывы от 32 выстрелов распределяются по площади примерно 30 на 50 м. Была найдена одна гильза, которая передана далее в корпус, вероятно, от нового метательного устройства. Калибр его около 122 мм. Гильза была 70 см длиной… Во всяком случае можно взять на себя ответственность, что каждый раз следовали 32 разрыва. Это подтверждается опросами пленных, хотя сами солдаты это устройство не видели, но от своих комиссаров и офицеров слышали, что оно делает 32 выстрела. Они при этом обращают внимание, что устройство секретное… После первых наблюдений полк предположил, что имело место 25 разрывов. Но сейчас думает, что также может быть 32. Устройство стреляет на расстояние 5 км. След ракеты при выстреле не был виден. Полк предполагает, что устройство передвижное и имеет много орудийных стволов (около 6–8), которые приводятся в действие электричеством».

Охота за советскими установками продолжалась. Из Берлина в район Смоленска прибыли специалисты из Берлина. Среди них были инженеры, конструкторы, высококлассные разведчики, имевшие большой опыт действий на территории противника. Более того, они могли действовать под видом красноармейцев, бойцов и командиров, и даже целых подразделений, санитарных обозов, ремонтных мастерских. Носили красноармейскую форму, имели подлинные документы, свободно разговаривали на русском, украинском, белорусском языках, владели практически всеми видами оружия, могли управлять всеми видами военной техники. Таким спецам большого труда не составляло выполнить приказ своего командования. Другое дело, что установки охранялись, по всей вероятности, такими же спецами. И долгое время охота немцев за БМ-13 результатов не давала.

И всё же 22 сентября 1941 года у деревни Сакуново Смоленской области немцы захватили первую установку. 10 октября под Мценском в полосе действия 4-й танковой дивизии вермахта при отступлении были брошены три установки. 19 октября под Вязьмой во время зачистки «котла» были обнаружены ещё три секретные боевые машины. Но снаряды к ним немцы

добыли только в мае 1942 года во время разгрома Крымского фронта (операция «Охота на дроф»).

Тем не менее желанию немецких конструкторов скопировать русскую «Катюшу», пусть даже на германский манер, не суждено было сбыться. Не удалось даже воспользоваться главными техническими идеями советских конструкторов, создавших такую простую и столь сложную пусковую установку реактивных снарядов.

Снаряды. Их не смогли создать в немецких лабораториях, такими, чтобы они летали так же, как русские. Немецкий порох не мог «сгорать в камере двигателя реактивного снаряда столь же стабильно и устойчиво, как советский». Немецкие образцы либо сходили с направляющих, либо взрывались в воздухе. Что и говорить: что русскому хорошо, то немцу смерть… Совете кие пороха-многолетний и кропотливый труд РНИИ и выдающихся химиков русской школы А. С. Бакаева, Д. И. Гальперина и В. И. Карькиной[22]. Наши учёные не только сумели создать лучшие в мире пороха для различных артиллерийских систем, в том числе для реактивных снарядов для «Катюши», но и разработали технологию их массового, непрерывного и дешёвого производства. Как признают специалисты, «наши химики добились разброса значений так называемой теплоты взрывчатого превращения не выше 40 условных единиц, а чем меньше величина разброса, тем стабильнее горит порох. Аналогичные же немецкие пороха имели разброс этого параметра выше 100 единиц. Это и приводило к нестабильной работе двигателей реактивных снарядов»[23].

Когда осенью 1941 года армии Западного и часть армий Резервного фронтов оказались в гигантском Вяземском «котле», зачищая его, немцы смогли захватить множество трофеев. Новейшие танки Т-34, орудия ЗиС-3 и горы снарядов к ним, различного рода секретную документацию и даже, по некоторым сведениям, установки БМ-13. Но — ни одного боеприпаса к ним.

Надежда оставалась на захват батареи капитана Флёрова. Немцы за нею следили от Спас-Деменска…

5

Операция «Тайфун» — «решающий бросок на Москву» — началась 30 сентября 1941 года. Её замысел был грандиозен и прост: силами ударных группировок группы армий «Центр» из районов Духовщины, Рославля и Шостки прорвать фронт советских армий, прикрывавших Москву, окружить и уничтожить

их в районах Брянска и Вязьмы, а затем охватить с юга и севера советскую столицу и задушить её.

Первый этап операции немцы провели блестяще. В Брянский, Рославльский и Вяземский «котлы» попали сотни тысяч красноармейцев, несколько армейских полевых управлений, десятки генералов, целые арсеналы военной техники, вооружения и снаряжения.

Словно по иронии судьбы, 1 октября 1941 года вышла директива Ставки ВГК № 002490 командующим войсками фронтов и армиями о порядке использования реактивной артиллерии:

«Части действующей Красной армии за последнее время получили новое мощное оружие в виде боевых машин М-8 и М-13, являющихся лучшим средством уничтожения (подавления) живой силы противника, его танков, моточастей и огневых средств.

Внезапный, массированный и хорошо подготовленный огонь дивизионов М-8 и М-13 обеспечивает исключительно хорошее поражение противника и одновременно оказывает сильнейшее моральное потрясение его живой силы, приводящее к потере боеспособности.

В связи с тем, что боевые машины М-8 и М-13 недооцениваются нашим командным составом и нередко применяются совершенно неправильно, Ставка Верховного Главнокомандования **приказывает**:

1. Дивизионы и батареи М-8 и М-13 применять только по крупным разведанным целям (скопление пехоты, моторизованных частей, танков, артиллерии и по переправам). Огонь по отдельным мелким целям категорически воспретить.

2. В зависимости от обстановки батареи и дивизионы М-8 и М-13 привлекать для выполнения следующих основных задач:

а) при наступлении или при контратаках противника, когда пехота противника поднята в атаку, а танки и моточасти противника выведены из укрытий в открытое место, — бить массированным огнём М-8 и М-13 по живой силе, танкам и матчасти противника;

б) при наступлении и контратаках с нашей стороны привлекать массированный огонь машин М-8 и М-13 для того, чтобы пробить оборону противника;

в) при оборонительном положении наших войск привлекать огонь М-8 и М-13 по скоплению живой силы, танков и моторизованных частей противника;

г) при всех условиях бить противника из батарей М-8 и М -13 на переправах и в узких дефиле;

д) во всех указанных случаях М-8 и М-13 применять не

отдельными установками, а целыми дивизионами, при этом категорически воспрещается пристрелка снарядами М-8 и М-13 и усиленно рекомендуется производить пристрелку полковыми орудиями.

3. Все боевые машины М-8 и М-13 считать совершенно секретной техникой Красной армии. Поэтому эти машины и боеприпасы к ним ни в коем случае не должны попасть в руки врага. Сохранение тайны возложить на командующих фронтами и армиями.

4. Приказ довести до сведения командиров и начальников артиллерии стрелковых дивизий, командиров батарей и дивизионов М-8 и М-13.

5. Получение приказа подтвердить.

Ставка Верховного Главнокомандования.

И. СТАЛИН.

Б. ШАПОШНИКОВ»[24]

Можно с большой долей вероятности предположить, что капитан Флёров был ознакомлен с этой директивой, поскольку все батареи и дивизионы «Катюш» имели либо фронтовое, либо армейское подчинение.

Этот документ подводил итог тому короткому, но богатому опыту, полученному за три неполных месяца боевого применения «Катюш» на фронте. Все победы и уроки были здесь, кажется, учтены. Невозможно было учесть лишь такого фактора, как человеческий. Правда, тогда и это вполне учитывалось. В батареи и в дивизионы набирали исключительно коммунистов и комсомольцев, а они умели исполнять приказы именно так, как они отданы. Фронтовики рассказывали, как во время выхода из окружения, на марше, они нередко наблюдали у дорог, в болотах, на переправах взорванные установки вместе с миномётчиками, которые либо не успели, либо не смогли уйти в силу различных обстоятельств.

Что касается пункта о массированном применении БМ-13, то это тоже подсказал опыт. Во-первых, тройной залп в районе Рудни, когда была основательно потрёпана немецкая танковая дивизия. В августе, когда под Ельней бои достигли наибольшего ожесточения, командование сосредоточило на одном участке сразу три батареи, в том числе и часть капитана Флёрова. Задачу гвардейцам-миномётчикам ставил прибывший на фронт начальник артиллерией Красной армии генерал-полковник Н. Н. Воронов[25]. В Москву он докладывал сразу после залпов: «Наша пехота залегла от неожиданности. А остальное хорошо! Средства сильные. Следует увеличить производство. Формировать непрерывно части, полки и дивизионы. Применять лучше

массированно и соблюдать максимальную внезапность».

При массированном ударе и максимальной внезапности случалось и такое, что при виде, как ракеты накрывают полосу немецких траншей, а некоторые снаряды падают с недолётом в сотне-другой метров от своих окопов, наши стрелковые подразделения быстрым маршем дружно перемещались в тыл.

Последний маршрут батареи капитана Флёрова: Рославль — Спас-Деменск — правее Угры и Знаменки на деревню Богатырь. Колонна машин шла одна. Без какого-либо сопровождения. Без попутчиков. Ими могли быть, как в это время часто случалось, другие части и подразделения. Под руководством энергичных командиров они группировали свои силы и пробивали покуда ещё неустойчивые немецкие заслоны, выставленные по всем дорогам.

Седьмого октября 1941 года немецкие танковые дивизии замкнули внутреннее кольцо вокруг Вяземской группировки войск Западного фронта и приступили к ликвидации «котла». Немцы делали это не впервые. В замыкании кольца участвовали танковые и пехотные дивизии, которые имели большой опыт подобных операций, проведённых в районах Белостока, Минска, Смоленска. В первую очередь перехватывались все магистрали, дороги, просёлки, тропы и направления. На них устраивались засады. Здесь велось круглосуточное наблюдение. Наблюдатели имели хорошо налаженную связь с ударными подвижными группами, которые в зависимости от обстоятельств могли быстро перемещаться в нужном направлении. По всей вероятности, на такую засаду и наткнулись флёровцы при попытке выбраться из только что сформированного «котла». Хотя у этой истории возможен вариант — их «вели». От Спас-Деменска или даже раньше. С Варшавки Флёров почему-то свернул. Скорее всего, потому, что она в это время была забита техникой, пробками, к тому же по ней без конца работала немецкая авиация. А карта подсказывала вполне безопасный маршрут через Спас-Деменск и дальше по просёлочным и лесным дорогам на рубеж Можайской линии обороны, куда тогда стремились все войска.

Но Флёров, конечно же, не знал, что немцы уже захватили Юхнов и передовым LVII моторизованным корпусом повернули по шоссе Юхнов — Вязьма, стремительно отрезая наши войска в районах Спас-Деменска, Всходов, Угры, Издёшкова, Дорогобужа, Семлёва, Богородицкого, Вязьмы, Знаменки. По рассказам выживших, они предполагали, что окружены, но где немцы, где свои, понять было невозможно. Шли направлением на Гжатск и Верею. Направление было верным. В Гжатск немцы вошли 9 октября, в Верею 14-го. Так что у флёровцев время ещё было. А

вот в Юхнов танки и мотоциклы LVII моторизованного корпуса с боем вломились ещё 5 октября. В Юхнов немцы вошли по Варшавскому шоссе и тут же повернули на Вяземское шоссе и ринулись на север, замыкая Вяземский «котёл» охватом с юга и юго-запада. На них-то и выехала из лесу батарея капитана Флёрова. Возможно, колонне не хватило нескольких часов, чтобы пересечь шоссе Юхнов — Вязьма. Но возможно и другое: капитан Флёров намеревался воспользоваться этим шоссе, чтобы быстро добраться до Юхнова, а там, соединившись со своими, заправить транспорт и продолжать движение по Варшавскому шоссе на Медынь и на Малоярославец, где проходила Можайская линия Московской обороны.

Итак, 7-го…

В тот же день капитан Флёров послал нарочным последнее донесение: «7 октября 1941 год. 21 час. Попали в окружение у деревни Богатырь — 50 км от Вязьмы. Будем держаться до конца. Выхода нет. Готовимся к самовзрыву. Прощайте, товарищи».

От хороших, наезженных дорог батарея была отрезана ещё в первых числах октября. Пробирались по лесным просёлкам, которыми местные жители пользовались в период сухого сезона или зимой, когда земля подмерзала. В тот год осень была сухая, бабье лето затянулось, и в первых числах октября стояли солнечные, тёплые дни. Поэтому лесные дороги оказались проезжими. Но закончилось горючее.

Колонна остановилась неподалёку от деревни Богатырь Угранского района Смоленской области. В деревню въезжать не стали. Командир батареи выслал вперёд разведку. Вскоре разведчики вернулись и доложили, что путь свободен. Капитан Флёров приказал разведчикам: двигаться впереди колонны, дистанция не больше километра, в случае обнаружения опасности немедленно подать сигнал. Уже стемнело. Двинулись с погашенными фарами. И тут, при подъезде к деревне, по колонне был открыт огонь. Огонь вёлся из стрелкового оружия. Стало очевидным — засада. Начался бой.

Сюжет дальнейших событий теперь уже не восстановить. Некоторые исследователи пишут, что капитан Флёров приказал разрядить последний боезапас «прямой наводкой по приближающимся танкам противника». Другие — что часть транспорта ещё до боя артиллеристы по приказу командира привели в негодность, слив из баков остатки бензина. Что одна из установок, которой управлял парторг Нестеров, всё же смогла прорваться через стену огня и скрылась в лесу. По другой версии, Нестеров проехал метров четыреста и, после того, как взрывом снаряда снесло кабину боевой машины и из пробитого бензобака

вытекло горючее, выполняя инструкцию и следуя своему долгу, взорвал установку. Что капитан Флёров был уже ранен осколком или пулей в лицо. Что он взорвал одну из установок, а именно головную, и погиб вместе с ней. Что перед тем, как взорвать установки, он приказал батарейцам пробиваться к своим мелкими группами. Что большинство батарейцев, как утверждают исследователи, погибли во время этого боя. Из 170 человек только 46 смогли уйти в лес и затем пробиться к своим. Что никто не сдался в плен — все погибли.

По всей вероятности, многое было не так. Что касается последнего, то, видимо, немцы всё же захватили какое-то количество пленных. Возможно, не в ходе этого боя, а потом. Не всем ведь удалось добраться до своих. Во всяком случае, погибших и похороненных оказалось всего несколько человек.

Одну из групп — 19 человек — вывели Александр Кузьмин и парторг Иван Нестеров в район Можайска.

В колонне было четыре установки БМ-13 и три-четыре машины сопровождения. Все установки в ходе боя были взорваны. Снаряды израсходованы.

Удалось отыскать полный список командного состава отдельной батареи капитана Флёрова:

командир батареи капитан Иван Андреевич Флёров — погиб в бою 7 октября 1941 года;

заместитель командира батареи лейтенант Константин Константинович Сериков — взят в плен 11 октября 1941 года, освобождён в 1945 году;

помощник командира батареи по технической части воентехник 2-го ранга И. Н. Бобров;

комиссар батареи политрук Иван Фёдоровйч Журавлёв — погиб 9 января 1942 года;

парторг батареи сержант Иван Яковлевич Нестеров, водитель установки М-13 — из окружения вышел;

комсорг батареи сержант Захаров Алексей Анисимович, радист — из окружения вышел;

автотехник батареи воентехник 2-го ранга Илья Давыдович Скигин — из окружения вышел, служил во 2-м гвардейском миномётном дивизионе;

электротехник батареи воентехник 2-го ранга Александр Константинович Поляков;

командир взвода управления лейтенант Михаил Иванович Науменко — из окружения вышел, 1 ноября 1941 года назначен командиром 2-й батареи 36-го отдельного гвардейского миномётного дивизиона;

командир пристрелочного взвода старший лейтенант Пётр

Кузьмич Ветряк — взят в плен 11 октября 1941 года, умер 21 апреля 1943 года в шталаге IA;

командир 1-го огневого взвода лейтенант Иван Фёдорович Костюков — взят в плен 11 октября 1941 года;

командир 2-го огневого взвода лейтенант Н. А. Ма-лышкин — из окружения вышел;

командир 3-го огневого взвода лейтенант М. А. Под-горнов — из окружения вышел;

командир взвода боепитания старший лейтенант Александр Васильевич Кузьмин — из окружения вышел;

командир боевого расчета пусковой установки сержант Валентин Иванович Овсов;

командир боевого расчёта пусковой установки сержант Иван Егорович Гаврилов — из окружения вышел;

командир боевого расчёта пусковой установки сержант Михаил Ильич Есенов — с августа 1941 года служил в 42-м отдельном артиллерийском дивизионе;

командир боевого расчёта пусковой установки сержант Иван Николаевич Коннов — сумел избежать плена и вступил в партизанский отряд;

командир боевого расчёта пусковой установки сержант Александр Павлович Курганов — с августа 1941 года служил в 42-м отдельном артиллерийском дивизионе;

командир боевого расчёта пусковой установки сержант Рушев;

командир боевого расчёта пусковой установки сержант Константин Васильевич Наяглов;

заведующая санитарной частью военфельдшер Юлия Владимировна Автономова — из окружения вышла, после войны вышла замуж и изменила фамилию на Осокину.

6

Фронтовая жизнь «Катюши» началась на Смоленщине. В годы войны советские конструкторы создали несколько модификаций реактивной установки, которые выпускались серийно и успешно применялись в боях, в самых известных операциях Великой Отечественной войны.

БМ-13-СН со спиральными направляющими стреляла намного точнее первых образцов.

В 1942 году изготовили снаряды М-31 калибра 310-мм. Они запускались с наземных стационарных установок. Снаряд весил 92,4 килограмма, в головной части 28,9 килограмма взрывчатки.

Через два года для них создали самоходную установку с 12 направляющими — БМ-31-12. Дальность полёта боеприпаса — 13 километров.

Ровесницей БМ-13 была БМ-8, стрелявшая ракетами калибра 82-мм. Рама имела 24 направляющих — 48 ракет.

К 1945 году на фронтах действовали 7 дивизий, 11 отдельных бригад, 114 отдельных полков, 38 отдельных дивизионов реактивной артиллерии. За годы войны наша промышленность изготовила для Красной армии около 30 000 реактивных установок различных модификаций и более 14 500 000 снарядов к ним, то есть, как заметил один из исследователей истории «Катюши», «примерно по три-четыре шт. на одного солдата вермахта». Из них потеряно: БМ-13 — 3400 единиц; БМ-8 — 1400; БМ-31 — 100.

После боя у деревни Богатырь немцы сняли с убитых награды, собрали оружие, забрали документы. Хоронили тела капитана Флёрова и его товарищей жители деревни Богатырь, могилу выкопали недалеко от шоссе Юхнов— Вязьма. Коля Ерошенков, которому тогда исполнилось 16 лет, забрал у погибших медальоны. Как объясняют местные жители, хотел передать их нашим, когда они придут. Но Колю через год расстреляли немцы. Так были стёрты из истории имена защитников батареи и тех, кто взорвал себя вместе с установками.

Направляющая рельса одной из установок застряла в молодой сосне у дороги. Сосна росла, трёхметровый кусок металла торчал на высоте вытянутой руки. Деревенская ребятня ходила качаться на рельсе. Потом, когда вяземские поисковики отыскали могилу батарейцев, когда идентифицировали останки командира, в Богатырь приехали сотрудники московского музея, срезали сосну и извлекли ржавый фрагмент флёровской БМ-13.

После войны каждый год 9 мая в Большевик на могилу капитана Флёрова и его бойцов приезжал один из выживших в последнем бою. Потом и его не стало. Ушли из жизни многие ветераны, жители Богатыря. Разъехались очевидцы боя и похорон. Могилу забросили. Распахали вместе с дорогой, которая вела от большака к деревне…

Капитан Флёров долгие годы считался «без вести пропавшим». В начале 60-х годов командующий зенитными ракетными войсками Сухопутных войск СССР маршал артиллерии К. П. Казаков подписал представление к присвоению капитану Ивану Андреевичу Флёрову звания Героя Советского Союза. Чиновники бумагу заволокитили. В 1963 году вышел Указ о

награждении И. А. Флёрова орденом Отечественной войны 1-й степени (посмертно). Теперь, наконец, взорвавший себя вместе с секретной установкой герой официально считался не пропавшим без вести, а погибшим. И только в июне 1991 года вышел Указ о присвоении капитану Флёрову звания Героя Российской Федерации — «за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне».

Никогда не забывали о подвиге капитана Ивана Андреевича Флёрова и его батареи земляки-двуречинцы, товарищи по оружию артиллеристы и ракетчики, вязьмичи и угранцы. В селе Двуречки действует Мемориальный музей И. А. Флёрова. На Смоленщине стоят памятники.

Близ деревни Богатырь у шоссе Юхнов — Вязьма над могилой героя стоит гранитный обелиск и православный крест. Останки капитана Флёрова и шестерых его боевых товарищей обнаружили в 1995 году. Во время ритуала перезахоронения дала залп установка «Град» — потомок «Катюши».

В марте 1998 года приказом министра обороны Российской Федерации Герой Российской Федерации капитан Иван Андреевич Флёров навечно зачислен в списки командного факультета Военной академии Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) им. Петра Великого.

ПОТОМОК ЕРМАКА

Александр Фёдорович Наумов,

полковник, командир 312-й и 53-й (сводной)

стрелковых дивизий 43-й армии

1

После катастрофы под Вязьмой, Рославлем и Брянском И. В. Сталин несколько дней пребывал в угнетённом состоянии. 8 октября, на следующий день после того, как немцы замкнули кольцо вокруг Вязьмы и войск Западного фронта, он отправил телефонограмму генерал-лейтенанту М. Ф. Лукину[26], который принял на себя командование окружённой группировкой: «Если не пробьётесь, защищать Москву будет некем и нечем. Повторяю: некем и нечем».

Пятого октября в командование войсками Западного фронта вступил генерал армии Г. К. Жуков. Верховный срочно отозвал своего Суворова[27] из-под Ленинграда, где положение более или менее стабилизировалось. Город устоял и продолжал обороняться. Группа армий «Север», израсходовав наступательный ресурс и почувствовав возросшее сопротивление советских войск, остановилась.

А под Москвой ни фронта, ни войск не было. Жуков собирал всё, что было под рукой, и формировал на недостроенной Можайской линии новую оборону. С Валдая спешным порядком была переброшена 312-я стрелковая дивизия. На станцию Ворсино близ Малоярославца одним из первых прибыл штабной эшелон. С платформы тут же скатили штабную «эмку», в неё сели командир дивизии полковник А. Ф. Наумов, старший батальонный комиссар Я. Э. Сировский[28], начальник оперативного отделения штаба капитан В. М. Яиров[29], и машина тут же полетела по шоссе в сторону Москвы.

В штабе Московского военного округа (МВО) их уже ждали. Командующий округом генерал-лейтенант П. А. Артемьев[30] был немногословен и хмур. Член Военного совета бригадный комиссар К. Ф. Телегин[31] не проронил ни слова. После краткого ознакомления прибывших с положением дел на фронте и к западу

от Москвы командующий сказал:

— Вы, Александр Фёдорович, назначаетесь начальником Малоярославецкого укрепрайона. Подчиняетесь штабу округа. Фронт обороны вашего боевого участка… — генерал Артемьев провёл рукой по карте, расстеленной на двух сдвинутых столах прямо поверх письменных приборов, видимо, перед их приездом, — …сорок километров. От реки Руть, через Ильинское, до Детчино. Окопы полупустые. Сейчас их занимают курсанты подольских училищ, пехотного и артиллерийского, и отдельные части и подразделения. Войска продолжают прибывать. Но основная сила на Варшавском шоссе и на Малоярославецком направлении — ваша дивизия. Так что вся надежда на вас, Александр Фёдорович. Какие у вас вопросы?

— Что с флангами? — спросил Наумов.

— Фланги открыты, — напряжённо глядя на карту, ответил Артемьев.

Много лет спустя в своих мемуарах генерал Наумов о той встрече в штабе Московского военного округа писал: «Какой же был перед нами противник, где нужно ожидать его главную группировку? Это было нам недостаточно ясно.

Видели мы огромную карту, для которой не хватало стола командующего, и на ней отображены синим карандашом многочисленные кружки, походные колонны пехоты, танков, артиллерии противника…

По той обстановке, которая царила в штабе и в кабинете командующего, можно было догадаться только об одном — нужно как можно более спешно выходить на рубеж обороны, и неизвестно — хватит ли времени, ведь не было проведено не только рекогносцировок, а хотя бы намёток для ориентировки системы огня, взаимодействия и управления.

Складывалось впечатление, что нужно было как можно скорее просто «затыкать» образовавшиеся бреши, громить врага везде и всюду и не допустить его к Москве…

От Москвы до Малоярославца более 100 километров, противник приближается, он уже в Медыни, поэтому, ни минуты не теряя, скорей, скорей к полкам, чтобы успеть спустить приказ на подходе их к Малоярославцу и ввести их в назначенные им боевые участки. А ведь формат обороны 40 км. Успеют ли полки, батальоны, роты занять свои районы и участки?»

Первое штабное совещание провели в дороге, в машине: от Малоярославца до передовых подразделений противника было примерно 40–60 километров. Немцы находились где-то между Юхновом и Медынью[32]. Почему задержались там, пока неизвестно. Кто их там задержал? Или просто производят

перегруппировку? А может, повернули на северо-восток и формируют внешний обвод Вяземского «котла»? Судя по всему, дела совсем плохи. Если дивизию, да и весь боевой участок, подчинили не армейскому управлению, а напрямую штабу МВО. Открытые фланги — вот что самое страшное. Танки пойдут по шоссе. Во всяком случае, первую попытку сделают именно на шоссе и вдоль него.

Капитан Яиров тут же уточнил:

— Линия укрепрайона перехватывает шоссе в крупном населённом пункте. Село Ильинское.

Наумов вслух размышлял:

— Командующий сказал, что УР не достроен и что там, в Ильинском, сейчас занимают оборону курсанты подольских училищ. Окапываются и закатывают в бетонные доты орудия. Я думаю вот что: делать какую-либо передвижку войск сейчас не надо, уже поздно, надо полкам и батальонам, вплоть до роты, занимать свободные участки.

— Затыкать дыры и прохудины? — усмехнулся капитан Яиров; подсвечивая карманным фонариком, он не отрывался от карты, расстеленной на коленях.

— Другого выхода нет, — сказал Наумов. — В худшем случае мы просто не успеем развернуть дивизию.

— А в лучшем? — подал голос комиссар Сировский.

— Лучшего случая у нас, похоже, нет.

После этих слов командира дивизии долго молчали. Яиров выключил фонарик.

Стала лучше просматриваться дорога. Встречный поток увеличивался с каждым километром. Ближе к Малоярославцу правая сторона совсем сузилась. На встречную полосу иногда выдавливало подводу, а то выскакивали грузовики и, хлопая брезентом, пытались объехать пробку. Шофёр нервничал, переключался на пониженную. И всё же возле Малоярославца они столкнулись лоб в лоб со встречной полуторкой. Головами вынесли лобовые стёкла, высыпались на дорогу фары, потёк радиатор. И всё же, почти ползком, без фар, шофёр довёз их до штаба Малоярославецкого укрепрайона.

Начальник УРа генерал Смирнов[33] оказался на месте. Тут же, по карте, определили боевые участки, назначили командиров.

«1083-й стрелковый полк при поддержке батареи 859 артполка — Павлищево, Зеленино, Марьино;

108-й стрелковый полк (приданный дивизии) — Юрьевское, исключая Лукьяново, Рылово;

1079-й стрелковый полк с 303-пулемётным батальоном при поддержке 2-го дивизиона 859-го артполка — Лукьяново

(исключая), Машкино;

Подольское пехотное училище с 33-й огнемётной ротой — Машкино (исключая), Полотняный Завод;

1081-й стрелковый полк — в резерве 1 батальон в районе Детчино, 2-й батальон в районе Костино, Максимовка;

мотострелковая рота ведёт разведку в направлении Медынь;

штаб дивизии — Малоярославец»[34].

Полковник Наумов расставил свои полки, закрыв самые опасные направления и промежутки, не занятые войсками. «К тому времени, — пишет исследователь Московской битвы и биограф А. Ф. Наумова Н. А. Прусакова, — ещё не была полностью, до штата, вооружена противотанковой и зенитной артиллерией. И самое главное, что беспокоило командиров, — каким образом организовать управление войсками при крайне ограниченных средствах связи?»

Проблему нехватки радиосвязи, телефонных аппаратов и провода усугубляла относительно большая протяжённость фронта Малоярославецкого У Ра и пестрота сил, подразделений и частей, спешно стянутых сюда: 108-й запасной стрелковый полк, пулемётные батальоны, сводный батальон 616-го стрелкового полка, огнемётные роты, 152-я мотострелковая бригада, 12-й гвардейский миномётный полк реактивных установок БМ-13, 517-й артиллерийский полк РГК и, наконец, батальоны и батареи подольских пехотно-пулемётного и артиллерийского училищ. Когда на Малоярославецкий участок Можайского УРа вышло полевое управление 43-й армии, сюда из резерва были переброшены дополнительно несколько артиллерийских и противотанковых полков, танковые бригады. Но задача дивизии полковника Наумова и протяжённость фронта в связи с усилением Малоярославецко-Боровской группировки наших войск не облегчилась. Противник тоже усиливал свою Медынско-Юхновскую группировку, которая, подавив сопротивление передового отряда подольских курсантов и диверсионно-разведывательного батальона капитана И. Г. Старчака[35], неминуемо двигалась по Варшавскому шоссе к Малоярославцу.

Слабым звеном малоярославецкой обороны был район Боровска. Из мемуаров А. Ф. Наумова: «Авиационная разведка фашистов не могла не видеть, что, если по Варшавскому шоссе советская армия производит какие-то передвижения войск, то на правом фланге Малоярославецкого боевого участка этого не отмечается. Продолжая нажим по Варшавскому шоссе, а также в направлении Полотняного Завода и Детчино, основные силы 57-го мотокорпуса начали выходить на правый фланг боевого участка, не занятого нашими войсками. Быстрое взятие Боровска

позволило им в дальнейшем действовать в направлении Наро-Фоминска и на Варшавском шоссе в тыл малоярославецкой группы».

Лётчики авиаразведки Западного фронта 10 октября зафиксировали движение передовых немецких колонн в районе села Кременское севернее Медыни. Они приближались к правому флангу Малоярославецкого УРа. Командование Московской зоны обороны в срочном порядке выдвинуло к угрожаемому участку несколько отрядов. Полковник Наумов навстречу немецкой колонне выслал 1083-й стрелковый полк капитана А. М. Автандилова[36]. Силы собрали немалые, но единого командования у этой боевой группы не было, и немцы разбили их поодиночке.

Немцы высадили десант, и он потеснил рабочие батальоны, которые ещё не были вооружены (одна винтовка на отделение). Однако в районе деревень Ищеино и Зеленино[37] капитан Автандилов успел развернуть в боевой порядок свой полк и при поддержке 859-го артполка атаковал противника, выбил его из Зеленино и после короткой перегруппировки пошёл в атаку в направлении на Ищеино. Бой длился несколько часов. Упорство и стойкость натолкнулись на такие же упорство и стойкость. Немцы ввели в бой резерв — танки. Батальоны атаковали с переменным успехом. Деревня несколько раз переходила из рук в руки. С обеих сторон были большие потери. Наши бойцы сожгли 13 танков противника.

Вместе с батальонами капитана Автандилова сражался отряд НКВД подполковника Н. Г. Шевцова[38]. Отряд имел батарею противотанковых орудий, батарею зенитных орудий, крупнокалиберные пулемёты и миномёты. Когда под Ищеино немцы развернули танковую атаку, зенитчики и ПТО сериями точных выстрелов подожгли несколько танков и пресекли наступление. И так повторялось несколько раз.

«Во второй половине дня 12 октября, — вспоминал А. Ф. Наумов, — фашисты подтянули дополнительные резервы из деревень Мальцево и Каменево — свыше батальона пехоты и танки — и при поддержке бомбардировочной авиации перешли в наступление. Несмотря на большие потери, врагу удалось расчленить боевой порядок полка, который к тому времени ещё не успел окопаться. Третий батальон был отброшен к северу, к селу Деревенька, остальные подразделения вели бой в районе Абрамовская слобода, Хитрово. Часть подразделений отошла к реке Лужа в направлении села Юрьевское. Отряд Шевцова стал отходить на Гордеево и Абрамовское. Таким образом, на данном направлении, на нашем открытом правом фланге, ясно

обозначился успех врага».

Из Журнала боевых действий LVII моторизованного корпуса: «12.10.41 г. 10.00–13.00. Части 3-й мотопехотной дивизии отразили контратаку русских. Так как сама дивизия не смогла развить наступление, командованием корпуса было принято решение изменить направление наступления одного из пехотных полков 358-й пехотной дивизии в полосе наступления 3-й мотопехотной дивизии с северного направления во фланг обороняющейся группировки противника».

Чтобы не допустить катастрофы, полковник Наумов направил на усиление 1083-го полка свой последний резерв — отдельную танковую роту и дивизион 12-го гвардейского миномётного полка. Одновременно из фронтового резерва на угрожаемый участок были направлены 110-я стрелковая дивизия и 17-я танковая бригада. Однако 110-я дивизия не успела развернуться. Не был организован подвоз, и полки остались без боеприпасов, когда противник подошёл на расстояние прямого выстрела. Тем не менее, вольного марша немцев на Москву не получалось. В Журнале боевых действий LVII моторизованного корпуса 13 октября появилась запись: «Особенно неблагоприятно влияет на дальнейшее продвижение 3-й мд тот факт, что русские по-прежнему удерживают южный и восточный берег Лужи в районе Юрьевского и южнее. Для уничтожения этой группы противника приходится задействовать крупные силы дивизии». Итак, немецкое командование в районе Варшавского шоссе и окрестностей опасалось узких прорывов в глубину. Они ничего не давали. Советскую оборону такие прорывы не ломали, а, отсечённые от своих тылов и основных сил, эти немногочисленные группы прорвавшихся войск общего положения не меняли. Наумов со своими полками и курсантами подольских училищ держался.

Тем временем на левом крыле Можайской линии обороны XIII армейский корпус генерала пехоты Ганса Фельбера занял Калугу и начал стремительное продвижение на Тарусу и Калугу. XII армейский корпус генерала пехоты Вальтера Шрота отсёк Калужский участок УРа от Малоярославецкого и охватывал его с юга. «Не считаясь с большими потерями, — вспоминал А. Ф. Наумов, — фашисты упорно рвались вперёд. Они овладели важной дорогой, ведущей к Боровску, что давало возможность обойти Варшавское шоссе с севера и выйти в тыл городу Малоярославцу. Овладев городом Боровском, противник мог использовать Киевское шоссе для движения на город Наро-Фоминск».

Тем не менее 1083-й стрелковый полк держался. За

последние сутки его ещё сильнее потеснили. Один батальон упорно дрался на северном берегу реки Лужа, другой оборонял село Юрьевское. Их поддерживали орудия 859-го артполка огнём с опушки леса южнее Тяпино. Третий батальон под нажимом превосходящих сил противника вместе с другими частями отошёл восточнее. В какой-то момент связь со штабом дивизии прервалась. Чувствуя неладное, полковник Наумов выслал в Юрьевское своего начальника Оперативной части Яирова. Когда Яиров добрался до позиций сражающихся батальонов, застал такую картину: батальоны дрались уже изолированно, командир полка сражался в рядах пехоты. Начштаба энергичными действиями быстро навёл порядок, наладил связь и управление. Капитана Автандилова вернул на полковой КП. 1083-й стрелковый полк ещё несколько дней храбро сражался на правом крыле боевого участка. Вскоре его переподчинили курсантскому полку.

Тем временем сражение закипело в центре и на левом фланге. Это был первый и последний бой 312-й стрелковой дивизии.

2

Александр Фёдорович Наумов родился 23 декабря 1897 года в станице Акмолинской[39] на севере Казахстана, центре одноимённых округа и области, в казачьей семье. Станица была основана казаками Сибирского казачьего войска на границе с кочевьями калмыков и киргизов, «чтобы оградить русских поселенцев от набегов этих смелых и хищных наездников». В роду Наумовых из поколения в поколение передавали легенду, что предок их происходил из тех офицеров Ермака, кто хлебал с ним из одного котла и спал у одного костра и кто по совету купцов и промышленников Строгановых, «бросив разбои, послужил России в честных боях» и сильной рукой придвинул к Москве Матушку Сибирь.

Казаки станицы Акмолинской с городовыми казаками Павлодара несли военную службу по охране русско-китайской границы.

Отец Фёдор Павлович происходил из бедных казаков. Воспитывался на опекунские средства станицы, работал при хозяйстве зажиточного казака Грибановского. Потом ушёл на службу, вернулся героем и сразу же женился на дочери Грибановского Олимпиаде Георгиевне. Сам Грибановский вскоре замёрз в степи во время снежного бурана, а Фёдор Павлович

вместе с другими станичниками ушёл на Японскую войну. Олимпиада Георгиевна, как пишет биограф Наталья Прусакова, «умерла в 1905 году, не выдержав разлуки с мужем». Фёдор Павлович вернулся с войны вахмистром, женился вторично, «в новой семье родилось трое детей». Вскоре Наумова избрали станичным атаманом. Прожил Фёдор Павлович недолго: в 1914 году он скончался. Но воспитание сыну успел дать хорошее: вырастил из казачонка настоящего воина.

Однажды мальчик со своими друзьями катался на льду Ишима на самодельных коньках. Пришли городские ребята (городские всегда враждовали со станичными), началась драка. Городских на этот раз оказалось куда больше, они быстро разогнали казачат. Один Санька стоял до последнего, не побежал. Ему и досталось больше всех. Отец спросил, глядя на сына, растирающего красные сопли: «И кто же тебя так?» — «Городские» — «Городские… И как же ты, казачонок, позволил себя избить? А чтобы ты запомнил, что казака, потомка Ермака Тимофеева, никто никогда не может победить, получи и от меня подзатыльник».

В 1907 году его отдали на учёбу в городское трёхклассное училище. Учился прилежно. Пел в церковном хоре: голос у него был хороший, сильный, и пение он любил всю жизнь. А тогда, в Акмолинской, в станичном храме, по видимому только им, певчим, знаку священника он с товарищами старательно и проникновенно выводил: «Разбойнику благоразумному!..» Казачья школа — это особое заведение, учебный процесс в ней выстроен так, чтобы будущего казака обучать ещё и владению оружием, верховой езде, джигитовке, рубке лозы и другим навыкам походной жизни, которая ждала подростка, юношу в будущем.

Зажиточные родители заводили для своих казачат лошадей, и на занятия те выезжали на своих конях. Старые казаки, приходившие на манеж, чтобы посмотреть, как обучают их внуков и что из них получается, глядя на ладную посадку Саньки Наумова, советовали Фёдору Павловичу: «Купи парню лошадь! Смотри, какой казак!» Но денег в семье на покупку коня для казачонка не было.

После школы Наумов вынужден был пойти работать. Сначала — приказчиком в магазин сельскохозяйственных машин в городе Акмолинске, потом писарем в станичном правлении. Нанимался в учителя к богатым казахам в Причуйских волостях, обучал их детей русскому языку. Постепенно сам изучил казахский язык, проник в обычаи степняков, освоил арабскую азбуку и вскоре не только читал, но и писал по-арабски. Казахи, видя успехи юного черноволосого казака, наняли его писарем с хорошим

жалованьем. В будущем знание жизни казахов, умение уважать особенности этого народа помогут полковнику Наумову управлять полками, сформированными на треть из казахов, татар, узбеков и туркмен. Стоит заметить, что 1083-й стрелковый полк, который стойко удерживал северный фланг обороны дивизии во время сражения за Малоярославец, почти наполовину состоял из солдат — выходцев из тюркоязычных народов и народностей.

В те годы для поступления в военное училище требовалось образование не ниже гимназического. И вот, чтобы осуществить свою мечту, за год до начала экзаменов Наумов отправился в город Пишпек, где его дядя по материнской линии служил полицмейстером. Полицмейстеру Грибовскому хватило связей и авторитета, чтобы без труда устроить племянника писарем в уездное правление. Почти все деньги, которые зарабатывал Наумов на своём новом поприще, он тратил на частные уроки по гимназической программе для сдачи экзаменов экстерном и получения свидетельства о прохождении полного курса гимназии.

Уже шла Первая мировая, Отечественная, как её сразу восторженно окрестили, война. Фронту требовались офицерские кадры, в особенности младшие офицеры, командиры взводов и рот. В декабре 1915 года Наумову исполнилось 18 лет, и ему принесли повестку. По образовательному цензу он вполне проходил кандидатом в военное училище. Свидетельство об окончании гимназии к тому времени он уже получил. В Новочеркасском казачьем училище вакансии не оказалось, и он был направлен в Ташкентскую школу прапорщиков. На медкомиссии доктор долго осматривал его. Наумов заволновался. Других кандидатов осматривали не так щепетильно. Доктор спросил: «Хотите стать офицером? — И сам, не дожидаясь ответа новобранца, торжественно произнёс: — Будете!»

Курс обучения сократили до трёх месяцев. Но то, что Наумов получил и впитал в себя через юнкерское сукно, будет помнить и будет следовать ему всю жизнь. И не только на службе военной. В России менялся общественный строй, правители, а офицерский кодекс, усвоенный в Русской императорской армии, не выветрился и в некоторых частях Красной армии.

«Авторитет приобретается знанием дела и службы. Важно, чтобы подчинённые уважали тебя, а не боялись. Где страх — там нет любви, а есть затаённое недоброжелательство».

«Нет ничего хуже нерешительности. Лучше худшее решение, чем колебание или бездействие».

Первого мая 1916 года состоялся выпуск школы и производство юнкеров в первый офицерский чин прапорщика. Наумов получил назначение в 6-й Сибирский стрелковый

запасной полк, дислоцированный в городе Мерв, а в июне уже отправлен в запасной батальон в Нарве, а в августе — в 17-й Сибирский стрелковый полк, который стоял в Нарве. Ехали через Москву. На больших станциях поезд делал остановки, и можно было сходить в город, купить газеты. Газеты были разные. Заголовки уже кричали о том, что скоро произойдёт в стране. Однажды кто-то из прапорщиков запел «Вихри враждебные…», но его тут же оборвали и хором запели «Боже, царя храни…». Пел и Наумов. В Тверь поезд подошёл пополудни, но двери вагонов не открывали. И вдруг по вагону пронеслось: «Государь!.. Братцы, смотрите, это же Государь!..» Приникли к окнам: по перрону в сопровождении свиты старших офицеров и генералов прогуливался царь Николай II.

Его 17-й Сибирский пехотный полк стоял западнее Риги. Вскоре Наумов оказался в деле и получил первое ранение — в ладонь левой руки. Оказались повреждёнными кости, и прапорщика Наумова, продержав некоторое время в Риге, отправили в тыл, в Петербург. Госпиталь, где ему сделали повторную операцию, находился на Васильевском острове.

Лето 1917 года оказалось сумбурным, шальным, непредсказуемым. Выздоравливающие ходили на митинги и различные выступления. Агитаторы различных партий ругали царя и обещали лучшую жизнь. Однажды пожилой штабс-капитан артиллерист, слушая одного из ораторов, сказал хмуро:

— Пропала Россия…

Многое было непонятно. Особенно ему, человеку с окраины Российской империи, воспитанному в патриархальной семье, слова «Вера», «Царь» и «Отечество» произносили редко, но видели в них основу всей жизни.

Вернувшись на фронт, обнаружил, что всё изменилось. Солдаты похлопывали по плечу ротного командира, варили в котелках ворованную на крестьянских полях картошку, перестали отдавать честь, не брились, ходили расхлябанные, без ремней, шинель нараспашку, на лицах ухмылки — погоди, мол, Ваше Благородие… И Наумов написал рапорт с просьбой перевести его, сибирского казака, в казачью часть. Ходатайство его было удовлетворено, и вскоре он получил сотню в 45-м Донском казачьем полку VI Сибирского армейского корпуса. Полк через несколько дней бросили в бой. Донцы серией стремительных контрударов остановили продвижение немецких войск к Пскову.

Однажды сотня хорунжего Наумова после короткого огневого налёта атаковала фольварк. По приказу командира казаки в конном строю с двух сторон охватили пулемётную роту противника. Бой был коротким. Немцы не успели занять свои

позиции, их порубили бегущими к своим пулемётам. Наумов пришпорил коня и первым влетел в фольварк. Серо-зелёные фуражки с красными околышами слетали с разрубленных голов, как вялые лопухи… Запомнил ту рубку на всю жизнь. Потом начали сгонять в кучу тех, кто вовремя бросил винтовки. Кто-то из донцов предложил доделать дело. Но хорунжий приказал пленных не трогать, а гнать их в свой тыл. В тот раз захватили много станковых пулемётов и патронов к ним.

После Февральской революции награждали по постановлению солдатского или казачьего комитета. Как решит мир, так и будет. «Казаки дуван дуванят…»[40] За умелую организацию атаки на фольварк, которая увенчалась захватом пленных и исправных пулемётов, за личную храбрость, проявленную в бою, казаки постановили ходатайствовать о награждении хорунжего Наумова орденом Святого Георгия 4-й степени. Для офицера это была очень высокая награда. Но ходатайство ушло и — как в воду кануло. В декабре 1917 года 45-й Донской казачий полк отвели в район Великих Лук во второй эшелон. Наумов выехал с квартирьерами, чтобы подыскать для сотни подходящее место для постоя. Когда на вокзале встречали эшелон с казаками и лошадьми, его сотня высыпала из вагона необычно шумно и все сразу бросились к нему, схватили, начали качать. Потом прикрепили прямо на шинель солдатского Георгия. Свою первую боевую награду хранил всю жизнь, мечтал дожить до того времени, когда снова свободно можно будет носить «царские кресты». Дожил. Был у него и ещё один орден — Святая Анна 4-й степени, так называемая «клюква». Её Наумов тоже сохранил, она была впаяна в рукоятку генеральского кортика.

В Великих Луках полк расформировали.

Обе революции прошли мимо многих офицеров Русской армии. Они поняли, что живут уже в другой стране только тогда, когда им предложили снять погоны, а их солдат распустили по домам.

Казаки и офицеры сдали личное оружие и поехали к себе на Дон. Наумову только-только исполнилось 20 лет. Военная служба ему была по душе. Хотя от войны он, как и большинство воевавших, устал. Казаки звали его с собой, на Дон. Говорили весело и загадочно:

— Поехали, хорунжий, с нами на Дон. Казачку тебе добрую найдём. Погуляем…

Казаки на юге России действительно погуляли. В ноябре 1917 года в Новочеркасске генералы от инфантерии М. В. Алексеев и Л. Г. Корнилов начали формировать Добровольческую армию для борьбы с большевиками, захватившими обе столицы и

центральные губернии. Осенью 1919 года добровольцы предприняли поход на Москву, дошли до Орла и Новосили. В их армии будет несколько казачьих полков и казачья бригада генерала В. Л. Покровского. В их рядах нашлось бы место и Георгиевскому кавалеру хорунжему Наумову. Но судьба распорядилась иначе.

В какой-то момент Наумов затосковал по родине и решил было возвращаться в станицу Акмолинскую в земли Сибирского казачьего войска. Но, как рассказывает биограф генерала Наумова Наталья Прусакова, случай определил его судьбу иначе. В Великих Луках Наумов со своими товарищами проходил мимо гостиницы «Рига». На крыльце стоял казачий офицер при полной форме, в новеньких ремнях, с шашкой и кобурой на боку, но без погон. Познакомились. Разговорились. «Самая верная дорога, казаки, та, которую указывает партия большевиков», — уверенно сказал тот. Через несколько дней все они добровольно записались в Красную гвардию.

Вначале, в какой-то момент истории была армия без страны. Потом — страна без армии. А теперь у страны появлялась армия. В Красную армию Наумов вступил в 1918 году, 23 февраля. Ему поручили формировать сабельный эскадрон, который тут же был зачислен в состав 2-го партизанского Псковского кавалерийского отряда. Молодая армия нуждалась в кадрах. Начальство сразу заметило, что новый комэск «умеет командовать», и назначило Наумова командиром отряда. Отряд Наумова первое боевое крещение получил в дни подавления эсэровско-меньшевистского мятежа в Великих Луках. Наступила эпоха классовой борьбы. И если обе революции миновали прапорщика и хорунжего Наумова, то командира отряда и военного коменданта, а затем командира роты, адъютанта полка, командира батальона вихри и ураганы классовых противоречий захватили и протащили по всем кулигам.

В конце 1918 года Наумов принял командование 3-м Псковским стрелковым полком. Полк был выведен и развёрнут на линии демаркации. По ту сторону были немцы. Вскоре началось медленное движение войск Красной армии на запад. Немцы уходили из западных областей Белоруссии и Литвы. Но вскоре движение их замедлилось. Начались стычки патрулей обеих армий. Обстановку осложнили польские легионеры, белогвардейские и литовские отряды, которые начали подходить к демаркационной линии с запада. Поляки захватили Вильно, повели наступление дальше. Начались полномасштабные бои. В одном из них под комполка Наумовым убили лошадь, а сам он был контужен. Затем был госпиталь в Великих Луках.

В августе 1919 года Наумов прибыл в 11-ю Петроградскую дивизию, находившуюся в районе Пскова. Здесь он командовал эскадроном, батальоном. В декабре батальон был отправлен на фронт под Полоцк, где вошёл в 53-ю стрелковую дивизию. (Судьба сведёт с этой дивизией ровно через 23 года под Малоярославцем.)

В апреле 1920 года начался поход на Вислу. Группировкой Красной армии командовал М. Н. Тухачевский. Сводный батальон Наумова наступал в боевых порядках 4-й армии. В августе польская армия под командованием Ю. Пилсудского контратаковала наши войска и отрезала 4-ю армию, а затем вытеснила её в Восточную Пруссию.

Батальон Наумова, как и все войска Красной армии, оказавшиеся на германской территории, был интернирован и вначале направлен в Йоханнесбург, затем в лагерь Зольтау Ганноверской провинции. В декабре 1920 года Наумов бежал из лагеря, добрался до Берлина и явился в советское представительство. В представительстве работала комиссия по эвакуации бывших военнопленных, захваченных германскими войсками ещё во время боёв в Галиции и в Августовских лесах. Его сразу же включили в очередную группу военнопленных, предназначенных к отправке в Советскую Россию. Отправляли из Штеттина пароходом по Балтийскому морю. 20 декабря 1920 года Наумов уже был в Москве в штабе Московского военного округа. Его приняли на учёт. Обнаружилось, что потеряны оба представления к орденам Красного Знамени, впоследствии он несколько разделал запросы, но документы будто в воду канули.

Спустя два месяца он был уже в Ферганской долине. В должности помощника начальника штаба 3-й отдельной бригады войск ВЧК он принимал участие в ликвидации банд басмачей в горах Табарах. Служил на штабных и командных должностях по линии ВЧК и ГПУ, планировал операции, носился на коне с казацкой шашкой наголо. Гражданская война в Средней Азии продолжалась до 1932 года. Басмачи-моджахеды прятались в горах и глухих селениях, совершали налёты на советские учреждения, грабили караваны, убивали совпартслужащих.

В 1923 году Наумов был зачислен слушателем Высшей военной школы востоковедения РККА в Ташкенте — иранское отделение. По существу это была закрытая разведывательная школа, где готовили «агентов для нелегальной работы в странах Ближнего Востока и Юго-Восточной Азии». Школа выпускала штучный «товар»: на некоторых отделениях учились один-два курсанта. Наумова готовили для работы в Иране, он изучал английский и иранский языки и по окончании учёбы свободно

говорил, читал и писал на них. Но карьера разведчика Наумова в Иране не состоялась: общая фотография курсантов каким-то образом попала в руки иностранной разведки.

Ещё после окончания первого курса, в 1924 году, друзья познакомили с дочерью местного коммивояжёра Анной. Ей было 24 года, она уже побывала замужем, красива, покладиста, хорошо умеет вести домашнее хозяйство, прекрасно готовит. Какая ещё жена нужна казаку? Женился. В 1925 году родилась дочь, назвали Олимпиадой, в честь бабушки-казачки, которую Наумов очень любил. Впоследствии она станет художником-оформителем, выйдет замуж за киноактёра Петра Николаевича Савина. В 1934 году родился сын Юрий, он станет офицером, а выйдя в отставку, поселится с семьёй во Львове…

Наумова, как наиболее успешного выпускника, оставили в школе преподавателем весьма редкой дисциплины: «Афганские особенности иранского языка».

В 1934 году Наумов окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. Получив академическое военное образование, вернулся в Среднеазиатский военный округ и какое-то время занимал крупные штабные посты.

В декабре 1940 года получил назначение на командную должность в войска. В Термезе он приступил к исполнению обязанностей командира 68-й горнострелковой дивизии.

О нападении Германии на СССР Наумов узнал в поезде, шедшем в Ростове-на-Дону. Наумов ехал с женой и детьми в Кисловодск, на отдых. Семья отправилась дальше, в Кисловодск, а полковник тут же повернул назад. По прибытии узнал: в Казахстане формируются четыре стрелковые дивизии, одну из них приказано формировать ему. Он немедленно выехал в Актюбинск. Там из призывных возрастов местного населения формировалась 312-я стрелковая дивизия. Национальный состав дивизии был следующим: русских — 4460; казахов — 3556; украинцев — 2012; узбеков — 212; татар — 184; белорусов — 23 человека.

Дивизию формировали спешно. Боевая подготовка бойцов проводилась по ускоренной программе, занятия шли по темам: оборона и наступление отделения, взвода, роты. Бойцы совершили марш-бросок на 25 километров, ознакомились с личным оружием — винтовкой Мосина образца 1891/1930 годов, были «отработаны стрельбы первого начального уровня боевым патроном». Командиры освоили стрельбу из револьвера. Были проведены сборы сапёрных рот, связистов, артиллеристов, миномётчиков, санинструкторов и химинструкторов. Прошли полковые штабные учения.

В середине августа полки приняли воинскую присягу СССР на верность «своему народу, своей Советской Родине и Рабоче-Крестьянскому Правительству». И уже на следующий день началась погрузка частей в эшелоны и отправка на фронт. 25 августа первые эшелоны дивизии начали прибывать в район Малоярославца. Однако разгрузка была приостановлена, и эшелоны тут же направили на Валдай. Там, в районе восточнее Новгорода и Старой Руссы 312-я заняла оборону рядом с 316-й дивизией генерал-майора И. В. Панфилова[41], создала единый оборонительный рубеж. Боевых действий казахские дивизии не вели.

В начале октября, когда рухнула оборона под Вязьмой и Рославлем, обе дивизии перебросили в Подмосковье. Дивизия Панфилова заняла оборону в районе Волоколамска. Дивизию Наумова вернули под Малоярославец, на Варшавское шоссе.

3

Полковник Наумов командовал Малоярославецким боевым участком и одновременно руководил обороной Южного сектора. У него был надёжный помощник — командир 375-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона капитан Г. И. Кокарев. Он исполнял обязанности начальника артиллерии 312-й стрелковой дивизии. Кадровый офицер-артиллерист, волевой командир, храбрый воин, получив приказ командира дивизии возглавить действия артиллерии, он перед боем провёл тщательную рекогносцировку местности, провёл пристрелку реперов, определил коридоры наиболее вероятных танковых атак противника. Капитан Кокарев объединил всю артиллерию вместе с приданными полками, батареями и дивизионами «Катюш» под единым командованием. Исключением стали только батареи курсантов ПАУ, которыми командовал начальник артиллерийского училища полковник И. С. Стрельбицкий[42].

Шестнадцатого октября немцы нанесли удар на центральном участке малоярославецкой обороны — в Ильинском секторе. В бой вступили курсанты. Исследователь этого сражения Игорь Красильников пишет: «Артиллеристы сборной группы Ильинского сектора по команде пропустили на флангах в глубину обороны с севера танковые подразделения вражеской 20-й ТД, а с юга — 19-й ТД 57-го МК. Пропустив танки противника до указанных мест — рубежей деревни Шумятино, временный начальник артиллерии 312-й СД капитан Кокарев дал команду открыть огонь на уничтожение танков противника. Бой длился около 40

минут. Каждое истребительно-противотанковое орудие вело огонь с расстояния 100–150 м. Промахнуться было невозможно, так как наводчики и командиры орудий, взводов и батарей на 80–85 процентов были кадровыми военными. В этом бою артиллеристы подбили более 60 танков противника, то есть 46 процентов состава 19-й ТД».

Когда немцы поняли, что в лоб оборону курсантов и 312-й дивизии не взять, они начали обрабатывать передний край авиацией. Затем послали группу танков в обход, чтобы ударить защитникам Ильинского сектора в тыл и сбить их с позиций. Но наскочили на тыловой рубеж курсантской обороны. Что произошло с танковой колонной 19-й немецкой танковой дивизии, которая получила известность благодаря серии фотографий, сделанных после овладения немцами Ильинского. На них запечатлена голова танковой колонны; колонна даже не успела развернуться, лишь некоторые машины свернули на обочину, когда их накрыл точный огонь курсантских орудий.

В центре и на правом фланге курсантской обороны стоял 4-й батальон пехотно-пулемётного училища — 545 человек. В основном все из запаса, отслужившие в РККА срочную службу, возраст 25–30 лет, больше половины с высшим и незаконченным высшим образованием. 80 % коммунисты, кандидаты в члены ВКП(б) и комсомольцы. Училище готовило не только командиров стрелковых взводов, но и политработников младшего звена для фронтовых подразделений — рот, батарей, батальонов. На вооружении батальона было девять миномётов, три станковых пулемёта «максим», восемь ручных пулемётов, винтовки, в том числе самозарядные, запас противотанковых и противопехотных ручных гранат. Усиление — полубатарея 76-мм полковых пушек. Так что без артиллерийского кулака, сформированного капитаном Кокаревым, оборона курсантов вряд ли бы выстояла в самые первые дни.

Ещё 10 октября был отдан приказ 4-му Малоярославецкому боевому участку (начальник участка — командир 312-й сд Наумов А. Ф.): «Боевой состав: 312 сд, 9 тбр, Подольское пехотное училище, Подольское артучилище, полк 33 зап. бригады, 301 и 303 пульбаты, танковая рота, 538 сапбат, сапрота МВИУ.

Задача — занять и оборонять Малоярославецкий УР на фронте Павлищево искл., Полотняный Завод. Особо прочно обеспечить направление Медынь, Малоярославец, имея не менее двух третей сил и средств на участке Грядки, Машкино. Одним усиленным батальоном прикрыть дороги Калуга, Малоярославец в р-не Детчино.

Обеспечение стыка с Калужским УР возлагаю на.

Малоярославецкий боевой участок».

В том же приказе:

«1. 19 и 20 танковые бригады использовать только с моего разрешения.

2. Дивизионы «РС» держать в резерве начальников боевых участков и использовать их сосредоточенно против танков противника во взаимодействии с полевой артиллерией и танками.

На направлениях вероятного использования дивизионов «РС» подготовить дороги и съезды с дорог.

3. Начальникам боевых участков иметь ПТ[43] отряды из всех родов войск для борьбы с авиадесантами и нанесения контрударов.

4. Перед передним краем обороны на основных направлениях создать заграждения глубиною до 15 километров.

5. Комендантам укреплённых районов форсировать оборонительное строительство со сроком окончания к 20.10.41 г.

6. Боевые донесения представлять через каждые 4 часа. Оперативные и разведсводки к 8.00 и 20.00 ежедневно».

Пятый пункт приказа явно стал неактуальным после первой же атаки Ильинского сектора. Варшавское шоссе проходило через село Ильинское, и именно сюда был направлен первый и основной удар авангардной группы 4-й полевой армии вермахта.

Уже 11 октября полковник Наумов доложил, что все мероприятия по минированию танкоопасных участков, устройству проволочных заграждений, созданию запасных позиций завершены, что войска в окопах и готовы встретить противника.

Днём и ночью в распоряжение штаба Малоярославецкого участка поступали новые и новые подразделения и целые части. Маршевые роты, истребительные отряды, автоколонны, сформированные из гражданского транспорта и укомплектованные гражданскими водителями. 10 октября подошла целая дивизия — 53-я стрелковая полковника Н. П. Краснорецкого[44]. Эта дивизия вышла из окружения на Десне. В районе Белоусова она привела себя в порядок, пополнилась людьми и вооружением, в основном за счёт групп и мелких подразделений, в эти дни вышедших из районов Кирова, Спас-Деменска, Мосальска, Юхнова, Медыни. В тот же день, 10 октября, 53-я дивизия с небольшим артиллерийским усилением по приказу начальника Ильинского сектора генерал-майора В. А. Смирнова начала выдвижение по Варшавскому шоссе в район Медыни с задачей: «Захватить Медынь — ближайшую базу противника — разгромить и уничтожить все накопленные в ней запасы, перекрыть дорогу на Боровск (на сутки-двое), тем самым

обеспечить выход переформированных соединений для защиты Боровска и Москвы».

Марш 53-й стрелковой дивизии был встречен массированными налётами немецкой бомбардировочной и штурмовой авиации. Полки полковника Краснорецкого до Медыни не дошли. Противник продолжил атаки центрального участка малоярославецкой обороны. 16 октября, на исходе дня, после упорных боёв, которые происходили не только в центре, но и на флангах, командир Малоярославецкого боевого участка полковник Наумов докладывал в штаб 43-й армии:

«1. Противник, имея большое превосходство в силах и средствах, не смог прорвать нашу оборону и к 17.00 был остановлен. Он понёс большие потери в живой силе, боевой технике, особенно в танках. По предварительным данным, подбито и сожжено более 60-ти танков.

2. Значительные потери имеются и в наших частях, отдельных подразделениях, особенно среди защищавших передний край обороны.

3. Боеприпасов для всех видов стрелкового оружия и артиллерии хватит только на завтра.

4. Принимаем меры для отпора врага на 17.10.1941 года.

5. Прошу Вас принять срочные меры по защите Малоярославца. У меня не будет для этого ни сил, ни средств».

Командующий 4-й полевой армией генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге срочно выскреб из Медыни и Юхнова последние резервы, которые по существу таковыми не являлись — охрану штабов, сапёрные части, с других участков подтянул танки, увеличил авиационную группировку. Марш от Рославля до Малоярославца обошёлся группе армий «Центр» очень дорого.

В результате проведённых перегруппировок Клюге удалось добиться четырёхкратного превосходства на флангах малоярославецкой обороны и пятикратного на главном направлении. Кроме того, на левом фланге немцы сосредоточили сильную группировку — танки и мотопехоту — для прорыва на узком участке с целью выхода на Варшавское шоссе и разблокирования его для дальнейшего движения на Москву основных сил армии. Этот прорыв не состоялся. Разведка доложила о скоплении немецких танков и пехоты. По приказу полковника Наумова с разрешения командарма-43 по этому участку был нанесён упреждающий массированный удар «Катюшами» 1-го дивизиона 12-го гвардейского миномётного полка.

Семнадцатого октября немцы снова пошли в атаку. И снова прорвать оборону 312-й стрелковой дивизии и батальонов

подольских курсантов не смогли. Лишь на некоторых участках им удалось немного вклиниться в оборону Красной армии, но и эти успехи были ликвидированы точечными контратаками. Эти схватки носили особенно ожесточённый характер. Красноармейцы и курсанты сходились с немецкими пехотинцами в ближнем бою. Ночью сапёры 312-й стрелковой дивизии и курсанты выползали на нейтральную полосу, взрывали немецкие танки, подбитые днём огнём нашей артиллерии.

Из вечернего донесения полковника Наумова в штаб 43-й армии:

«1. Противник, не сумев прорвать нашу оборону, к 16.00 17.10.1941 года остановился, прекратил наступление.

2. По предварительным данным, вражеские войска имеют серьёзные потери. Мы имеем тоже большие потери в личном составе и боевой технике. О чём доложу позже более подробно.

3. В связи с тем, что боеприпасы, питание для личного состава, горючее для тягачей и машин, фураж для лошадей на пределе возможного, прошу Вас срочно доложить командующему: дать разрешение на отвод войск, используя тёмное время».

Эти дни были самыми трудными для полковника Наумова, его дивизии и всего участка обороны. Ещё накануне в Москве началась паника. Она вспыхнула мгновенно и охватила город, как пламя от спички, брошенной на ворох пороха. Состоятельные граждане из числа особо осведомлённых всеми правдами и неправдами заполучали казённые машины, принадлежащие предприятиям и учреждениям, грузили на них свои семейства и ценности, запасы продовольствия и мчались вон из Москвы, на восток, подальше от приближающегося фронта.

Коренная москвичка Искра Александровна Радаева, в девичестве Хорошева, вспоминала: «Наша семья тогда жила в доме на 5-й Тверской-Ямской. Я — школьница. Дни московской паники помню хорошо. Всё как-то затихло. В воздухе — тревога. Я в тот день, шестнадцатого, вышла во двор и пошла в сторону гастронома, чтобы отоварить продуктовые карточки. Дня за два-три до этого я ходила в магазин, и мне продавщица сказала: «Девочка, принеси из дома наволочку и приходи…» Я вначале не поняла. Потом дошло. Принесла наволочку, и мне она насыпала муки, килограммов пять. Без всяких карточек. А в этот раз я вышла и увидела во дворе нашего дома костёр. Возле костра никого. В костре горят какие-то предметы, похожие на кирпичи. Все одинаковые. Я подошла. Смотрю, а это — книги. Тома Ленина, собрание сочинений. Кто-то из нашего дома ждал, что вот-вот власть в городе поменяется…»

Вскоре паника в Москве прекратилась, она была погашена

усилиями партийных работников, органов НКВД и милиции.

4

Силы дивизии таяли. Полковник Наумов был реалистом. Как всякий военачальник, отвечавший за участок фронта, он чувствовал, как быстро меняется ситуация в секторе обороны полков. Утром 18 октября немецкие танки ворвались в Малоярославец. Решение командующего 43-й армией генерал-майора К. Д. Голубева[45], вступившего в должность днём раньше, перебросить под Малоярославец 53-ю стрелковую дивизию полковника Н. П. Красно-рецкого, запоздало. Малоярославец пал, ещё раньше — 14 октября — советские войска оставили Боровск. Но свою задачу 43-я армия выполнила: её дивизии, танковые бригады и отдельные части задержали соединения LVII моторизованного и XII армейского корпусов на семь с половиной суток. Этого оказалось достаточно, чтобы штаб Западного фронта предпринял экстренные меры для предотвращения прорыва в центре. Через много лет маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих мемуарах напишет: «На подступах к Малоярославцу героически сражались части 312-й стрелковой дивизии полковника А. Ф. Наумова, курсанты Подольских пехотного и артиллерийского училищ и другие части…»

Когда стало очевидным, что Малоярославецкий боевой участок не удержать, полковник Наумов принял решение об отходе на тыловые позиции, на Нарский рубеж. Приказ был передан через офицеров связи всем частям и подразделениям, стоявшим в обороне в секторе ответственности 312-й стрелковой дивизии и приданных ей частей. Согласно этому приказу отводился и Ильинский сектор, который оборонялся подольскими курсантами и стрелками дивизии.

Движение началось 18 октября четырьмя колоннами. Некоторые участки войска покидали без осложнений. Оставляли заслоны и скрытно, под покровом ночи, лесами, отходили в заранее намеченном направлении. Но с левого крыла Ильинского сектора отходили с боем, фактически прорываясь через боевые порядки атакующего противника. «Офицер, посланный с приказом к начальнику Подольского училища генерал-майору В. А. Смирнову, не вернулся, — пишет в своём исследовании историк и краевед И. А. Красильников. — Очевидно, он погиб, и приказ до адресата не дошёл». Для курсантов, оборонявших Ильинское и окрестности, это было трагедией. Их оборона, оставшись оголённой с флангов, тут же подверглась интенсивным

атакам немцев. Гарнизоны железобетонных артиллерийских и пулемётных дотов добивали из танковых пушек, разрушали фугасами. Лишь ночью 20 октября, оставляя заслоны, Ильинская группа двинулась к Наре.

В те дни в Юго-западном Подмосковье начались осенние дожди. Распутица мешала, конечно, и Красной армии, но всё же движение немецких войск заметно замедлилось. С утра 21 октября противник при мощной авиационной поддержке атаковал Тарутинский участок обороны — позиции 312, 17 и 53-й стрелковых дивизий. Некоторые населённые пункты, превращённые в опорные пункты, по несколько раз переходили из рук в руки. В эти дни погиб командир 53-й стрелковой дивизии полковник Н. П. Краснорецкий, тяжело ранен заместитель командующего 43-й армией и командир оперативной группы генерал-лейтенант С. Д. Акимов. В полках дивизии Наумова насчитывалось по 200–350 человек. 1314-й стрелковый полк полковника Бекашева, оборонявшийся в районе деревни Баево, оказался в оперативном окружении. Командир полка принял решение идти на прорыв. Во время прорыва вся матчасть полка была потеряна. Из окружения вышли командир полка, комиссар и тридцать бойцов и младших командиров.

Дивизия вместе с батальоном 2-го Люберецкого полка, батальоном 10-й воздушно-десантной бригады заняла Стремиловский рубеж. И его она уже не отдаст врагу. Всё, дальше отступать было некуда. На этом направлении немцы к Москве не продвинутся больше ни на шаг. Раненый генерал С. Д. Акимов продиктовал приказ следующего содержания:

«Командиру 312 СД

Я ранен. Вас оставляю за себя. 53-й стрелковой дивизии оборонять Чернишня. 17 СД оборонять полосу восточнее района Тунаево. Части 2-го Люберецкого полка расположены в Чубарово, Хоросино, Дмитровка. Стремилово — обороняет батальон 10 ВДБр, с ним 1 танк КВ и 2 танка Т-34. В Рождествено находятся 3 танка Т-34 (24 танковой бригады).

Вступайте в командование группой и выходите со штабом к опушке леса, что северо-восточнее д. Чернишня. Здесь же штаб 53 СД.

Генерал-лейтенант Акимов. 15.00 часов. 23. 10. 41.».

На Нарском направлении началась перегруппировка. По приказу штаба армии из трёх дивизий — 312, 17 и 53-й — следовало сформировать одну полноценную, способную продолжать боевые действия и выполнять приказы командования. Во время формирования дивизии произошёл эпизод, который во многом характеризует и атмосферу тех дней, и характер

полковника Наумова.

Комиссаром новой дивизии Наумову прочили ранее занимавшего эту должность Я. Э. Сировского. При встрече с командующим армией генералом К. Д. Голубевым Наумов сказал, что не желает видеть комиссаром своей дивизии человека малодушного. Командарм потребовал пояснений. А дело было в том, что однажды во время оборонительных боёв на Нарском рубеже группа немецких автоматчиков просочилась к дивизионному командному пункту. Офицеры и штабные работники тут же схватились за оружие. Наумов и комиссар 53-й стрелковой дивизии полковой комиссар К. А. Зыков[46] организовали оборону и сами стреляли из винтовок, отбивая атаку противника. Сировский же от боя уклонился, сбежал. Командарм выслушал полковника Наумова и утвердил кандидатуру К. А. Зыкова.

Весь ноябрь и до двадцатых чисел декабря 1941 года дивизия прочно удерживала Нарский рубеж. «Командиры частей стали мне докладывать о проявляемой нервозности фашистов, — вспоминал А. Ф. Наумов, — раздавалась беспорядочная стрельба, в основном из пехотного оружия, значительно снизился артобстрел и только изредка вёлся миномётный огонь. В ночное время немцы вели непрерывное освещение местности ракетами. Как-то, докладывая обстановку А. Н. Боголюбову[47], я ему сказал: «А не попробовать ли мне где-нибудь «толкнуться?» Ответ: «А чем?» Отвечаю: «Соберу по роте в каждом полку. И на отдельных направлениях проведу разведку боем». Ответ: «Докладывать пока не буду, настроение у него злое, но я с тобой согласен, при отсутствии риска». Меня это подхлестнуло. Решили с Зыковым и полковником Бибиковым П. Н.[48], начальником штаба 53-й стрелковой дивизии, собрать штаб, политотдел, командование частей и сегодня же решить этот вопрос.

Примерно в полдень начали обсуждать этот вопрос и обмениваться мнениями, и пришли к единому решению — ПОПРОБОВАТЬ! В каждом полку подготовить по усиленной роте, обеспечив их действия соответствующим артиллерийско-миномётным огнём, и на рассвете 25 декабря ударить. А 24 декабря провести широкую разведку отдельными группами. Решил об этом пока в штаб армии не докладывать. 23 декабря получил поздравление с днём рождения лично от К. Д. Голубева и предупреждение — быть начеку и бдительным! Он, видимо, не рассчитывал на большее с моей стороны и не требовал этого, а я просто боялся сказать, что задумал, так как он мог забрать для пополнения подготавливаемые роты».

По воспоминаниям А. Ф. Наумова, утром 24 декабря план

удара был готов. Наступать решили на узких участках в общем направлении на Тарутино, а приданными частями — по Варшавскому шоссе. Начало наступления — рано утром 25 декабря. Однако противник опередил, начав общий отход на сутки раньше.

Немецкие штабы предписывали своим войскам «оставлять боеспособные арьергарды», брать с собой только самое необходимое, остальное уничтожать: землянки и блиндажи взрывать, коммуникации минировать, населённые пункты сжигать. Ночью с 24 на 25 декабря наблюдатели дивизии увидели, как почти одновременно вспыхнули деревни Горки, Папино, Кузовлёво, Чернишня, Орехово. Пожары чётко обозначили линию опорных пунктов немецкой обороны, которую они спешно покидали. Спустя несколько минут в штаб дивизии начали поступать донесения из полков: разведгруппы, выдвинувшиеся вперёд до 3–4 километров, обнаружили пустые окопы, которые охраняются лишь немногочисленными заслонами. Наумов тут же отдал приказ основным силам: «Немедленно перейти к преследованию противника».

«25 декабря, едва забрезжил рассвет, — вспоминал Александр Фёдорович, — батальоны полков, и чуть позднее сводный отряд капитана Боргеста[49], по Варшавскому шоссе начали довольно быстрое продвижение, встречая сопротивление лишь отдельных групп автоматчиков. Захваченные пленные сообщили, что части 34-й пехотной дивизии сегодня с рассветом начали отходить на новый рубеж по рекам Истье и Протве. Значит, мы вовремя начали наступать и преследовать фашистов! Враг, отходя, огрызался только пехотным оружием. Но затем подразделения начали подрываться на минных полях. В оставленных деревнях, в отдельных уцелевших домах немало было «сюрпризов». Были и жертвы: боец открывает дверь — взрыв, поднимает зажигалку — взрыв…»

5

Когда вслед за авангардными группами полковые колонны вытянулись по шоссе и параллельным дорогам, держа на запад, Наумов доложил в штаб армии: оборона дивизии свёрнута, полки наступают по заданным направлениям, не встречая организованного сопротивления противника, однако темпы продвижения остаются низкими по причине минных полей, малого количества дорог и отсутствия саней и лыж.

В тот же день к вечеру Наумов снова связался со штабом

армии. Вот как он вспоминал тот разговор с командармом-43: «Вечером я доложил К. Д. Голубеву, что части овладели селом Тарутино и деревней Воробьи на Варшавском шоссе и, таким образом, вышли на рубеж реки Истьи. Командарм выслушал мой доклад, не перебивая, и, видимо, остался доволен. После некоторых моих ответов на его вопросы он сказал уставшим голосом, но твёрдым тоном: «Спасибо, голубчик! Вы проявили необходимую бдительность и правильную инициативу и очень помогли. Теперь ваша задача — повернуть дивизию от Тарутино на север и овладеть деревней Белоусово и дальше наступать севернее Варшавского шоссе. 17-я стрелковая дивизия[50] будет наступать в направлении Угодского Завода, а 5-й воздушно-десантный корпус наступает на Балабаново и далее на Город-ню. Где вы находитесь?» Я ответил — в Кузовлево. «Штаб дивизии свёртывается к переходу в Тарутино». В общем, разговор с командармом был спокойным и приятным. Чувствовалась, несмотря на большую усталость его, приподнятость и большое удовлетворение положением на фронте. Вся 43-я армия наступает на запад!»

Возвращаясь немного назад, стоит особо сказать о командире 1-го батальона 475-го стрелкового полка старшем лейтенанте Александре Бараеве[51]. Храбрый и инициативный офицер, азартный в бою, он со своими бойцами действовал в эти дни начавшегося наступления особенно результативно. Батальон Бараева продвигался в первом эшелоне. Боец 475-го стрелкового полка вспоминал о нём и его батальоне: «Он поражал нас всех своей смелостью. Мы ещё в движении, а он уже ведёт огонь, наступая на деревни». Батальонный комиссар В. М. Пальчиков: «Бараев военных лет подвижен, сообразителен и энергичен. Не теряет мысли, подмечает мелочи в походе. Ему приказали взять Малое Литашово, а он обошёл и взял ещё Грачёвку, разгромив штаб немцев». А вот что сообщала армейская газета о взятии исторического села Тарутина: «Батальон старшего лейтенанта Бараева на плечах противника ворвался в село. Продвижение батальона было настолько стремительным, что противник даже не успел уничтожить наших пленных красноармейцев».

Батальон Бараева ворвался в Тарутино одновременно с трёх направлений. Завязались уличные бои. В некоторых местах дело доходило до рукопашной. А перед штурмом Тарутина комбат приказал всем офицерам и политработникам рассказать личному составу о Тарутинском манёвре 1812 года, когда русские войска дали Наполеону сражение, которое переломило ход всей войны. С мыслью не посрамить русского оружия в новой битве народов бойцы 53-й дивизии освобождали и Тарутино, и другие деревни,

сёла и города Подмосковья.

Газета 43-й армии «Защитник Отечества» в те дни опубликовала корреспонденцию под названием «Варвары». В ней рассказывалось о том, что собой представляло Тарутино в первые дни после освобождения: «Повсюду виднелись следы пребывания врага. По обочинам дороги валялись подбитые орудия, снаряды, коробки из-под мин. Как будто случайно поставлены велосипеды, чемоданы. Все уже знают — смерть ожидает каждого, кто прикоснётся к ним: вещи соединены с минами. Там, где стояли деревенские избы, торчат лишь трубы печей. Колхозница Пелагея Михайловна из деревни Кузовлево рассказала, как немцы выгоняли её с тремя детьми из хаты на мороз, как фашисты отобрали у неё всё, убили троих из её семьи… Жители рассказали, что в селе Дедня немцы устроили дом терпимости, оружием собрав в него местных девушек… В селе Тарутино в сарае нашли труп красноармейца Нестеренко, расстрелянного гитлеровцами…»

Штаб Западного фронта буквально толкал в спину свои армии. Командармы дублировали приказы комфронта Жукова, ставя конкретные задачи своим соединениям и частям. Вечером 27 декабря в войска 43-й армии ушла шифровка, в которой значилось: «Комфронтом генерал армии Жуков приказал: категорически запретить частям армии путаться в заграждениях; стремительно опережать противника, обходя стороной все заграждения по полям и лесам…

Этот приказ комфронтом подлежит безоговорочному выполнению. Приказываю прекратить топтание на месте, ссылаться на минные заграждения и др. препятствия. Имеющуюся в частях и подразделениях минобоязнь твёрдой рукой пресечь и заставить войска быстро продвигаться вперёд, поддерживая их своевременно подтянутой артиллерией.

Обращаю внимание на то, что задача, поставленная моим приказом № 45/оп командирами соединений не выполнена.

В силу этого вынужден перенести выполнение задачи на 28.12. Этот срок окончательный.

Армия имеет все данные к тому, чтобы в ближайшие 2–3 дня овладеть Малоярославцем».

Командир 98-й пехотной дивизии генерал пехоты Мартин Гарайс писал: «Потери рот, опрокинутых на Истье, несоизмеримо тяжелы. 289-й пехотный полк потерял все противотанковые пушки и все пулемёты 1-го батальона. Численность рот не превышает 25 бойцов, точнее, истощённых, промёрзших «теней». Беспримерно заботливый, заботливый и верный товарищ, полковой врач 282-го пехотного полка, капитан медицинской

службы доктор Ши-фельбайн при оказании медицинской помощи приносит себя в жертву своим подопечным: при внезапном нападении вражеских лыжников он тяжело ранен». И далее: «По широкой дороге всё ещё беспрестанно тянутся на Малоярославец, в полной неразберихе отступления, повозки, орудия, боевые машины, грузовики и танки трёх дивизий: 19-й танковой, 34-й и 98-й пехотных. Теперь уже нет и малейшей возможности отойти, а честнее, «убежать» на юго-запад обходным путём. Единственная дорога проходит через узкое горлышко въезда в Малоярославец.

Это хорошо известно и большевику, который, под впечатлением своего успеха на Истье, бросается по следу.

Слабое прикрытие 282-го пехотного полка и истребительно-противотанкового дивизиона у Белоусова заставляет ожидать новых атак. К полудню появляется враг. День снова солнечный, и скользить по сухому снегу легко. Танки выстраиваются на дороге и оттуда осуществляют огневую поддержку. На белом снегу оборонительные позиции быстро обнаружены. Скрывающееся в лесу северное крыло истребителей танков охвачено, и теперь с фронта и флангов ведётся атака на позиции 282-го пехотного полка под Белоусовом. Вскоре схватка переходит в ближние бои.

Командиру полка, находящемуся на высоте в 500 м от деревни, открывается тягостная картина отчаянного сопротивления его бойцов. Неподалёку от него подъезжает боевая разведывательная группа зенитной артиллерии и тут же открывает огонь по хорошо видимым танкам противника. Один горит, второй обращается в бегство. В ту же секунду со стороны тыла над дорогой низко проносятся восемь «крыс»[52] и как одержимые расстреливают орудие. Боеприпасы взлетают в воздух. Тяжёлая пушка содрогается под дождём разлетающихся на части снарядов. Один артиллерист убит и двое других ранены. Как только налёт закончился, остаток расчёта снова у орудия и продолжает вести огонь.

В Белоусове между тем разыгрываются ожесточённые бои в совершенно неравных условиях, которые требуют принятия срочных решений. Майор Аберле, сражающийся вместе со своими бойцами, получает сквозное ранение в бедро. Вокруг повсеместно кипит рукопашный бой. Лёгкие сани, на которые погрузили смертельно раненного, через несколько метров ломаются. Нести раненого на руках по глубоким сугробам не получается. Адъютант, унтер-офицер медицинской службы и связист напрасно хлопочут над своим командиром. Обстрел вклинившегося в наземный бой советского самолёта кладёт конец страданиям истекающего кровью Аберле: он мгновенно погибает от выстрела в шею…

В охваченной пожарами деревне, часть которой уже продолжительное время удерживает 3-й батальон 282-го пехотного полка, несмотря на действенную артиллерийскую поддержку в атаке с трёх сторон, постепенно прекращается сопротивление почти обескровленного 2-го батальона полка, — с таким донесением погибает по пути на КП 282-го пехотного полка лейтенант Мартини, офицер-ординарец батальона. Потери жесточайшие. Батальоны оторваны друг от друга, силы к сопротивлению иссякают.

Ещё долго из расположенной в глубокой низине деревни доносятся стоны и крики раненых. Свирепая, лютая жестокость большевиков не знает сострадания — это известно всем, и потому каждый старается унести ноги, покуда они ещё волочатся, покуда хватает дыхания».

Перевод, конечно, плох, но смысл, который закладывал бывший командир 98-й пехотной дивизии в описание героических действий своих солдат и офицеров, понятен — батальоны дивизии полковника Наумова трепали отступающих на всех участках, при любой возможности и всеми имеющимися средствами.

В последнее время наши историки, размышляя о Битве за Москву, почти в один голос твердили, что, мол, контрнаступления наших войск как такового и не было вовсе, что немцы планово, соблюдая порядок марша, отошли на заранее подготовленные тыловые рубежи и остановили на них двигавшиеся следом по незанятому пространству дивизии Западного фронта… Ан нет, как мы только что убедились, немец-то, Мартин Гарайс, генерал, принявший в последний день 1941 года командование франконско-судетской 98-й пехотной дивизией, чудом уцелевший в той мясорубке, свидетельствует об ином. Бежали! Буквально из-под красноармейских штыков уносили ноги! Пытались закрепиться на промежуточных рубежах, чтобы прикрыть свои колонны, но войска 53-й стрелковой дивизии полковника Наумова шли по пятам, сбивали их с промежуточных позиций, сходились в ближнем бою. Давили, напирали, гнали.

6

Тем временем левее полосы наступления 53-й стрелковой дивизии наступающая в таком же темпе 17-я генерал-майора Д. М. Селезнёва[53] с боем заняла село и районный центр Угодский Завод. Это была родина командующего фронтом

генерала армии Жукова.

Командарм-43 приказал полковнику Наумову перехватить Варшавское шоссе в районе Белоусова и прочно его удерживать, всячески расширяя плацдарм. Из журнала боевых действий 475-го стрелкового полка за 28 декабря 1941 года: «…Захвачены и освобождены от противника деревни Белоусово, Колесниково, Доброе. В Добром захвачены 2 орудия противника, совершенно исправные, и склад боеприпасов. Оставлено много снарядов. Через час после захвата орудий они были приведены в боевую готовность и открыли огонь по противнику его же снарядами из его же пушек».

В тот же день прибывший на КП 53-й стрелковой дивизии генерал Голубев телеграфировал в штаб фронта:

«Боевое донесение № 67. По БОДО тов. Жукову.

1. Докладываю обстановку на 17.00 28. 12.

Лично был в районе БЕЛОУСОВО, которое в 15 часов после упорного боя было взято нашими частями 26-й танковой бригады, отрядом Московского военного округа и учебным армейским батальоном. После захвата БЕЛОУСОВО организовал удар на МАЛОЯРОСЛАВЕЦ, приказал действовать ночью.

Части 5 ВДК совместно с приданным полком в 14.00 овладели после 1.5-часового боя ст. БАЛАБАНОВО, КОЧЕТОВКА[54].

53 сд вела бой за КОЛЕСНИКОВО.

17 сд, овладев МИХАЙЛОВКОЙ, после 2-часового боя передовыми частями овладела УГОДСКИМ ЗАВОДОМ.

2. Противник, по мере продвижения наших частей, усиливает своё сопротивление. По показанию пленных, захваченных 28.12. в числе 11 человек, и по номерам частей видно, что перед нами действует уже не арьергард, а главные силы 98-й и 34-й пехотных дивизий. Эти дивизии получили пополнение 22.12. по 1000 человек из Орши.

Местами дело доходит до штыковых атак. Пленные показывают, что им приказано умирать, но не отходить.

3. В БАЛАБАНОВО, по донесению Гурьева, разгромили штаб неизвестного соединения или части, захвачены документы, по получении и изучении которых донесу об этом дополнительно.

Ставлю задачей — овладеть г. МАЛОЯРОСЛАВЦЕМ и выйти на реку ЛУЖА 28. 12.41.

Голубев. Шабалов[55]».

Одновременно 53-й стрелковой дивизии приказано было наступать севернее Варшавского шоссе через Обнинское, Потресово, Анисимово и выйти севернее Малоярославца к селу Панскому, овладеть им.

Генерал А. Ф. Наумов вспоминал: «…Задача передо мной, прямо скажем, была поставлена очень трудная. Её особенности — полное бездорожье, глубокий снежный покров. А мороз был — 25 и ниже! Но к этому времени полки, наученные горьким опытом первых дней боёв, были более или менее обеспечены лыжами, санками и санями. Так и пришлось решить эту задачу: полки шли целиной, артиллерия и приданный мне Московский пехотный батальон вместе с 26-й танковой бригадой наступали вдоль Варшавского шоссе».

Первоначально на Малоярославец нацеливалась левофланговая 17-я стрелковая дивизия генерала Селезнёва. Однако чем глубже продвигался фронт наступления 43-й армии, тем яростнее становилось сопротивление противника. Особенно сильные бои шли на Варшавском шоссе. Все населённые пункты на шоссе и в окрестностях немцы превратили в мощные опорные пункты, насыщенные тяжёлым и автоматическим стрелковым вооружением. В лоб такие деревни-крепости было не взять. Наумов это прекрасно понимал. Читая подписанные начальником штаба и самим комдивом приказы на наступление, а также донесения из полков и ударных групп, приходишь к выводу, что почти всегда такие «фестунги» 53-я стрелковая дивизия брала обходным манёвром. Даже в Малоярославец авангарды полковника Наумова ворвались с тех направлений, откуда противник не ожидал атаки. Совинформбюро в утреннем выпуске 30 декабря 1941 года сообщало о «подразделении тов. Наумова, за один день боёв с противником захватившем 2 немецких танка, 5 пушек, 50 пулемётов, штабную машину, 10 километров кабеля, много боеприпасов».

Наумов постоянно был в войсках, на батальонных и ротных наблюдательных пунктах, и прекрасно знал обстановку, чувствовал малейшие её изменения. Постоянно предупреждал своих офицеров и бойцов, чтобы основательней окапывались на промежуточных рубежах и ждали контратаки. Вскоре они последовали. Немцы собрались с силами, подтянули резервы и пошли в бой. Из соседнего 5-го воздушно-десантного корпуса сообщали о том же: немцы контратакуют почти по всей линии соприкосновения, продвижение вперёд замедляется.

7

О малоярославецкой эпопее стоит рассказать особо.

Итак, обстоятельства сложились так, что полки Наумова вынуждены были повернуть к Малоярославцу. Взятие этого

города было для полковника делом чести русского офицера. Знамёна русских войск вспыхивали над сомкнутыми колоннами здесь не раз и в прежние времена. Самой яркой была битва за Малоярославец. Судьба так и вела нашего героя по следам побед и боевой доблести 1812 года.

Малоярославец — городок небольшой. Но слава у него великая. Город-воин. В 1812 году в ходе Малоярославецкого сражения между русской и французской армиями он несколько раз переходил из рук в руки. И вот спустя много лет здесь снова надо было пролиться русской крови, чтобы очистить родную землю от иноземцев, пришедших с огнём и мечом. Стоит напомнить, что «Великая армия» Наполеона во время Русского похода лишь наполовину состояла из французов. Остальную часть составляли немцы, поляки, итальянцы, австрийцы и прочие европейцы. Особенно много было немцев — из Вестфалии, Баварии, Саксонии, Вюртемберга. *«Все промелькнули перед нами, все побывали тут…»* Под Малоярославлем в 1941 году стояли 19-я танковая нижнесаксонская, 34-я пехотная верхне-рейнская и 98-я пехотная франконско-судетская дивизии. Всё повторялось.

Ещё 25 декабря 1941 года штаб командующего 4-й полевой армией генерал-фельдмаршала Г. фон Клюге из Малоярославца был срочно перемещён в Юхнов.

Город атаковали в новогоднюю ночь сразу несколько частей и соединений. 17-я стрелковая дивизия генерала Селезнёва обошла Малоярославец с юга и атаковала пригородную деревню Маклино[56]. 5-й воздушно-десантный корпус прорвался по Варшавскому шоссе и перехватил магистраль западнее деревни Шумятино. Десантники приняли на себя основной удар Малоярославецкого гарнизона, потому что именно с этого направления немцы ждали наступления Красной армии. Одновременно авангарды полковника Наумова обошли город с севера и мгновенным ударом оседлали шоссе Малоярославец — Боровск и тем самым блокировали Малоярославецкую группировку противника.

Из приказа штаба 53-й стрелковой дивизии на новогоднее наступление: «…475-й стрелковый полк атакует город с северо-запада и перерезает Варшавское шоссе, тем самым перекрывая врагу отход на запад по шоссе; 12-й стрелковый полк атакует с севера и стремится как можно быстрее овладеть центром и железнодорожной станцией, разрезая город с севера на юг. С востока наступают батальон Московского военного округа и 26-я танковая бригада. Поддерживает наступление вся артиллерия, которая установила точные сигналы взаимодействия с пехотой и танками по их поддержке в ходе боя в городе».

В новогоднюю ночь 1942 года передовые группы дивизии дрались уже в центре города. Немецкая оборона по обводу Малоярославца была с ходу взломана, и противника, разрезанного на части, добивали изолированно. В боях приняли участие подразделения сразу нескольких дивизий и частей 43-й армии. Александр Фёдорович спустя годы вспоминал: «Малоярославец, важный узел дорог в оперативно-тактическом отношении[57], гитлеровцы превратили в солидный опорный пункт, с отдельными узлами сопротивления. Помимо противотанковых рвов и окопов, город был окружён проволочными заграждениями в 3–4 кола, особенно с восточной стороны. Основные магистрали, идущие с востока на запад, простреливались танками и орудиями прямой наводки. Каменные постройки имели подготовленные амбразуры для стрельбы не только из пехотного оружия, но и из орудий. На крышах и чердаках многих домов были подготовлены площадки для стрельбы. Подходы к городу во многих местах были заминированы. Гарнизон Малоярославца состоял из частей и подразделений 34-й пехотной дивизии и 19-й танковой дивизии. Севернее города действовали части 98-й пехотной дивизии. Кроме того, в городе были отряды так называемых «смертников», которые обязаны были умереть, но города не сдавать».

После войны, выйдя в отставку, Александр Фёдорович Наумов поселился в Обнинске, молодом городе учёных-ядерщиков, который возник на месте железнодорожной станции Обнинская. Кстати, здесь после того, как немцев отогнали от Москвы, долгое время размещался штаб Западного фронта. Так вот, живя в Обнинске, Наумов обошёл и объездил места боёв своей дивизии, собрал воспоминания местных жителей, свидетельства очевидцев. Часто выезжал в Подольск, в архив. Поддерживал связь с товарищами по оружию. Среди писем фронтовиков в его архиве сохранились воспоминания бывшего командира 3-го батальона 475-го стрелкового полка капитана А. Х. Кравченко. «На подступах к Малоярославцу, — вспоминал бывший комбат[58],-мне было приказано овладеть небольшим населённым пунктом. Это было во второй половине дня 31. 12. 41. Противник оказал упорное сопротивление. К концу дня подразделения батальона ворвались и заняли половину деревни.

В это время приходит связной от командира полка с приказом отставить выполнение задачи и лично явиться в штаб полка, а батальон сосредоточить в районе Серединское — Меличкино, что мной было с трудом сделано, — вывести подразделения из-под ружейно-пулемётного огня. Хорошо, что начало темнеть.

Прибыл к командиру полка Меликяну, где получил приказ о наступлении на Малоярославец. Мне это представилось очень сложным делом, поскольку противник крепко удерживал каждый, даже незначительный, населённый пункт. Командир поставил задачи батальонам — наступать на Малоярославец и занять исходное положение для атаки. 3-й батальон штурмует город на северо-западной окраине в районе кладбища. 1-й и 2-й батальоны находятся левее 3-го батальона и вводятся в бой по указанию командира 3-го батальона.

Полк сосредоточился в районе сараев деревни Ми-личкино. Пошли побатальонно. Впереди — 3-й батальон. Было очень темно. Примерное время 20–21.00. Вперёд выслали разведку и боевые охранения взводов. Разведка, не доходя до изгиба дороги, за которым был мост через реку Лужа, была встречена пулемётным огнём, а по дороге в лесу противник открыл сильный артиллерийско-миномётный огонь, что заставило батальон развернуться.

Мной принято новое решение — повернуть строго на запад в лес и идти в обход, как указано на схеме.

Выслал вперёд взвод разведки и охранения, а 1-му и 2-му батальонам через связных сообщил о своих действиях, передал им, согласно полученному приказу командира полка, также идти в обход, о чём доложил в штаб полка.

3-й батальон прошёл лесом на запад, в соответствии со схемой. Огня противника велось по нам всё меньше и меньше, и в конце он совершенно прекратился. Взвод 45-мм пушек и обоз батальона при артиллерии полка двигался за 1-м и 2-м батальонами, так как лесом продвигаться невозможно. Миномёты и часть боеприпасов мы взяли с собой и несли вручную.

Пройдя лесом на запад примерно 5–6 км, батальон повернул на юго-запад. Не доходя до опушки леса, на пути обнаружено строение — большой курень, крытый соломой с углублением в землю, в котором было несколько семей скрывавшихся от немцев жителей Малоярославца. Наше появление для них оказалось совершенно неожиданным. Они со слезами бросились в объятия бойцов. Поговорил с ними о наличии немцев в городе, их действиях, оборонительных сооружениях и взял у них двух человек проводников.

Когда 3-й батальон 475-го полка пошёл в обход лесом, примерно на пол пути мне доложили, что кончается телефонная связь[59], а радиосвязи у меня не было; мною дано указание адъютанту батальона доложить в штаб полка, что связь кончилась, батальон продолжает выполнять поставленную задачу. Больше связи со штабом полка батальон не имел.

Хочется кратко описать о движении (наступлении) лесом на город Малоярославец. Я уже стал себя обвинять, что пошёл этой дорогой. Во-первых, лес был кустарником. Снег, которого обилие выпало, из-за кустарника не уплотнился, и передовым подразделениям приходилось идти в снегу полностью с головой или под руки. К тому же никакой просеки не было. Если учесть, что бойцам приходилось нести всё вручную: пулемёты, миномёты и боеприпасы к ним, — переход был исключительно тяжёл.

Все бойцы и командиры буквально были мокрые от растаявшего снега, который набился под одежду, а также от пота.

Вот поэтому ещё мной было принято решение не останавливаться на исходном положении, так как это было бы смерти подобно.

Следует заметить такой факт. После большого периода времени бойцам не было возможности отдыхать — спать. Имеется в виду несколько десятков дней. И когда ворвались в город Малоярославец, то наблюдалось, что некоторые бойцы буквально упали и уснули. Приходилось выделять более сильных — активных бойцов, которые подымали этих лиц и вели на штурм домов-кварталов.

Тем временем разведка донесла: противник ведёт себя спокойно, на окраине города противника не обнаружено. Выйдя из леса, вызвал командиров рот и объявил им новое решение: исходное положение занимать не будем, а внезапным броском ворвёмся в город. Для этого я поставил каждому подразделению точную задачу: одна стрелковая рота с пулемётным взводом занимает западную окраину города, перерезает шоссе на Медынь, не допуская выхода противника из города и подхода подкреплений противника по дороге со стороны Медыни[60], блокировав кварталы и отдельные дома. Противника в данном районе уничтожить. Остальные роты тоже получили задание, какие конкретно кварталы они штурмуют. Указано было всем, как действовать.

А когда ворвались в город, мной был послан связной на первую телефонную точку, доложить в полк и дивизию, что войска Кравченко ворвались в город и ведут бои (а там всё поймут).

В городе связь в роты подавалась средствами батальона и беспрерывно велась по телефону и через связных».

Не правда ли, редкий документ. И не важно, как он написан. Смысл понятен.

Одновременно в Малоярославец со своего направления ворвался один из батальонов 12-го стрелкового полка, а также подразделения других соединений и частей. Весь день 1 января

нового 1942 года красноармейцы, беря с боем дом за домом, квартал за кварталом, вели зачистку города. К вечеру стрельба стала слабеть и вскоре затихла. «Это было целое побоище, — вспоминал комбат А. Х. Кравченко в письме к своему бывшему комдиву. — Мне, к сожалению, не пришлось подсчитывать убитых немцев, но там, где приходилось останавливаться моему подвижному КП, ко мне беспрерывно приводили десятки пленных, их здесь же уничтожали. Я приказал не вести больше на КП пленных, а уничтожать на месте, так как это отвлекало от выполнения боевой задачи.

Трофеи нами тоже не подсчитывались. Но Вам, Александр Фёдорович, наверное, докладывали — там было много артиллерии, спецавтомашин и даже несколько десятков танков на ходу, не успевших вступить в бой».

Пленных в Малоярославце батальон капитана Кравченко действительно не брал. И когда из штаба дивизии поступил приказ доставить пленных, их у комбата просто не оказалось в наличии. Когда идёт бой, а исход его непредсказуем, пленных обычно не брали. Ни одна сторона, ни другая. Потому что они, как сказал капитан Кравченко, на самом деле *отвлекали от выполнения боевой задачи.* Для пленных необходимо было организовывать пункт сбора, обеспечить охрану. Опять же, к пункту сбора надо было конвоировать, да ещё нести их оружие. А людей и так не хватает, и потери множила каждая минута непрекращающегося боя. Одним словом, в таких обстоятельствах солдаты и командиры руководствовались одним из непреложных законов войны: высшим проявлением милосердия на войне является жестокость…

На следующий день немцев добивали на железнодорожной станции.

Потери дивизии во время уличных боёв были следующими: убито 66 человек, ранено 95 человек. За трое суток выбыло две роты.

Полковник Наумов со своим штабом перебрался на северо-восточную окраину Малоярославца. 3 января 1942 года Военный совет 43-й армии прислал телефонограмму с поздравлением по поводу взятия города и представления 53-й стрелковой дивизии к званию гвардейской[61]. Тут же поставил новую задачу: не медля наступать на Медынь.

8

Медынь — древний город на Варшавском шоссе. Немцы

заняли его в октябре 1941 года на пике операции «Тайфун». Теперь на Медынь наступали войска 53-й и 17-й стрелковых дивизий 43-й армии. В Московской наступательной операции начинался новый период. Подмосковье было очищено от оккупантов, и там начиналась новая жизнь. А Красная армия шла уже по Смоленщине. В рамках Московского контрнаступления начиналась серия новых операций наступательного характера. По оси Варшавского шоссе группировка, в которую вошли 53, 17, 415-я стрелковые дивизии, 5-я воздушно-десантная и 26-я танковая бригады почти без всякой оперативной паузы приступили к выполнению Медынско-Мятлевской наступательной операции.

Тринадцатого января, во вторник, начальник штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Франц Гальдер в своём дневнике сделал очередную запись: «Группа армий «Центр». Командующий группой армий неоднократно в отчаянии звонил по телефону. В то время как линия фронта в южной части мешка под Сухиничами начинает постепенно стабилизироваться, 4-я армия, по-видимому, не в состоянии сдержать натиск противника, который наносит удар с юга на двух участках в направлении автострады[62]. Автострада перерезана. Как это отразится на снабжении 4-й армии, пока сказать трудно. Бои за Медынь настолько обострились, что фон Клюге просил разрешить ему сдать город. Фюрер согласился вопреки своему желанию. Брешь к северу от Медыни по-прежнему вызывает большие опасения»[63].

Двумя днями раньше Гальдер записал реплику Гитлера, брошенную им в адрес фельдмаршала фон Клюге на совещании в ставке 11 января 1941 года: «Удерживать Медынь и закрыть брешь с севера. Следует сделать попытку закрыть брешь с севера ещё до того, как фронт под Медынью дрогнет. Выдвигать силы из глубины. <…> На подготовительные меры при занятии войсками оборонительных позиций нет времени. Если время будет выиграно, то части, прибывающие из глубины, должны использоваться для ликвидации брешей. <…> Задача фронта не отдавать ни метра территории, если это не является абсолютно необходимым. Медынь — ранее предложенный рубеж обороны! Отход разрешается только в том случае, если опасность становится совершенно очевидной и других путей её преодоления нет». По итогам совещания было сделано краткое и категоричное резюме: «Клюге намерен удерживать Медынь. Рубеж по реке Шаня».

В боевых донесениях и сводках начала и середины января 1942 года Медынь, Ржев, Сухиничи, Кондрово и Юхнов

упоминаются довольно часто. Главные события на центральном направлении советско-германского фронта в тот момент происходили именно здесь.

После того как наступающей Красной армией были захвачены Малоярославец, Боровск, Верея, Высокиничи, Угодский Завод, Медынь, находившаяся на Варшавском шоссе, мгновенно приобрела огромное значение. Для обеих сторон. Для немцев сдача Медыни означала открытие ворот к станции Мятлево — наиважнейшему коммуникационному узлу. В Мятлеве сходились две дороги: железнодорожная ветка Калуга — Вязьма и шоссейная — Варшавка. Шоссе соединяло Медынско-Мятлевскую группировку немцев с Юхновской и уходило дальше на запад, к тылам. Именно шоссе придавало этому участку фронта наибольшую устойчивость, решало проблему подвоза, эвакуации раненых. По нему подходили резервы, шла переброска ударных групп на участки, где возникали непредвиденные ситуации. Железная дорога, в свою очередь, соединяла Полотняно-заводскую, Кондовскую и Калужскую группировки с Вязьмой, откуда шёл второй поток грузов и пополнения для потрёпанных дивизий 4-й полевой армии.

Медынь удерживала знакомая нам 98-я судетская пехотная дивизия полковника Гарайса. Костяк этого соединения составляли закалённые в боях ветераны, прошедшие Французскую кампанию, а затем, в июле 1941 года, прибывшие на Восточный фронт. Солдат этой дивизии называли судетскими орлами. Слава их в связи с отступлением и большими потерями к тому времени порядком потускнела, но судетцы, франконцы и нижнесаксонцы по-прежнему дрались упорно, и командование доверяло им самые ответственные участки фронта. Обороняли они и Медынь.

Вот что писал о боях за этот крошечный город Мартин Гарайс: «Как только Медынь занята[64], начинаются бои. Как и в Малоярославце, дело едва не дошло до полного разгрома. Три дивизионные роты (бывшие три полка)[65] занимают северо-восток города, в их числе: группа Хайма, 282-й пехотный полк, с ними остатки истребительно-противотанкового батальона, приданные бывшей 14-й пехотной роте, ныне усиленные на два полувзвода и теперь брошенные в бой. 398-й пехотный полк бьётся на севере, в глубоком снегу на окраине леса южнее Мансурова. Полк близок к постижению «восточного боевого опыта» и оплачивает этот опыт слишком дорогой ценой. С северо-запада до запада опорные пункты в деревнях удерживают: группа Гайгера 289-го пехотного полка, батальон Виммера и в дополнение к ним группа Кляйна 29-го пехотного полка с подчинённым ему полицейским батальоном Метцнера. На

восточной окраине города, в непосредственном примыкании — как в Малоярославце, — сражается 34-я пехотная дивизия. <…> К вечеру прибывает 308-й полицейский батальон из Варшавы. До зубов вооружённый и… подготовленный к зиме. Естественно, он тут же воспринимается как желанное подкрепление и перебрасывается на угрожаемый северный фланг.

<…> Утром 13 января создаётся критическая ситуация. Неудержимый натиск большевика сминает полицейский батальон и прорывается в город. Тут же возникает паника, и батальон в спешке отступает. В нервах они бросают оружие, лыжи, тулупы, салазки и бегут группами и поодиночке назад, к «автостраде». На дорогу, ведущую в город, примерно в километре, вышел командир дивизии и с несколькими офицерами пытается вразумить потерявших голову солдат. Тщетно. Безнадёжное дело. Позорное бегство ставит соседей на передовой в затруднительное положение. Особенно тяжело 34-й пехотной дивизии. <…> Полицейский батальон расформирован и разбросан по разным частям. Начатое военно-судебное расследование теряется в недрах бюрократической машины… Объявляется приказ фюрера: «Позиция на Шане должна быть окончательной!» Но эта позиция практически не оборудована…»

Медынско-Мятлевская группировка, в которую входила 53-я стрелковая дивизия, напирала с азартом и яростью, и 14 января Медынь была взята. Газета «Правда» об освобождении Медыни и взятии богатых трофеев писала дважды. 16 января первое сообщение: «Медынь в наших руках!» Несколько дней спустя газета уточнила количество захваченных трофеев: их стало меньше. В первой публикации особенно переборщили с автомашинами и пулемётами. Оно и понятно: город штурмовали сразу несколько дивизий и частей. И каждый командир записывал трофей в свой актив. Когда свели в итоговый список, из одной машины получилось две-три. Басурман, конечно, не жалко, но в «тройфейной» истории всё же разобрались. Вот цифры, наиболее близкие к тому, что было на самом деле: в городе захвачено 6 немецких средних танков, 514 автомашин, 26 орудий, 34 пулемёта, много боеприпасов и различного воинского снаряжения. Даже если часть этой боевой техники и вооружения была неисправна, то трофеи, надо согласиться, всё же богатые. Буквально накануне решающего штурма Медыни был опубликован Указ Президиума Верховного совета СССР о награждении полковника А. Ф. Наумова орденом Ленина.

Штурм Медыни совпал со взятием Вереи дивизиями правофланговой 33-й армии и кровопролитными боями левофланговой 49-й армии за овладение Полотняным Заводом и

Кондровом.

В эти дни 53-я стрелковая дивизия генерала Наумова стояла на Угре севернее Юхнова. Вначале дивизия вместе с 17-й и 5-й гвардейской, прикрывая Юхнов с севера, обеспечивала группировку 49-й армии, атакующую город. Потом заняла оборону по линии реки Угры. Вскоре поступил приказ штаба Западного фронта: переправиться через Угру, захватить плацдарм и с него начать наступление на соединение с прорывающейся Западной группировкой 33-й армии. Непрерывные бои, которые 53-я стрелковая дивизия вела с декабря 1941 года, истощили полки. В ротах в лучшем случае осталось по взводу. У артиллеристов практически не было боеприпасов. Нечем и некем было прорубать коридор к Вязьме.

На всю жизнь А. Ф. Наумов запомнил встречу с Жуковым. Комфронта буквального толкал в спину и 43-ю армию, и 49-ю, и 50-ю — на соединение с блуждающим «котлом» 33-й армии. Но немцы прочно удерживали фронт и группировку генерала Ефремова из своих смертельных объятий не выпускали.

Жуков приехал на Угру в апреле 1942 года, когда окружённые под Вязьмой начали прорыв. «Вызвал к себе нас, командование дивизиями, — вспоминал А. Ф. Наумов. — Он не интересовался, как дела в дивизиях, а только — почему топчетесь на месте? Почему плохо воюете? Лично Верховный главнокомандующий приказал принять все меры к вызволению окружённой группировки генерала Ефремова. И приказал собрать в кулак части и наступать со всей яростью и прорвать фронт обороны фашистов — «их ведь тоже немного…» Я помню, мы стояли навытяжку, а он сидел на табуретке, одетый в бекешу. Вид сердитый, прямо в глаза ему смотреть было трудно, они были какие-то сине-свинцовые, просто пронизывали…

Что же мы ему ответили? — Будут приняты все меры, чтобы выполнить поставленную задачу! На том и разошлись, и никто из нас даже не заикнулся — в каком же, фактически, положении находятся наши части и способны ли они в данных условиях наступать вообще?! Конечно, наступали, но оставались на месте, израсходовав то небольшое количество боеприпасов, которое имели. Ведь у меня вся артиллерия стояла на прямой наводке! Не было даже пол-«быка» (боекомплекта)».

Здесь необходимо пояснить, что в феврале — апреле 1942 года войска группы армий «Центр», по-прежнему превосходя Западный и Калининский фронты в живой силе и вооружении, предприняли серию больших и малых контратак по отсечению и охвату советских соединений и частей, которые в ходе контрнаступления на узких участках особенно глубоко

вклинились в немецкую оборону. На участке соседа слева — 49-й армии — отсечёнными оказались до полутора полков в районе Коммуны Савонина южнее Юхнова. На участке 50-й армии в пойме реки Лидия в окружение угодила дивизия и была почти полностью Потреблена во время прорыва. Командиры понимали: высунешься вперёд, и тебе отсекут нос вместе с головой. Жуков, конечно же, знал, в каком состоянии находятся дивизии, потому и не спрашивал. Но 33-ю надо было выручать. Не получилось. Именно тогда и стало окончательно ясно, что немцы ещё сильны и способны на новый бросок на Москву.

9

В апреле 1942 года генерал-майору А. Ф. Наумову вручили орден Ленина. А через месяц — 21 мая — он получил генеральские петлицы. Такова оценка его вклада в Битву за Москву.

Из служебной (боевой) характеристики на командира 53-й стрелковой дивизии А. Ф. Наумова:

«1897 г. рождения, член ВКП(б) с 1939 года, служащий, русский, образование: общее — экстерном за 6 кл[ассов] гимназии в 1914 г., военное — Высш[ая] военная школа РККА в 1926 г., Военная академия им. ФРУНЗЕ (заочно) в 1934 г. В Красной Армии с 1918 г.

Участник гражданской войны 1918–1920 г. г.

Награждён орденом ЛЕНИНА в 1942 г.

Полковник НАУМОВ 53 ст[релковой] дивизией командует с октября 1941 г. До этого командовал 312 стр[елковой] дивизией, оказавшей ожесточённое сопротивление фашистам в районе Детчино.

С ноября по 24 декабря 1941 г. 53 стр[елковая] дивизия обороняла фронт на Подольском направлении на рубеже КАЩЕЕВО, ИЛЬИНО, КОЛОНТАЕВО. Враг несколько раз пытался прорвать фронт обороны дивизии. Несмотря на то, что дивизия имела 50 % своего состава, благодаря умелому руководству и личной храбрости полковника т. НАУМОВА дивизия успешно отражала пехотные и танковые атаки и даже наносила врагу отдельные поражения.

Своевременно заметив начавшийся отход противника в ночь с 24 на 25 декабря 1941 г., полковник НАУМОВ умело организовал стремительное преследование отступающего врага. На подступах к городу Малый Ярославец дивизия отбила 5 яростных контратак немцев и первой ворвалась и взяла город, захватив большое

количество трофеев военного имущества.

В последующих боях за г. МЕДЫНЬ и другие пункты и узлы сопротивления врага, дивизия показала выносливость в трудных условиях, героизм и самоотверженность в борьбе за освобождение Советской земли от немецких оккупантов. В этой борьбе полковник т. НАУМОВ служил примером для всего личного состава дивизии.

53 стрелковая дивизия за высокую боеспособность, героические действия по разгрому фашистских орд на подступах к Москве Военным советом представлена к переименованию в «Гвардейскую стрелковую дивизию».

За образцовое выполнение заданий Командования на фронте борьбы с немецкими оккупантами полковник НАУМОВ награждён орденом ЛЕНИНА.

Партии и Родине предан.

Достоин присвоения военного звания «ГЕНЕРАЛ-МАЙОР».

КОМАНДУЮЩИЙ ВОЙСКАМИ 43 АРМИИ
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР ГОЛУБЕВ.
ЧЛЕН ВОЕННОГО СОВЕТА
ДИВИЗИОННЫЙ КОМИССАР ШАБАЛОВ.
НАЧАЛЬНИК ШТАБА
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР БОГОЛЮБОВ.
13 мая 1942 г.».

Вскоре 53-я стрелковая дивизия передала плацдарм на Угре соседней 17-й и заняла окопы на реке Воре.

В октябре 1942 года за героические действия в ходе Битвы за Москву Наумов был награждён союзниками — англичане вручили ему Крест за выдающиеся заслуги.

Осенью, 25 сентября 1942 года генерал Наумов получил новое назначение — командиром 31-й гвардейской стрелковой. Командовал гвардейцами он до 25 февраля 1943 года, а 20 марта получил под начало 385-ю стрелковую дивизию.

В ходе Курской битвы его назначили на 62-й стрелковый корпус. Это было второе формирование корпуса, погибшего в 41-м. Впоследствии он получит почётное наименование Неманского. С этим корпусом генерал Наумов атаковал противника на северном фасе Курской дуги, прорвал оборону на Десне и углубился в пределы Белоруссии. Дивизии корпуса остановились на реке Проне и начали готовиться к атаке на Могилёв. В состав корпуса входили 330, 369 и 64-я стрелковая дивизии.

После расформирования Западного фронта корпус Наумова вошёл в состав 49-й армии 2-го Белорусского фронта. В командование войсками фронта вскоре вступил генерал

Рокоссовский. В ходе наступательной операции «Багратион» в июне — августе 1944 года 49-я армия, выполняя основную функцию в начале удара, прорывала оборону 4-й полевой армии группы армий «Центр» на реке Проне на двенадцатикилометровом фронте. Фланги её прикрывали соседние 50-я и 33-я армии. Стрелковый корпус генерала Наумова, усиленный артиллерией и танками, шёл в авангарде наступления. Это был огненный вихрь, который в одно мгновение перескочил через Проню, ворвался в Могилёв, Шклов, Быхов и стремительно двигался к Минску. Три армии 2-го Белорусского фронта, которые понесли особенно большие потери во время Битвы за Москву, теперь брали реванш.

В районе Минска они окружили и методично добивали в огромном «котле» крупную немецкую группировку. В считаные дни войска Рокоссовского разрезали, разметали немецкую оборону. 4-я полевая армия практически перестала существовать. Группе армий «Центр» был нанесён такой удар, что её, как боевое соединение, впоследствии практически пришлось формировать вновь.

Офицер Генштаба Н. Д. Салтыков, инспектировавший войска 2-го Белорусского фронта накануне наступления, вспоминал: «Среди командиров соединений и частей фронта были разные люди: одни имели большой боевой опыт, другие имели его меньше, третьи вовсе не имели. Со многими из них мне приходилось встречаться в ходе подготовки войск к наступлению. Глубокими знаниями тактики прорыва обороны противника отличался командир 62-го стрелкового корпуса генерал-майор А. Ф. Наумов. Это был строгий, суровый на вид, хорошо знающий своё дело человек. Присутствуя на учениях, он не пропускал ни одной ошибки, допущенной командирами и красноармейцами. Заметив ошибку, генерал останавливал учение, терпеливо и педагогически умело разъяснял, как надо действовать, а в необходимых случаях и показывал. Занятия в его присутствии проходили исключительно целеустремлённо и поучительно».

В ходе наступления в Белоруссии по приказу Рокоссовского дивизии 62-го стрелкового корпуса были переданы 49-й армии, полевое управление перебрасывалось в район Шклова в полосу действия 33-й армии. Там генерал Наумов со своим штабом принял новые соединения — 344, 70, 157-ю стрелковые дивизии и части усиления. С этими силами Наумов выполнял задачу по рассечению окружённой под Минском группировки и последующего её уничтожения.

Исследователи тех событий утверждают, что именно оттуда Константин Симонов взял сюжет для третьей книги трилогии

«Живые и мёртвые» — «Последнее лето».

К 15 июля авангарды корпуса, преследуя отступающего врага, достигли реки Неман. С ходу форсировали водную преграду и захватили плацдарм на западном берегу. Спустя некоторое время именно с этого плацдарма началось наступление на Восточную Пруссию.

Дальше 62-й стрелковый корпус пошёл уже с другим командиром — 3 августа Наумов сдал командование генерал-майору Я. С. Воробьёву. Новое назначение генерал получил почти через три месяца: 27 октября он возглавил 118-й стрелковый корпус, входивший в состав 21-й армии. Армию спешно перебрасывали на южное крыло, в полосу действий войск 1-го Украинского фронта. Здесь, в дни Сандомирской наступательной операции произошло знакомство генерала Наумова с маршалом Советского Союза И. С. Коневым, который командовал фронтом. Затем были освобождение Силезского промышленного района и бросок на Чехословакию через Трансильванские Альпы.

10

Победа застала нашего героя на пути к Праге, а в июне 1945 года корпус разместился в небольшом саксонском городке Вальденбурге, он был включён в состав Центральной группы советских оккупационных войск (ЦГСВ). Командующий группой маршал Советского Союза Конев не раз вызывал Наумова в своё распоряжение и, зная его исполнительность, поручал различные задания. Однажды приказал срочно выехать в северные районы Югославии и посмотреть, что собой представляет 1-я армия Югославии, которая в оперативном отношении ему подчинялась. Задание Наумов выполнил успешно, а когда прибыл на доклад к маршалу, узнал, что его 118-й стрелковый корпус расформировывается. Конев тут же предложил своему верному генералу должность начальника Управления боевой и физической подготовки ЦГСВ в Австрии. В ответ Наумов попросил корпус.

— Корпус вы всегда получите, — сказал маршал. — А пока формируйте Управление. Это сейчас нужнее.

В январе 1949 года генерал Наумов был переведён в Закавказский военный округ на ту же должность. Через год, в январе 1950-го, он был направлен на учёбу на Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова, которые окончил с отличием. Как вспоминал сам Александр Фёдорович, «за два дня до выпуска позвонил по телефону И. С. Коневу, он тогда был заместителем министра

обороны, генеральным инспектором МО СССР, и попросил принять» его. Маршал предложил Наумову должность своего заместителя, тот дал свое согласие[66]. В феврале 1955 года его направили в Чехословакию — старшим военным советником командующего войсками одного из округов. А еще через три года, в мае 1958-го, 60-летний генерал был зачислен в запаси вернулся в Москву.

Однажды возле «Военторга» он повстречал И. С. Конева. Оба обрадовались неожиданной встрече, разговорились.

— Пишите мемуары, — посоветовал маршал своему бывшему подчинённому. — Сейчас все пишут. А вам есть что вспомнить.

К тому времени уже начал собираться большой архив. Письма бывшему командиру писали ветераны из Казахстана, Белоруссии, Сибири. Генерал начал работать с документами в Подольске, в Архиве Министерства обороны СССР, уточнять даты и имена. Память не давала покоя, прошлое словно вернулось назад.

Зимой 1961 года пришло приглашение из Малоярославца на празднование 20-летия освобождения районного центра в то время уже Калужской области от немецкой оккупации. Поездка буквально перевернула жизнь генерала. Спустя некоторое время в районной газете «Искра» появилась публикация: «В боях за Малоярославец. (Воспоминания командира дивизии)». Затем была поездка на родину, встречи с фронтовыми товарищами в Актюбинске, Целинограде, Алма-Ате. В местных и республиканских газетах вышли отрывки и главы из будущей книги «На Варшавском шоссе».

Весной 1965 года А. Ф. Наумов приехал на празднование 20-летия Победы в Обнинск. Обнинск тогда был молодым и красивым городом, где работали учёные-ядерщики и кипела интересная культурная жизнь. Старому солдату хотелось покоя, тем более год назад он перенёс тяжёлую операцию. И местные власти спустя некоторое время выделили финский домик с небольшим земельным участком по улице Горького. Александр Фёдорович тут же оставил Москву и перебрался в своё новое жилище «на земле». Развёл огородик, сад.

Домик этот сохранился. На нём мемориальная доска: «Здесь в 1967–1992 годах жил почётный гражданин города генерал-майор Наумов А. Ф., командир 53 стрелковой дивизии, освободившей землю обнинскую в декабре 1941 года». Домик смотрится очень скромно, по нынешним меркам совсем не по-генеральски. Здесь Александр Фёдорович и писал свои мемуары, возделывал свой огородик. Часто выбирался на места боёв своей дивизии, бродил среди окопов, иногда навещал места раскопок и полевые лагеря поисковиков, осматривал их «трофеи», комментировал находки.

Города Целиноград, Актюбинск, Малоярославец, Медынь, Могилёв, Обнинск и посёлок Рогово вручили своему земляку и освободителю титул почётного гражданина. В Обнинске установили памятник.

Среди наград генерала два ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, два ордена Суворова 2-й степени, орден Красной Звезды. Но особенно ценил казак медаль «За оборону Москвы». Как никакая другая награда она роднила его с боевыми товарищами, павшими и живыми.

ПОСЛЕДНИЙ БОЙ КОМАНДАРМА

Михаил Григорьевич Ефремов,

генерал-лейтенант, командующий 33-й армией

Западного фронта

1

Постепенно, с вводом вдело новых армий, соединений, отдельных бригад и частей, дивизий резерва, контрудар под Москвой стал принимать черты и характер контрнаступления. Верховный главнокомандующий буквально проталкивал вперёд наступающие войска.

На Центральном участке Западного фронта в результате хаотичного отхода немецких войск и постоянного давления частей 5, 33, 43 и 49-й армий сложилась ситуация, весьма благоприятная для глубокого прорыва с выходом на тылы противника. В районе Медыни и Износок в линии фронта образовался сорокакилометровый разрыв, не занятый войсками. Советская разведка тут же исследовала эту выгодную прореху в немецкой обороне, выяснив, что «коридор» тянется почти до Вязьмы и занят лишь редкими и немногочисленными гарнизонами опорных пунктов. В штабах и Ставке проанализировали весь комплекс разведданных и сделали вывод: в результате непрекращающихся ударов войск Западного и Калининского фронтов противник на этом направлении исчерпал все резервы и уже не в состоянии организовать сплошной линии обороны, самое время нанести ему согласованный удар с охватом основной группировки группы армий «Центр». По существу, Ржевско-Вяземскую наступательную операцию 1942 года[67] спровоцировал этот злосчастный разрыв с глубоким «коридором» в направлении Вязьмы.

Согласно директиве Ставки ВГК, группировка Западного фронта наносила удар из района Калуги на Юхнов и Вязьму, одновременно в направлении на Вязьму шло наступление из района Вереи и Боровка; войска Калининского фронта из района северо-западнее Ржева били на Сычёвку и далее на Вязьму. Правее войска Северо-Западного фронта осуществляли

Торопецко-Холмскую операцию. Южнее группировка Брянского фронта должна была прикрывать левый фланг наступающих на Вязьму. Юго-западнее Вязьмы начиналась высадка частей 4-го воздушно-десантного корпуса. А из района Мосальска через Варшавское шоссе шёл по снегам 1-й гвардейский кавалерийский корпус.

Помощь нашим войскам оказывали многочисленные партизанские отряды и соединения, состоявшие в основном из бывших окруженцев, партийных и советских работников оккупированных районов Смоленской и Тверской областей, сотрудников НКВД. Их задачей было перехватить основные коммуникации по линии Вязьма — Смоленск, чтобы не допустить из глубокого тыла подвоза, а также подхода резервов.

Таким образом, планировалось окружить Ржевско-Вяземскую группировку группы армий «Центр» и затем дожать её в «котле». По существу — в тех же лесах и полях, где в октябре 41-го немцы уничтожили в «котле» войска Западного фронта. Будь у наших фронтов больше сил, а противник был бы действительно так же слаб, как предполагала разведка…

Перед ударными группами Западного и Калининского фронтов стояли: 4-я танковая армия (генерал пехоты Рихард Руофф), 4-я армия (генерал горнострелковых войск Людвиг Кюблер, с 20 января генерал пехоты Готгард Хейнрици); 9-я армия (генерал-полковник Адольф Штраус, с 16 января генерал танковых войск Вальтер Модель).

К середине января войска Калининского фронта прорвали немецкую оборону и охватили с запада и востока Оленинскую группировку противника. 39-я армия прорвалась к Сычёвке и вышла противнику в тыл.

Успешно развивавшие наступление войска 33-й армии генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова окружили Верейскую группировку из состава 4-й полевой армии, штурмом овладели Боровском. Командующий Западного фронта генерал армии Г. К. Жуков отдал приказ генералу Ефремову и от себя по телефону прибавил: «Нажимайте. Можете отличиться на этом как никогда».

В эти дни Гитлер отдал приказ об отводе войск: «После того, как не удалось закрыть разрывы, возникшие севернее Медыни и западнее Ржева, я отдал главнокомандующему группы армий «Центр» в силу его ходатайства приказ: фронт 4-й армии, 4-й танковой армии и 3-й танковой армии отвести к линии восточнее Юхнова — восточнее Гжатска — восточнее Зубцова — севернее Ржева. Руководящим является требование, чтобы дороги Юхнов — Гжатск — Зубцов — Ржев оставались свободны в качестве

поперечной связи сзади фронта наших войск… Линию нужно удерживать… В первый раз в эту войну мною отдаётся приказ о том, чтобы отвести большой участок фронта».

Немцы отводили войска не в чистое поле, а на заранее укреплённые рубежи. Вот чего не учли в наших штабах. К тому же уже к середине января на угрожаемые участки были срочно переброшены из Франции, Бельгии и Внутренней Германии свежие дивизии и отдельные полки. Оборону Ржева и Вязьмы возглавил генерал танковых войск Модель, который после этих боёв получит заслуженное прозвище Гений обороны.

А с гениями воевать трудно.

2

18 января 1942 года в 13.00 начальник штаба 4-й полевой армии по телефону сообщил в штаб группы армий «Центр»: «По донесению авиации две длинные колонны противника движутся с севера на юг:

а) от станции Износки через Уварево[68] на Пенязи;

б) от станции Кошняки на Семёново[69] (голова около 12.00 у Горки).

4-я армия направляет перебрасываемый воздухом 313-й полицейский батальон и другие имеющиеся в своём расположении силы с прежнего юго-восточного фронта против этого противника, кроме того, как только будет возможно, — и передовой полк 52-й пехотной дивизии. Других сил в распоряжении 4-й армии нет».

Таким образом, немцы отреагировали на маневр ударной группы 33-й армии мгновенно. Разгромить русские дивизии, прорвавшиеся через незанятый войсками «коридор», ещё тогда, на марше, они не могли по нескольким причинам. Достаточных сил у них всё же не было. А дивизии 33-й армии, как бы ни были ослаблены предыдущими боями, оставались по-прежнему сильными, к тому же имели большой опыт успешных наступательных боёв.

В январе значительного успеха добились войска Калининского фронта. 11-й кавалерийский корпус генерала С. В. Соколова к 26 января прорвался к Вязьме с севера. Это подстегнуло Жукова, и в тот же день шифровкой № к/83 он ставит задачи командующим 33, 43 и 50-й армиями, а также командиру 1-го гвардейского кавкорпуса:

«1. Командарму-33 — форсированным маршем выйти 28.01.42 г. в район Красный Холм, Гредякино, Подрезова, где и

войти в связь с авиадесантом 4-го ВДК и конницей Калининского фронта.

2. Тов. Белову — прорваться через Варшавское шоссе и не позднее исхода 29.01. 42 г. выйти в район Семлёво.

3. Тов. Голубеву, Болдину[70] быстрее овладеть Юхнов и, оставив часть сил для окончательной ликвидации противника, главными силами быстро выходить в назначенные районы юго-западнее г. Вязьма».

Красный Холм — это в 4–5 километрах от Вязьмы. Теперь там, у дороги Калуга — Вязьма, сотни солдатских могил, часовня, памятники, обелиски — Поле Памяти. Среди лежащих в могилах на этом поле есть и бойцы 33-й армии. Место это магическое. Красивое. Представьте себе пологий холм, который через самую вершину перерезает шоссе, склонами уходящий во все стороны. Небо словно опускается в этом месте, облака проходят близко. Красным Холм назван, должно быть, в очень давние времена — отсюда, на северном горизонте, хорошо видны храмы Вязьмы. Красный Холм — это деревенька в несколько дворов. Два или три дома с надворными постройками. Кладбище на юго-западном склоне. И всюду — поле, широкое и просторное, обрамлённое дальним лесом.

Зимой 1942 года здесь был передовой КП Западной группировки 33-й армии. До Вязьмы всего несколько километров, один бросок. Но его-то и не смогли одолеть изнурённые маршем — день и ночь — лишённые регулярного обеспечения и артиллерийского и бронетанкового усиления части 33-й армии. От Вереи и Бровска до Красного Холма побольше ста километров. Дивизии первого эшелона пробежали это расстояние за двое суток. По снегам. Под огнём. Опорные пункты, обустроенные в деревнях по всем правилам военной инженерии, перед наступающими оружия не складывали, их гарнизоны не разбегались. Отходили, когда становилось очевидным, что их обходят и берут в кольцо.

Начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер 27 января записал в дневнике: «На фронте группы армий «Центр», прежде чем вести наступление через Сухиничи в северном направлении, необходимо ликвидировать группировку противника в районе к западу от LIII армейского корпуса. Восстановление положения в районе бреши между 4-й танковой и 4-й армиями (район восточнее Медыни) по-прежнему связано с большими трудностями. Части противника, отрезанные в результате нашего удара под Ржевом, а также 3-я и 4-я ударные армии противника начинают заметно активизироваться в районе к северу от шоссейной дороги Смоленск — Вязьма. Принимаются

меры по прикрытию дороги».

Немцы в эти дни только и делали, что парировали удары. Один за другим. Не было им покоя. Но захлёбывалось и советское наступление. Вначале был отбит 11-й кавкорпус. Потом немцы перехватили коммуникации 39-й армии. В окружении оказалась часть сил 29-й армии. 2 февраля Гальдер записал: «Войска готовятся к наступлению с целью ликвидации бреши у Медыни. Удар должен быть нанесён завтра. 5-я танковая дивизия уничтожает группы противника, просочившиеся в наш тыл. Эти бои за линией фронта носят комически-уродливый характер и показывают, что война как таковая начинает вырождаться в драку, далёкую от всех известных доныне форм ведения войны. То же можно сказать о бессмысленной переброске большого количества дивизий от Осташкова в тыл, за фланг группы армий «Центр». В оперативном отношении это совершенно бессмысленно, ибо таким образом часть наших сил временно сковывается, и никакого успеха не достигается». Можно предположить, что то же самое в эти дни, о своих войсках, думал главком войск Западного направления Г. К. Жуков[71]. И, наконец, запись 3 февраля (этот день положил начало трагедии 33-й армии, её бойцов и командиров): «Брешь к западу от Медыни на фронте группы армий «Центр» ликвидирована». Надо отдать должное противнику: их штабы реагировали на изменение обстановки на фронте мгновенно, столь же оперативно маневрировали войска.

Сегодня, изучая документы, которые были рассекречены в последние годы, сопоставляя факты, события и результаты действий армий и армейских групп, невольно приходишь к выводу, что Рже веко-Вяземская операция была импровизацией штабов двух наших фронтов — Западного и Калининского — и Ставки ВГК. Импровизацией при ограниченном количестве сил и средств. И при том, что из Москвы постоянно и категорично «рекомендовали», куда перебрасывать ту или иную дивизию, в то время как ситуация на фронте менялась каждый день и каждый час, и зачастую приказы сверху не просто запаздывали и становились неактуальными, а были в буквальном смысле вредными, и их исполнение грозило поражением, гибелью бойцов и целых соединений.

Г. К. Жукову ничего не мог дать наступающим: ни свежей танковой бригады, ни дивизиона «Катюш». Более того, буквально накануне, когда ещё глубокий прорыв на Вязьму не планировался, штаб фронта забрал из 33-й армии большое количество артиллерии, реактивных установок, частей и подразделений усиления, вывел 201-ю латышскую стрелковую и

1-ю гвардейскую мотострелковую дивизии.

Боевой приказ Г. К. Жукова от 26 января 1942 года ни одной из армий (33,43, 50-я) и 1-м гвардейским кавалерийским корпусом выполнен не был. А 30 января комфронта направляет командарму-33 новый приказ:

«1. Ударной группой армии, без задержек, наступать в направлении Красный Холм, Соколово, куда выйти не позднее 1 февраля 1942 г.

В дальнейшем, взаимодействуя с гр. Белова, овладеть Вязьмой, охватывая её с юго-запада.

2. Фронтовой резерв — 9-я гв. сд, следующая в район Кукушкино, — подчиняю Вам[72].

3. Ударную группу иметь в составе 113, 338, 160, 329-й сд и 9-й гв. сд.

4. Силами 110, 222, 93-й сд быстрым охватывающим ударом разгромить группировку противника в районе Се-ленки, Угрюмово, Шанский Завод, после чего наступать ими через Дубна, Селенки на Вязьму. 110-ю сд держать на уступе в районе Дубна для обеспечения фланга.

5. Всемерно ускорить выдвижение вперёд 329-й сд и 9-й гв. сд. Ударной группой не топтаться перед слабыми заслонами противника.

Сил Вам дано много, и только от стремительности их действий зависит конечный успех.

Вам быстро выехать в 113-ю сд, откуда управлять ударной группой».

Таков был командный стиль первого периода войны, когда командующие фронтов на расстоянии управляли своими армиями, предписывая командармам, куда и как выдвигать свои дивизии и как ими действовать.

3

В эти дни в должность командующего 4-й полевой армией вместо убывшего на Балканы генерала Л. Кюблера выступил генерал пехоты Г. Хейнрици. Карьера этого генерала с прибытием на Восточный фронт пошла в гору быстро.

Вступив в свою должность, генерал Хейнрици издал любопытный приказ, в котором подробно расписал для своих солдат всё: как действовать в условиях зимы, как относиться к местному русскому населению, сколько иметь каждому солдату и пулемётчику патронов в качестве необходимого боекомплекта, как вести наступление и как обороняться. Вот выдержки из этого

приказа:

«НАСТУПЛЕНИЕ

б) Часть должна быть подготовлена к наступлению, т. е. оружие должно быть подготовлено для введения в действие при больших морозах. Всё имеющееся в наличии оружие: пулемёты, миномёты, противотанковые пушки, пехотные орудия — подвозить на санях. Части должны быть обеспечены значительно большим количеством боеприпасов, чем летом; на каждую винтовку — по 120 патронов, на каждый пулемёт — 3000 патронов. Стремиться обеспечить части маскхалатами, шубами, валенками, двумя подшлемниками, двумя парами перчаток. Каждая рота или каждый батальон должны стремиться к организации лыжных разведдозоров.

в) Вступление в бой. О наступлении на отдельный объект не может быть и речи до тех пор, пока не будет сломлено организованное сопротивление противника. Наступление можно вести только на отдельные, особо важные участки местности, как то: населённые пункты, высоты. Постоянно стремиться вести наступление с трёх сторон; вводить в бой на фронте слабые силы, на обоих флангах крупные силы. Цель — окружение противника с четырёх сторон. Благодаря такому распределению сил слабые части могут уничтожить превосходящего противника, в то время как при фронтальном наступлении крупные силы остаются на месте, вследствие сильного огня обороняющегося противника. Исходя из теперешнего боевого состава наших частей, наступление следует вести, по меньшей мере, в составе пехотного полка. Частное наступление отдельных батальонов или даже рот приводит в большинстве случаев к большим потерям и почти не имеет успеха.

г) …Рекомендуется обеспечить внешние фланги охвата большим количеством пулемётов. Пулемёты предназначаются для завершения окружения и преграждения противнику пути к выходу из окружения. <…>

ОБОРОНА

5) Большинство крупных русских населённых пунктов, за исключением немногих домов, должны быть сожжены для того, чтобы лишить противника укрытия. Оставшиеся дома (из которых удобно вести огонь) подготовить для круговой обороны путём создания благоприятных условий наблюдения. Кроме того, отдельные гнёзда (дома) должны быть взаимоприкрыты. Противник, внезапно прорвавшийся в одном месте, должен быть немедленно встречен огнём из соседних домов. Комендант опорного пункта должен иметь в резерве ударную группу для контратак, вооружённую ручными гранатами, пистолетами и

пулемётами. 20-мм зенитные орудия в большинстве случаев установлены плохо, для них необходимо выделить дома, снимать перекрытия, укреплять полы, насыпать снег у стен дома так, чтобы он имел вид бруствера и достигал уровня ствола. Таким образом, эти орудия могут действовать по воздушным и наземным целям. По возможности, во всех опорных пунктах иметь артнаблюдателей. Если не удаётся утеплить боевые сооружения, то в особых теплушках нужно создавать возможность для обогрева команд. Целесообразно окружить опорные пункты снежными валами и для прочности полить эти валы водой, стремиться закладывать тяжёлые мины на дорогах, ведущих от противника. Положение мин должно быть точно известно гарнизону. <…>

7) Посты нужно снабдить ракетами, снабдить гарнизоны опорных пунктов боеприпасами и продовольствием с тем, чтобы они могли вести бой в окружении, по меньшей мере, двое суток. Если дневное наступление русских останавливается огнём перед позицией, тогда они имеют обыкновение зарываться в снег и лежать без движения, ожидая темноты для отхода. В этом случае выгодно выдвижение пулемётов и стрельбой трассирующими пулями помешать вставанию и отходу русских, или, по крайней мере, затруднить это».

Как видим, противник не собирался стоять в поле. Он основательно укреплялся в населённых пунктах, создал тщательно продуманную систему обороны, при которой даже численно небольшой гарнизон, взаимодействуя с артиллерией, ведущей огонь с закрытых позиций, мог удерживать перед собой большую колонну, нанося ей значительный урон. Кроме того, как свидетельствуют донесения из дивизий, в это время на колонны войск 33-й армии, находящиеся на марше, везде, по всей протяжённости, от Износок до Лосьмино, начала активно воздействовать авиация люфтваффе.

Зима 1941/42 года выдалась не только морозной, но и снежной. Снегопады не прекращались ни в январе, ни в феврале. Дороги же на Вязьму необходимо было не только расчищать, но ещё и разминировать. Таким образом, можно предположить наверно, что задача для марша на Вязьму войскам 33-й армии со скоростью 40–50 километров в сутки была невыполнимой. А как выполняются невыполнимые задачи и к чему это приводит, мы увидим дальше.

Но дивизии шли вперёд. Что же происходило в пути их следования? По рассказам очевидцев, местных жителей сёл и деревень, через которые маршем двигались на Вязьму войска 33-й армии, их появление было совершенной неожиданностью. Иногда

немцы разбегались, не принимая боя. Обычно это происходило так: по рации они принимали информацию о подходе русских, запрашивали разрешение на отход и, получив его, быстро грузили на сани и автомобили пулемёты и миномёты, цепляли орудия и уезжали западнее, вливаясь, таким образом, в более крупные гарнизоны. Там принимали бой или снова отходили. Но не везде срабатывала связь. И зачастую такие заставы становились объектами атаки ударных групп ефремовцев. Лыжные группы авангардов были вооружены, как правило, автоматическим оружием, пулемётами. Имели противотанковые орудия на лыжном ходу и на конной тяге. Они уничтожали эти заслоны и открывали для колонн путь в глубину, к Вязьме.

Жители встречали своих освободителей слезами радости. Многие ещё и не знали о том, что под Москвой произошла битва колоссальных масштабов и теперь родная Красная армия наступает, ведёт преследование противника по всем направлениям.

Оперативные сводки, которые поступали в эти дни непрерывного снежного марша вперёд, из дивизий в штарм, дают более полную и развёрнутую картину событий. Здесь, в штабе, донесения тщательно анализировались. И вскоре в сокращённом виде — только самое важное — уходили в штаб Западного фронта. Таким образом Жуков имел полную картину событий на пути к Вязьме.

«23 января — из 222-й сд: с 4.00 23.01 из района Лыково, Хорошево в движении на Передел и далее в направлении Дубна. По пути движения захвачено 6 фашистов. По показанию пленных, перед фронтом дивизии отходит 583 пп в составе 400 человек, 2-х танков, 4 ПТО, 18 орудий. Этот полк ранее не отмечался. Противник, отходя, уводит с собой местное население.

В тот же день — из 93-й сд: дивизия всеми полками вышла в район Износки. Артиллерия в движении в этот же район. Автотранспорт, не имея горючего, стал. Получение горючего ожидается сегодня. В районе Шанский Завод в 18–19.00 22.01. до 300 немцев произвели налёт из Шивнево на Шанский Завод. Противник был отброшен. По данным местных жителей, противник производит оборонительные работы на рубеже Луково, Игнатьево, Копылово. Дивизия продолжает выполнять задачу, согласно боевому распоряжению № 031. Штадив — Износки.

В тот же день — из 338-й: к 18.00 22.01 двумя полками достигла Зубово, Поджаровка, один полк находился в движении головой Ивлево. Разведка дивизии к этому времени была на рубеже Челищево, Юрьево. Артиллерия отстала. Штадив — Беклеша.

Положение 113-й сд: в связи с налётом автоматчиков противника на Шанский Завод одним полком прикрывает этот район с севера, остальные полки в движении в направлении Износки. К утру последние два полка Беклеши. Дивизионная артиллерия отстаёт на 15–20 км ввиду трудной проходимости дорог. По данным местных жителей — Шивнево, Водопьяново, Кузово, Павлищево заняты противником. Сведения подтверждаются обстрелом миномётным огнём Шанского Завода. Имеются потери. Штадив — Никулино. Дивизии поставлена задача выполнять боевое распоряжение № 031.

Положение 160-й сд: из района Боровск с утра 23.01 на марше в район Дубна. Головной полк в составе двух батальонов на автомашинах в 11.00 23.01 проходил Павлищево. Остальные части следуют пешком.

Положение 110-й сд: имея один полк Сосновицы, с задачей разведать и прикрывать правый фланг 222 сд, остальными силами занимает прежнее положение».

Далее штарм информирует Жукова о следующем: «По данным, требующим проверки, с направления Мятлево (доклад политрука кабельно-шестовой роты, установившего противника в районе Шумово — 10 км сев[еро]-зап[аднее] Медынь) противник отдельными группами прорвался в направлении Шанский Завод. По докладу того же политрука, из Медынь по дороге на Шанский Завод выступила группа наших танков на уничтожение прорвавшегося противника.

По донесению командиров дивизий (93, 338 и 113 сд) ВВС противника значительно повысили свою активность.

22.01 наши части подверглись налётам одиночных бомбардировщиков противника; одновременно противник ведёт, вчера и сегодня, воздушную разведку»[73].

Итак, в районе Шанского Завода прозвучали первые колокола судьбы 33-й армии. Командарм мгновенно уловил их тревожные звуки. Начал предпринимать некоторые действия для того, чтобы обезопасить движение колонн и следующих за ними тылов. Жуков остался глух к первому сигналу. Подтверждением тому приказы, которые он издал один за другим буквально через несколько дней, суть которых сводилась к одному: вперёд, вперёд, вперёд! Одним словом: «Нажимайте! Можете отличиться…»

А с севера тем временем над правым флангом 33-й армии нависла сильная группировка противника. И она уже начинала пробу своих сил и возможностей.

Четырнадцатого февраля (по старому стилю) 1897 года в уездном городке Тарусе Калужской губернии в семье небогатых мещан Григория Емельяновича и Александры Лукиничны Ефремовых родился первенец. Мальчика окрестили в здешнем Петропавловском соборе именем Михаил 16-го числа того же месяца.

Родители вскоре перебрались в расположенное неподалеку село Юрятино, на реку Протву. Григорий Емельянович нанялся на хлебную должность помощником мельника на знаменитой на весь уезд мельнице братьев Бобровых. Александра Лукинична тоже подрабатывала — кухаркой в имении мирового судьи Тарусского уезда и изобретателя первого российского телефона помещика средней руки Павла Михайловича Голубицкого. Миша некоторое время жил в Тарусе у бабушки, в деревянном доме в укромном Калужском переулке. Рядом, через несколько дворов, на Овражной, стоял дом Егоровых. С Павлом и Даниилом Егоровыми Михаил учился в Тарусской церковно-приходской школе.

Местом их забав, детских игр и развлечений была река Ока и луг за Земляным мостом у бывшего тюремного замка за речушкой Посерёдкой, где несколько лет назад Тарусское земство выделило земли под строительство домов для семей инвалидов, старых солдат. Порой они затаив дыхание слушали рассказы ветеранов.

Кто знает, что определяет судьбу человека и где он найдёт свой рок. Во всяком случае, все трое друзей вскоре наденут солдатские шинели, а потом станут генералами Красной армии. И все трое погибнут в 1941 и 1942 годах: один под Рославлем, другой под Вязьмой, третий под Харьковом. В самых кровавых и самых неудачных для нашей армии битвах, о которых долго будут помалкивать историки и публицисты.

Отец Михаила, Григорий Емельянович, происходил из крестьян сельца Ольховец Новосильского уезда Орловской губернии. В Тарусу он приехал в поисках заработка. Здесь женился на местной девушке Александре Лукиничне, урождённой Ганьшиной. Нанявшись на работу к купцам Бобровым, Григорий Емельянович стал неплохо зарабатывать. Вскоре Александра Лукинична родила ещё пятерых детей: Ивана, Василия, Владимира, Павла и Анастасию.

В Тарусу на отдых, поохотиться в здешних лесах, богатых дичью, порыбачить, похлебать на высоком берегу у ночного костерка ушицы, приезжал знаменитый московский купец и фабрикант Рябов. На Оке московскому рыбаку помогали тарусские мальчишки. Червей накопать, наловить живцов, посидеть на вёслах… Особенно ловким Рябову показался рослый Миша Ефремов, старший сын юрятинского мельника. Однажды в

конце летнего сезона Рябов заехал в Юрятино, отыскал на мельнице Григория Емельяновича и сказал:

— Отдай мне парня. Я из него человека сделаю. А тебе, — кивнул он на лавку, которую по ранжиру осёдлывали пятеро, мал мала меньше, — одним ртом меньше.

В Москве в Большом Воскресенском переулке на красильно-отделочной фабрике Рябова Михаил Ефремов вначале работал подмастерьем, на побегушках. И до того порой это подневолие угнетало мальчонку, что однажды он даже решил бежать из Москвы домой, в Тарусу — на волю.

Но вскоре его взяли к себе в учение мастера-гравёры. Эта работа ему сразу понравилась. Да и заработок здесь оказался более надёжным. Из ночлежного дома переселился на квартиру. Мастер, у которого он учился гравёрному ремеслу, наставлял парня: малый-де ты смышлёный, далеко пойдёшь, но мы тебя всему-то на свете не научим. И Михаил поступил на Пречистенские рабочие курсы, что на Остоженке.

Его учёба на Пречистенских курсах совпала с событиями 1905–1907 годов. В газетах писали о возмущениях рабочих. Поговаривали о расстрелах демонстраций. Бастовали и в цехах Рябовской мануфактуры. Михаил приглядывался к происходящему и ничего толком понять не мог. Рабочие скрипели зубами на Рябова, на его порядки. А Михаил видел в нём доброго, рассудительного человека, нескупого, совершенно лишённого барских замашек. И не раз убеждался в этом, сопровождая Рябова в Юрятино и Тарусу, куда тот каждое лето отправлялся порыбачить да похлебать вволю «демьяновой ушицы», как в шутку он именовал местную ржаную водочку добросовестной выгонки.

Однажды, на Оке, ранним утром, они с Рябовым сидели в лодке и удили лещей. По реке косяком тянуло туман.

Солнце никак не могло пробить его. В стороне Алексина послышалась гармошка, потом песни. Пели мужские голоса. Песни были то разухабисто-весёлыми, то такими тоскливыми, что Рябов невольно отложил удочку и прислушался. Из тумана выползла баржа. На барже стояли и сидели солдаты.

— Куда вас, служивые? — крикнул Рябов.

— Известно куда, — ответили ему с баржи. — На войну.

— На какую войну? — невольно удивился Рябов.

— На германскую. А вы что, не знаете? Вот народ в Тарусе живёт! Война началась, а они не знают, рыбу ловят… Всё им нипочём!

В сентябре 1915 года призвали и Михаила. Вначале попал в расквартированный в Москве 55-й пехотный запасной полк. Затем, как имеющий шестиклассное образование, был

откомандирован в Грузию, в город Телави, в школу прапорщиков. На фронте не хватало младших командиров. Весной 1916 года, сменив юнкерские погоны на погоны прапорщика, Ефремов сразу же отправился в действующую армию, на Юго-Западный фронт. Ефремов был зачислен в тяжёлый артиллерийский дивизион и в его составе принял участие в знаменитом Луцком прорыве в Галиции.

Военная служба ему нравилась. Дисциплинированный, требовательный к себе и подчинённым, аккуратный, опрятный. Батарейцы его любили за то, что в бою он был всегда рядом, не чурался заменить хоть наводчика, хоть замкового, хоть подносчика снарядов, когда кто-либо из прислуги выбывал. Его орудия стреляли точно, расчёты действовали без задержек. Вне боя не высокомерничал, как иные офицеры из благородных. Солдатскую душу понимал. И знал, что на батарее его за глаза называют «наш прапор».

Вскоре в окопах и на батарее появились листовки. Их приносили какие-то странные юркие люди, одетые в солдатские шинели, но на солдат непохожие.

— Анархисты, — пояснил знакомый подпрапорщик из первой батареи. — Революционеры, агитаторы. Мутят воду… Сволочи…

А через несколько дней восстал 223-й пехотный Одоевский полк, который батарея прапорщика Ефремова всегда поддерживала в бою. Солдаты штыками закололи нескольких офицеров, вылезли из окопов и пошли брататься к австрийцам… И — закрутилось-завертелось. Солдаты, целыми ротами и батальонами, стали покидать позиции и дезертировать в тыл. Ефремову это не нравилось. Как можно оставлять фронт? Бросать окопы? Орудия? А — присяга? Но вскоре стихия хаоса захватила и его.

— Сымай, прапор, погоны, — сказал ему пожилой батареец. — А то товарищи на штыки подымуть. Или твои погоны гвоздями к плечам прибьють. С них не станется…

В Москве он разыскал старых друзей и знакомых. Вернулся на фабрику. Начались долгие рабочие дни с мизерной зарплатой, на которую почти невозможно было прокормить даже себя, не говоря уже о помощи родителям и семье. На заводах начались забастовки. И вот пронеслось:

— Керенский бежал!

— Юнкера засели в Кремле!

Михаил записался бойцом в один из Замоскворецких рабочих красногвардейских отрядов. К счастью, в Замоскворечье обошлось без большой крови. Юнкера и студенты Коммерческого института, а также три школы прапорщиков вначале засели в

Александровских казармах, а потом сложили оружие. Но через несколько дней Ефремову и его товарищам всё же пришлось принять участие в уличных боях. Рабочие оказались неважнецкими стрелками. В основном палили для острастки, в белый свет как в копеечку. Михаил начал показывать, как правильно нужно обращаться с винтовкой. Как её чистить. И как из неё вести прицельный огонь. Так когда-то в гравёрном цеху его учили держать рабочий инструмент. Но настало иное время. И основным его рабочим инструментом стала винтовка. Его назначили инструктором 1-го Замоскворецкого красногвардейского отряда. С этого началась его карьера в новой армии.

Летом 1918 года Ефремова назначили командиром роты 1-й Московской пехотной бригады. С тех пор вся его жизнь будет связана именно с пехотой. Он командовал батальоном, а затем сводным отрядом под Новохопёрском, 13-м Астраханским железнодорожным полком под Астраханью. Под Царицыном, в период активных боёв, вступил в партию большевиков. Рекомендацию ему дал председатель Временного военно-революционного комитета Астраханского края С. М. Киров. Там он подружился с Миронычем. Вскоре получил новое назначение, став начальником обороны всех железных дорог, находящихся в полосе действия 11-й армии. Основной ударной силой, которой он в то время располагал, были особый отряд бронепоездов. Именно блестящим маневром бронепоездов Ефремов вскоре проведёт ошеломляющую операцию по захвату Баку.

Приказ о начале операции, подписанный командующим 11-й армией М. К. Левандовским[74], Ефремов получил 25 апреля 1920 года. Четыре бронепоезда под общим командованием Ефремова должны были составить ударную группу Кавказского фронта, которым в то время командовал М. Н. Тухачевский. На головном бронепоезде во время атаки рядом с Ефремовым находился член Кавказского крайкома партии А. И. Микоян.

В Баку в то время брали силу националистические настроения довольно многочисленной группы местного населения — татар. Распад империи будил сепаратистские настроения. Татарская мусульманская партия или, как её называли большевики в своих листовках и на митингах, «бекско-ханская феодальная организация» «Муссават» провозгласила лозунг: «Закавказье — для закавказцев!» Попытка потеснить русских закончилась так называемыми Шамхорскими событиями, когда местные власти попытались отнять оружие у русских воинских частей, прибывающих с фронта. Очевидец тех событий бывший кадет Б. Л. Байков в своих «Воспоминаниях о революции

в Закавказье (1917–1920 гг.)» писал: «Вынужденные двигаться в ту же сторону, то есть на Елисаветполь — Баку, воинские части, озлобленные участью своих боевых товарищей, пошли дальше уже как по вражеской стране, сметая по своему пути всё татарское население, принимавшее и не принимавшее участие в кровавых Шамхорских и иных нападениях. Местами войска шли боевым порядком, громя всё из орудий и пулемётов». Попытка разграбить воинские эшелоны не удалась. Но вслед за этим татары устроили резню местным армянам, в которой погибло до 20 тысяч армян. Турецко-азербайджанская армия под командованием Мурсала-паши обложила блокадой Баку и нефтеносные районы, населённые в основном русскими, а также армянами и другими народностями. «Муссават» опирался именно на эти штыки. Турецкую армию поддерживали немцы.

Рейд бронепоездов под командованием Ефремова положил конец и националистическим вожделениям местной элиты, и интригам англичан и немцев, и агрессии турок. За удачно проведённую операцию, закончившуюся установлением в Азербайджане советской власти, отважному командиру бронепоездов был вручён орден Красного Знамени и азербайджанский орден Красного Знамени № 1 с гравировкой на обороте: «Тов. М. Г. Ефремову за Баку. 1920 г.».

Одновременно Реввоенсовет 11-й армии за образцовое выполнение боевого задания, который впоследствии войдёт в историю Гражданской войны как *Бакинский рейд,* наградил Ефремова золотой именной саблей. В подарок от Ревкома Азербайджанской Советской Социалистической Республики ему была вручена хрустальная ваза, оправленная драгоценными камнями. Второй орден Красного Знамени АзССР он получил с гравировкой «За Гянджу».

На фотографии 1939 года на груди у Ефремова: ордена Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, два ордена Красного Знамени АзССР и медаль «XX лет РККА». Ещё один орден Красного Знамени ему будет вручён за Московскую битву. Судьба всех этих наград, кроме азербайджанского ордена № 1, неизвестна. Саблю после войны Елизавета Васильевна Ефремова передала тогдашнему 1-му секретарю компартии Азербайджана Гейдару Алиеву в его знаменитую коллекцию холодного оружия. В той коллекции она хранится и поныне. Знатоки утверждают, что коллекция клинков Алиева одна из лучших в мире.

Вазу украли бандиты. Вот как это произошло. В 1921 году Ефремов вступил в командование 33-й стрелковой дивизией, которая дислоцировалась под Пятигорском и Кисловодском. 33-я

стала первым крупным пехотным соединением, которым командовал Ефремов. 33-я армия — последним. Магия чисел! И вот молодой комдив со своей юной женой отправился к новому месту службы. На поезд, в котором они ехали, напала банда. Ефремов и несколько командиров решили забаррикадироваться в тамбуре, чтобы дать им отпор. Но их перехватили в коридоре вагона, скрутили. Вытащили на платформу. Заставили снять шинели, сапоги. Связали руки за спиной, примотали друг к другу попарно и повезли к атаману. Бандиты, оставив часового возле связанных, бросились грабить вагоны. Командиры вскоре развязали руки. Ефремов сказал часовому: «Земляк, у меня в кармане деньги. Порядочная сумма. Двух коней можно купить. Возьми эти деньги. Всё равно сейчас твои дружки заберут». Часовой подошёл к Ефремову. Когда тот нагнулся и начал отстёгивать клапан нагрудного кармана, Ефремов сильным ударом свалил его с ног. Часового связали. И один за другим спрыгнули с платформы. Босиком, по снегу, они добрались до ближайшей деревни. В Пятигорск приехали уже другим поездом. Елизавета Васильевна ждала его на перроне. Они увидели друг друга, обрадовались — живы и здоровы. Елизавета Васильевна успела спрятать ордена мужа. Их не нашли. А о вазе особенно не горевали.

В феврале 1921 года 33-я дивизия совместно с отрядом осетинских партизан, перейдя через снега Мамисонского и Гебского перевалов Кавказских гор, атаковала грузинские меньшевистские войска, оккупировавшие осетинские земли и оттеснила их. В Грузии местные большевики, координировавшие свои действия со штабом 11-й армии, подняли антиправительственное восстание. Через четыре дня образованный коммунистами Грузинский ревком обратился к Советской России с просьбой о помощи войсками…

В том же 1921 году Ефремов участвовал в военной операции по подавлению крестьянского восстания в Тамбовской губернии. Хорошо понимая природу этого восстания, он разговаривал с пленными крестьянами, отсылал их обратно в отряды с целью уговорить односельчан доброй волей сложить оружие. И некоторые мелкие группы вскоре бросали оружие и расходились. Хотя подавление любого бунта, как известно, без крови не обходится. Здесь, на Тамбовщине, Ефремов командовал Московской отдельной курсантской бригадой. С нею вскоре отбыл на север, в Карелию. Финны вторглись в пределы Советской Карелии. Шли бои с регулярными частями Красной армии. Реввоенсовет Республики в спешном порядке создавал Карельский фронт, разделив его на Северную и Южную завесы.

Командование Южной завесой было поручено Ефремову. Здесь произошла неожиданная радостная встреча с другом детства: начальником штаба в Южную завесу Карельского фронта был прислан товарищ по играм в Тарусе Павел Григорьевич Егоров. К весне 1922 года финские войска были вытеснены с территории Советской России. Началось укреплении границы.

В 20-е годы, когда наступило затишье, Ефремов занялся учёбой. В 1922 году он окончил Высшие академические курсы высшего командно-начальствующего состава при Военной академии РККА. И сразу же получил назначение в 14-ю Московскую стрелковую дивизию. В апреле 1924 года он был переведён в 10-й стрелковый корпус, где получил 19-ю Тамбовскую стрелковую дивизию. Корпусом командовал П. Е. Дыбенко, бывший председатель Центробалта. Тогда-то и завязалась их дружба.

Летом 1926 года Ефремов был срочно отозван в Главное управление кадров РККА с предписанием сдать дивизию для получения нового назначения. Его ждал Китай и должность старшего советника Народно-революционной армии, там он познакомился с В. К. Блюхером. Через год, после возвращения из Китая, Ефремов принял командование 18-й Ярославской стрелковой дивизией, которой во время Гражданской войны командовал И. Ф. Федько. В 52-м полку этой дивизии начальником штаба служил П. И. Батов, который после войны, вспоминая своего бывшего комдива, рассказывал, что Ефремов много внимания уделял тому, чтобы офицеры, в том числе и штабные работники, овладевали смежными специальностями. К примеру, самому Батову пришлось стажироваться в должности наводчика, командира орудия, командира огневого взвода, артиллерийской батареи, дивизиона. По итогам стажировки сдавали зачёт по полной программе. Как правило, на зачётных занятиях присутствовал сам комдив Ефремов. И вот настал черёд сдавать зачёт Батову. Он отлично провёл стрельбы и был удостоен высшей награды, учреждённой Ефремовым, — денежной премии в сумме 300 рублей с объявлением благодарности.

Но Ефремов и сам постоянно учился: жадно читал военные журналы, книги, умел учиться и у своих товарищей, и у своих командиров, и у подчинённых. Вот какую характеристику получил комдив Ефремов от Высшей аттестационной комиссии при РВС СССР (документ датирован 28 мая 1929 года): «Энергичный, инициативный, дисциплинированный работник. Общую военную подготовку имеет удовлетворительную. В оперативных и тактических вопросах разбирается. Имеет боевой опыт. Руководство подготовкой частей дивизии — правильное.

Руководство хозяйственной жизнью частей — правильное, хороший администратор. С обязанностями единоначальника справляется, однако, как единоначальнику, необходимо уделить внимание партийно-политической самоподготовке. Работает над собой, как по вопросам общеполитическим, так и военным. Хороший товарищ, скромный, не выпячивающий себя. Критически относится к себе. Указания начальника воспринимает и проводит в жизнь с должным вниманием. В обращении с подчинёнными и во взаимоотношениях с начальниками весьма корректен. Заботится о подчинённых.

Общий вывод: должности комдива вполне соответствует. Может быть выдвинут в очередном порядке комкором»[75].

В 1929 году Ефремов получил предписание: выехать в Ленинград для обучения в Военно-политической академии им. Н. Г. Толмачёва на факультете единоначальников. В городе на Неве он снова встретился с Миронычем, теперь 1-м секретарём Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) и кандидата в члены Политбюро ЦК партии. Ефремов часто бывал у С. М. Кирова в гостях, тот рассказывал о некоторых сложностях в работе, которые возникли в последнее время.

Через год Ефремов вернулся в войска, получив в командование 63-й стрелковый корпус, а в 1930 году был зачислен в особую группу Военной академии им. М. В. Фрунзе, в числе слушателей которой были знаменитые кавалеристы Гражданской С. М. Будённый и О. И. Городовиков. В воздухе пахло надвигающейся грозой. Академический курс значительно перестроили, так что большая часть учебного времени была отведена оперативно-тактической подготовке слушателей. Лекции в аудиториях закреплялись основательной полевой практикой на полигоне в Гороховецких лагерях.

В 1933 году Ефремов успешно окончил курс обучения и получил следующую аттестацию: «Здоровый, энергичный, выносливый строевой командир. Пришёл в академию с большим практическим стажем гражданской войны, с ограниченными знаниями в области общей тактики и штабной службы, с достаточным политическим развитием, недостаточно грамотный.

Академический курс усвоил хорошо, значительно вырос в области тактического развития и оперативного искусства, хорошо изучил технику штабной службы. Пополнил политические знания, значительно повысил грамотность, изучил дополнительно английский язык[76].

За время нахождения в академии к обязанностям своим как слушателя, так и обязанностям курсового старосты относился с полной внимательностью. Дисциплинирован, тактичен, во

взаимоотношениях с окружающими хороший товарищ. В работе ровный и спокойный, не растеривающийся в боевой обстановке.

Вполне заслуживает должности командира стрелкового корпуса, единоначальника. К штабной работе менее пригоден, по свойствам своего характера, безусловно, более будет полезным на строевой службе».

На аттестационном листе есть резолюция Б. М. Шапошникова: «С аттестацией и выводами согласен. Достоин выдвижения на должность помкомвойск округа».

Затем была служба в должности командира 12-го стрелкового корпуса, который дислоцировался в районе Саратова и Аткарска, при назначении, 20 ноября 1935 года, Ефремову было присвоено звание комдива.

Восьмого июня 1937 года Ефремову присвоили очередное воинское звание (комкор), а в ноябре того же года его направили в другой военный округ — Забайкальский.

Служба в Забайкалье оказалась недолгой. И прервана она была телефонограммой наркома обороны К. Е. Ворошилова: срочно прибыть в Москву. Ефремов ехал в Москву и думал: или новое назначение, или суд скорый…В стране шли аресты. Уже расстреляны маршал Тухачевский, начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе командарм 2-го ранга А. И. Корк, командующий Белорусским военным округом командарм 1-го ранга И. П. Уборевич и многие другие, кого лично знал Ефремов. Уборевича тоже вызвали в Москву звонком и сняли с поезда в пути, в Вязьме, а в Москву привезли на «воронке» и — прямо на Лубянку, во внутреннюю тюрьму НКВД… 1-й замнаркома обороны СССР и начальник Политуправления РККА армейский комиссар 1-го ранга Я. Б. Гамарник был поспешно уволен из армии и застрелился. Газеты писали: «Бывший член ЦК РКП(б) Я. Б. Гамарник, запутавшись в своих связях с антисоветскими элементами и видимо боясь разоблачения, 31 мая покончил жизнь самоубийством». Расстрелян начальник Управления по начсоставу РККА комкор Б. М. Фельдман. Командующий Киевским военным округом командарм 1-го ранга И. Э. Якир. Р. П. Эйдеман, В. М. Примаков, Г. Д. Гай, Б. М. Фельдман. Военно-троцкистский заговор… Все были признаны виновными. Измена родине… Измена Рабоче-крестьянской Красной армии… В составе Специального судебного присутствия Верховного суда Союза ССР, которое рассматривало дело, В. К. Блюхер, Б. М. Шапошников, С. М. Будённый, П. Е. Дыбенко и другие хорошо известные военачальники. Ошибки быть не могло. В «Правде» был опубликован полный список заговорщиков и приговор.

Вспомнилось лето 1921 года… Тамбовщина… Операцией по

ликвидации крестьянских повстанческих отрядов руководил тогда Тухачевский. Требовал жестоких мер. Выговаривал и ему, Ефремову, что либеральничает с мужиками. Вспомнился вырезанный под Злотовкой Коммунистический интернациональный отряд имени Троцкого. В одном селе крестьяне ему рассказали: Герасим Павлович Антонов — бывший народный учитель а *с ним ещё двое* — Авдеич, бывший прапорщик Авдеев, и Тулуп, парень из крестьян. Никакого зла, мол, им Антонов не чинит. А вот от губпрод-комиссара Гольдина, который сидит в Тамбове и рассылает во все уезды и волости свои отряды, спасу нет. Зерно осенью из амбаров выгребли всё подчистую! А зимой от голода дети перемёрли…

С Якиром вместе служил друг детства Ефремова комбриг Д. Г. Егоров. После расстрела троцкистов 12 июня прошлого, 1937-го, года в округе начались аресты. Даниила начали трепать по партийной линии. Нагрянула проверка. В отчётах появилось нелепое: «Враг народа…» Обо всём этом Ефремову рассказал Павел Егоров. Тогда начали думать: что можно сделать, чтобы отклонить абсурдное обвинение, спасти друга и брата? И Ефремов послал на имя С. К. Тимошенко, который командовал Киевским военным округом, хороший отзыв о Егорове. Он написал, что комбриг Д. Г. Егоров — честный, преданный родине офицер, что знает его с детских лет, что служил с ним вместе в Карелии во время карело-финской войны 1922 года, что ручается за него. Тогда это подействовало. Дело закрыли.

А недавно арестован Павел Ефимович Дыбенко. Судьба его неизвестна.

Военно-троцкистский заговор. В какое-то мгновение он тоже в него поверил. Но когда начались аресты в нижних эшелонах, когда люди из ведомства Н. И. Ежова начали выхватывать командиров корпусов, дивизий… Ефремов хорошо знал комкора И. С. Кутякова. Какой он враг народа? Болтун — да, но враг народа… Говорят-то другое, что Клим с Семёном испугались оппозиции, что их скоро потеснят люди помоложе. Вот и бросили в атаку свою Первую конную… Ефремов давно знал о неприязни Ворошилова к Тухачевскому. Избавился Клим от ненавистного ему «красавчика-дворянчика». В 1928 году, когда из Москвы с Казанского вокзала в запертом вагоне был выдворен Л. Д. Троцкий, именно К. Е. Ворошилов и С. М. Будённый настояли перед Сталиным, чтобы, следом за своим покровителем, из Москвы убрался и М. Н. Тухачевский. Что и говорить, конечно, Тухачевский провалил Варшавскую операцию, и 1-я конная кое-как спасала положение. Но судили-то его не за варшавский разгром…

Поезд наконец прибыл на Павелецкий вокзал. На вокзале Ефремова встречал порученец Генерального штаба и тут же на машине доставил к гостинице «Москва». Обычно Ефремов останавливался у родителей жены: Клавдия Тихоновна и Василий Фёдорович Воеводкины были добрыми и гостеприимными людьми и после того, как их дочь ушла от Ефремова к другому, начав новую жизнь, никакого предубеждения к бывшему зятю не испытывали. К тому же здесь Ефремов мог общаться с сыном Мишей, по которому очень скучал. Но теперь сопровождавший его офицер вежливо посоветовал комкору за пределы гостиницы пока, до особого распоряжения, не выходить. Ефремов тут же поинтересовался, кто, какое ведомство обладает этим правом особого распоряжения. И тут же получил ответ:

— НКВД.

А уже через час к нему в номер постучался офицер в форме этого всесильного ведомства и представился следователем по делу бывшего командующего Ленинградским военным округом…

Два с половиной месяца домашнего ареста, проведённые им в гостинице «Москва», были целой жизнью. Ещё одной, чудовищной, мучительной, которую, впрочем, он прожил тоже вполне достойно. Не смалодушничал, никого не оговорил. Два с половиной месяца следователь задавал ему вопросы, одни и те же по пять — десять раз. То ли провоцировал Ефремова на взрыв, то ли сознательно, методично ломал его, склоняя подчиниться обстоятельствам, потому как, мол, весь ход событий, все показания обвиняемого Дыбенко сводятся к тому, что он, Ефремов, тоже участник заговора против Сталина, родины, РККА. Но и у Ефремова было достаточно хладнокровия, твёрдости и убеждённости в том, что вздор не может стать правдой, если даже его повторить тысячу раз.

Пока он не мог понять, в каком качестве его допрашивают: как свидетеля или как обвиняемого. В гостиницу с Лубянки за ним приезжали на машине. После очередного допроса или очной ставки та же машина снова увозила назад, в гостиницу. Особенно потрясла Ефремова первая встреча с Дыбенко. Борода и усы были сбриты. И в первое мгновение он даже не узнал своего бывшего командира. Испуганный взгляд. Дрожащие руки. Ссутулившаяся спина и будто провалившиеся плечи. И такой же жалкий, дрожащий голос, которым он лепетал невообразимое…

— Прошу вас, — с едва заметной улыбкой внутреннего торжества победителя сказал следователь, — повторите то, в чём вы признались. Я имею в виду показания в отношении товарища Ефремова, которые вы подписали.

Дыбенко какое-то время молча смотрел в угол и потом, когда

следователь задвигал под столом ногами, проявляя явное нетерпение, откашлялся и, не поднимая глаз, тихо, без всякой интонации, сказал:

— Признаю, что я завербован и что завербовал также своего друга, бывшего подчинённого комкора Ефремова Михаила Григорьевича. Произошло это в Куйбышеве, в апреле, в прошлом году.

— Павел Ефимович! Паша! — Ефремов вскочил со стула, но тут же услышал жёсткий окрик сесть на место, и уже спокойно спросил, глядя на дрожащего Дыбенко: — Зачем вы меня оговариваете, товарищ Дыбенко? Ведь это не поможет вам!

Когда следователь приказал увести Дыбенко, после некоторой паузы задал ему такой вопрос, который тоже, изо дня в день, будет методично повторяться все эти два с половиной месяца:

— Вы будете давать чистосердечные признания в совершённом вами преступлении?

И он твёрдо ответил:

— То, о чём вы говорите, злой навет и вздор!

И так — два с половиной месяца. Пережитое в те дни и ночи в гостиничном номере и кабинете следователя НКВД потом долго будет напоминать о себе жуткими ночными кошмарами. В другой раз следователь заговорил с ним иным тоном.

— Послушайте, Михаил Григорьевич, вы ведь только вовлечены в заговор. И, я думаю, суд учтёт, что степень вашей вины не столь велика, чтобы за это лишать вас всего того, чего вы добились трудом и кровью. Добровольное признание и искреннее раскаяние будут свидетельствовать в вашу пользу как самый главный аргумент во всей этой истории.

Эге, братец, смекнул Ефремов, ведь и я в тактике и стратегии кое-что смыслю. И даже академию окончил. И имею прекрасную аттестацию, подписанную самим Шапошниковым. Не тебе мне ловушки расставлять. И ответил коротко:

— Наговаривать на себя не буду ни при каких обстоятельствах.

Семнадцатого апреля 1938 года в опостылевшем комфортабельном номере самой дорогой в Москве гостиницы, после тяжких размышлений, он написал своим размашистым почерком письмо К. Е. Ворошилову. Вначале он хотел обратиться лично к Сталину, но вдруг почувствовал, что этого делать не надо. Обратившись непосредственно к Сталину, он сразу же вывел бы влиятельнейшего Ворошилова из своих потенциальных союзников и возможных спасителей. Клим же получит письмо и обязательно покажет его и хозяину.

«КЛИМЕНТ ЕФРЕМОВИЧ!

Последнее моё слово к Вам. Пусть оно будет и к тов. Сталину. Я перед партией Ленина — Сталина, перед страной, советским правительством совершенно чист. Отдавал жизнь за твердыни Советской власти и в годы гражданской войны, и в национально-освободительной войне китайского народа против империалистов. И в любое время готов драться с врагами с такою же беззаветной преданностью и храбростью, как и раньше.

Если верите мне, то спасите от клеветы врагов народа. Их клевета, возведённая на меня, ни одним фактом не подтвердится. Я для партии большевистской был и остаюсь её верным сыном. Время и мои дела это подтверждают на любом посту и при любой опасности. В любое боевое пекло можете послать меня — или погибну смертью храбрых, или возвращусь к Вам, и Вы встретите меня с объятиями.

Лгать на себя не могу, используя Ваше ко мне отношение и исключительное внимание и заботу. Я за эти дни так исстрадался, что буду рад любому Вашему решению в отношении меня.

Я отнюдь не сомневаюсь, что если бы я был замешан в чём-либо нехорошем, я был бы прощён после того, как чистосердечно принёс бы раскаяние моё Вам, но, повторяю, наговаривать на себя просто не могу.

Прошу простить меня за принесённую Вам заботу. Мне тяжело невероятно!

Всегда Ваш — Ефремов М.

17.04.38.»[77].

Ворошилов прочитал это письмо и, как предполагал Ефремов, передал на ознакомление Сталину.

То, что Сталин читал это письмо, подтверждает резолюция, сделанная рукой К. Е. Ворошилова на обороте письма: «т. Сталину. Направляю копию записки Ефремова на моё имя. К. Ворошилов. 19.IV.38». А также — разговор, который вскоре состоялся в кабинете наркома обороны и в котором участвовали: Сталин, Ефремов, Ворошилов, Микоян и следователь НКВД по делу Дыбенко. В ходе того разговора и была решена судьба М. Г. Ефремова.

Потом, через месяц, он написал другое письмо — А. И. Микояну. В апреле 1920 года они вдвоём стояли на бронированной площадке бронепоезда «III Интернационал». Бронепоезд возглавлял колонну атакующих. Они летели вперёд, юные, бесстрашные, окрылённые общим порывом во что бы то ни стало выполнить задание командования. Они не знали, чем

закончится их атака.

И его рука невольно вывела:

«ДОРОГОЙ АНАСТАС ИВАНОВИЧ!

Обращаюсь к Вам, как к единственному боевому товарищу моему, который лично видел в боевой обстановке мою преданность…

…Убедительно прошу Вас вызвать к себе и выслушать меня. Вся клевета на меня будет опровергнута, и не будет в отношении меня в дальнейшем никаких сомнений.

…Я не виновен.

Ваш Ефремов Михаил.

20.05. 38 г. (Москва, гостиница «Москва»,

комната № 407, тел. К 3-09-42».

То ли пришло время и Сталин решил разобраться в деле Ефремова сам и поставить окончательную точку затянувшемуся разбирательству. То ли действительно сработал энергичный А И. Микоян, понимая, что, если следом за Дыбенко будет расстрелян и «враг народа» Ефремов, то из библиотек и программ военных академий будет изъят опубликованный и ставший классикой советского военного искусства рейд бронепоездов в операции по освобождению города Баку от мусаватистов и англичан. Среди организаторов и командиров этого рейда одним из первых значится имя А. И. Микояна. Нельзя, справедливо решил он, так расточительно поступать с героическими страницами своей биографии, которая уже давно слилась с биографией страны…

Как бы там ни было, но вскоре в кабинете К. Е. Ворошилова собрались пять человек: сам нарком обороны, И. В. Сталин, М. Г. Ефремов, А. И. Микоян и следователь НКВД. Сталин ознакомился со всеми документами пухлой папки, представленной сотрудником органов. Накануне он прочитал заключение партийной комиссии, которая напрочь отвергла обвинения в адрес Ефремова. Начался разговор. Сталин сказал, что Дыбенко всё же упорно свидетельствует о виновности Ефремова. Как быть с этим? Ефремов тут же отреагировал, что Дыбенко находится в крайне подавленном состоянии духа, что в данном случае можно вести речь не об аргументах в пользу вымышленной его, Ефремова, вины, а о полном умопомрачении обвиняемого. Сталин поднял глаза на комкора и ткнул пальцем в документы, якобы подписанные Ефремовым и свидетельствующие о его участии в заговоре против Сталина и правительства.

— Я этого не подписывал, — сказал Ефремов. — Это не моя

рука.

— Как вы можете это доказать?

— Я бывший гравёр. И хорошо вижу отличительные и характерные черты любого почерка, каждой буквы, — сказал Ефремов, тут же взял бумагу, карандаш и начал писать слова и буквы, сразу же поясняя, где и в чём допущены ошибки фальсификатором «документа».

Рассказывая потом эту историю сыну Ефремова Михаилу, А. И. Микоян справедливо заметил, что это была ещё одна битва героя взятия Баку — отважная битва за жизнь!

Ефремов настолько убедительно и настолько наглядно опровергал одно обвинение за другим, настолько бесхитростно и естественно излагал свои аргументы и приводил всё новые и новые факты, свидетельствующие о полной несостоятельности выдвинутых обвинений, что напряжённая обстановка вскоре разрядилась смехом. И ещё он был внешне совершенно спокоен. Как в бою. Это он выработал в себе ещё на батарее в Галиции. На всю жизнь. Потом, через четыре года, под Вязьмой, именно это спокойствие и умение держать себя в руках, не теряться в самые трудные минуты и будет восхищать его подчинённых. И многие запомнят своего командарма в последние дни, часы и минуты его жизни именно таким — спокойным, сосредоточенным, действующим.

Ворошилов и Микоян в один голос твердили о «плохой работе» следователя. В какой-то момент, воспользовавшись потеплением общей атмосферы разговора, Микоян воскликнул:

— Иосиф Виссарионович, освободите Ефремова под мою ответственность!

Сталин снова вскинул глаза. Улыбки исчезли с лиц. И он задал вопрос, который уже предполагал ответ, но Сталину хотелось услышать, что же скажет этот упорный и спокойный комкор, к которому он испытывал явные симпатии и в виновность которого не верил с самого начала. Он спросил:

— Скажите, верна ли версия следователей, что вы, Ефремов, могли предать советскую власть?

— Как же я могу предать власть, которая меня, сына батрака, поставила на ноги, выучила, воспитала и доверила высокий пост командующего военным округом?! Я, товарищ Сталин, не могу предать такую власть.

И тогда Сталин снова улыбнулся. Ответ ему понравился. Он посмотрел на Ефремова и подумал: этот комкор умеет держать свою позицию.

И только в лице генерала НКВД не дрогнул ни один мускул. Дело рассыпалось. А это могло угрожать большими

неприятностями и ведомству, к которому он принадлежал и которое здесь представлял, и лично ему. Ведь что стоит хозяину и этого кабинета, и другого, повыше, сказать между прочим его шефу о плохой работе следователя по делу Дыбенко — Ефремова…

— Товарищ Ефремов, — с улыбкой сказал Сталин. — Мы подумали и решили поручить вам Орловский военный округ. В Читу вам ехать не надо. Поезжайте прямо в Орёл, принимайте дела округа. Округ только что создан, и дел там много. А этому… — Сталин снова усмехнулся в усы. — Этому делу место не в архиве… Клим, — обратился он к хозяину кабинета, — ты *сюда* бросаешь ненужные бумаги? — И Сталин бросил папку в корзину, стоящую у стола.

Делом Дыбенко и Ефремова занимались следователи-«колуны» майор государственной безопасности М. С. Ям-ницкий и лейтенант государственной безопасности В. М. Казакевич. Через несколько месяцев, в ноябре, на посту наркома внутренних дел Н. И. Ежова сменит Л. П. Берия и Ямницкого арестуют, а еще через три с половиной месяца расстреляют. Казакевич выживет и при Берии, будет служить в Особых отделах и СМЕРШе, а в 1948 году в звании полковника выйдет в отставку с хорошей пенсией…

В гостиницу «Москва», в ненавистный номер, Ефремов возвращался пешком. Как хорошо и свободно было на душе! В гостиничном коридоре его уже ждал сын Миша. Все эти дни он приходил к нему и был, пожалуй, единственным желанным гостем и собеседником. Приносил пироги, которые передавала заботливая Клавдия Тихоновна: её он уважал и любил, как мать. Миша был связующим звеном той нарушенной цепи, которая все эти два с половиной месяца, оборвавшись совершенно внезапно, разделила жизнь на две части. И одна часть, замкнутая здесь, в роскоши номера класса «люкс», очень быстро стала тонуть в чёрных водах абсурда, хлынувшего через все видимые и невидимые щели бытия. Но Ефремов, всегда, в любых обстоятельствах умевший вовремя обнаружить опасность, решил не сдаваться и теперь. Как хорошо, что рядом был Миша!

Миша был больше похож на мать. Почти ничего ефремовского, вглядываясь в лицо и фигуру сына, думал Ефремов. У всех Ефремовых носы так носы, а у этого… Мама. Ефремов вздохнул. И ростом не в него, разве что осанка его да целеустремлённость. Ефремов знал, что сын после школы мечтает поступить в бронетанковое училище. Правда, выбор сына Ефремов не разделял. Видел: характер не тот, слишком романтичный, мамин характер. Но сын станет военным,

лейтенантом будет воевать в Карелии, потом в 33-й армии — уже после смерти отца.

Через месяц М. И. Калинин вручил Ефремову орден Ленина: за выдающиеся успехи в боевой и политической подготовке войск. А также юбилейную медаль «XX лет РККА», ею Ефремов гордился особенно.

Четвёртого мая 1939 года во время очередных учений войск Орловского военного округа случилось ЧП: в реку упал самолёт Р-5. Бойцы и командиры тут же бросились спасать лётчиков, все были спасены, никто не погиб. В приказе М. Г. Ефремов писал: «Бойцы и командиры проявили чувство долга воина и гражданина, спасая самое ценное для нашей страны — жизнь человека»[78]. Все, участвовавшие в спасении лётчиков, были отмечены благодарностью в приказе. И это тоже было учёбой, серьёзной учёбой перед суровыми испытаниями: во время боёв бойцы-пехотинцы, зачастую рискуя жизнью, будут вытаскивать своих товарищей из горящих самолётов и танков, не отдавая их ни врагу, ни смерти.

Членом Военного совета округа в это время служил корпусной комиссар Ф. А. Семеновский[79]. Они сохранят дружбу на всю жизнь. Погибнут в одной местности. И будут похоронены рядом. Но это тоже будет уже потом…

Пятого декабря 1939 года Ефремову было присвоено очередное воинское звание командарм 2-го ранга. 7 мая 1940 года Президиум Верховного совета СССР своим Указом ввёл генеральские воинские звания для лиц высшего начальствующего состава Красной армии, а 4 июня М. Г. Ефремову было присвоено звание генерал-лейтенант. В том же месяце Ефремов был назначен командующим войсками Северо-Кавказского, а уже в августе — Закавказского военного округа.

5

Июнь 1941 года застал его в должности 1-го заместителя генерал-инспектора пехоты РККА (её он занимал с января 41-го). 22 июня, в первый же день войны, он подал рапорт на имя наркома обороны СССР маршала Советского Союза С. К. Тимошенко с просьбой направить его на фронт в действующую армию: на любую должность, на любой участок. Ответа не последовало. Особенно тяжело было знать, что многие его боевые товарищи и сослуживцы воюют. Пришло известие, что 14-й корпус, которым командовал Даниил Егоров, своею 51-й стрелковой дивизией на судах Дунайской речной флотилии

атаковал позиции румынской армии, захватил большие трофеи.

В начале июля, так и не дождавшись ответа на первый рапорт, Ефремов подал второй — теперь на имя председателя Государственного комитета обороны СССР И. В. Сталина. В конце месяца Ефремова вызвал начальник Генерального штаба Г. К. Жуков и вручил предписание о назначении его 24 июля на должность командующего 21-й армией. Поставил задачу: активными действиями сковать силы противника и тем самым ослабить его наступление на Смоленском направлении. Держать глухую оборону, наступать осторожно, только ограниченными силами на отдельных направлениях. Жуков предупредил, что соседи у него более слабые. Многие корпуса и дивизии недавно вышли из окружения, приводят себя в порядок.

К тому времени 21-я представляла собой весьма крупное соединение — 20, 28, 63 и 67-й стрелковые, 25-й механизированный корпуса, 50 и 55-я танковые, 219-я моторизованная дивизии и 696-й полк противотанковых орудий; всего 162 тысячи человек. Начальник штаба армии генерал-майор В. Н. Гордов[80] доложил обстановку, расположение дивизий. Ефремов сразу же поехал на передовую, в войска. Гордов понравился: оперативную обстановку знает хорошо, все акценты расставляет точно, недостатки не замасливает, правде в глаза умеет смотреть открыто. Они ехали тогда по пыльной дороге в сторону Рогачёва, разговаривали и не знали, что судьба проведёт их по одним и тем же дорогам: вскоре после гибели Ефремова под Вязьмой Гордов примет 33-ю армию и будет воевать с теми офицерами и солдатами, с которыми Ефремов держал фронт в 1941 году под Наро-Фоминском, а в 1942 году по январскому снегу маршем двинулся на Вязьму. Что сразу после войны его направят на работу в Приволжский военный округ, в Куйбышев, где и прервётся его блестящая карьера.

Прибыли в штаб 63-го стрелкового корпуса, который в предыдущих боях особенно отличился и на который снова ложилась основная тяжесть теперь уже оборонительных боёв. Корпусом командовал генерал Л. Г. Петровский[81]. Ефремов знал его историю. Помнил и бывший свой 63-й корпус, был знаком со многими командирами дивизий и полков. Наслышан был о новом командующем и Петровский. Но о своём недавнем прошлом ни во время этой встречи, ни потом, когда оставались одни и речь заходила о доме и друзьях, они не проронили ни слова. Бережёного бог бережёт, а болтливого конвой стережёт…

Восьмого августа из Ставки пришла телефонограмма о новом назначении Ефремова: он вступал в должность командующего Центральным фронтом. Дела ему передавал генерал-полковник Кузнецов[82], которого переводили с понижением в Крым — на 51-ю армию. Снова Ефремову пришлось принимать у Кузнецова дела. Две недели назад, прибыв в 21 — ю, он сменял на посту командарма именно его, Фёдора Исидоровича. Ставку не устраивала медлительность и нерасторопность Кузнецова, его нерешительность как командующего соединением, которое сейчас должно было схватиться с крупнейшей группировкой противника, уже сконцентрированной в исходных районах и изготовившейся для удара. Центральный фронт состоял из трёх армий: 21, 13 и 3-й. Самой боеспособной была 21-я, 13-ю генерал К. Д. Голубев только что вывел из окружения, в таком же положении находилась и 3-я армия: приводили себя в порядок, пополнялись маршевыми ротами и призывниками, набранными в близлежащих районах полевыми военкоматами.

Девятого августа немцы атаковали, на участке ослабленной 13-й армии, прорвали фронт и ввели в брешь более 100 танков с пехотой. Голубев запросил разрешение на отход — армии грозил полный разгром. Ефремов дал согласие и срочно перебросил туда, под Хотимск, 155-ю стрелковую дивизию из состава 21-й армии. Если бы этот манёвр запоздал, 45-й стрелковый корпус 13-й армии был бы раздавлен. Трагизм событий тех дней может проиллюстрировать фрагмент из боевого донесения командарма-13 в штаб Центрального фронта. Генерал Голубев, только что вырвавший основные силы своих дивизий из окружения, сообщал следующее: «Армия вынуждена действовать при наличии противника с северо-востока и запада. Реальные силы армии — 155-я сд, 52-я кд, слабые части 4-го вдк и 50-й тд, которые в общей сложности имеют около 1600 штыков и 20 танков. Остальные силы ведут бой в окружении в районе Климовичей или выходят из окружения мелкими частями. В некоторых полках осталось по 100–150 штыков. Свои возможности формирования новых частей за счёт тылов исчерпаны включительно до сапёров и связистов. Оружие также не получаем»[83].

Во время этих боёв произошло событие, которое впоследствии войдёт в историю Великой Отечественной войны отдельным эпизодом. Но никто из историков и военных писателей не связывал его с тем, что произойдёт под Вязьмой в апреле 1942 года. А связь, между тем, прямая. Судьбы командира 63-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Л. Г. Петровского и командующего 33-й армией генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова

сойдутся в той наивысшей точке, в которой человек проявляет себя во всей своей полноте.

Тем временем 63-й корпус 21-й армии дрался в полном окружении. Немцы настолько плотно закрыли горловину окружения, что стало понятно: соединению в полном составе не пробиться. Ефремов, исчерпав все возможные средства вызволить из кольца обречённых на гибель и плен, послал в окружённую группировку самолёт. Накануне во время авианалёта на штаб 21-й армии был ранен исполняющий обязанности командующего генерал-майор В. Н. Гордов. Лётчик, направленный к Петровскому, имел пакет с приказом, в котором, в частности, было и следующее: «…2. В командование 21-й армией немедленно вступить комкору-63, генерал-лейтенанту Петровскому.

3. В командование 63 ск вступить командиру по назначению Петровского.

4. О допущенном командире для командования 63 ск Петровскому немедленно доложить Военному совету фронта».

Лётчик тихоходного Р-5 выполнил приказ, благополучно приземлился у села Святое, где находился КП 63-го стрелкового корпуса, вручил Петровскому приказ комфронта. Тот прочитал его и на обороте написал, что просит командующего отложить его назначение до выхода корпуса из окружения.

Когда самолёт вернулся назад, начштаба полковник Л. М. Сандалов[84] с горечью сказал Ефремову:

— Петровский не выполнил приказ. Зря.

Ефремов внимательно посмотрел на своего начштаба и сказал:

— Петровский — настоящий офицер. И до того, как получить наш приказ, он отдал себе свой. И сейчас его исполняет. Как офицер, он имеет на это право.

В районе Чеботовичей близ Гомеля Петровский сосредоточил два полка 154-й и остатки 232-й стрелковых дивизий. И пошли на прорыв через порядки немецкой 154-й пехотной дивизии. Комкор был смертельно ранен…

Центральный фронт просуществовал недолго, 25 августа он был расформирован, а управление и войска переданы Брянскому фронту. Но несколько раньше произошло событие, о котором следует рассказать особо. Военные люди на войне воюют: солдат в своём окопе, офицеры — каждый на своём месте, некоторые тоже в окопе, рядом с бойцами, некоторые на КП роты, батальона, полка и так далее. Но были во время Великой Отечественной войны высокопоставленные люди в военной форме, которые считали, что видят проблему гораздо шире фронта того

соединения, представительствовать от имени Ставки в которое были поставлены. Шире, и, главное, глубже. Они получали такие же полководческие ордена, которые получали настоящие военачальники. Я имею в виду членов Военного совета армий и фронтов. Как известно ими были партийные функционеры Л. З. Мехлис, Н. С. Хрущов, Н. А. Булганин и многие другие. Мехлис, к примеру, умудрился получить все полководческие ордена, кроме ордена Богдана Хмельницкого. Даже П. К. Пономаренко, о котором вынужденно пойдёт речь ниже, имел полководческий орден Суворова 1-й степени. Хотя военным никогда не был. Он окончил Московский институт инженеров транспорта, с 1937 года работал в аппарате ЦК ВКП(б), где, видимо, прошёл ту партийную школу, которая и помогала ему потом в жизни добиваться высот, должностей, положения. В августе 1941 года Пономаренко был членом Военного совета Центрального фронта. 8 августа Ефремов принял фронт. Надо полагать, какое-то время ему потребовалось, чтобы сдать дела в 21-й армии своему заместителю и начальнику штаба В. Н. Гордову, какое-то — для того, чтобы принять фронт у отбывающего в Крым Ф. И. Кузнецова. Войска в это время находились в постоянных боях. А в это время, 14 августа, Пантелеймон Кондратьевич, как бдительный член Военного совета Центрального фронта, отсылает в Москву, в Ставку, на имя И. В. Сталина телеграмму следующего содержания:

«Считаю абсолютно необходимым доложить вам о следующем:

Кузнецов, будучи комфронта, всё время был связан с командармами, командирами корпусов и дивизий. Всегда точно знал обстановку на каждый момент. Малейшее шевеление частей противника становилось известно и вызывало контрмеры. В штаб беспрерывно звонили с фронта. Кузнецов считал до каждого орудия и до каждой сотни человек. Люди работали с огромным напряжением, к ним предъявлялись большие требования, хотя часто в невероятно грубой форме. Пишу это не для того, чтобы оправдать Кузнецова, а для того, чтобы показать, товарищ Сталин, что делается сейчас. В штабах, несмотря на усложняющуюся обстановку, наступило успокоение. Стали нормально, а то и больше спать и ничего не знать. Звонки почти прекратились. Руководство переведено, главным образом, на бумагу и поспевает в хвосте событиям. Положение на фронте перестаёт чувствоваться, а потом необоснованных хвастливых заявлений увеличивается. Если раньше даже действия разведывательных групп противника становились известными в ближайших штабах армий и фронта, то теперь, например, в ночь

на 13-е августа 117-я дивизия, почти без причин, за ночь убежала с фронта на 30 километров, в результате чего противник занял Довск и Корму, что фронту стало известно об этом только в 11 часов утра. Штаб 21-й армии и не узнал о бегстве целой дивизии, если бы она не напёрла на штаб армии.

Товарищ Сталин, глубоко чувствуя свою ответственность, заявляю, что с Ефремовым не выйдет дело. Он хвастун и лгун, я это могу доказать. Сейчас дело с руководством стало в несколько раз хуже, и это все чувствуют. Даже командиры, страдавшие от невероятной грубости Кузнецова, между собой говорят, что с Кузнецовым было тяжело работать, но воевать можно было уверенно. Я просил Мехлиса передать вам, что назначение Ефремова будет ошибкой, и вносил кандидатуру Ерёменко. Конечно, независимо от информации сделаем всё возможное для помощи Ефремову в улучшении руководства».

Что ж, фронт — это вам, Пантелеймон Кондратьевич, не партийный кабинет, куда подчинённые начальники и простые партийцы трезвонят день и ночь, и по делу, и без дела. К тому же телефонная связь на передовой — это, как известно, источник свежей и зачастую решающей информации для разведки противника. Радиомолчание — один из видов борьбы с немецкой разведкой. В это время шли упорнейшие бои, погибала в окружении 154-я стрелковая дивизия во главе с комкором Л. Г. Петровским.

В телеграмме несколько раз, с направленным явно в одну точку упорством, называется имя предшественника Ефремова генерал-полковника Ф. И. Кузнецова. Чувствуется, что Пантелеймону Кондратьевичу работать с Кузнецовым было легче. История взаимоотношений Ефремова и Пономаренко, их внезапной неприязни друг к другу пока ещё окутана историческим мраком. Но кое о чём всё же догадаться можно. Видимо, не случайно телеграмма Сталину ушла 14 августа, когда в критической ситуации оказалась часть 63-го стрелкового корпуса, попав в окружение вместе с командиром корпуса генерал-лейтенантом Л. Г. Петровским. Главное для авторов таких сигналов наверх было привлечь внимание. А там, если пришлют комиссию и прокурорскую проверку, на виновного можно повесить всё, в том числе и гибель корпуса.

Что же касается собственно последней фразы и, в частности, «даже командиры… между собой говорят…» — это не что иное, как обкатанное в партийном обиходе, в практике борьбы тысячи раз испытанное «мнение трудящихся». Вызывает только удивление, каким образом человек, настолько невоенный, мог получить полководческий орден Суворова 1-й степени. К

примеру, его боевой соратник генерал-полковник Ф. И. Кузнецов, командовавший и фронтами, и армиями, был удостоен лишь 2-й степени этого ордена.

Таким образом, можно предположить, что эта история имела и предысторию, что ещё за несколько дней до 14 августа Пантелеймон Кондратьевич ходатайствовал перед всесильным Мехлисом о нежелательности назначения Ефремова на должность командующего фронтом. Тогда возникает естественный вопрос: когда же Ефремов успел распустить войска, что это так сильно повлияло на их боевой дух? Партийные интриги. Хлопоты о себе и о своих. Ходатайства, устные и письменные. Не гнушались и клеветой, и доводами, которые трудно или даже невозможно было проверить. Ефремов был чужаком в этой особой полувоенной, полупартийной среде.

Что же Сталин? А Сталин умел доверять тем, кто ему был предан и кому он однажды поверил. Как верно заметил историк Б. В. Соколов: «Среди тысяч своих генералов Сталин особо выделял некоторых, внимательно следил за их деятельностью, рассчитывая в будущем выдвинуть на более высокие посты. И к поступавшим на них доносам относился снисходительно, не давая делу хода».

Пятнадцатого августа в штаб Центрального фронта пришли сразу две шифротелеграммы от Сталина. Первая — Пономаренко: «Вашу шифровку об Ефремове получил. Ваше поведение непонятно. Почему Вы молчали, когда снимали Кузнецова. Теперь же, всего через несколько дней после назначения Ефремова, Вы сразу определили, что он лгун, хвастун и у него ничего не выйдет. Вы член Военного Совета, а не наблюдатель, и обязаны добиться повышения требовательности к командирам армий и дивизий со стороны т. Ефремова, добиться непрерывной связи с армиями, дивизиями, знать оперативную обстановку и своевременно реагировать на неё. Вы обязаны и имеете возможность заставить Ефремова работать по-настоящему.

Предлагаю Вам начистоту объясниться с Ефремовым по существу содержания Вашей шифровки, с которой я знакомлю Ефремова, и добиться того, чтобы фронтовая работа шла по-большевистски. К вашему сведению сообщают, что в ЦК имеются очень благоприятные отзывы об Ефремове таких товарищей как Ворошилов и Микоян. Я уже не говорю о том, что Мехлис, ездивший для проверки, тоже хорошо отозвался о Ефремове».

Вторая — Ефремову: «Я получил от Пономаренко шифровку, где он плохо отзывается о Вашей работе и думает, что Вы не сумеете руководить фронтом, так как Вы не требовательны к своим подчинённым и не умеете их подтягивать, когда это

требует обстановка. Прошу Вас лично объясниться с Пономаренко и принять решительные меры к исправлению недостатков, имеющихся в Вашей работе».

Взаимоотношения Ефремова и Пономаренко не сложились с самого начала. Ефремов прекратил во вверенных ему частях мордобой, излишнее шелестение бумагами всевозможных отчётностей. Известны случаи, когда, к примеру, в штаб дивизии из штаба армии приходит распоряжение о срочной отчётности по 20–30 пунктам, среди которых и откровенно несвоевременно глупые. И начальник штаба вместо того, чтобы думать о том, как лучше расположить полк, распределить его силы и огневые средства, чем усилить и как обеспечить, должен тратить время на эту бумажную канитель. Ефремов всё это пресёк. Видя, что штабные работники спят по два-три часа и от недосыпа плохо соображают и зачастую не могут ответить на элементарные вопросы или заговариваются, приказал ввести режим, который мог позволить им в условиях боёв вести нормальную штабную работу. И тут же кое-кто остался не у дел и начал искать пути, чтобы всё поставить «на своё место».

Недавнее прошлое постоянно настигало Ефремова. Где-то в глубине, в тёмном подсознании, со скрежетом стальных дверей шевелились красные тесёмки пухлой папки, в которой было всё: и дружба с Дыбенко и Кутяковым, и близкое знакомство с Тухачевским, и многое другое, что, в изменившихся обстоятельствах, могло агрессивно восстать против него.

Надо было со всем этим, конечно же, считаться. В том числе и учитывать особенности характера и стиль работы постоянно находившегося рядом члена Военного совета. Но бить по морде подчинённых, чтобы таким образом «их подтягивать», он не мог и в силу своего воспитания, и в силу природного характера, и в силу понимания того, каким должен быть офицер, генерал для своих подчинённых. И здесь мне сразу же вспоминаются рассказы ветеранов 33-й армии, участников одного боя, во время которого немцы окончательно замкнули кольцо окружения Западной группировки и пытались развить атаку в тыл, на уничтожение частей, захваченных врасплох. Ефремов со своим адъютантом майором Водо-лазовым ходил вдоль цепи залёгших солдат и командиров, спешно собранных в тылах, и спокойным голосом ставил боевую задачу. И это его несуетливое спокойстви, и уверенный голос, как вспоминал тот бой бывший партизанский связной Николай Шибалин, «придавали уверенность в том, что мы отобьёмся, не пропадём». Уже свистели пули, уже начался миномётный обстрел, а он ходил вдоль цепи и говорил: «Вот твой участок. Окапывайся. Не робей».

Итак, Центральный фронт расформирован. Немцы овладели Смоленском, Рославлем, в окружении оказались многие наши дивизии, оставлен Могилёв. Конечно, Ефремов в какой-то мере не оправдал доверия Сталина: не остановил продвижение немцев вглубь страны. Историки и теперь спорят по поводу эффективности действий армий Центрального фронта в августе 1941 года и того, правильно ли поступила Ставка, расформировав его. Тем более что вскоре он будет воссоздан. Командующий войсками Юго-Западного направления маршал Советского Союза С. М. Будённый был категорически против расформирования фронта и предлагал, наоборот, усилить его 2–3 армиями, о чём, кстати, постоянно просил Ставку и сам Ефремов.

В конце августа, когда немцы вновь усилили нажим на позиции Красной армии, Сталин позвонил командующему Брянским фронтом генерал-лейтенанту А. И. Ерёменко[85] и задал ему несколько вопросов, в которых, как всегда, уже содержались и многие ответы.

«Не следует ли расформировать Центральный фронт?

3-ю армию соединить с 21-й и передать в ваше распоряжение соединённую 21-ю армию?

Мы можем послать вам на днях, завтра, в крайнем случае послезавтра, две танковые бригады с некоторым количеством КВ к ним и два-три танковых батальона. Очень ли они вам нужны?

Если вы обещаете разбить подлеца Гудериана, то мы можем послать ещё несколько полков авиации и несколько батарей РС. Ваш ответ?»

Ерёменко: «Моё мнение о расформировании Центрального фронта таково: в связи с тем, что я хочу разбить Гудериана и, безусловно, разобью, то направление с юга нужно крепко обеспечивать. А это значит, прочно взаимодействовать с ударной группой. По этому плану 21-ю армию, соединённую с 3-й, подчинить мне… А насчёт этого подлеца Гудериана, безусловно, постараемся разбить, задачу, поставленную вами, выполнить, то есть разбить его». Ерёменко, конечно же, без усиления его группировки трудно было разбить «подлеца Гудериана». Но и с армиями бывшего Центрального фронта задачу Верховного он не выполнил.

Ефремов был назначен заместителем командующего Брянским фронтом, Пономаренко — членом Военного совета. Две недели назад Сталин в довольно резкой форме одёрнул Пантелеймона Кондратьевича, однако теперь поступил точно по его рекомендации: командующим Брянским фронтом был назначен Ерёменко. Отношения Ефремова и Ерёменко тоже не сложились. Все предложения, которые вносил в ходе разработки

операций и действий армий и частей Брянского фронта генерал Ефремов, командующим отвергались, зачастую в грубой форме. Ерёменко тоже чувствовал покровительство Сталина и потому на заседаниях Военного совета фронта не церемонился ни с кем, недвусмысленно давая всем понять, что действует от имени самого Верховного.

Девятнадцатого сентября 1941 года, после того как Брянский фронт пропустил через свои порядки «подлеца Гудериана» и позволил ему замкнуть «котёл» под Киевом, где были разгромлены четыре наших армии и пленено 665 тысяч человек, Ерёменко, срывая злость по поводу собственных неудач, устроил разнос члену Военного совета 13-й армии. К тому времени ЧВС армии был уже другой — бывший и будущий секретарь ЦК КП(б) Белоруссии И. П. Ганенко. В архивах сохранилось его донесение в Ставку ВГК:

«Находясь на передовой линии фронта истекшей ночью, я с генералом Ефремовым вернулись в опергруппу штарма для разработки приказа о наступлении. Сюда прибыли командующий фронтом Ерёменко с членом Военного совета Мазеповым, при них разыгралась следующая сцена: Ерёменко, не спросив ни о чём, начал упрекать Военный совет в трусости и предательстве Родины, на мои замечания, что бросать такие тяжёлые обвинения не следует, Ерёменко бросился на меня с кулаками и несколько раз ударил по лицу, угрожал расстрелом. Я заявил — расстрелять он может, но унижать достоинства коммуниста и Депутата Верховного Совета он не имеет права. Тогда Ерёменко вынул маузер, но вмешательство Ефремова помешало ему произвести выстрел. После того он стал угрожать расстрелом Ефремову. На протяжении всей этой безобразной сцены Ерёменко истерически выкрикивал ругательства, несколько остыв, Ерёменко стал хвастать, что он, якобы с одобрения Сталина, избил несколько командиров корпусов, а одному разбил голову. Сев за стол ужинать, Ерёменко заставлял пить с ним водку Ефремова, а когда последний отказался, с ругательством стал кричать, что Ефремов к нему в оппозиции и быть у него заместителем больше не может, тем более что он не может бить в морду командиров соединений. Прошу принять Ваше решение».

Очевидно, набросившись на Ганенко, который вместе с Ефремовым прибыл с передовой, Андрей Иванович Ерёменко негодовал и на Ефремова. И Ефремов прекрасно понял, кому были адресованы «тяжёлые обвинения» в *предательстве Родины.* Но двухметровая глыба Ефремова внушала почтительное уважение даже такому драчливому забияке, как Андрей Иванович. Вот почему он не осмелился наброситься на Ефремова

с кулаками — хотя обычно начинал свою атаку на очередного провинившегося именно с этого, — а решил сразу стрелять. Но и выстрелить не посмел. Наверное, вовремя сообразил, что первым выстрелом может и не свалить Ефремова, и тогда тот просто задушит его своими ручищами.

Решение Сталина было следующим: Ефремова срочно отправили в тыл, формировать 10-ю армию. Ерёменко остался на своём месте, и его фронт был вскоре разгромлен «подлецом Гудерианом». При этом были сдан Орёл, Белёв и ещё несколько городов. Штаб армии был рассеян, а командование фронтом для генерала Ерёменко вскоре свелось к управлению всего лишь одной 3-й армией, к КП которой комфронта прибился со своим адъютантом на второй день после потери штаба. С разгромом Брянского фронта создалась угроза флангового удара войскам Западного и Резервного фронтов. Ставка, пытаясь спасти положение, направила в распоряжение Брянского фронта довольно значительные резервы. Но «генерал Ерёменко так и не смог наладить управление войсками, а 13 октября во время налёта немецкой авиации он был ранен. Ночью на самолёте Ерёменко переправили в Москву, а его обязанности стал исполнять начальник штаба фронта генерал Г. Ф. Захаров»[86].

Первого октября Ефремов приступил к формированию в тылу Южного фронта 10-й армии, которая вскоре войдёт в состав Западного фронта. Но в бой она вступила с другим командующим, а Ефремова вскоре после вступления Г. К. Жукова в должность командующего войсками Западного фронта отозвали в распоряжение Ставки.

7

Хронологически Наро-Фоминское сражение началось значительно раньше 1 декабря, ещё в октябре. 13 октября 1941 года командующий Западным фронтом отдал приказ № 0345 «О повышении стойкости войск при защите г. Москвы», который заканчивался словами: «Ни шагу назад! Вперёд за Родину!». К этому времени Можайскую линию обороны и её Волоколамский, Малоярославецкий и Калужский участки занимали: 16-я (генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский), 5-я (генерал-майор Д. Д. Лелюшенко, а после его ранения — генерал-майор артиллерии Л. А. Говоров), 43-я (генерал-майор К. Д. Голубев), 49-я армии (генерал-лейтенант И. Г. Захаркин). Управление 33-й армии, которое возглавлял комбриг Д. П. Онуприенко, Г. К. Жуков вывел в район Наро-Фоминска, в свой резерв.

Вскоре на рубежах Можайского УРа началось кровопролитное сражение. Основной удар группы армий «Центр» пришёлся на 5-ю армию. Противник рвался к Минской автостраде, по которой танковые и моторизованные колонны могли бы маршем двинуться на Москву. 20 октября 1941 года в Москве и прилегающих к ней районах было введено осадное положение. Оборона столицы в стокилометровой зоне возлагалась на войска Западного фронта, а оборона города — на войска Московского гарнизона. За три дня до этого комбриг Онуприенко получил из штаба Западного фронта приказ, подписанный Г. К. Жуковым, членом Военного совета Н. А. Булганиным и начальником штаба генерал-лейтенантом В. А. Соколовским, в котором было следующее:

«Штабу 33-й армии к 8.00 18.10 перейти в Бекасово, выдвинув КП — Наро-Фоминск.

2. Иметь в виду объединение командованием 33 А действие войск на Верейском и Боровском направлениях с 18. 10. 41 г.

3. Выслать к 6.00 18.10 делегата в штаб Западного фронта для получения приказа».

На Верейском и Боровском направлениях вели бои 113-я, 110-я стрелковые дивизии и 151-я мотострелковая бригада, а также 9-я танковая бригада. Они-то и составили основной костяк 33-й армии.

Ещё в период летних боёв, а точнее, в июле, командующим 33-й армией был назначен комбриг Дмитрий Платонович Онуприенко. Он был очень молод — ему шёл тогда тридцать пятый год, — но успел сделать довольно успешную карьеру. В

1928 году окончил Киевскую пехотную школу, служил в 23-м погранотряде войск ОГПУ в Каменец-Подольском, выполняя обязанности помощника начальника заставы. Спустя четыре года назначен инструктором по строевой подготовке, а затем старшим инструктором 2-го погранотряда НКВД. В 1938 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе. И сразу же назначен старшим помощником начальника 1-го отделения отдела учебных заведений Главного управления пограничных и внутренних войск НКВД. Затем переведён на должность заместителя начальника Главного управления конвойных войск НКВД. Во время Советско-финской войны командовал особым отрядом войск НКВД Северо-Западного фронта, который действовал на Корельском перешейке. В июне 1941 года комбриг Онуприенко получил новое назначение — он стал начальником штаба Московского военного округа. Человек могущественного наркома внутренних дел Л. П. Берии, он сделал до начала войны поистине головокружительную карьеру.

И вот наступил 1941 год. Глубокая осень. Враг у ворот Москвы. Осень — не лето… Командующий Западным фронтом Жуков, понимая, что груз командующего армией для Онуприенко всё же тяжеловат, а Наро-Фоминское направление — участок сложный и ответственный, назначил на 33-ю генерал-лейтенанта В. Ф. Герасименко[87], а комбрига оставил при нём заместителем. Но 19 декабря в штаб 33-й армии с предписанием вступить в должность командующего прибыл другой генерал-лейтенант — Михаил Григорьевич Ефремов.

О комбриге Онуприенко стоит, однако же, сказать ещё несколько слов. После трагической гибели окружённой Западной группировки 33-й армии во втором Вяземском «котле» Онуприенко был направлен на учёбу в Военную академию Генерального штаба. Окончил он её по ускоренной программе и был назначен начальником штаба 3-й резервной армии Калининского фронта, на базе которой была сформирована танковая армия, вскоре получившая наименование 2-й танковой. Начальник штаба Центрального фронта, в состав которого входила 2-я танковая, генерал М. С. Малинин аттестовал Онуприенко так: «Тов. Онуприенко технического образования не имеет… Целесообразно использовать на должности заместителя командующего армией не танковой…» Очевидно, последняя характеристика в некотором роде решила судьбу Онуприенко: в июне 1943 года он расстался со штабной работой и был назначен командиром 6-й гвардейской стрелковой дивизии 13-й армии. И сразу же со своей дивизией попал на Курскую дугу. Затем, с нею же, участвовал в Битве за Днепр, в ходе которой был удостоен

звания Героя Советского Союза. В Берлинской операции 1945 года генерал Онуприенко командовал 24-м стрелковым корпусом.

Весь ход операции «Тайфун», характер больших и малых боёв и сражений октября и первой половины ноября 1941 года показали, что немецкие войска концентрируют свои удары по двум основным осям, по двум направлениям — Волоколамско-Клинскому и Тулье ко-Каширскому. Однако разведка всё чаще и настойчивее сообщала, что не исключён удар и на центральном участке фронта. Таким образом создавались предпосылки для формирования третьего направления.

Восемнадцатого октября 1941 года в штаб 33-й армии из штаба Западного фронта пришло предварительное боевое распоряжение:

«1. Противник во второй половине дня 17. 10. 41 ворвался в г. Верею и стремился развить успех на северном и северо-восточном направлениях.

2. 151 мсбр организует оборону по северному берегу р. Протва. Приказом войскам Запфронта, 33 армия с 18. 10.41 всоставе: 222, ПО, ИЗсд, 151 мсбр, 9 тбр и частей Наро-Фоминского гарнизона имеет задачу — отбросить противника из района Верея и Боровск и организовать упорную оборону на рубеже — Архангельское, Федорино, Ищеино.

3. Командирам соединений немедленно выслать в штарм 33 — Ново-Фёдоровка (4258) представителей штадива с данными о состоянии соединения и положении частей на фронте.

4. Одновременно с представителем дивизии направить в штарм делегатов связи, обеспечив их подвижными средствами.

5. Начальнику связи к 18.00 18. 10. 41 установить связь со штабами соединений.

6. Боевой приказ штарму последует дополнительно».

В день прибытия генерала Ефремова в район Наро-Фоминска и вступления его в должность командующего 33-й армией, подразделения, вошедшие в состав новой армии, вели тяжелейшие оборонительные бои с частями противника, которые атаковали практически беспрерывно.

151-я мотострелковая бригада на рубеже Годуново — Купелицы — опушка леса восточнее Загряжское (восточнее Вереи) отбивали атаки частей 258-й пехотной дивизии вермахта. Бригада в буквальном смысле истекала кровью. Потери были огромными. Восполнялись они крайне слабо и нерегулярно. Снабжение подразделений, которые вот уже несколько суток не выходили из боя, было плохим. Вот что в этот день писал в своём донесении командир 455-го батальона: «Указанный участок обороны — Ковригино — Загряжское удерживаю прочно. Произвёл разведку

сёл Саморо́д, Волчанка, противник в этих сёлах не обнаружен. Северо-западнее нашей обороны противник находится около 200 метров. Наша разведка была обстреляна пулемётами и автоматами. Убитых нет. Раненых один человек.

Питанием и боеприпасами не снабжают. За всё время с 16. 10. 41 получили только один хлеб. Истребительная рота, взвод связи хлеб ещё не получили.

Всю ночь противник подбрасывает на автомашинах подкрепление».

Занимавшая в это время оборону по рубежу высоты 224,0 — Потаращенков — Смоленское — Берёзовка, 222-я стрелковая дивизия отбивала атаки противника в направлении Назарьево.

Только что прибывший на Наро-Фоминский участок 175-й полк 1-й гвардейской мотострелковой дивизии занял оборону на окраинах Наро-Фоминска, закрыв его с юго-запада.

На рубеже Татарка — Инютино — Ермолино вела бой 110-я стрелковая дивизия.

На участке Ермолино — восточный берег реки Протва — Маланьино — Скуратове оборонялась 113-я стрелковая дивизия. Связь со штабом дивизии была неустойчивой. 19 октября никаких сведений от полковника К. И. Миронова[88] с самого утра не поступало. Посланные к нему офицеры связи в штарм не возвратились.

Все дивизии действовали изолированно друг от друга, не имея ни непосредственного контакта, ни возможности взаимодействия в случае критических ситуаций. Точно в таких же обстоятельствах зачастую действовали полки. И бои тех дней имели характер перманентной критической ситуации, которую переломить, выправить не хватало ни сил, ни средств и которая в связи с этим только усугублялась с каждым часом. В таких обстоятельствах и вступил генерал Ефремов в должность командующего 33-й армией. Коротко изучив ситуацию, он тут же немедля предпринял несколько шагов по предотвращению неминуемой катастрофы полного развала участка фронта, удерживаемого его армией.

8

Москву в эти дни охватила паника. В истории Великой Отечественной войны 16 октября 1941 года называют *днём беспорядков в Москве.* В своём исследовании журналист-международник Л. А. Безыменский[89] пишет: «Об этом дне не хочется вспоминать, но историк обязан это сделать». Далее автор

приводит странички из дневника москвича Н. Вержбицкого: *«16 октября.* У магазинов огромные очереди, в магазинах спёрто и сплошной бабий крик. Объявление: выдают все товары по талонам за весь месяц. <…> Метро не работает с утра. <…> Многие заводы закрылись, с рабочими произведён расчёт, выдана зарплата за месяц вперёд. <…> Много грузовиков с эвакуированными: мешки, чемоданы, ящики, подушки, люди с поднятыми воротниками. <…> У баб в очереди установился такой неписаный закон: если кто во время стрельбы бежал из очереди — обратно его не пускать. Дескать, пострадать, так всем вместе. А трус и индивидуалист (шкурник) пусть остаётся без картошки.

17 октября. Сняли и уничтожили у всех парадных список жильцов. Уничтожили все домовые книги. <…> Пенсионерам выдали на руки все документы. <…> Постепенно вырисовывается картина того, что произошло вчера. <…> Большое количество предприятий было экстренно приостановлено, рабочим выдали зарплату и на 1 месяц вперёд. Рабочие, получив деньги, бросились покупать продукты и тикать.

Сейчас, после постановления Моссовета, эти закрытые предприятия с рассчитанными рабочими вновь начали работать. <…> У рабочих злоба против головки, которая бежала в первую очередь. Достаётся партийцам. Кто-то меня спросил:

— Не лучше ли служить немцам, чем англичанам, если вообще придётся служить?

<…> С 7-ми часов вечера налёты один за другим. <…> В церкви Преображения аккуратно — и всенощные, и литургии. <…> По улице двигаются грузовики с бойцами. Из рупора, зычно:

«Ребята, не Москва ль за нами?

Умрём же за Москву!»

Далее Л. А. Безыменский приводит отрывок из дневника другого москвича, Г. В. Решетина: *«16 октября 1941 г.* Шоссе Энтузиастов заполнилось бегущими людьми. Шум, крик, гам. Люди двинулись на восток, в сторону города Горького.

Прибегает Иван Зудин. Он был одно время вместе с нашим отцом в народном ополчении. Его вскорости отозвали обратно на учёбу в юридический институт. Институт эвакуирован в Саратов. Иван тоже должен был на днях уехать туда. Но сейчас всё перепуталось. На шее у Ивана связка колбасы. Кладёт на стол. Говорит, подобрал у магазина. Побежали вместе к магазину. Там уже ничего не осталось.

…Застава Ильича. Отсюда начинается шоссе Энтузиастов. По площади летают листы и обрывки бумаги, мусор, пахнет гарью.

Какие-то люди то там, то здесь останавливают направляющиеся к шоссе автомашины. Стаскивают ехавших, бьют их, сбрасывают вещи, расшвыривая их по земле.

Раздаются возгласы: бей евреев!

Вот появилась очередная автомашина. В кузове, на пачках документов, сидит сухощавый старик, рядом красивая девушка.

Старика вытаскивают из кузова, бьют по лицу, оно в крови. Девушка заслоняет старика. Кричит, что он не еврей, что они везут документы.

Толпа непреклонна.

Никогда бы не поверил такому рассказу, если бы не видел этого сам.

…Вечером 16 октября в коридоре соседка тётя Дуняша затопила печь. Яркий огонь пожирает… книги, журналы. Помешивая кочергой, она одновременно без конца повторяет так, чтобы все слышали:

— А мой Миша давно уже беспартийный, да и вообще он и на собрания-то не ходил.

Бедная тётя Дуняша так перепугалась прихода немцев, забыла даже, что её муж, очень неплохой мужик, тихий дядя Миша, Михаил Иванович Паршин, умер года за два до начала войны».

Историк, профессор И. С. Миллер записал в своём дневнике 16 октября 1941 года: «Всё резко сразу изменилось. («Известия» не вышли: говорят, эвакуировались.) Информбюро, первый раз приближаясь к истине, говорит о том, что на западном направлении положение резко ухудшилось. Прорыв центра. Сегодня поэтому Москва-муравейник. Но «муравьи» какие-то чужие. По всем направлениям идут загруженные кладью люди — явно огромное большинство рассчитывает на пешее передвижение. На него обречены даже эвакуирующиеся заводы и учреждения. Большинству же прямо даётся расчёт, иногда с уплатой, иногда с обещанием уплаты чего-то в жалованье. На улицах беспорядок; дворники не убирают подмёрзлых тротуаров. Транспорт в полном расстройстве. Метро закрыто, и слухи о нём плывут зловещие: в толпе говорят, что метро взорвут или затопят. На «взрывание» будто бы обречено Садовое кольцо как основная артерия (её так и создавали, по-видимому), а разные неувезённые или недоразорённые заводы. Настроение толпы — угрюмое, молчаливое, у иных легкомысленное: ходят как на ярмарке.

Колоссальные хвосты, ибо под предлогом эвакуации многим выдают продукты намного вперёд, а кроме того, кажется решили разбазарить последние склады продовольствия (продают муку, сахар по рыночным ценам; по рабочим карточкам дают пуд муки).

Трамваи переполнены и ходят реже. Автобусы тоже. Огромное количество их, по-видимому, угнано. На троллейбусах сидят даже на крыше.

В толпе говорят о приходе немцев в нынешнюю ночь, о том, что Москву хотят считать (как Париж) открытым городом, о том, что будто бы оборона от налётов снята (однако с 6 часов вечера уже слышны зенитки, видны на фоне тёмного неба рвущиеся снаряды)».

Очевидцы рассказывают, что в толпе кричали: «Должно быть, всё очень плохо, раз нам начали выдавать муку!» «К чёрту муку! Лучше умереть от голода, чем допустить немцев…» И — снова о евреях, о том, что Москву нечем защищать, что евреи растащили весь хлеб и все винтовки…

Паника. И всё-таки она не перехлестнула через край, после чего начинается дикий хаос.

Из «Решения Исполнительного Комитета Московского городского совета депутатов трудящихся» от 17 октября 1941 года: «В этих условиях особо преступным, противогосударственным поведением является факт дезертирства из Москвы председателя Мосгорпромсовета т. Пасечникова и начальника Управления по делам искусств т. Фрумкина, которые бросили свои предприятия на произвол судьбы.

Исполнительный Комитет Московского Городского Совета Депутатов трудящихся постановляет:

1. Поручить московскому Управлению НКВД вернуть немедленно т. т. Фрумкина и Пасечникова в Москву.

2. Просить ЦК РКП(б) обсудить о партийности т. т. Фрумкина и Пасечникова, как дезертиров.

3. За дезертирство т. т. Фрумкина и Пасечникова предать суду Военного Трибунала, как дезертиров».

Из отчёта московской городской подпольной организации ВЛКСМ, созданной на случай сдачи Москвы для налаживания диверсионной и разведывательной работы, о ситуации в Москве в октябре 1941 года: «13 октября наши войска оставили Вязьму.

…Аппарат райкома вооружили пистолетами. Ящики гранат и бутылки с горючим заносятся в подвалы по указанию. Комсомол напихал гранатами сейф.

…16 октября. В райкоме сногсшибательные факты — как прямое следствие паники. У хлебного киоска на Трубной площади давка, хулиганство — ломают киоск. Рабочие Молокозавода задержали директора с молочными продуктами. Продукты и машину отняли, директора окунули головой в бочку со сметаной. Водитель машины райНКВД привёз к зданию райкома гражданина и докладывает начальнику:

— Товарищ начальник, примите. — Обращаясь к сидящему в машине: — Гражданин, выходите, приехали! Возьмите ваши три тысячи.

Водитель машины возвращался с рейса по заданию, его остановил этот неизвестный гражданин и «нанял» подбросить за три тысячи рублей до Горького…

…Вот Крестьянская застава. Десятки тысяч народу. Машины стоят и движутся. Давка. Сотни милиционеров не в состоянии навести порядок, с ними расправляются, как с мальчишками. В одно мгновение и милиционера стащили с лошади. Вот мчится машина, сигналит. Публика преграждает путь, останавливает машину, вытаскивает шофёра и выбрасывает вещи. Это не первая и не последняя. Пешеходы, запрудившие движение как на спортивном празднике, выбрасывают трюк за трюком. Зрелище здесь необычайное и страшно непонятное.

Опять в райкоме комсомола. Комитет ВЛКСМ милиции пришёл почти в полном составе и принёс решение на исключение из комсомола двух милиционеров за паникёрство. (Сорвали петлицы, выпороли канты.) Вот они, жалкие трусы! Бюро РК подтвердило решение комитета. Тут же, не отпуская домой, райвоенкомат призвал их и зачислил в команду для отправки на фронт».

Можно предположить, что эти двое в запасной полк не попадут. Их отправят прямо в окопы. Что ж, «эти жалкие трусы» тоже были пополнением. И, надо заметить, война — органика сложная. Зачастую и судьбы людей она направляла по своим, особым, иногда причудливым путям. Кто знает, кем в этой гигантской плавильне человеческого характера стали те милиционеры, споровшие петлицы перед предполагаемым вступлением в город немцев, а затем *призванные и зачисленные в команду для отправки на фронт.* Может, убиты в первом же бою где-нибудь под Тишинкой или Ермолином на Наро-Фоминском направлении. Может, перешли к немцам и воевали потом в составе Русской освободительной армии против своих же соотечественников, так и оставшись жалкими трусами. А может, стали хорошими солдатами и честно служили Родине, приближая Победу. Как говорят в народе, один со страху помер, а другой — ожил. Но в первом бою позади окопов с такими хлопцами, конечно же, надо было ставить заградительные отряды с пулемётами. Таковы законы войны.

Что же касается стихии беспорядков и жестокости расправы на московских заставах, где избивали бегущих и швыряли в пыль их добро… Москвичи, которым некуда и не на чем было бежать, останавливали малодушных, трусов и паникёров. В народе их

называли просто — шкурники. Поэтому так легко, уже на следующий день, в городе был наведён порядок. 16 октября люди пытались навести его сами. Получилось очень неуклюже, жестоко, как в стихотворении Александра Блока: «Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет/В тяжёлых, нежных наших лапах?» Бежавшие от народной судьбы, не желающие разделить с простыми бабами из очереди за картошкой страх быть убитыми осколками бомбы, в основном были людьми интеллигентными, образованными и, конечно же, читавшими стихи русского поэта. Говорят, на востоке, в Горьком, в Куйбышеве, других городах, удалённых от театра военных действий, ловкие и влиятельные люди этой породы к тому времени уже смогли создать для себя и своих семей «запасные аэродромы»: сняли квартиры, заполнили подвалы продуктами длительного хранения, предусмотрели даже возможность продолжения обучения своих детей в школах, открыв для них специальные классы со своими учителями и своим бюджетом.

Вот уж воистину: кому война, а кому…

Сталин, узнав о происходящем на улицах и на предприятиях Москвы, лично распорядился навести немедленный порядок. И он, как известно, был наведён. Говорят, когда ему доложили обстановку, в том числе и о происходящем на городских улицах, Крестьянской Заставе и Заставе Ильича, он сказал спокойным голосом:

— Ну, это не так плохо. Я думал, будет хуже.

Потом, обращаясь к А. С. Щербакову[90], добавил:

— Нужно немедленно наладить работу трамвая и метро. Открыть булочные, магазины, столовые, а также лечебные учреждения с тем составом врачей, которые остались в городе. Вам и Пронину надо сегодня выступить по радио, призвать к спокойствию, стойкости, сказать, что нормальная работа транспорта, столовых и других учреждений обслуживания будет обеспечена.

Семнадцатого октября по московскому радио выступил А. С. Щербаков: «Провокаторы будут пытаться сеять панику. Не верьте слухам!» Два дня спустя было введено осадное положение.

Удивительно другое: о панике в Москве 16 октября ровным счётом ничего не узнали немцы и, следовательно, не смогли этим никак воспользоваться. Это — к вопросу о том, как работала их агентурная разведка и как работали наши органы госбезопасности…Кстати, о «работе» последних: в день московской паники в Москве на территории совхоза «Коммунар» по приказу Берии были расстреляны жёны бывших высокопоставленных военных Нина Уборевич и Нина

Тухачевская.

Возможно, именно потому, что обстановка и на фронте, и в тылу резко ухудшилась, Г. К. Жуков назначил на Наро-Фоминское направление не В. Ф. Герасименко, а более надёжного Ефремова.

9

Армия упорно сражалась. У 33-й была особая миссия: её дивизии и батальоны оказались на направлении главного удара, и острие бронированного потока, который получил в Ставке Гитлера кодовое название «Тайфун» и в последних числах сентября рванулся из-под Рославля на Москву было направлено именно сюда, проносясь километр за километром по оси Варшавского и Минского шоссе, сметая на своём пути армию за армией.

Просматривая боевые донесения из дивизий и отдельных подразделений, командарм невольно обратил внимание на одну цифру, которая почти во всех сводках была неизменно высокой — пропавшие без вести. Выяснилось, что большой процент среди «безвестных» составляют москвичи. Например, в кадровой 222-й стрелковой дивизии пропавших без вести согласно поступившим сводкам было значительно меньше, чем в бывших ополченческих, получивших общевойсковые номера[91]. Вскоре предположения подтвердились: заградзаставы и военкоматы начали возвращать дезертиров назад, на фронт. Так,27 октября шифром из штаба Западного фронта поступила телеграмма следующего содержания: «Задержано более двух тысяч человек, ушедших с фронта. Срочно донести, почему Вами не приняты меры по наведению порядка и дисциплины в частях, вследствие чего люди 33 армии тысячами уходят с фронта в тыл».

В одном из первых приказов генерал Ефремов обращался к своим командирам и бойцам: «Пусть поймёт каждый командир, начальник, боец, что в нынешней обстановке в борьбе за родину, за Москву лучше смерть храбреца, чем презренная трусость и паникёрство». Что греха таить, часть из числа пропавших без вести перешла к немцам, часть сдалась в плен. Другая же часть попала в плен в бою: закончились боеприпасы, попали в окружение, кто-то оказался в беспомощном состоянии вследствие ранения или контузии.

В войсках не хватало вооружения. Архивы открывают любопытные данные, которые теперь, по прошествии многих десятилетий, проливают свет на многое. Например, «Сведения о боевом и численном составе соединений 33-й армии по

состоянию на 25. 10. 41 г.» Из этого документа мы, например, узнаём, сколько действующих штыков имела каждая дивизия и сколько, соответственно, вся армия, сколько пополнения получено и сколько и какое имела вооружение.

— 1-я гвардейская мотострелковая дивизия: при численном составе 8569 человек, включая и командный состав, имела 6732 винтовки, в том числе автоматические, 92 станковых и 181 ручной пулемёт, 57 миномётов;

— 151-я мотострелковая бригада: при численном составе 1115 человек имела 942 винтовки, 3 станковых и 13 ручных пулемётов, миномётов не имела;

— 113-я стрелковая дивизия: при численном составе 1157 человек имела 1003 винтовки, 2 станковых и 6 ручных пулемётов, миномётов не имела;

— 222-я стрелковая дивизия (кадровая, как её называли в штабе 33-й армии): при численном составе 3392 человека имела 1934 винтовки, 17 станковых и 25 ручных пулемётов, 6 миномётов.

Нетрудно подсчитать общее количество стрелкового вооружения во всей армии…

Наблюдая с передового НП за контратаками своих частей, Ефремов видел, что стрелки порой шли в бой «парами» — одна винтовка на двоих. И поэтому им был издан приказ по армии, согласно которому бойцы и командиры должны нести строжайшую ответственность за личное оружие. Результат не замедлил сказаться. Вот сведения о численном и боевом составе 1-й гвардейской мотострелковой дивизии по состоянию на 3 ноября 1941 года. 6-й мотострелковый полк при численном составе 1740 человек, включая начсостав и младший начсостав, имел 23 пулемёта, 13 огнемётов, 9 пушек, 77 автоматов и 2455 винтовок. Если применить тот же метод расчётов, то в полку имелся в наличии избыточный арсенал оружия, а именно 965 винтовок. Такой полк мог принимать и невооружённое пополнение. Надо заметить, что в октябрьских документах в дивизиях 33-й армии не числилось ни одного автомата. Их у бойцов просто-напросто не было, воевали одними винтовками.

В 11.00 КП штарма в Ново-Фёдоровке подвергся налёту немецких пикирующих бомбардировщиков. Переждав авианалёт, Ефремов приказал перенести штаб армии глубже в тыл: сперва в Кузнецово, а затем в Яковлевское. Двадцатые числа октября были для обороны 33-й армии самыми тяжёлыми. В один из дней снова пропала связь со 110-й и 113-й дивизиями. Офицеры связи вскоре прибыли с донесениями, в которых сообщалось о том, что полки дерутся изолированно, некоторые окружены. В полках осталось от

90 до 175 человек активных штыков. Левый фланг был восстановлен. Хуже положение складывалось на правом фланге армии, где дралась 151-я мотострелковая бригада. Связной, прибывший из ее штаба, доставил донесение от комбрига майора Ефимова: «В настоящее время части бригады в следующем положении: 200 чел. Обороняют Симбухово (453 мсб и 1 рота 455 мсб), остальными частями обороняется рубеж Грибцово — Никольское. В состав частей, обороняющих этот рубеж, входят: рем рота, 455 мсб — всего в количестве до 100 чел. 185 сп, действующий с 151 мсбр, имея 22. 10. 41 г. 32 чел., к утру 23. 10. 41 г. потерял последних.

Тылы и матчасть из окружения выведены и собираются на Минском шоссе.

Прошу Ваших указаний о пополнении бригады личным составом, на базе имеющейся матчасти и постановке ей новой задачи, т. к. сейчас я выполнил задачу на участке 5 армии. Личный состав, обороняющий р-н Симбухово, прошу передать Командиру 222 сд.

В результате налёта на штаб 151 мсбр ранены, нач. связи и ком. роты управления, пропали без вести — нач. артиллерии, нач. особого отдела.

Разбита рация, разбита легковая машина».

Положение 151-й мотострелковой бригады было незавидным. Она находилась на правом фланге армии на стыке с соседней 5-й. Правое её крыло прикрывала 32-я стрелковая дивизия полковника В. И. Полосухина[92], а левое — 222-я стрелковая дивизия полковника Т. Я. Новикова[93]. Но, как показывают боевые донесения тех дней, фланги бригады и соседних дивизий были оголены. И наши, и немцы дрались практически в полуокружении, смутно понимая своё положение. Все части перемешались. Действия артиллерии и авиации затруднялись тем, что можно было в любой миг и на любом участке ударить по своим. 151-я, находясь на стыке, была атакована превосходящими силами противника, но пока ещё держалась. Когда бой немного утих, немцы отошли и занялись очередной перегруппировкой сил, разведчики и связисты 33-й армии установили, что между левым крылом 151-й бригады и правым крылом 222-й стрелковой дивизии существует не занятый войсками участок шириной в четыре километра. А между последним занятым окопом левого крыла 222-й стрелковой дивизии и первым «живым» окопом соседней 1-й гвардейской мотострелковой дивизии разрыв составил целых 14 километров. В эту, даже в масштабах фронта, огромную брешь впору было ставить ещё одну полнокровную дивизию.

В штарме понимали, что только слабость противника, который атакует тоже из последних сил, и нерасторопность его разведки мешают немцам воспользоваться благоприятными для них обстоятельствами. 23 октября командарм принял решение: отвести дивизии на новый рубеж за Нару и закрепиться по обрезу восточного берега, плотно сомкнув фланги. Но дивизия Лизюкова оставалась на месте — отходить ей было некуда. Противник уже оттеснил её в занарье и даже захватил на восточном берегу несколько плацдармов. Пока ещё спасала река Нара. Она стала естественным щитом для обескровленных дивизий 33-й армии, которые, расположившись на её восточном берегу, тут же принялись зарываться в землю, чтобы, пока противник не завершил перегруппировку сил, создать новую надёжную линию обороны.

В эти дни очередным ударом противника была смята 151-я бригада. Штаб её находился на значительном удалении от подчинённых ему батальонов и практически утратил управление. И всё же бригада продолжала удерживать участок фронта протяжённостью почти 14 километров. При том, что в батальонах едва насчитывалось до роты активных штыков. По представлению военного прокурора и начальника Особого отдела Западного фронта и по приговору военного трибунала перед строем был расстрелян комиссар 455-го мотострелкового батальона бригады Ершов. Он стал первым командиром 151-й, погибшим не от рук противника. Неудачи предыдущих дней, когда бригада в беспорядке отступала, будут расценены как позорное оставление позиций, и через несколько дней будут расстреляны командир бригады майор Ефимов и комиссар Пегов. В это время и в других армиях Западного фронта шли показательные расстрелы «дезертиров», «трусов» и «паникёров» перед строем. Жестокая правда войны свидетельствует о том, что победа добывалась и так.

Новый комбриг 151-й майор Кузьмин бросил батальоны вперёд. Но немцы отбили все атаки и в этот день, и в последующие. 10 ноября 151-я бригада, окончательно истощённая бессмысленными атаками с целью отбить у противника оставленные населённые пункты, была расформирована. Выдохся и противник. Обе стороны, израсходовав последние ресурсы, словно замерли. И та и другая стороны вели перегруппировку.

В эти дни Ефремов подписал следующий приказ войскам:

«На долю нашей армии выпала почётная и ответственная задача защиты нашей любимой столицы — Москвы от немецко-фашистских орд.

Враг упорно стремился прорваться к Москве, но, понеся

большие потери, вынужден был перейти к обороне, используя это время для перегруппировки и подтягивания резервов, с тем, чтобы начать новое кровавое наступление.

Об этом Военный совет армии неоднократно предупреждал командиров и комиссаров частей и соединений, требуя использовать временное «затишье» для возведения инженерных сооружений, укрепления занимаемого рубежа, на котором мы должны разгромить врага.

Однако произведённой в последние дни проверкой установлено:

1. В 108 сд в 1 гв. мед вместо окопов во многих случаях вырыты «ямки» неопределённой формы без брустверов и берм, перекрытые хвоей и соломой, вместо ходов сообщения вырыты канавки, по которым невозможно передвигаться вследствие недостаточной ширины.

2. Воронки на дорогах сделаны недостаточной глубины.

3. Обзор и обстрел из окопов местами чрезвычайно ограничен.

4. Элементарные правила маскировки во многих частях не соблюдаются.

5. Темпы работ исключительно медленные.

6. Холода уже наступили, а многие землянки и блиндажи не отапливаются.

7. Командный состав, как правило, работами плохо руководит, переложив работы на младший комсостав.

8. Так же плохо руководят работой по возведению оборонительных сооружений начальники инженерной службы полков.

9. Партийно-политический аппарат оборонительными сооружениями не занимается.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Считать работы по возведению оборонительных сооружений задачей такой же важности, как и ведение боя, во время которого начальствующий состав находится в своих частях и подразделениях и руководит бойцами.

2. При производстве работ весь командный состав до командира и политрука роты включительно не имеет права оставлять свой оборонительный район, руководя работами и показывая личный пример.

3. За оборонительные работы и их тактико-техническое соответствие отвечает командир батальона и командир роты. Командир и военком полка ежедневно проверяют ход работы на всём полковом участке.

4. Окопы и их оборудование делать в соответствии с

наставлением НИЖ-П-39, не делая лишь приячеечных щелей, примыкая стрелковые ячейки непосредственно к соединительному ходу.

5. При производстве работ каждый красноармеец должен получать дневное задание, обязанностью командного состава является требовать его выполнение, широко развернуть социалистическое соревнование за досрочное выполнение заданий.

6. Комиссарам и начальникам политотделов дивизий в двухдневный срок лично ознакомиться с ходом оборонительных сооружений и принять все меры к мобилизации всего личного состава, прежде всего добиться, чтобы все коммунисты и комсомольцы, командиры и политработники показывали пример в производстве оборонительных работ и считали своим долгом повседневно руководить и возглавлять эти важнейшие мероприятия.

Ещё раз напоминаю командирам и комиссарам всех степеней, что возведение оборонительных сооружений является важнейшим мероприятием-мы должны так укрепить занимаемый рубеж, чтобы фашисты не только не прошли через него, но нашли бы перед ним себе могилу». Приказ датирован 19 ноября 1941 года.

В этот же день произошло следующее. Противник подверг сильному артобстрелу позиции 222-й стрелковой дивизии. Сразу после полудня силы до батальона немецкой пехоты при поддержке танков атаковали правый фланг 774-го полка и левый фланг соседнего 113-го полка 32-й стрелковой дивизии соседней 5-й армии. Стрелки и артиллеристы 774-го стрелкового полка открыли огонь и заставили противника залечь. Но сосед справа, не выдержав напора, попятился и вынужден был отойти в восточном направлении. В результате немцы заняли село Болдино. Последующие контратаки с целью возвращения утраченных позиций приносили только огромные потери с обеих сторон. Но были и частные победы. К примеру, одна из контратак 457-го стрелкового полка, который всё это время находился в полуокружении, увенчалась успехом: пехота противника была значительно потеснена, оставив на поле боя около 200 трупов.

Генерал Ефремов относился к тем полководцам, которые в период боёв всегда старались быть ближе к передовой. В своих воспоминаниях генерал-полковник Л. М. Сандалов, который в августе 1941 года был начальником штаба Центрального фронта в период, когда им командовал Ефремов, писал: «Михаил Григорьевич всегда предпочитал руководить войсками непосредственно на поле боя».

Контрнаступление началось в декабре.

Крупномасштабная разведка боем на центральном участке фронта 33-й армии была проведена в ночь на 13 декабря. Она показала: противник усилился, оборона его основательно укреплена и насыщена огневыми средствами. 18 декабря вперёд пошли части дивизии полковника С. И. Иовлева[94], усиленные лыжными батальонами. Сводным отрядом руководил командир 6-го мотострелкового полка полковник А. И. Гребнев[95]. Командарм во время проведения операции находился на передовом НП. Для организации взаимодействия в дивизии выслал начальника оперативного отдела, начальника разведотдела и других своих заместителей и помощников. После артподготовки батальоны 1-й гвардейской поднялись из своих окопов, перебежали по льду Нару и ворвались в кварталы, занимаемые подразделениями 183-й пехотной дивизии вермахта.

С других участков наступления армии приходили следующие сообщения: 113-я стрелковая дивизия сломила сопротивление частей 15-й пехотной дивизии противника и продолжает продвижение в глубину немецкой обороны, 338-я сражается в районе Слизнёво, ворвалась в деревню. На остальных участках оборону противника прорвать пока не удавалось.

Ожесточённые бои шли по всему фронту 33-й армии. Стоит отметить, что подобный стиль был характерен для наступления советских войск под Москвой. Войска Западного фронта наносили удар по всей ширине занимаемых ими участков. Конечно, для столь массированного наступления сил не хватало, а вступившие в бой дивизии очень быстро изматывались и теряли боеспособность. Немцев теснили прочь от Москвы, почти не используя тактику глубоких прорывов и фланговых охватов с последующим окружением. Впрочем, исследуя ход дальнейших событий, мы увидим, что штаб 33-й армии всё же разработал и провёл несколько операций по охвату и окружению противника. Но пока бои кипели по всему фронту 33-й и не только: в наступление перешли также левофланговая 43-я армия и правофланговая 5-я.

Вот фрагмент радиоперехвата переговоров немецких командиров в полосе атаки 1-й гвардейской мотострелковой дивизии, который наиболее точно может характеризовать степень ожесточённости боёв 18 декабря, в день перехода центра Западного фронта в наступление: «В 9. 26. — Свёртывайте рацию, приближается опасность.

В 9. 27. — Защищаться до последнего!

В 9. 31. — Наши батареи выведены из строя.

В 9. 40. — Подтянуть все резервы к фронту!

В 10. 17. — Оттянуть тяжёлую артиллерию назад, пехоту оставить с миномётами.

В 11. 10. — Давайте боеприпасы! Почему молчат батареи?

В 11. 30. — Обстреляю группу и буду отходить. Противник подходит вплотную.

В 11. 31. — Рация, медь, повреждена».

После полудня батальоны 1-й гвардейской заняли корпуса кирпичного завода, но основная часть городских кварталов всё ещё оставалась в руках противника. 113-я тем временем форсировала Нару и ворвалась в Чичково. Передовой 1138-й стрелковый полк 338-й стрелковой дивизии завяз в упорном бою в окрестностях Слизнёва. Минчанин Владимир Петрович Гуд, бывший боец роты связи 1138-го, рассказывал об этих боях: «Это село мне запомнилось особо. Здесь погиб мой друг Вася Ковалёв. Пулемётчик, командир пулемётного расчёта. Мы уже один раз атаковали Слизнёво, но неудачно. К нам в помощь подвели курсантов офицерского училища из Моршанска. Все рослые красавцы. С винтовками. Подошли и говорят: «Мы их сейчас из этой деревни штыками выгоним». А как пошли… Надо было преодолеть лощину. Там уже начинались огороды, за огородами дворы. И вот в этой лощине столько полегло курсантов, что весь снег казался красным. Мы успели перебежать лощину. Залегли, потому что носа из лощины высунуть было нельзя — сплошная стена огня. Вот это они умели создавать. Расчётам станковых пулемётов было приказано выдвинуться вперёд, на фланги, и, когда полк поднимется, поддерживать атакующих бойцов и курсантов своим огнём. Командиры подали команду. Мы поднялись.

Пулемёты заработали. Но пробежали мы вперёд недалеко. Залегли и начали отползать назад. Кто отползал, а кто уже лежал в снегу мёртвый. Немцы начали кидать мины. Тут и вовсе лихо стало. Мы отошли за лощину, к своим окопам. А Вася Ковалёв продолжал стрелять из своего «Максима». Комбат смотрел на него в бинокль. Смотрел-смотрел, а потом и говорит: «Всё. Конец. Убит». И правда, «Максим» замолчал. Только пар от него поднимается за лощиной. День стоял морозный. Немного погодя мне комбат и говорит: «Ковалёв твой друг?» — «Да», — говорю. «Тогда вот что: ползи к нему и, если он живой, тащи его сюда. А ребята тогда за пулемётом поползут. Если он мёртвый, вытаскивай пулемёт». Я комбату и говорю: «Я один ни его, ни пулемёт не вытащу. Прикажите ещё двоим со мной идти». Приползли мы к Васе. А он стоит на коленях перед «Максимом» и

за ручки держится. Как живой. И глаза открыты. И на щеках замёрзшие дорожки слёз. Пуля ему попала прямо в лоб. Пулемёт был установлен повыше, над обрывом оврага, а Вася стоял на коленях ниже, на стёжке, которую, видать, там пробили летом коровы. И он со своим «Максимом» был как памятник. Он уже застыл. Пальцы так крепко держали ручки пулемёта, что мы еле разжали их. Вытащили. И пулемёт. И Васю». Самолёты 77-й смешанной авиадивизии не могли помочь наступающим войскам: над полем сражения низко висели облака. Впрочем, это затрудняло действия и люфтваффе.

В тот же день, 18 декабря, в штабе командующего группой армий «Центр» раздался звонок из Берлина: генерал-фельдмаршал Фёдор фон Бок отстранялся от своей должности, а на его место назначался генерал-фельдмаршал Гюнтер фон Клюге. Командование 4-й армией принял генерал горнострелковых войск Людвиг Кюблер. Он считался одним из лучших генералов вермахта, хотя всё же и командовал до этого в основном горными частями: 1-й горнострелковой дивизией «Эдельвейс» и XLIX горным корпусом. В должности командующего 4-й полевой армией на Восточном фронте он продержался недолго: 20 января, когда дивизии 4-й армии будут выбиты из Вереи и начнут отступать под ударами частей 33-й армии, Гитлер спешно заменит Кюблера генералом Г. Хейнрици. С подмосковных равнин Кюблера фюрер пошлёт снова в горы, на Балканы, командовать теперь уже LXXXXVII армейским корпусом. После войны генерал Кюблер будет расстрелян как военный преступник.

Новые командиры остановили отступающие войска. Уже на следующий день, 19 декабря, 33-я армия была контратакована. Командарм-33 отреагировал мгновенно. Из боевого распоряжения, отданного в тот день войскам: «ПЕРВОЕ: Для ликвидации контратакующего противника на правом фланге 1 гв. мед и дальнейшего развития её наступления немедленно выбросить один сп в направлении по согласованию с командиром 1 гв. мед и начальником штаба армии, находящегося на КП командира 1 гв. мед.

ВТОРОЕ: Главные силы сосредоточить в районе БАРАКИ (2 км юго-вост. Наро-Фоминск), Кирп. (1 км сев. Вост. Горчухино) и лес 3 км юго-зап. Афанасовка в готовности нанести удар в направлении Алешково или развёртывания из-за правого фланга 1 гв. мед в направлении Кузьминка или в стык 1 и 110 сд — в зависимости от обстановки.

ТРЕТЬЕ: Выделенный отряд для переброски на автомашинах до особого распоряжения не расформировывать и держать в

районе расположения главных сил дивизии».

Обстоятельства вносили свои поправки. Фронтальные атаки успеха не имели, и командарм-33 начал искать слабые места в обороне противника, чтобы пробить брешь и затем развить наступление резервами.

В какой-то момент успех начал намечаться в полосе действия 110-й стрелковой дивизии. Полки вклинились в оборону немцев в районе Елагино и Атепцево. Но противник тут же контратаковал. Елагино несколько раз переходило из рук в руки, потери были огромными и вскоре возникла необходимость замены дивизии другим подразделением. К тому же 1291-й полк капитана Лобачёва, который прорвался вперёд особенно далеко, при этом потеряв контакт с соседними подразделениями, частью своих сил оказался отрезанным и окружённым в лесу восточнее Атепцево. К тому времени полк насчитывал 400 штыков, имел на вооружении несколько пулемётов и ротных миномётов, винтовки, трофейные автоматы. Но боеприпасы таяли с каждым боем, с каждой схваткой, вскоре доели последние сухари, закончились медикаменты.

В первую же ночь немцы обрушили на полк огонь тяжёлых орудий, миномёты обрабатывали каждый квадрат леса. К счастью, земля промёрзла несильно, и Лобачёв приказал рыть глубокие ячейки. Вскоре малыми сапёрными лопатами (другого шанцевого инструмента у бойцов не было) отрыли пункты обогрева для раненых, ячейки, землянки. Капитан Лобачёв и комиссар полка Попов постоянно обходили линию обороны, подбадривали бойцов и командиров, обещая, что скоро к ним прорвутся, подвезут боеприпасы, полевые кухни, раненых эвакуируют и окажут необходимую медицинскую помощь.

Полк оседлал узел дорог и перехватил, таким образом, коммуникации противника. Вот почему немцы пытались уничтожить их как можно скорее. Капитан Лобачёв со своим полком-батальоном мешал противнику произвести необходимый манёвр во время боя, когда атакующие дивизии 33-й армии нажимали то там, то здесь, и, чтобы парировать удары, необходимо было перебрасывать пулемётные и миномётные подразделения, соответственно, то правее по фронту, то левее. Для этого, как известно, нужны дороги. И капитан Лобачёв вскоре это понял и, врывшись в землю, решил стоять насмерть.

Штаб армии помогал окружённым чем мог: каждую ночь через замёрзшее болото к Лобачёву уходила группа разведчиков — на себе доставляли сухари, концентраты, медикаменты, боеприпасы. Спустя несколько дней грузы начали сбрасывать с самолётов. Р-5 делал рейс за рейсом. Некоторые контейнеры

попали в руки противнику.

В штабе фронта были недовольны действиями 33-й армии. После ликвидации прорыва к Кубинке у Ефремова забрали все фронтовые резервы. Прибывшие две дивизии едва закрывали фронт. С ходу брошенная в бой 201-я стрелковая Латвийская дивизия понесла большие потери. В первые же дни был ранен командир дивизии полковник Я. Я. Вейкин[96], командование принял начальник штаба полковник Г. Г. Паэгле[97]. В бою под Елагино погиб комиссар дивизии полковой комиссар Э. Берзит[98]. Были убиты и выбыли по ранению несколько командиров батальонов и рот.

Изучая оперативную карту, командарм сказал начальнику штаба:

— Александр Кондратьевич, а ведь этот отчаянный капитан со своим полком нам сейчас нужен именно там, где он теперь находится. 110-я ослаблена до крайности. Если немцы раздавят Лобачёва и высвободят эти несколько рот, миномётные и артиллерийские части, которые полк на себя постоянно отвлекает… Поддерживайте капитана Лобачёва всем, чем можно. Полк должен держаться и выжить.

Разделив патроны и гранаты, капитан Лобачёв начал беспокоить немцев частыми налётами на их опорные пункты.

Связь со штабом дивизии окружённые поддерживали посредством радиостанции.

Для осуществления блокады окружённых в районе узла дорог немцы вынуждены были держать несколько пехотных рот, миномётные подразделения. Сюда же отвлекались артиллерийские батареи, авиация. Полк на развилке дорог на высоте 195,6 сидел костью в горле для немцев, которым катастрофически не хватало не только резервов, а даже солдат на переднем крае. И в ночь на 26 декабря была предпринята решительная попытка раздавить оборону горстки храбрецов. После артподготовки немцы пошли в атаку. Но капитан Лобачёв по рации корректировал огонь 971-го артполка. Атака была отбита с большими потерями для атакующих. Дивизионная артиллерия сделала своё дело.

Утром 26 декабря капитан Лобачёв сформировал ударную группу и ударил на Атепцево с запада. В то время как с востока на село наступали роты 1287-го стрелкового полка. Но немцы дрались с упорством обречённых и отбили обе атаки. Продолжать попытки пробиться на этом участке продолжать было бессмысленно. К тому же после последнего боя увеличилось количество раненых, которые нуждались в срочной квалифицированной медицинской помощи. А потому капитан

Лобачёв принял решение продолжить марш направлением на Покровку, далее — на Слизнёво.

Навстречу прорывающейся колонне был выслан транспорт для немедленной эвакуации раненых и обмороженных. Ефремов поручил командиру 110-й стрелковой дивизии подполковнику Беззубову лично принимать выходящих из окружения. Этой яркой личности следует уделить здесь несколько строк. Николай Александрович Беззубов в Красную армию попал по призыву — служил с 1924 года рядовым бойцом. Военная служба ему понравилась, он окончил курсы командиров, участвовал в боевом походе в Западную Украину и Западную Белоруссию. Накануне войны окончил курсы «Выстрел». В июле 1941 года в звании майора принял полк в 4-й дивизии народного ополчения. С этим полком, который в кратчайшие сроки он смог сделать полноценным боевым подразделением, Беззубов несколько дней успешно отбивал атаки немцев, пытавшихся ворваться в Наро-Фоминск с севера. Вскоре от полка остался отряд. Беззубов продолжал драться с ним в окружении. После выхода из окружения Военный совет 33-й армии представил его на должность командира 1289-го стрелкового полка 110-й стрелковой дивизии. В полку в то время было до двух рот списочного состава — остатки 1289-го стрелкового полка и отряда Беззубова. 7 декабря, после ликвидации прорыва на Кубинку и в канун общего наступления 33-й армии на Боровск, подполковник Беззубов был назначен на должность командира 110-й стрелковой дивизии.

Из донесения капитана Лобачёва в штаб дивизии следует, что потери ударной группы полка за период боёв в окружении были следующими: 27 человек убиты и 36 ранены. Характерно, что пропавших без вести 1291-й полк в эти дни не имел.

В этот день в полосе действий 33-й армии произошли ещё два события, которые резко повлияли на ход дальнейшего наступления Красной армии в центре Западного фронта. Переданная накануне в состав 33-й 93-я стрелковая дивизия генерал-майора К. М. Эрастова[99] с ходу вступила в дело и прорвала оборону противника в полосе действий 113-й стрелковой дивизии. Вместе со 113-й она начала успешное продвижение на Добрино, Денисово и Старо-Михайловское в направлении на Балабаново. В штабе генерала Эрастова во время прорыва находился генерал-майор А. К. Кондратьев[100] с задачей согласовывать и увязывать действия дивизии с левофланговыми частями соседней 43-й армии. А тем временем в штарм из разведотделов 222-й стрелковой и 1-й гвардейской мотострелковой дивизий пришли сообщения: противник покидает

Наро-Фоминск и, оставляя сильные заслоны, начал отступление в направлении на Боровск. Командарм-33 вскоре издал приказ по армии, в котором были и такие слова: «Пример самоотверженности и стойкости в условиях исключительно тяжёлой обстановки проявили бойцы и командиры 1291 сп 110 сд (командир полка капитан Лобачёв и военком полка бат. комиссар Попов).

За восемь дней пребывания в тылу врага, часть т. т. Лобачёва и Попова успешно провела ряд боёв с фашистами, уничтожив немало немецких солдат и офицеров. Кроме того, были собраны важные сведения о местах расположения огневых средств и оборонительных сооружений противника. За проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками стойкость и мужество командиру и комиссару полка капитану тов. С. Д. Лобачёву и бат. комиссару М. Т. Попову и всему личному составу полка, отважно действовавшему в тылу противника, объявляю благодарность».

В 1944–1945 годах за это восьмидневное стояние на перекрестье важнейших коммуникаций капитану Лобачёву присвоили бы звание Героя, а всю боевую группу осыпали орденами и медалями.

Немцы оставили Наро-Фоминск. Но ушли недалеко: всего в километре западнее города по опушке леса начали занимать заранее отрытые окопы. Закрепившись, они простояли здесь довольно долго, не позволяя частям дивизии полковника Иовлева продвинуться в Боровском направлении. Тем временем левофланговые дивизии 33-й армией прорвали фронт и начали стремительное продвижение вперёд. Вскоре они охватили Боровск. Противник создал вокруг города мощную оборону. Часто контратаковал при поддержке танков. Тем временем полки 201-й стрелковой Латвийской дивизии вели наступление с севера. Разведка доносила о том, что Боровск обороняет гарнизон из состава 15-й пехотной дивизии вермахта, численностью до 500 человек, усиленный частями моторизованной группы под командованием командира 86-го стрелкового полка полковника Гельмута фон дер Шеваллери. Как впоследствии оказалось, разведка ошиблась, в городе находилось гораздо больше войск. Да ещё танки и мотопехота фон дер Шеваллери…

Во всех источниках, отечественных и немецких, активно фигурирует так называемая «группа Шеваллери». Эта группа не что иное, как остатки 10-й танковой дивизии, которая в ноябре прорвалась к Истре в полосе действий 16-й армии, резко сократив расстояние до Москвы. Именно там дивизия понесла значительные потери, особенно от обстрелов РС. Очевидно, отведённая в конце ноября в наиболее спокойный участок фронта

для приведения своих потрёпанных частей в порядок, во второй эшелон, в конце декабря 1941-го и начале января 1942 года группа оказалась на острие прорыва 33-й армии. В состав группы Шеваллери также входили: артдивизион, дивизион лёгких пехотных орудий, рота противотанковых орудий, ремонтная рота. Последняя в основном обслуживала танковые подразделения и артчасти. Полки к тому времени были сведены в батальоны. Но это были полнокровные батальоны.

Уже к исходу 1 января нового 1942 года командарм получил донесение от генерала Эрастова: 51-й и 266-й стрелковые полки ворвались в Боровск и ведут уличные бои, очищая от противника дом за домом. Оперативные сводки тех дней позволяют судить о напряжённости боёв. Армия продвигалась вперёд. Штабы находились в постоянном движении. Связь существовала только посредством конных офицеров. Каждый час с приказами командарма лейтенанты уносились в дивизии на своих заиндевелых, усталых лошадях и каждый час возвращались назад, доставляя в штарм донесения. Обстановка менялась стремительно. Вскоре стало очевидным, что немцы, оборонявшиеся в Боровске, отрезаны. 3 января 129-й стрелковый полк 93-й стрелковой дивизии обошёл город с севера и перерезал дорогу в сторону Вереи в районе населённого пункта Совьяки. В условиях снежной зимы потеря этого важного коммуникационного канала, по которому осуществлялся весь подвоз и связь с основными силами, означала для гарнизона катастрофу. Чтобы предотвратить опасность деблокирующего удара немцев с севера, со стороны сильной Верейской группировки, командарм приказал прикрыть атакующие городские кварталы войска внешним фронтом.

В самый разгар уличных боёв в штарм из штаба Западного фронта поступило распоряжение за подписью Г. К. Жукова, в котором говорилось: «Проверив ряд армий в организации ими боя, я пришёл к выводу, что в своей массе командующие и командиры стрелковых дивизий недопустимо плохо организуют бой; в результате плохой организации боя часто топчутся на месте, не имеют успеха и несут большие потери. Наиболее ярким примером плохой организации боя является наступление 5-й армии (командующий генерал-лейтенант Говоров), в период с 22 по 25. 12.41 г. и 16-й армии (командующий генерал-лейтенант Рокоссовский) с 26 по 30. 12. 41. Так, например:

1. Штаб 5 армии от направления главного удара находился в 18 км, а штаб 16 армии в 25 км, с этих штабов шло всё управление — КП не было.

2. В результате недопустимой халатности в организации

командиры батальонов и даже полков не знали, где находятся артиллерийские наблюдательные пункты поддерживающей артиллерии, а командиры артиллерийских дивизионов не знали задач стрелковых батальонов и полков. Как правило, командиры стрелковых батальонов и полков не знают, какие танки им приданы или действуют в полосе их наступления (19 сд, 40 сбр, 20 тбр).

В процессе боя командиры стрелковых дивизий, бригад, полков изучают обстановку и, как правило, не знают, что происходит непосредственно на поле боя; в результате командиры рот, батарей, эскадронов предоставлены сами себе.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Командующим армий лично организовывать бой на направлении главного удара.

2. Командирам всех степеней помнить, что отдача приказа, это только начало организации боя. Необходимо непрерывно изучать обстановку в динамике и немедленно при надобности на неё реагировать. Как правило — командирам стрелковых батальонов, командирам стрелковых полков и командирам артиллерийских дивизионов размещаться на одном НП.

3. При наступлении иметь КП армии не далее 10–12 км, КП стрелковых дивизий-бригад не далее 3–4 км».

Итак, Жуков учил своих генералов азам военной науки. Действительно, для многих командующих операции под Москвой, их развитие и исход, стали большой наукой. В том числе и для самого Жукова. Впрочем, он и не скрывал того, что воевать тогда только-только учились.

Пробивной силой в ходе наступления армии стали ударные группы: пехотные подразделения, усиленные танками, артиллерией и миномётами. Первой успешной реализацией плана активного действия ударными группами была блокада Боровска и последующая ликвидация окружённого гарнизона. Немцы ведь не ожидали, что Боровская группировка так стремительно будет отрезана от основного фронта обороны 4-й полевой армии. Боровск какое-то время должен был служить в качестве крупного опорного пункта, а затем, когда настанет время отхода, гарнизон должен был планомерно выйти из боя. Как это, кстати, немцы прекрасно продемонстрировали в Наро-Фоминске: спокойно ушли, оставив невыгодные позиции, и прочно закрепились на более выгодных, при этом не потеряв ни одного солдата.

Ефремов прекрасно понимал, что ведение боя по всей ширине фронта к реальным успехам не приведёт, что возможности резервов не безграничны, что в результате прорывов и создания

пусть небольших «котлов» противника можно обескровить и сломить гораздо быстрее.

Всю ночь с 3 на 4 января в Боровске бушевали бои. Немецкие части, понимая, что они обречены, сражались до последнего солдата. Особенно упорные бои разгорелись в районе кладбища, а также хлебозавода. Все городские храмы были превращены в опорные пункты. Очень часто дело доходило до рукопашной. Ранним утром 4 января из штарма в Перхушково ушла телеграмма следующего содержания: «После ожесточённейших пятидневных уличных боёв за Боровск и на подступах к городу войсками 33 армии Боровск в 6 часов 4.01. 42 года взят». Именно так — *взят,* а не *освобождён.*

Один из батальонов 93-й стрелковой дивизии, ещё когда всё кругом полыхало и рвалось, прорвался в центр города и поднял победное красное полотнище над зданием горсовета. В боях за Боровск отличилась и 113-я стрелковая дивизия. Именно она 14 октября с боями оставляла этот старинный город. И вот теперь ей пришлось брать его с бою. Её же подразделения проводили, как теперь говорят о таком виде боевых действий, зачистку. В домах и подвалах ещё прятались уцелевшие немцы, не хотевшие сдаваться. Каждый из них свято помнил приказ Гитлера, доведённый до них месяц назад, ещё под Наро-Фоминском, в котором говорилось: «Девиз сегодняшнего дня — цепляться за каждый населённый пункт, не отступать ни на шаг, обороняться до последнего патрона и гранаты. Каждый занятый населённый пункт превратить в узел сопротивления и не оставлять его ни при каких обстоятельствах, независимо от того, обойдён он противником или нет.

В случае если местность должна быть оставлена по приказу вышестоящего начальника — сжигать всё дотла, печи взрывать.

Лишь так мы сможем победить.

Донести этот приказ немедленно до сведения всего личного состава без единого исключения».

Именно в эти январские дни столбик термометра опускался до своей низшей зимней отметки — 37 градусов ниже нуля. А поэтому немцы, конечно же, не хотели уходить из натопленных домов Боровска в промёрзшие, продутые ветрами окрестные поля.

Из донесений, поступивших в эти дни в штарм, можно сделать некоторые подсчёты добытых трофеев. Вот, к примеру, выписка из Журнала боевых действий 33-й армии: «В результате боёв за Боровск полностью разгромлена 15 пехотная дивизия противника, уничтожено 5522 фашиста. Только две дивизии 93 и 113 сд на подступах к Боровску за два дня уничтожили свыше 1200 фашистов.

На подступах к Боровску и в самом городе захвачены большие трофеи:

орудий ПТО — 35, орудий разных 90, ст[анковых] пулемётов — 39, руч[ных] пулемётов — 232, автоматов — 296, винтовок — 1585, ПТР — 37, миномётов — 111, снарядов разн[ого] калибр[а] — 11 488, винт[овочных] патрон[ов] — 139 600, танков — 14, танкеток — 5, автомаш [ин] грузовых — 1134, автомашин легковых — 70, мотоциклов 115, велосипедов — 880 и прочее вооружение и военное имущество.

Наши потери: убитых — 3200, раненых — 10 158, без вести пропавших — 2863 человека»[101].

Без вести пропавшие — это в основном пленные. Есть сведения, что часть военнопленных, находившихся во время осады Боровска в самом городе, были расстреляны немцами в подвалах домов и церквей.

Размышляя о событиях тех лет, надо понимать ещё вот что: первая победа, разгром немцев под Москвой всколыхнул, в буквальном смысле, всё народное море, и оно стало единым. Чужая боль становилась собственной болью. И с каждым днём это ощущалось острей. Официальная идеология всячески способствовала единению перед лицом фашистской агрессии. И на фронт шли единой силой, и воевали вместе, не деля друг друга ни по национальному признаку, ни по религиозному. И восстанавливали разрушенное сообща. Вот что писала 27 января 1942 года газета «Вечерняя Москва» на 2-й полосе в середине справа под заголовком «Молотовский район шефствует над Боровским»: «Жители Молотовского района столицы оказывают всяческую помощь населению Боровского района Московской области, освобождённого нашей славной красной армией от немецко-фашистских захватчиков. Собрано значительное количество тёплых вещей для взрослых и детей, а также хозяйственных предметов первой необходимости. На днях эти вещи будут отправлены.

Шефствуя над Боровским районом, Молотовский райком ВКП(б) и райисполком примут все необходимые меры для того, чтобы оказать пострадавшим максимальную помощь. Через два дня предстоит выезд руководящих работников Молотовского района в Боровск и ближайшие сёла для ознакомления на месте, чем надо помочь району в первую очередь. В Боровск на днях будет отправлено стекло, гвозди и хозяйственные вещи.

За время своего хозяйничания немецко-фашистские захватчики причинили Боровскому району много бед. Нам придётся выяснить, какие предприятия нуждаются в восстановлении или ремонте. Весьма возможно, что потребуется

оказать помощь и городскому хозяйству Боровского района.

В самые ближайшие дни будет точно установлено, в чём нуждается подшефный район, и мы сделаем всё, чтобы оказать ему необходимую помощь».

11

Эта главка — о жестокости на войне. Вернее, о жестокости войны.

Несколько фактов из судьбы 33-й армии периода подмосковных боёв. В конце февраля 1942 года, когда восточная группировка 33-й армии пыталась пробиться к западной и восстановить коридор и коммуникации, произошёл локальный бой у деревень Тихачёво (Станки) и Лысково[102]. Рота немецких лыжников неожиданным ударом выбила 7-ю стрелковую роту 1287-го стрелкового полка 110-й стрелковой дивизии. Должного отпора со стороны 7-й роты не последовало, хотя она обладала достаточными силами и огневыми средствами. Тут же провели следствие: прокуроры со своими дознавателями и следователями на войне всегда были рядом с солдатом. Выяснили: 1-й взвод роты без боя оставил занимаемые позиции, открыл фланг и поставил под удар два других взвода, на месте боя оставлены тела восьмерых бойцов, брошены два пулемёта. За допущенную в бою трусость, за невыполнение боевого приказа командир роты лейтенант Зайцев и командир взвода младший лейтенант Богданчиков были преданы суду военного трибунала. Командиры были расстреляны перед строем. В приказе по армии говорилось так:

«Изменники Родины Зайцев и Богданчиков, позорно бежавшие с поля боя, понесли заслуженную кару. Иного приговора для подобных трусов быть не может.

Разъяснить всему командному составу армии, что оставление без приказа любой позиции будет и впредь караться как самое тяжкое преступление перед Родиной.

Приказ объявить всему командному составу до командира взвода включительно»[103].

Командир 329-й стрелковой дивизии полковник Корней Михайлович Андрусенко попал под горячую руку генерала армии Г. К. Жукова. Когда дивизия, войдя в «коридор» к Вязьме, совместно со всадниками генерала П. А. Белова вела бои на прорыв, но не выполнила тех задач, которые на неё возлагались, более того, противник основательно её потрепал, разрезав надвое, Жуков приказал «за бездеятельность при выходе дивизии из

окружения» придать суду военного трибунала её командира. 6 апреля 1942 года суд приговорил полковника Андрусенко к расстрелу. Однако, к счастью, расстрел не состоялся. Военная коллегия Верховного суда СССР отменила этот приговор как необоснованный, заменив его на 10 лет лишения свободы с отправкой в действующую армию. Звание снизили до майора. Вскоре Корней Михайлович получил 239-й гвардейский стрелковый полк 76-й гвардейской стрелковой дивизии 61-й армии. В полосе армии полк первым форсировал Днепр. В январе 1944 года «за мужество и героизм, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками», полковнику Андрусенко было присвоено звание Героя Советского Союза. Войну полковник закончил в должности командира 1-й Мозырьской Краснознамённой дивизии морской пехоты Краснознамённого Балтийского флота. Генералом не стал, возможно, помешала судимость, но — грудь в орденах.

Война кровь любит. А ещё в народе говорят: в поле две воли — чья сильнее. Где командиру, да и солдату тоже, брать силу? Иногда — в жестокости. И к врагу, и к себе. И всё же думаю иногда: а что было бы, когда бы и тем лейтенантам и бойцам отменили расстрел, а заменили бы хотя бы штрафными ротами. Может, и они смогли бы Родине послужить с оружием в руках. Но пуля пролетела, назад не воротится. А что было, то было, ничего уже не переиначишь…

12

В десятых числах января, в самую пору рождественских и крещенских морозов, когда температура колебалась между 25 и 35 градусами ниже нуля, 33-я армия вела наступление на Верею. Жуков торопил, требуя срочно взять город. Но не так-то просто было выполнить этот приказ. Немцы отвели сюда всё, что уцелело при оставлении Наро-Фоминска и Боровска, сюда же стекались части от Можайска, Калуги, а также мелкие гарнизоны опорных пунктов. Город и фронт по флангам занимали части 252, 292, 258, 183 и 15-й пехотных дивизий. Здесь же занимала оборону и группа фон дер Шеваллери. Это были уже порядком потрёпанные дивизии. Но немцы свели их в двухполковой состав, и полки были вполне боеспособными. То же самое, по всей вероятности, произошло в полках, батальонах и ротах: полки стали двухбатальонными, батальоны сводили в две роты, а роты в два взвода соответственно. Но если учесть, что атаковали их дивизии, которые по численности в лучшем случае равнялись

полноценному полку, то шансы уравнивались.

Жуков торопил, требовал. Но прекрасно понимал, что наступление выдыхается. Именно в эти дни он докладывал Сталину: «За декабрь и 15 дней января Западный фронт потерял убитыми 55 166 человек, ранеными и больными 221 040 человек, а всего за 45 дней напряжённых боёв фронт потерял 276 206 человек.

За это время пополнения получено около 100 тыс. человек, из них в январе на 28,1 получено только 19 180 человек из занаряженных 112 тыс.

Большинство дивизий и стрелковых бригад сейчас настолько обескровлены, что не представляют никакой ударной силы. Многие дивизии имеют по 200–300 штыков, а стрелковые бригады и стрелковые полки по 50—100 штыков.

В таком состоянии дивизии и стрелковые бригады Западного фронта дальше оставаться не могут и не способны решать наступательные задачи.

Прошу приказать немедленно подать Западному фронту пополнение, занаряженное по январскому плану, а в феврале прошу подать не менее 75 тысяч человек…»

Да, твёрдости характера Жукову было не занимать. И он знал, когда обращался с такими словами: «Прошу приказать немедленно подать Западному фронту пополнение…», что просьба будет воспринята адекватно, без лишних эмоций, как просьба солдата, который из окопа во время боя требует доставить ему патроны, без которых, как известно, нельзя вести огонь, а значит, выстоять в бою и выполнить приказ. Но почему же так эмоционально, до истерики, реагировали в штабе Западного фронта почти всегда, когда командарм-33 запрашивал необходимое пополнение и боеприпасы?

Ниже приведена стенограмма телефонного разговора командарма и начальника штаба Западного фронта. Жуков почему-то не только сторонился личных встреч с командующим 33-й армии, но и по телефону старался общаться через своего начштаба. Хотя, к примеру, с командующим 20-й армией Западного фронта генерал-лейтенантом А. А. Власовым разговаривал много, часто и довольно корректно. Чего только стоит вопрос, заданный им командарму-20. Когда Власов сказал Жукову, что один из участков трудно атаковать, маневрируя артиллерией, из отсутствия дорог, «а снежный покров достигает свыше шестидесяти сантиметров и совершенно недоступен для действия артиллерии», Жуков сказал: «А что бы сказал Суворов на Вашем месте, если бы он увидел перед собой шестьдесят сантиметров снега, остановился бы или нет?» Изящный разговор,

не так ли? Почти из «Войны и мира», где Наполеон отдаёт приказы своим маршалам. Да что там, Жуков буквально сравнивает Власова с Суворовым!

Одиннадцатое января. Недавно взят Боровск. Ещё не очищены от противника коммуникации между Боровском и южными, ближними подступами к Верее, куда отброшен противник. Немецкие гарнизоны и отдельные небольшие подразделения, окружённые, а точнее, обойдённые ударными группами наступающих войск, бродят по тылам. Иногда они буквально через несколько часов занимают те деревни, которые только что были взяты с бою, входя в них следом за ушедшими вперёд ударными группами. В дивизиях в лучшем случае полковой списочный состав. И Жуков об этом прекрасно знает.

«У аппарата Ефремов.

У аппарата Соколовский.

Соколовский: Здравствуйте.

1. Почему у вас так затянулось со взятием Вереи, в чём дело?

2. Почему приказ командующего вами до сих пор не выполнен?

3. Как организовали наступление по овладению Вереи?

4. Какие данные о противнике в Верее?

Ефремов: Так, у вас всё?

Соколовский: Да, всё.

Ефремов: 1. Приказ комфронта выполняю. На подступах к городу Верея и южнее Вереи идёт бой.

2. Наступление ведут южнее Вереи три дивизии — 113-я, 1-я гв. и 338-я, на этом направлении сосредоточено 8 артиллерийских полков.

3. Встретились с организованной обороной противника по р. Протве на южной окр[аине] города Вереи и далее на рубеже Ястребово, Ново-Васильево, Дудкино и далее на юго-запад.

4. Войскам, наступая на Верею, одновременно приходится вести бой с обороняющимся противником справа на рубеже Протва, слева на рубеже Ястребово, Паново, Васильево, Дудкино.

Противник продолжает вести упорные бои и, ко всему этому, особенно затруднено движение артиллерии, которая сопровождает войска.

5. Веду бой с обороняющимся противником на указанных рубежах, дивизиями, наступающими на Верею, и подвижными арьергардами врага от пяти дивизий противника, усиленными танками.

6. Наступление идёт непрерывно, но, по указанным мною причинам, медленно.

7. Противник проявляет большую упорность и

предприимчивость на рубеже Симбухово, Варварино, перед Клин и далее по реке Исма.

8. Противник переходит почти перед всеми дивизиями в контратаки по несколько раз в сутки, мы отбиваем и медленно наступаем.

9. Вам наши трофеи показывают упорство врага, иногда приходится захватывать машины с работающими моторами и неостывшим оружием.

10. Приказ комфронта выполняется и будет выполнен.

Соколовский: Тов. Ефремов, вы не ответили ни на один из поставленных мною вопросов. Ваши разговоры — это разговоры вообще, к тому же неясные, из которых нельзя понять, что же делает армия, как командованием и штабом армии организован бой по овладению Вереи, где части и что они делают, какой противник перед нами и когда вы намерены взять Верею во исполнение приказа комфронта.

Ваш доклад так же запутывает дело, как и сводки вашего штаба, из которых в течение двух дней мы ничего не можем понять, что делается в 33-й армии.

Вы говорите, что противник имеет организованную оборону на рубеже Протва — город Верея — Ново-Васильево — Дудкино и далее на юго-запад, и тут же через некоторое время говорите, что противник прикрывается арьергардами от каких-то пяти дивизий, не называя даже их нумерации. Путаница невероятная.

Я ещё раз прошу ответить на следующие вопросы:

1. Какой перед армией противник, нумерации частей, где он находится и его сопротивляемость?

2. Где части 33-й армии ведут бой, начиная с правого фланга и кончая левым?

3. Как организовано наступление по овладению Вереи, кто управляет этим наступлением, где управление главной группировкой и какие силы привлечены для овладения Вереи?

4. Почему до сих пор не перерезана дорога противнику Верея — Можайск?

5. Почему всё-таки не выполнили приказа командующего фронтом? Данное вами объяснение совершенно неудовлетворительно.

Ефремов: Если у вас много свободного времени, я вам ещё раз повторю, но одновременно докладываю: я очень занят работой по выполнению приказа комфронта.

Очевидно, у вас только что переданный мною разговор с вами принят, я ответил вам ясно. Повторяю:

1. 222-я дивизия наступает на правом фланге совместно с левым флангом 5-й армии — 32 сд.

222-я дивизия ведёт бой на рубеже Симбухово, занимая его восточную половину и далее — Женаткино. Перед 222-й дивизией действуют части противника 292-й, 258-й пехотных дивизий.

2. 110-я стрелковая дивизия, наступая, ведёт бой на рубеже Гуляева Гора и лес южнее Гуляева Гора. Дивизия в своём составе очень малочисленна. Перед 110 сд действуют части 183 пехотной дивизии.

3. По р. Исма занимает оборону группа противника Шеваллери от крестьянка до Сирино, князевое. Это направление прикрывается одним полком 160 сд.

4. Главная группировка на левом фланге армии — 113-я, 1-я гвардейская и 338-я стрелковые дивизии наступают на Верею с юга и юго-запада.

ИЗ дивизия, 1-я гвардейская, преодолев оборону противника в полосе своего наступления, подошла к южной и юго-западной окр. Вереи.

Перед нами противник — части 15-й пехотной дивизии и 267-й дивизии.

267-я дивизия была не потрёпана ещё, переброшена из района Рузы сюда.

5. 338-я сд, сегодня переброшенная из района Лучны, Маломахово, Совьяки, сосредоточилась в районе Ново-Борисово и в лесах западнее Ново-Борисов с задачей развить наступление вдоль дороги Егорье — Верея на западную окр. Вереи и этим самым помочь сломить сопротивление противника совместно со 113-й, 1-й гвардейской дивизиями, т. е. этим самым стремлюсь как можно скорее выполнить приказ комфронта.

6. 93-я дивизия, встретив организованную оборону противника на рубеже Перемешаево — Благовещенское — отм. 202,0 — северо-западнее Гольтяево — Егорье, ведёт бой.

Левым флангом дивизия 51-м сп ведёт бой Валютино, Левино, нанося удар противнику в тыл.

7. Вывод: 33-я армия всеми имеющимися силами ведёт наступательный бой.

8. Управляю операцией как командарм.

9. Управление своё приблизил к войскам. Всё.

На какой ещё вопрос теперь я вам не ответил и что вам ещё не ясно?

Соколовский: Вы не ответили на основной вопрос: как вы организовали бой на местности со своим аппаратом управления? Потому что штаб ваш и вы не знаете точно, где находится 1-я гвардейская дивизия, не даёте даже ответа на это.

Сосредоточено три дивизии за овладение Вереёй. Они скучились на узком фронте и на месте никем не управляются,

идёт управление только вашими приказами из командного пункта, тогда как в этих условиях необходимо на местности разрешить вопрос организации и управления боем за Верею.

Совершенно неясно, подтянута ли артиллерия или нет и кто этой артиллерией управляет в бою за Верею. Чувствуется, что никто не объединяет работу артиллерии ударной группы против Вереи.

Комфронтом спрашивает, когда вы овладеете Вереёй?

Ефремов: 1. Называю вам точно, где сосредоточена 1-я гвардейская:

175-й сп — километр южнее Вереи в лесу между МТС и отметкой 209.

6-й полк одним батальоном перехватил дорогу юго-западнее 1 км Вереи, остальные силы в районе отм. 209 и западнее этой отм.

2. Артиллерия прошлую ночь и сегодня день и в настоящее время подтягивается, задержка — это сугробы.

Вся артиллерия объединена зам. командармом артиллерии генералом тов. Офросимовым[104].

3. Производил увязку действий, перегруппировку с командирами дивизий и штабами дивизий генерал Кондратьев с командирами штаба армии.

4. Всё наступление армией, и на левом фланге на Верею, организовано мною лично.

5. На вопрос, когда возьму Верею, точный ответ дать не могу, возможно утром или днём 16.01. 42.

6. Докладываю вам: наступление организовано в соответствии с приказом товарища Сталина.

Без массированного кулака из артиллерии живые силы не хочу бросать в бой, так как и без того потери большие. Всё.

Соколовский: Приняты ли вами меры?

Послан ли отряд лыжников, чтобы перерезать дорогу Верея — Можайск и лишить противника возможности подвоза питания и безнаказанного отхода на северо-запад?

Ефремов: 1. После донесли: путь перерезан. Поймите, я сижу ближе и всё делаю для того, чтобы выполнить приказ комфронта как можно поскорее.

2. Прошу доложить комфронта тов. Жукову, он, возможно, не знает, что из армии взяты все резервы Ставки, за исключением одного, и вчера ещё взяты два артполка, которые очень нужны при наступлении армии при таком сопротивлении противника. Всё.

Соколовский: Взят один артполк, а не два. Об этом командующему известно. Обо всём доложу. До свидания.

Ефремов: Тов. Соколовский, вам неверно доложили. Из армии взяты 486-й и 320-й артполки и РС. Как видите, вам докладывают неверно. Всё.

Соколовский: Взяты: один дивизион РС и взят один артполк.

У вас осталось три артполка и три отдельных артдивизиона. Силы вполне достаточны.

Прошу заставить штаб разобраться с противником, ибо в оценке противника вы стоите на неправильной точке.

Группа Шеваллери — это батальон, который был брошен в бой у Боровска и потрёпан уже давно.

267-я дивизия у вас не значится как дивизия, не исключена возможность, что у вас есть отдельные небольшие подразделения этой дивизии, она у Говорова.

292-я пд в основном действует против Говорова. У вас тоже небольшие подразделения.

15-я пд в основном тоже не у вас, у Голубева.

Таким образом, по существу перед вами 183-я и 258-я пд, о которых вы сами неоднократно докладывали, что они вами разбиты.

Причём разбиты были, как вы докладывали, уже несколько раз. Всё.

Ефремов: Прошу выслушать.

1. Повторяю, что из 33-й армии в 2 часа ночи отправил по приказанию артполки: 486-й и 320-й. РС отданы по приказанию 35, 42 и 33. Как видите, нашу армию ослабили сильно.

2. Пленных могу вам представить от двух полков — 467-го и 497-го 267-й пд, которая состоит именно из этих полков.

3. Противник перед фронтом армии, кроме 267-й пехотной дивизии, следующий: 252-я пд, 292-я пд — 507-й пехотный полк, из 258-й пехотной дивизии перед нами 458-й и 478-й полки, 183-й пехотной дивизии — полки 330-й и 351-й, 15-й дивизии — 88-й полк. Полностью от всех этих дивизий и их названных полков имелись и имеются пленные. Вам всё ясно?

Соколовский: До свидания.

Ефремов: До свидания»[105].

Жуков и Ефремов — земляки. Родились в соседних уездах Калужской губернии. Детство провели на реке Протве.

Стрелковка, родина Жукова, и Юрятино, где на мельнице купцов Мосоловых работали родители Ефремова, буквально в десяти километрах друг от друга. Земляков, однако, эти обстоятельства не сближали.

Командарм, конечно же, слышал и понимал в вопросах, в голосе Соколовского и его интонациях гораздо большее, чем та информация, которую мы можем теперь из этого диалога

получить. Кто-то может упрекнуть командарма-33 за действительно скомканный, лишённый конкретики доклад. После чего Соколовский, очевидно воспользовавшись этой оплошностью Ефремова, устраивает настоящую инспекцию по телефону. Вопрос: «Где части 33-й армии ведут бой, начиная с правого фланга и кончая левым?» звучит примерно как вопрос учителя русского языка десятикласснику: «А ну-ка, любезный, повтори мне весь алфавит от «А» до «Я»?» А прокурорская фраза: «Данное вами объяснение совершенно неудовлетворительно»? Да после этого обычно следует приговор. И что интересно: Соколовский в начале разговора очень, даже излишне многословен, сорит военными терминами, которые были бы уместны при разговоре разве что с лейтенантом, упорно лезет, как говорят, под кожу своими конкретными вопросами. Но когда Ефремов даёт на них чёткие и исчерпывающие ответы, одновременно переходя к вопросам по существу, а именно — поводу отнятых у армии артполков РС, Соколовский вдруг поспешно старается ретироваться. Что это? Ситуация очень напоминает ту, которая сложилась 1 декабря под Наро-Фоминском, когда моторизованная группа, усиленная большим количеством танков, прорвалась на Кубинку. Тогда Ефремов докладывал Соколовскому реальную картину прорыва, пояснив при этом, что ликвидировать прорвавшихся ему нечем, что все войска заняты действиями на фронте, в том числе и ликвидацией образовавшейся в результате прорыва бреши. На что Соколовский отреагировал очень характерно: «Ликвидируйте сами. У нас ничего нет. Повторяю ещё раз, противника у вас очень мало. Обороняются ваши части плохо. У меня всё. До свидания! Желаю успеха!» Когда полк капитана Лобачёва попал в кольцо, Ефремову это тоже доставило много хлопот и неприятностей. Но он не посмел отречься от окружённых. Напротив, приказал сделать всё, чтобы блокированные получали всё необходимое для жизнеобеспечения и возможности отбить атаки, сохранить свои жизни. Потом, когда Жуков понял, что прорыв на Кубинку нешутейный и что танки фон Клюге вот-вот могут атаковать штаб Западного фронта в Перхушкове, на ликвидацию прорыва были срочно выделены довольно значительные резервы. Но фразу Соколовского «Ликвидируйте сами» из истории тех событий уже не вымараешь…

Что касается артполков резерва Ставки ВГК, то здесь тоже стоит задуматься над словами Ефремова, который вдруг задаёт вопрос следующим образом: *«Прошу доложить комфронта тов. Жукову, он, возможно, не знает, что из армии взяты все резервы Ставки…»* Известно, что начальник штаба, либо лицо,

замещающее в данный момент комфронта, либо разговаривающее по телефону от имени комфронта, после разговора обязан доложить по существу разговора. И Ефремов прекрасно понимал, что, если он заявил Соколовскому по поводу артполков, тот обязан доложить о его заявлении Жукову. По характеру вопроса можно предположить, что Ефремов был просто уверен, что Жуков не знал о том, что два артполка отозваны из состава 33-й армии накануне штурма Вереи. Кто их отозвал? Соколовский? Тогда Ефремов, задавая этот вопрос Жукову через Соколовского, встаёт на открытый путь конфронтации, а возможно, и вражды.

Командарм-33 обещал Соколовскому взять Верею 16 января. Верея была взята штурмом, который длился несколько суток, в 4. 30 19 января 1941 года. Одновременно дивизии 33-й армии очистили от противника окрестные населённые пункты: Ершовку, Загряжское, Красную Слободу, Хрупинку, Выпловку, Пафнутовку, Афанасьево, Кузьминское, Сотниково и Горки. Непосредственно в городе дрались части двух дивизий: 110-й и 222-й. В боях за овладение Вереёй армия потеряла убитыми, ранеными и пропавшими без вести более 2000 человек. Здесь погиб командир 1289-го стрелкового полка 110-й стрелковой дивизии полковник А. Я. Потапов. Тяжело ранен комиссар 1291-го полка батальонный комиссар С. Г. Саркисов.

Потери противника тоже оказались большими. Однако часть сил немцы всё же успели вывести из города, когда создалась реальная угроза их блокады и последующего уничтожения, как это произошло в Боровске. Об ожесточённом характере боёв за Верею свидетельствует то, что полки дивизий, брошенных непосредственно на штурм города, ворвались на окраины ещё 16 января. И почти трое суток, без каких-либо оперативных пауз, шёл непрерывный бой. Противник маневрировал танками. Но подведённая к городу артиллерия подавляла огневые точки врага, заставляла отойти танки, часть уничтожал. Пехота продвигалась вперёд: дом за домом, улица за улицей.

Кстати, разведка в эти дни установила, что «потрёпанный батальон» Шевалери во время этих боёв располагал 21 танком. Пленные также подтвердили факт прибытия из района Рузы в район Вереи усиленной 9-й роты 21-го танкового полка 20-й танковой дивизии. Запомним номер этой дивизии, она ещё сыграет в судьбе 33-й армии свою роковую роль…

13

Итак, 33-я ещё штурмовала пригороды хорошо укреплённой Вереи, а из штаба Западного фронта уже пришёл боевой приказ о броске на Вязьму. Однако командарм-33 решил вначале ликвидировать Верейскую группировку противника — оставлять её у себя в тылу было нельзя. Поспешность, с которой проводился штурм города, несогласованность действий многих частей, которые снова, как и под Наро-Фоминском, зачастую действовали изолированно, без контакта с соседями, дали возможность противнику вывести из-под удара часть своих сил и зимними дорогами эвакуировать их на запад, в район Юхнова, Мятлева, Вязьмы.

21 января ночью Ефремова разбудил дежурный офицер и сказал:

— Товарищ генерал, на проводе Жуков.

Командарм взял трубку.

«У аппарата Жуков. Здравствуйте. Когда выйдут части в назначенный район? Это сейчас главный вопрос.

Здравствуйте, тов. Командующий. У аппарата Ефремов.

1. 93 сд, находясь в Шумово, Дряблово, с наступлением темноты выходит в район сосредоточения Тёмкино.

2. 113 сд и 338 сд на рубеже р. Шаня.

3. 222 сд с 17. 30 ведёт бой в районе Юрлово за Юрлово и южнее.

222 сд перед собой имеет усиленный батальон противника 479 пехотного полка 258 пд.

4. Понимаю всё значение нашего выхода в указанный вами район — всё для этого делаю.

5. Всё тормозит этот транспорт. Радиостанции, и те отстали от командира дивизии.

День и ночь расчищаем дороги.

6. Наличие до двух тысяч противника в районе Передел, усиленного танками, вынуждает меня просить вашего разрешения начать переброску 160 сд в назначенный район из Боровска.

7. Всё приложу, чтобы выполнить задачу. Всё.

Жуков: Если в Переделе действительно две тысячи с танками, то это очень хорошо, так как мы боимся, что все уже ушли.

Не ввязываясь в бой, надо стремительно выходить в назначенный район, связаться с десантом в районе Знаменка, Желанье и быть готовым, не останавливаясь, к выходу в район западнее Вязьма.

Для обеспечения действий сейчас же подтягивайте армейские тылы, запасы и всё материальное обеспечение и управление. Штабу армии от главной группировки не отрываться.

160-ю передаю в ваше распоряжение. Имейте в виду, она получила вооружение, и даём ей дополнительно пополнение, главные силы 222-й вывести из боя и двигать в назначенный район. Для преследования оставить усиленный батальон со 110-й стрелковой дивизии. Двигайтесь как можно быстрее и держите с нами непрерывную связь, чтобы мы могли вовремя поставить вам задачу и ориентировать обстановку. Из района Тёмкино выбросить разведку и передовые отряды на линии Лосьмина, Знаменка.

Ефремов: Тов. Командующий, всё понятно, прошу лишь повторить: вы не оговорились, назвав 110-ю дивизию? Она по вашему приказанию должна была оставаться в Верее доукомплектовываться?

Жуков: Всё ли ясно? Выделить для преследования батальон 110-й сд, усилив его отдельными орудиями. 110-й дивизии оставаться в районе Вереи и укомплектовываться.

222-я должна следовать в район сосредоточения, передав противника батальону 110-й.

Всё.

Будьте здоровы. Нажимайте. Можете отличиться на этом как никогда.

Ефремов: Слушаюсь. Всё понятно. Доброго здоровья»[106].

Так начиналась Ржевско-Вяземская операция 1942 года.

14

В это время, в феврале — апреле, в Вязьме находились полевые управления трёх немецких армий: 4-й и 9-й полевых и 4-й танковой. Ими командовали: 4-й полевой — генерал пехоты Готграт Хейнрици; 4-й танковой — генерал пехоты Рихард Руофф; 9-й полевой — генерал танковых войск Вальтер Модель. Все трое на свои высокие должности были назначены недавно, с повышением, поэтому горели желанием подтвердить делом доверие Гитлера. Таким образом немецким генералам сдавать Вязьму было нельзя. Иначе как бы расценил это поражение фюрер? Вязьму было кому защищать. Один только Модель чего стоил. В немецком Генштабе вскоре его назовут «гением обороны» и «пожарным фюрера». В Вязьме и вокруг неё было слишком много генералов вермахта, да и солдат тоже, чтобы пусть и довольно многочисленная (около 40 тысяч) группировка Красной

армии так просто, с марша, почти без артиллерии и без поддержки авиации и танков, захватила её.

Наверное, всё же главной составляющей неудачи Ржевско-Вяземской операции Западного и Калининского фронтов была несогласованность действий всех подразделений, брошенных на выполнение этой непростой задачи. Корпуса, кавалерийский и воздушно-десантный, дрались изолированно. 33-я тоже имела свой фронт.

Летом 1942 года группа офицеров Генерального штаба под руководством полковника К. Ф. Васильченко[107] провела детальный разбор действий подразделений Западного фронта в ходе Ржевско-Вяземской операции. Отчёт сейчас широко публикуется, кочуя из издания в издание. Советы хорошие, но все — задним числом. В нём есть и такие выводы: «Командующий Западным фронтом разбросал почти что равномерно свои силы и средства по огромному пространству, не имея ни на одном направлении ярко выраженной группировки для нанесения сокрушительного удара по противнику. Он также не имел у себя мощных резервов, которыми мог бы влиять на ход операции в зависимости от сложившейся обстановки на том или ином направлении».

Сейчас, с расстояния лет, можно, пожалуй, внести в эти, конечно же, верные и справедливые слова, одну поправку. Она тоже будет верна: не только командующий фронтом, но и Верховный главнокомандующий, и Ставка, и вся страна не имели тогда тех «мощных резервов, которыми» можно было «бы влиять на ход операции в зависимости от сложившейся обстановки на том или ином направлении». Станки, демонтированные в Москве и Подольске, ещё не стали цехами и заводами по производству снарядов, мин и патронов. Они ещё двигались к местам назначения на заснеженных платформах на Урал, в Сибирь. Вот почему Жуков не мог обеспечить войска необходимым количеством боеприпасов.

15

Первый гвардейский кавкорпус имел в своём составе: 1-ю и 2-ю гвардейские, 41, 57 и 75-ю кавалерийские дивизии, три лыжных батальона (до 900 человек); всего около 6500 человек. Генерал-лейтенант П. А. Белов входил в прорыв через Варшавское шоссе в районе Барсуков и сосредоточился в Стрельне. Немцы вскоре ударили вдоль шоссе с запада и с востока и закрыли коридор, так что за кавалеристами и лыжниками не смогли войти в прорыв две

стрелковые дивизии, танковая бригада и вся дивизионная артиллерия двух кавдивизий, полк РС, зенитные артдивизионы. Гвардейцы свои пушки протащить успели. Надо отметить такой факт: во время нахождения в окружении беловцы оказались очень находчивыми воинами, они с помощью местных жителей отыскали больше двадцати исправных советских танков, много орудий, в том числе крупного калибра, снаряды к ним. Всё это было брошено во время октябрьской катастрофы 1941 года.

4-й воздушно-десантный корпус в тот период состоял из 7-й и 8-й воздушно-десантных бригад и стрелкового полка. Высажены они были в районе Знаменки и Желанья. Вскоре было высажено ещё 3745 человек. Выброска продолжалась и позже. Десантники были вооружены автоматическим стрелковым оружием и винтовками. Имели также на вооружении: 31 пулемёт, 10 из которых — ручные; 34 миномёта и две «сорокапятки». В конце января 1942 года десантники вместе с подразделениями 329-й стрелковой дивизии 33-й армии присоединились к кавалерийскому корпусу Белова. Десантирование прошло не вполне удачно. Часть десантников и грузов оказались на занятой противником территории. Был убит в самолёте командир корпуса генерал А. Ф. Левашов[108], которого заменил начальник штаба полковник А. Ф. Казанкин[109].

В четырёх дивизиях 33-я армия насчитывалось около 11 тысяч человек, 5 противотанковых, 12 зенитных и 112 полевых орудий, 99 миномётов с минимальным боекомплектом: на день боя порой отводился всего один снаряд на ствол. Танков не было вообще.

Итак, 11-й кавкорпус блокировал Вязьму с севера и северо-запада, 1-й гвардейский кавкорпус — с юга, 33-я армия подступила с востока и юго-востока. 26 января первыми к Вязьме подошли части 11-го кавкорпуса и уже через два дня заняли важный опорный пункт Якушкино и перехватили магистраль Москва — Минск. Были захвачены большие трофеи. Корпус продолжал двигаться к Вязьме и вскоре подошёл к ней на расстояние 12 километров.

Под Вязьму немцы подтянули все резервы, которыми располагали все три армии группы армий «Центр». Кроме 5-й танковой, сюда перебросили 11-ю танковую, здесь же находились части пяти пехотных и 20-й танковой дивизий, а также полк СС и ряд других подразделений. Немцы использовали инженерные и фортификационные сооружения, построенные нашими оборонявшимися частями летом — осенью 1941 года: сохранившиеся доты были реконструированы, пробили бойницы на юг и восток, установлены пулемёты, орудия, заминированы

предполья.

В ночь на 4 февраля 33-я армия и 1-й гвардейский кавалерийский корпус провели совместную операцию. Части 113-й стрелковой дивизии скрытно, без артподготовки, под покровом ночи подошли вплотную к немецким позициям возле опорного пункта деревня Песочня. В это же время левее пошли в атаку кавалеристы. Немцы открыли огонь. Атаки следовали одна за другой, но ни одна из них успехом не увенчалась. Генерал П. А. Белов впоследствии писал в своей книге «За нами Москва»: «Ожесточённый бой длился несколько суток и стоил нам больших жертв, каждая наша атака встречалась сильным артиллерийским и миномётным огнём. На поле боя то и дело появлялись фашистские танки. Немецкая авиация с утра до вечера бомбила и обстреливала нас».

Нашим частям так и не удалось пробить немецкую оборону и ворваться в Вязьму. Историки и военные, размышляя об итогах Ржевско-Вяземской операции 1942 года, в один голос твердят следующее: если бы даже Ефремову и Белову удалось взять Вязьму, удержать её было бы ещё труднее. Правда, в штабе Западного фронта в это время рассчитывали на то, что, если Ефремову, Белову, Казанкину и Соколову удастся взять Вязьму, немецкий фронт под Юхновом и Ржевом распадётся сам собой. Как бы не так: немецкий фронт даже под Берлином не распался, его пришлось прорывать и уничтожать в тяжёлых боях.

Судьбе было угодно провести 33-ю армию по пути самых тяжких страданий и потерь. Но вернёмся под Вязьму. В те дни, когда дивизии 33-й армии своими передовыми полками буквально рвались к Вязьме, чтобы с ходу вступить в бой на рубеже Юрино, Дашковка, Мелихово, немецкие танки и мотопехота уже выходили на исходные в районах станции Угрюмово, сёл Ивановское, Захарово, Савино. В операции по ликвидации коридора участвовали: с севера — 183-я пехотная и 20-я танковая дивизии; с юга — 4-й полк СС «Фюрер». Бой продолжался всю ночь и весь день. 3 февраля в 20.40 в штаб группы армий «Центр» поступило донесение о том, что русские потеснены.

Фланги в основании коридора держали несколько батальонов и отрядов. Группа подполковника А. И. Витевского из 9-й гвардейской стрелковой дивизии, имевшая приказ держать Захарово и окрестности, потеряла опорный пункт и отошла в район Колодезей на соединение с основными силами. Батальон 266-го стрелкового полка 93-й стрелковой дивизии отошёл к Савино, а затем был загнан в лес восточнее Коркодиново. Батальон 1134-го стрелкового полка 338-й стрелковой дивизии,

усиленный миномётным взводом, отошёл к Пинашино, где в это время находился отдельный батальон особого назначения майора В. В. Жабо, который подчинялся напрямую комфронта и боевые задания получал непосредственно из штаба фронта.

Из журнала боевых действий 33-й армии: «3.2.42. Противник силою до 200 человек в 2.00 атаковал с юга Захарово и, потеснив батальон 266 сп, занял его. В дальнейшем, при поддержке 3-х танков и авиации, повёл наступление по магистрали Гжатск — Юхнов одновременно с юга и севера и к исходу дня, кроме Захарово, овладел Савино, Пинашино, перехватив пути сообщения главной группировки армии. Один батальон 266 сп и 1293 сп принимают меры к ликвидации противника в этом районе…»

Командарму на НП на Красном Холме, где он занимался разработкой операции по прорыву обороны на подступах к Вязьме, доложили о происшедшем в тылу у Западной группировки. 9-ю гвардейскую у него забрали. В «коридоре» А. П. Белобородов[110] оставил надёжного офицера штаба и до батальона штыков. В распоряжении 33-й армии более или менее боеспособной оставалась 93-я стрелковая дивизия генерала Эрастова.

В 4 часа утра за подписью начальника штаба армии генерал-майора А. К. Кондратьева в 93-ю поступило боевое распоряжение: «По непроверенным данным, противник занял Захарово.

Командарм ПРИКАЗАЛ:

1. 1293 сп сменить частями 93 сд, полк направить в распоряжение командира 160 сд.

2. Командиру 1293 сп из р-на Буканово немедленно выступить по маршруту — Малиновка, Гриденки, Белый Камень, Савино, выбить противника из Захарово, восстановить положение, после чего продолжать продвижение в р-н сосредоточения 160 сд, где и поступить в подчинение командира дивизии». Таким образом командарм хотел очистить «коридор» и расперет войсками его фланги для осуществления коммуникации. Но то, чего немцы в первые сутки достигли с тремя танками, они уже удерживали с восемью, постоянно, с каждым часом наращивали свои силы, увеличивая ширину фронта блокады. Начала действовать штурмовая авиация, активизировались артиллерия и миномёты.

Был момент, когда всё ещё можно было поправить. Майор Жабо поднял по тревоге свой батальон и совместно с 1134-м полком 338-й стрелковой дивизии и миномётным взводом принял бой. В середине дня 3 февраля к месту боя прибыл генерал В. А. Ревякин[111]. Он был направлен сюда комбригом

Онуприенко, который в это время фактически командовал восточными дивизиями 33-й армии, так как генерал Кондратьев пребывал в жестоком запое. Бой длился 15 часов. Потери были большими с обеих сторон. Немцы подтягивали всё новые и новые резервы. Генерал Ревякин вскоре приказал подчинённым ему подразделениям отойти к Белому Камню.

Майор Жабо доносил в штаб фронта на имя Жукова: «Доношу, что 29.01.1942 получил от Вас лично задачу. Батальон в составе 294 человека 2 февраля 1942 года выступил из штаба 33-й армии к линии фронта на выполнение поставленной задачи. В 2.00 3 февраля 1942 года батальон достиг деревни Пинашино, где было сообщено, что противник (в каком составе, неизвестно) занял деревни Воскресенское и Савино, перерезав коммуникацию 33-й армии к наступающим её соединениям. Учитывая важность данной дороги, отсутствие войск от деревни Износки до деревни Пинашино, я решил отклониться от поставленной задачи и в 3.00 3 февраля 1942 года вступил в бой с противником, имея целью:

1. Очистить дорогу от противника и дать возможность движения по ней транспорта 33 А;

2. Не дать возможности противнику напасть на штаб 33 армии;

3. Уничтожение противника, т. к. имел сведения, что в данном районе он немногочислен.

Бой длился в течение 17 часов, т. е. до 20.00 3 февраля 1942 года. Общее руководство я принял на себя, т. к. в Пинашино, кроме моего батальона, находился батальон 1134 сп 338 сд, состоящий из 60 человек и миномётного взвода 120 мм миномётов. В 12.00 на мой КП прибыл генерал-майор В. А. Ревякин, который возглавил ведение данной операции до конца боя. К исходу дня пришлось по приказу генерал-майора Ревякина отойти из деревни Пинашино в деревню Белый Камень.

Как я впоследствии выяснил в разведотделе 33 армии, против нас действовал 4-й полк СС, усиленный пятью танками и мощной авиацией, т. е. в один полёт действовало до 17 самолётов штурмовой и бомбардировочной авиации, действовавшей в течение целого дня. Кроме того, против нас действовали отдельные группы финнов силою 20–30 человек каждая. Результаты боя: противник на рубеже Воскресенское, Савино был остановлен на 17 часов. Подбит один танк».

Владимир Владиславович Жабо — личность легендарная. В то время ему было 32 года, в РККА с 1929 года. С октября 1941-го по февраль 1942-го командовал Отрядом особого назначения, который действовал на оккупированной территории. В ноябре 1941 года он со сводным отрядом красноармейцев и партизан

совершил налёт на штаб XII армейского корпуса 4-й полевой армии немцев в селе Угодский Завод — на родине Г. К. Жукова[112]. В феврале 1942 года Отряд особого назначения развёрнут в полк. Полк имел базу в лесах западнее Вязьмы, которой активно пользовались офицеры ГРУ. Впоследствии Жабо командовал 4-й воздушно-десантной и 49-й механизированной бригадами. Погиб он 8 августа 1943 года во время Орловско-Курской битвы, в бою за деревню Дуброво Хотынецкого района Орловской области. Именно о таких, как Владимир Владиславович Жабо, в конце войны говорили — офицер во славу русского оружия. Умный, изобретательный, волевой, дерзкий. Думается, что, если бы боем под Пинашином командовал не генерал, а майор, то исход мог бы быть иным…

Из штаба 20-й танковой дивизии вермахта в штаб XX армейского корпуса ушла телеграмма: «1. За период с 23.1. по 1.2.42 г. 20-я танковая дивизия приняла на себя защиту южного фланга 4 танковой армии, при этом в ожесточённом бою она расширила предмостное укрепление и занимает положение: Истра до линии Мал. Ивановское — Букари — Тулизово, и захватила населённый пункт Буканово.

2. 2.2–3.2.42 г. 20-я танковая дивизия атакой на юг установила связь 4 танковой армии с 4 армией и отрезала части противника, пробившиеся на запад. В ожесточённых боях, с большими потерями, против русской 9-й гвардейской дивизии противник был отброшен с позиции Малое Ивановское, Пинашино и Савино.

3. За период с 4.2. по 26.2. 20-я танковая дивизия в районе по обе стороны и севернее Пинашино отбила большое количество атак противника, проводимых превосходящими силами соединений русских 33-й и 43-й армий, и одновременно расширила плацдарм к 4-й армии в тяжёлых местных боях до реки Угра по обе стороны Прудки. Несмотря на ожесточённые атаки при поддержке танков, русским не удалось восстановить потерянную связь со своими отрезанными дивизиями.

4. После того, как 20-я танковая дивизия 26.2.42 г. на своём западном участке заняла исходные позиции для атаки на запад, она повернула на восток для ликвидации русского прорыва в районе Гречищенки. Здесь также в упорных боях ей удалось отбить численно превосходящие атаки противника и помешать ему вновь объединиться с прорвавшимися дивизиями.

За этот период времени было получено пополнение лишь 1151 человек, из них 8 офицеров. Противник за этот же период времени понёс значительно большие потери».

Летом 1942 года, когда шло разбирательство по поводу

причин гибели западной группировки 33-й армии, комбриг Онуприенко в личном письме генералу Жукову писал: «По прибытии в штаб 33 армии бывший член Военного совета М. Д. Шляхтин мне передал: «Командарм приказал Вам лично заняться ликвидацией северной группировки противника». Эта задача мною была выполнена силами 222-й и 110-й стрелковых дивизий. Считаю своей ошибкой, что по прибытии в штаб я лично не проверил, как надёжно прикрыт стык и коммуникации со стороны 43-й армии, а поверил докладу и сводкам, что 43-я армия в двух местах перерезала дорогу Гжатск — Юхнов.

Правда, к этому времени основную опасность составляла северная группировка противника, т. к. там он был на удалении 3-х и даже 2,5 км от коммуникации. В дальнейшем, когда противник захватил Захарово и Пинашино, необходимы были мои самые решительные и немедленные меры по его ликвидации.

Перед Вами и страной я в большом долгу за 33-ю армию; я этого никогда не забываю…»

Бои не прекращались, росли потери убитыми и особенно ранеными. Усилились морозы, лазареты были переполнены больными и обмороженными. Списочный состав дивизий начал быстро сокращаться. К середине февраля, к примеру, 113-я стрелковая дивизия насчитывала всего 1724 человека (а у нее на вооружении числилось 1105 винтовок, 34 автомата ППШ и ППД, 14 ручных и станковых пулемётов, 6 миномётов). Не хватало медикаментов, бинтов. Как вспоминают очевидцы, у жителей окрестных деревень не осталось ни одной простыни — всё пошло на перевязочные материалы. Начали сокращать продуктовое довольствие. Патроны выдавали поштучно.

Справедливости ради, надо сказать, что и у противника дела шли не так уже и блестяще. В середине февраля в районе Замыцкого сторожевой пост 113-й стрелковой дивизии задержал нескольких немцев, шедших по дороге прямо на их секрет. Они оказались из 7-й роты 21-го пехотного полка 17-й пехотной дивизии противника. Во время допроса один из перебежчиков показал следующее: «21 пп имеет задачу оборонять д. Берёзки. Полк двухбатальонного состава, в каждом батальоне 3 стрелковых роты и по 3 станковых пулемёта. Численность каждой роты — 50 человек. Полком командует полковник Прей[113], 2-м батальоном — обер-лейтенант Гейер, 1-м батальоном — лейтенант (фамилии не знает), 7-й ротой — фельдфебель Вютнер. В 7-й роте более половины солдат не имеют шинелей и вынуждены завёртываться в одеяла. Ежедневного пайка не хватает. Унтер-офицеры ещё раньше пугали всех русским пленом, но мы с товарищами всё-таки решили сдаться в плен и пришли к

вам сами».

Западная группировка была уже отрезана. Уже обречена. И тем не менее немецкие солдаты сдавались в плен. Они устали воевать. Всё говорило о том, что немцы тоже были на пределе. Командующий 4-й танковой армией генерал пехоты Рихард Руофф 9 февраля телеграфировал в штаб группы армий «Центр»: «Фронт, построенный для охраны города Вязьма и железной дороги западнее Вязьма, который почти сплошь имеет соприкосновение с противником, составляет в настоящее время около 120 км. Здесь в распоряжении танковой армии, кроме обозных частей, имеется: 9 отчасти очень слабых пехотных и стрелковых батальонов, 5 батальонов охранения с несколькими тяжёлыми орудиями и небольшой, отчасти неподвижной артиллерией. Два лыжных батальона переводятся сюда маршем.

В противоположность этому до сих пор отмечены следующие силы противника:

на севере: группа Горина в составе 18, 24 и 82-й кавалерийских, 107-й моторизованной дивизий. Последний имеет даже 7 танков 52 тонн, которые в настоящее время являются неподвижными ввиду нехватки горючего.

На юге и востоке: 8 парашютная бригада в составе четырёх батальонов. 1 гвардейский кавалерийский корпус (Белов) с 1-й, 2-й гвардейскими кавалерийскими дивизиями, 57-й, 41-й кавалерийскими дивизиями и, возможно, согласно донесениям агентов, ещё 2-я гвардейская танковая бригада, основные части 338-й, 113-й, 329-й стрелковой дивизии и тылы 160-й дивизии, 250-й воздушный полк. Кроме того, имеются неконтролируемые группы партизан. При приблизительной оценке, пехотные силы этих соединений должны составлять около 12 000 человек. По сравнению с этим численность наших пехотных соединений (без обозных частей) составляет 7000 человек.

Это численное соотношение сил является для нас неблагоприятным.

Русские силы являются более подвижными в зимних условиях и имеют отличных связистов и разведчиков, которые в своей стране очень быстро ориентируются и информируют о наших медленно осуществляемых передвижениях войск.

Этот недостаток не может быть полностью компенсирован тем, что русские имеют очень мало артиллерии. Но, несмотря на это, возможно, что отдельные группировки противника будут разбиты одна за другой. Для этого необходимо, однако, помешать русским в переброске новых сил и снабжении воздушным и сухопутным путём. Согласно имеющимся до сих пор неоднократным донесениям, русские, главным образом

воздушным путём (десант) в районе Луги, а также сухопутным транспортом через Богородицкая, постоянно получают подкрепления людьми и, предположительно, различной матчастью. 4-я танковая армия со своими силами не в состоянии пресечь этот приток в корне, так как обе базы подвоза находятся далеко за пределами её участка. Поэтому следует убедительно требовать, чтобы армия как можно скорее приняла на себя эту задачу. С другой стороны, достаточное охранение района Вязьма ставится под вопрос, а окончательное очищение этого района вообще является невозможным».

Командующий 4-й танковой армией видел проблему, надо признать, глубоко и широко. Он опасался русских танков, которые к Вязьме так и не пришли. Опасался объединения и согласованных действий русских, чего тоже так и не произошло. А затем понял: «отдельные группировки противника будут разбиты одна за другой». Что впоследствии и было осуществлено. Разгрома избежал только 1-й гвардейский кавкорпус генерала Белова. Можно предположить, что вышеприведённая телеграмма генерала Руоффа легла в основу плана ликвидации окружённой группировки.

Задача у немцев была не из лёгких: необходимо было удерживать и внешний фронт, и внутренний — ведь и восточная группировка 33-й армии, и 43-я армия продолжали попытки прорваться к окружённым. Для устранения угрозы прорыва с востока и юга в угрожаемом участке фронта на стыке 4-й полевой и 4-й танковой армий группа армий «Центр» сформировала боевую группу «Тома», в которую вошли 17, 255-я пехотные и 20-я танковая дивизии.

А для окружённой западной группировки 33-й армии начался период выживания. Атаки на Вязьму вскоре были прекращены и по причине бесперспективности, и потому, что атаковать было уже некем и нечем. Почти весь февраль командарм удержал свои дивизии на прежних рубежах. В штабы дивизий уходили жёсткие и краткие приказы, суть которых сводилась к одному: держаться.

Солдат — не боевая машина с винтовкой в отрытом окопе. Он ещё и человек, обыкновенный человек, организм которого требует отдыха, сна, еды, крыши над головой, тепла. Случались периоды, когда бойцы не смыкали глаз по двое-трое суток. Почти все дома в деревнях были разбиты или сожжены. Начались перебои с продовольствием, которые в марте переросли в голод.

В начале апреля, когда окончательно стало ясно, что дни окружённых сочтены, начальник Особого отдела НКВД Западного фронта комиссар государственной безопасности 3-го ранга Л. Ф. Цанава[114] на основании докладов своих сотрудников

составил спецсообщение начальнику Управления особых отделов НКВД СССР комиссару госбезопасности 3-го ранга В. С. Абакумову: «За последнее время положение частей Ударной группы 33 армии стало ещё боле затруднительным. Отрезанность её от баз снабжения чрезвычайно осложнила положение со снабжением боеприпасами, продовольствием и лишила возможности частям группы пополняться личным составом.

В результате такого положения значительная часть артиллерии законсервирована из-за отсутствия горючего и боеприпасов.

Потери с 1.02. по 13.03.1942 года составляют:

убитыми — 1290 человек;

ранеными — 2531 человек.

Пополнение личным составом не производится. Особенно напряжённое положение со снабжением частей группы продовольствием. Питание личного состава состоит из небольшого количества разваренной ржи и конины. Соли, жиров и сахара совершенно нет. В 338-й СД личному составу выдаётся разваренная рожь и жидкий суп. 13 и 14 марта бойцы 1297 стр. полка 160-й СД получили по 60 грамм сухарей и бульон из конины. На почве недоедания участились случаи заболевания бойцов. В 160-й СД зарегистрировано более 40 случаев кишечно-желудочных заболеваний. В 338-й СД имеются бойцы, у которых от недоедания появилась опухоль. В ночь на 15 марта 1942 года в 1138 стр. полку умерли от истощения два бойца.

На посту от истощения замёрз боец из артподразделения.

В отряде полковника Кириллова из 160-й СД с 10 по 15 марта 1942 года имело место 6 случаев освобождения санитарной частью бойцов от несения службы вследствие сильного истощения».

Основным видом транспорта в окружении были лошади. Машины стояли на приколе с начала февраля. Лошадь горючего не требует, но её надо кормить. 27 февраля в оперативной сводке из 329-й стрелковой дивизии в штарм сообщалось буквально следующее: «Настоящим доводим до вашего сведения, что в районе расположения гарнизонов боевого участка 329 сд все внутренние ресурсы фуража для конского поголовья использованы полностью и в настоящее время конское поголовье находится фактически без кормов (на озимой соломе). Такое положение привело к сильному истощению всего конского поголовья нашей дивизии и уже начался падёж конского поголовья от истощения, в частности 26.2.42 г. в транспортной роте 2 сп пала 1 лошадь, 27.2.42 г. 2 лошади, аналогичная картина и в других подразделениях нашей дивизии. Фактически

конское поголовье на 45–50 % неработоспособное.

Всего в районе расположения боевого участка 329-й сд имеется 914 лошадей.

Просим принять все зависящие от Вас меры в обеспечении конского поголовья фуражом.

По данным нашей разведки, в районе расположения гарнизонов капитана Майницкого имеются большие запасы сена, поэтому просим Вас ходатайствовать перед командованием нашей армии о выделении нам фуража из запасов гарнизона капитана Майницкого или из других Вам известных источников».

16

Майницкий был из «зятьков» — окруженцев, обосновавшихся здесь со дней октябрьского «котла» 1941 года. Его отряд занимал несколько деревень. Он провозгласил себя здешним атаманом и не пускал на свою территорию ни немцев, ни бойцов 33-й армии. Атаман со своей сотней лихих молодцов, тоже из окруженцев, охранял округу от любых поборов и посягательств, и за это местные жители кормили «казаков». У каждого в какой-нибудь деревне была «жонка» из солдатских вдов или просто солдаток.

Каждый день шли бои. Каждый бой редко обходился без потерь. Потери, потери, потери. Не убитыми, так ранеными. Роты таяли, как апрельский снег. В сёлах и деревнях, которые заняла 33-я армия, в это время находилось много мужчин призывного возраста: кто-то вернулся домой из окружения, кто-то осел в сёлах и деревнях «зятьками» после минувшей осени, когда здесь были уничтожены, пле-йены и рассеяны десятки советских дивизий. Кроме того, в лесах активно действовали партизанские отряды и группы. 12 февраля командарм издал приказ, в котором говорилось: «1. В целях укомплектования частей за счёт красноармейцев, командиров и партизан, которые организованно укрывались в тылу противника и мобилизации местного населения в возрасте от 18 до 45 лет для укомплектования тыловых частей 113, 160 и 338 сд приказываю… на дивизионные комиссии возложить обязанности… отмобилизование лиц, пригодных для укомплектования частей и тылов…»

Тем не менее положение окружённых ухудшалось с каждым днём. Командарм бывал в дивизиях и полках, наблюдал за действиями своих передовых подразделений. Однажды в 160-й дивизии подошёл к полевой кухне и попросил повара налить ему в котелок солдатской похлёбки. Командарму подали ложку. Начал хлебать. И вдруг спросил повара:

— Почему похлёбка дёгтем пахнет?

Повар помялся-помялся и сказал, что заварена она на картофельных очистках. Туда же мелко нарезаны конские гужи.

— А что говорят солдаты? — спросил генерал.

— Солдаты довольны, — ответил повар.

Командарм дохлебал похлёбку и сказал:

— Ну, ничего, покончим с немцами и будем кормить людей, как положено.

Ефремов видел, что в лесах, где стояли в обороне роты его армии, и в тылах обломаны все макушки сосенок — люди жевали молодую хвою, чтобы хоть как-то поддержать слабеющий организм. Наблюдать за тем, как голод, нехватка боеприпасов, холода и угнетённая атмосфера блокады уничтожают его армию, командующему было невыносимо. А тут ещё сразу в нескольких дивизиях вспыхнул тиф. 19 февраля Ефремов обращается к Жукову с просьбой наладить переброску в окружённую группировку лыжных батальонов. Дело в том, что в эти дни партизаны лесными укромными дорогами сделали несколько поездок в Износки, вывезли некоторое количество раненых, а назад вернулись с продовольствием, боеприпасами, медикаментами и оружием. По этому же маршруту прибыл офицер связи от Жукова.

Жуков раздражённо ответил: «Мы не можем нормально питать вас, а вы предлагаете ещё подать к вам части. Это несерьёзно с вашей стороны. До тех пор, пока пути не будут открыты, части пройти не могут. Проход лыжников и пускать части — это две вещи разные». Жуков стоял на своём. На своём стоял и Ефремов.

Поражение — тяжёлое испытание для полководца. В это время, когда он окончательно осознаёт невозможность иного исхода, кроме гибельного, судьба посылает ему искушение бегством. Потом это можно назвать как угодно: эвакуацией, отступлением и т. д. Но поражения выявляют у полководца и сильные стороны его как полководческого дара, так и человеческого характера. Неизвестно, какие мысли и образы витали в его сознании в те дни, когда обстоятельства погружали его в размышления о судьбе армии и своей собственной судьбе. Вспоминал ли он толстовского капитана Тушина, до конца упорно стоявшего на своей позиции? Думал ли он о погибшем комкоре Петровском, который в августе минувшего года не выполнил его, Ефремова, приказ и не вылетел из окружённой группировки на самолёте?

У командарма было ещё несколько разговоров с комфронта. Во время одного из них, как вспоминает шифровальщик штаба

лейтенант И. В. Якимов, «они перешли на мужской тон». После того разговора Ефремов, положив трубку, сказал: «Тебя бы сюда хотя бы на недельку…» Видимо, после этих переговоров с Жуковым Ефремов понял, что он остался со своими солдатами один на один с врагом. Начался период жестоких приказов. Вот один из них, датированный 19 февраля:

«4. Сегодня личной проверкой боевой готовности частей 338 сд убедился, насколько низка боевая дисциплина в этой дивизии.

Как можно допустить, чтобы боевое оружие, находившееся на огневых позициях, не было готово к открытию огня? Как можно допустить, чтобы командиры и комиссары частей и подразделений оставляли свои места в бою и уходили в тыл? Так преступно поступили командир 1138 сп — капитан Мысин и командир роты — младший лейтенант Солодов.

При наличии в подразделениях весьма ограниченного количества людей в 338 сд, в ближайших тылах можно увидеть очень многих бойцов, командиров и политработников вне боя, без дела. Даже парторганизация умудрилась в момент боя созвать партсобрание.

И неудивительно, что 17.2.1138 сп в панике отошёл от занимаемых позиций.

5. В 160 сд 18.2. имел место вопиющий факт дезертирства с поля боя командира миномётной батареи — лейтенанта Толмачёва и политрука Холстинникова, в результате чего брошенный ими на произвол судьбы отряд в составе 54 человек в неравном бою потерял 43 человека.

6. В сложных условиях боя потеря чувства ответственности, паникёрство и упадничество руководителя — равносильно предательству. Большевик тем и отличается, что он не боится трудностей, смело идёт вперёд, преодолевая трудности.

ПРИКАЗЫВАЮ:

8. Мобилизовать весь личный состав и всю боевую технику на борьбу с врагом; вести самую решительную борьбу с паникёрами, нытиками, предателями; навести большевистский порядок во всех подразделениях, частях и в тылу.

9. Лейтенанта Толмачёва, политрука Холстинникова, капитана Мысина и младшего лейтенанта Солодова арестовать и предать суду Военного трибунала».

Армию необходимо было удерживать от распада. И Ефремов держал её, в том числе и крайними мерами.

Тем временем восточная группировка 33-й армии продолжала попытки атаковать немцев в районе Пинашино с целью деблокады своей западной группировки. 19 февраля в упорном бою, в ходе которого обе стороны понесли большие потери, в том числе и в

танках, батальоны 266-го и 129-го полков 93-й стрелковой дивизии ворвались на окраины Пинашина. Но удержаться там не смогли. Стрелкам помогала армейская авиация. Было сделано 24 самолёто-вылета. Артиллерия выпустила 828 снарядов. Потери: 298 раненых. По поводу числа убитых в донесении сказано: «Данные о числе убитых могут быть уточнены только при светлом времени…» Как будто не было списков рот и батальонов, участвовавших в бою, а надо считать убитых по чёрным бугоркам в поле перед Пинашином… Далее в донесении: «Части дивизии до 4-х раз поднимались в атаку. Но каждый раз были прижаты к земле сильным артиллерийским,] мин[омётным] и пул[емётным] огнём. Танки 5 тбр (2 Т-34), ходившие в атаку на Пинашино, в результате боя имеют потери: 1 Т-34 — сгорел; 1 Т-34 — разбита башня прямым попаданием снаряда большого калибра, Т-26 подбит. Остальные танки участия в атаках не принимали, так как разбитые танки (Т-34 и Т-26) закрыли вход на окр[аину] Пинашино».

Среди причин, которые препятствовали выполнению приказа по взятию Пинашина, генерал Эрастов называл следующие: основная масса солдат, брошенных на Пинашино, состояла из необученного пополнения, которое прибыло в дивизию накануне боя и не было обучено хотя бы стрельбе из винтовки и метанию ручных гранат, отсутствие командного состава взводного и ротного звена, боязнь артогня. «Командиры не могли поднять залёгших под огнём противника бойцов и повести их в атаку. Многие командиры, поднимавшие бойцов для броска в атаку, были вынуждены ходить от бойца к бойцу, в результате чего огнём противника были выведены из строя». Далее: «Противник с момента накапливания частей на исходном рубеже создал перед передним краем своей обороны сильное НЗО из арт., мин. и пуль, огня, не позволяя пехоте подняться для броска в атаку, и отсекая пехоту от наступающих танков. Засечь ОП артиллерии и миномётов противника для их подавления не представлялось возможным ввиду отсутствия средств разведки в артчастях дивизии. Большинство стреляющих арт. и мин. батарей противника вело огонь с участков соседей (особенно из района Игнатьево, Ивановское, Букари), которые одновременно с нами наступление не вели, чем давали противнику возможность концентрировать свой огонь в районе Пинашино.

Задачу по овладению Пинашино продолжаю выполнять вне зависимости от причин, указанных выше, принимая самые жёсткие меры против трусов и шкурников, не желающих продвигаться вперёд.

Для оказания помощи командирам частей в выполнении

задачи в части брошены все наличные силы командиров штаба и политотдела.

Части дивизии вновь атакуют Пинашино в 8.00 20.02.42 г.

Прошу приказания соседу справа о более активных действиях на своём участке для сковывания противника».

Но и на следующий день опорный пункт Пинашино взять 93-й не удалось.

В середине 80-х годов теперь уже прошлого века мне довелось побывать в тех местах и поговорить с очевидцами тех страшных боёв. Старик, бывший стрелочник на железной дороге, рассказывал, что, когда наступила весна 1942 года и начал таять снег, убитые вытаивали тремя слоями. Они лежали буквально друг на друге перед деревушкой Пинашино. А теперь её уже и нет на свете, той деревни, за которую полегли сотни бойцов 93-й стрелковой дивизии.

Комбриг Онуприенко, это можно понять по ходу и характеру боёв, которые все эти дни и месяцы шли под Угрю-мовскими высотами, Пинашином и Захаровом, пытался пробиться к окружённым, чтобы исправить свою первоначальную ошибку, которая оказалась роковой. Но ничего у него, одного с тремя дивизиями, не вышло. А генерал Кондратьев в это время беспробудно пил. 2 апреля 1942 года член Военного совета 33-й армии бригадный комиссар М. Д. Шляхтин[115] телеграфировал в штаб Западного фронта: «Кондратьев продолжает пьянствовать. Сегодня напился до того, что работать был не в состоянии».

Руководитель комиссии, присланной специально для проверки работы генерал-майора А. К. Кондратьева, начальник Политуправления Западного фронта бригадный комиссар В. Е. Макаров[116] 6 апреля 1942 года записал в итоговом документе по результатам работы комиссии: «Кондратьев совершенно разложился. Человека, которому можно было бы поручить руководство штабом, сейчас нет. В интересах дела считаю необходимым Кондратьева немедленно снять и прислать из фронта человека на должность начальника штаба армии. Безобразий в штабе много». 11 апреля новый член Военного совета армии бригадный комиссар Р. П. Бабийчук[117], прибывший в Износки вместо Шляхтина, характеризовал начштаба так: «В работе вял, совершенно безынициативен; работой отделов товарищ Кондратьев не руководит. В результате работа оперативного отдела поставлена плохо, ещё хуже — работа разведотдела. Состояние этой работы в частях совсем плохое. Кондратьев систематически бывает пьян. 6 марта 1942 года он в пьяном виде подписал явно невыполнимый боевой приказ. В результате части понесли ненужные потери. 3 апреля

1942 года он явился на доклад к бывшему члену Военного совета Шляхтину при сильном опьянении, а на следующий день это категорически отрицал. О пьянстве и безделии Кондратьева знают все в штабе и частях, в силу чего авторитета Кондратьев никакого не имеет». Генерал Кондратьев был отстранён от должности начальника штаба много позже, в мае 1942 года, когда генерала Ефремова уже месяц не будет в живых: запойного пьяницу направят на учёбу в Академию Генерального штаба.

Третьего апреля немцы сбросили ультиматум с предложением о капитуляции. Командарм немедленно шифром переслал его в штаб Западного фронта:

«1. Германское командование сбросило к нам письмо на моё имя с предложением о капитуляции войск со сроком переговоров 3.04. 42 г.

2. Прошу покрепче продолбить район с врагом: Лосьмино, Кр. Татарка, Стар. Греково, Кошелево, Ломовка, Ежевицы, Бесово, Мелихово».

В архиве сохранился этот документ с резолюцией Жукова:

«Тов. ХУДЯКОВ 3.04. 42 года

3.04. 42 года всю авиацию бросить на указанные пункты.

3.04. 42 года на Болдина не работать».

Текст ультиматума, сброшенного в район штаба 33-й армии немецким лётчиком:

«Главнокомандующему 33 армии генерал-лейтенанту Ефремову и командирам 113, 160 и 338 стрелковых дивизий.

Германский солдат и германское руководство питают уважение к мужеству окружённой 33-й Красной армии и подчинённым ей 113, 160 и 338 стрелковым дивизиям.

Эта армия храбро сражается. Она была окружена с начала февраля благодаря тому, что Советское правительство не сумело оценить значение германской военной мощи. Все попытки вашей армии прорвать образовавшееся вокруг неё кольцо оказались безрезультатными. Они только вызвали огромные жертвы. Также и в будущем этим трём храбрым дивизиям не удастся прорвать германские линии. Эта армия ждёт своего избавления от 43-й армии и остатков 33-й армии, которые, придя с востока, должны прорвать немецкие линии у реки Угры и Вори.

Попытки к этому уже потерпели неудачу и принесли много лишних жертв.

Так и в будущем они потерпят неудачу. Три дивизии и один полк 9-й гвардейской окружены с начала февраля.

Скудное питание для себя эти дивизии могли брать только из деревни.

Германскому командованию известно, что в рядах вашей

армии свирепствует голодный тиф, число заболевших тифом уже велико, и оно увеличивается с каждым днём. Кроме того, и раненые имеют за собой плохой уход. Этим самым боевая сила армии с каждым днём слабеет.

329 стрелковая дивизия, ранее принадлежавшая к 33 армии, была окружена южнее Вязьмы и затем уничтожена.

Командир её, полковник Андрусенко, отклонил полётную капитуляцию. В благодарность за это руководство Красной армии отдало его под суд военного трибунала.

Наверное, этот храбрый солдат, который до последней возможности боролся за безнадёжное дело, уже расстрелян.

Командиры Красной 33-й армии, — это также будет и Вашей участью, потому что полное уничтожение истощённых и больных дивизий — есть только вопрос времени.

Германский солдат считает недостойным солдата делом бороться с безоружным противником.

Генерал Ефремов!

Командиры!

Подумайте о своей судьбе. Опасная заразная болезнь свирепствует в армии. Голод опустошает ряды солдат изнутри. Эта ваша армия идёт навстречу своему уничтожению. Ничто, никакие ваши усилия не смогут предотвратить Вас от неизбежной гибели.

В благодарность за вашу храбрость Вам будет устроен военный трибунал. Германское верховное командование армии, которая держит вас в окружении, предлагает Вам сдаться.

Жизнь всех командиров и красноармейцев будет гарантирована.

Германский солдат не убивает пленных. Это ложь.

Раненые и больные получат немедленную помощь.

До 18-ти часов 3-го апреля 1942 года мы будем ждать Ваших посредников для переговоров.

Они должны идти по дороге от Горбы к Красной Татарке или к Лосьмино. Идти только днём, махая белым флагом».

В архивах сохранилась объяснительная записка, написанная А. К. Кондратьевым по требованию Военного совета Западного фронта сразу же после 3 февраля, когда немцы закрыли «коридор». Привожу её целиком, чтобы у читателя была возможность самому сделать кое-какие выводы относительно роли генерала Кондратьева в событиях под Из-носками и Вязьмой в январе — апреле 1942 года.

«По существу дела оставления д. Захарово 3/266 сп — докладываю:

1. Всю важность и значение не только Захарова, но и всей

коммуникации армии от Шанского Завода до рубежа р. Воря (Ивановское, Захарово) я сознавал и сознаю по настоящее время.

Я и нач. Оперативного отдела полковник Киносян докладывали Военному совету, что без прочного обеспечения коммуникации, а точнее, без ликвидации северной группировки противника, занимающего рубеж Водицкое, Юсово, Троена, Клины, Костино, Кменка, Волкове, Буканово, Тулизово, раз. Угрюмово — дальнейшее выдвижение главной группировки армии на запад в район Вязьмы, — чрезвычайно опасно и может повести к очень большим неприятностям. Фронт от Водицкое до Мал. Ивановское, идущий параллельно основной и единственной дороге армии и удалённый от неё на 2–4 км, равняется 48 км. Этот фронт оборонялся активными действиями 110, 222 и 93 сд, по своему составу очень малочисленными.

Из сведений о численном составе 33-й армии видно, что этот 45-километровый фронт по состоянию на 5.02.42 защищался 1545 чел. (активные штыки), при общей численности этих дивизий в 15 539 чел., т. е. активных штыков на километр фронта приходилось 34, а всех бойцов с обозниками и нестроевыми 345 человек.

2. Военный совет армии, учитывая важность всей коммуникации армии и, в частности, важность пункта Захарово (горловина шириною в 4–5 км), приказал выдвинуть один батальон от 93 сд в район Захарово, с задачей обороны этого пункта с юга.

На основании этого приказа 29.01.42 мною был вызван командир 266 сп майор Уральский, и я ему поставил задачу — двумя батальонами оборонять Каменку (2,5 км сев. Износки) и один батальон выслать в Захарово для упорной обороны последнего. Общая численность этого полка в то время была около 800 чел., а активных штыков, по докладу командира полка, насчитывалось около 150–180 человек.

Других средств, а тем паче резервов, в руках командарма не было.

3. Учитывая серьёзность положения на фронте и, особенно, в районе Износки, решением Военного совета, был создан специальный боевой участок «Износки», во главе которого сначала был поставлен полковник Сафир, а позже — задача обороны Износки была возложена на полковника Бычкова.

4. О серьёзности положения на фронте Беклеши, Износки можно судить по тому, что медсанбат 113 сд, расположенный в Зубово и донесший, что противник ведёт наступление со стороны Костино, вынужден был занять оборону, а мною, кроме того, туда было выброшено до 65 человек из роты охраны штарма для того,

чтобы хоть чем-нибудь прикрыть основной путь армии.

Кроме того, противник начал проявлять особую активность с севера в направлении Каменка, Износки. Учитывая это обстоятельство, в Износках были приняты чрезвычайные меры:

а) комначсостав штарма был собран и из него была сформирована особая рота, которая, поступив в распоряжение начальника обороны Износки, заняла оборону сев. Ефаново;

б) все части и отдельные бойцы, находящиеся в Износки, были подчинены начальнику обороны Износки полковнику Бычкову;

в) выделить в этот момент что-нибудь из района Износки для обороны Захарово или какого-нибудь другого пункта, кроме выделения 65 человек из роты охраны на захват Костиково, не представлялось возможным.

6. На вопрос — почему Захарово, Савино были сданы противнику — ответить не могу. Полагаю, что 3-й батальон 266 сп, имея 60 бойцов, не смог выдержать натиска противника, в 4–5 раз превосходящего силы этого батальона.

7. На вопрос — какие меры были вами предприняты для того, чтобы предотвратить захват противником Захарово — Савино, — мною уже ответ дан: туда был выслан 3/266 сп.

Достаточными силами «группа полковника Бычкова» не располагала, так как эти силы были брошены на оборону Каменка, Костино.

Доказательством этому может служить то, что комначсостав штарма занял оборону сев. Ефаново.

Указанные «силы» отряда полковника Бычкова появились не сразу, а постепенно, путём вытаскивания отдельных бойцов из разных частей, различных дивизий.

Кроме того, из этого отряда велась боевая разведка во всех направлениях и часто из указанных «сил» Бычкова трудно было выделить десяток человек для производства разведки.

И наконец, перехват частями 43-й армии дороги Гжарск — Юхнов в районе Приселье, Строево наступление её частей на запад, давало основание предполагать, что с юга, где противник находился под постоянным воздействием соседа слева (43 армии), больших неприятностей нет оснований.

Значительно большее опасение у меня постоянно вызывала северная группировка противника, где отмечалось наличие частей 292, 267, 183, 255 и 258 пд, 20 тд и 49/63 сап. батальонов, которая буквально нависала над всей группировкой армии, а сосед справа (5 армия) не мог оказать на неё непосредственного влияния.

8. На 4-й вопрос — почему не был выполнен приказ главкома

о захвате Савино, после сдачи этого населённого пункта противнику — ответить очень трудно; во-первых, этот приказ нами не был получен, и, во-вторых, не было сил (группа Бычкова имела в своём составе: 65 человек роты охраны и 65 этой же роты находились в районе Костино; 138 чел. школы мл. начсостава 93 сд, из коих вооружённых было только 30 человек; 21 чел. санитаров санбата 113 сд, 30 чел, артиллеристов 403 ап; и роты сапёр в 90 чел. 346 сап. батальона и только значительно позже эта группа Бычкова пополнилась 58 чел. мотоциклетной роты 93 сд, которая и была выброшена в район Пинашино).

9 гв. дивизия, будучи относительно полнокровной и имея в своём составе 6146 чел., не смогла сразу захватить эти пункты и до настоящего времени продолжает бой за Захарово.

Штаб же армии, не имея в своём составе резервов, прибегнул к последнему средству — выделению своего комначсостава на оборону Каменка.

Производство перегруппировки за счёт 110 и 222 сд требовало значительного времени, а кроме того, вытащить из состава этих дивизий даже минимальные средства и силы было совершенно невозможно, так как они выполняли серьёзную задачу обороны коммуникации армии от Шанского Завода до Износки».

Отчёт, сделанный генералом Кондратьевым, производит впечатление достаточно правдивого и честного документа. От письма комбрига Онуприенко, который посыпал голову пеплом и покаялся перед Жуковым, отличается большей содержательностью и, можно сказать, честностью. Начальник штаба дал анализ причин и следствий: основные усилия восточной группировки 33-й армии были направлены на то, чтобы удержаться самим. Кондратьев к тому же хорошо понимал, что, если они войдут в «коридор» с попыткой распереть его с обеих сторон, северная группировка обрушится на них всей своей мощью. Можно предположить, что подобным образом размышляли и соседи справа и слева.

История войн знает несколько классических примеров, когда одна армия, не желая рисковать своими солдатами и тем выгодным положением, которое создалось в ходе предыдущих боёв, хладнокровно наблюдает за тем, как соседи, вырвавшиеся вперёд и отрезанные внезапным контрударом противника, гибнут перед их фронтом. Хотя достаточно было бы двух-трёх переходов, чтобы образовать общий фронт и поражение соседей превратить в общую победу.

Просматривая различные документы того периода, замечаешь, что в какой-то момент (февраль, первая половина

марта) всё же была надежда на 43-ю армию. Документы марта 1942 года свидетельствуют о том, что Жукова начали раздражать медлительность и топтание на месте генерала Голубева.

17

К концу марта положение в «котле» стало катастрофическим. Участились случаи самоубийств и перехода на сторону противника. Жуков начал предпринимать некоторые более энергичные меры для оказания помощи окружённым. В ночь на 2 апреля фронтовая авиация доставила на полевой аэродром 33-й армии довольно много грузов, назад транспортные «дугласы» вывозили тяжелораненых. В те же дни Жуков телеграфировал генералу Голубеву: «Приказ тов. Сталина об очистке тылов Ефремова к 27.03.1942 года вами не выполнен в срок, установленный к 30.03.1942 года. Сегодня 02.04, а у вас абсолютно нет никаких успехов. Вы, видимо, вместо энергичного и добросовестного выполнения приказа в армии крепко укоренилась система лживых заверений и невыполнений поставленных задач. Военный совет армии и командиры всех степеней в армии обязаны точно и беспрекословно выполнять поставленные задачи в назначенные сроки. Если это у вас не делается, то это только свидетельствует об отсутствии элементарных основ дисциплины и полной потере чувства ответственности. Более какой-либо другой армии, фронт Вам оказывает помощь пополнением и боеприпасами, но Вы вместо разумного и бережного отношения к людям, боеприпасам подходите к этому исключительно легкомысленно и расточительно: для 5 гв. сд было дано 3500 человек пополнения. Вы умудрились за шесть дней боя потерять 2370 человек, не добившись никакого результата.

За невыполнение поставленной приказом тов. Сталина задачи объявляю Вам выговор и предупреждаю, что, если в течение ближайших трёх дней задача не будет выполнена, я поставлю перед тов. Сталиным вопрос об отстранении Вас от командования армией». Но никакие приказы и угрозы не помогли генералу Голубеву сдвинуть свою армию с места.

И вот наступил апрель. Разрешения на выход из окружения нет. Уже начинает пригревать весеннее солнце, растапливать снега. Овражки наполнились талыми водами. Аэродромы уже не могли принимать самолёты, последний полёт за линию фронта состоялся 7 апреля с аэродрома близ деревни Дмитровка. На этом последнем борту должен был вылететь из окружения

командующий. Говорят, был устный приказ Сталина: вылететь на последнем самолёте… Генерал Ефремов приказал погрузить знамёна частей, попрощался с начальником оперативного отдела штаба армии полковником Киносяном[118], улетавшим на «Большую землю», и сказал лётчику, когда тот ещё раз напомнил командарму о приказе Сталина: «С солдатами сюда пришёл, с солдатами и выходить буду».

С этого дня ни одна машина армейской и фронтовой авиации в зоне окружённой группировки не садилась. Хотя полёты продолжались: с воздуха сбрасывались грузы — не всегда точно, не всегда в расположение западной группировки, но всё же кое-что доставалось и ефремовцам.

К 10 апреля положение западной группировки стало критическим. Ночью командарм отправил в штаб Западного фронта шифрограмму:

«1. Обстановка сильно ухудшилась: противник усиленно стремится сжать наше кольцо.

2. С 13.00 10.04.1942 г. враг бросил на сжатие кольца танки и пехоту, нацелив их на каждый укрепрайон.

3. 4 танка и более сотни пехоты нами уничтожены.

4. Веду напряжённые бои, будучи прижат противником к реке Угра. На левом фланге 338 сд. 113 сд противник отрезает от реки Угры, она ведёт бой на рубеже Тякино, Неонилово и перелесках юго-западнее Дмитровка. 160 сд ведёт бой на прежних рубежах.

5. Стремлюсь организовать оборону на реке Угра.

6. По Вашей шифротелеграмме будет более правильное решение — собрав все силы, пробиваться через Шпырёво, Жолобово, Королёве.

7. Этим самым и будем помогать 43 и 49 соединиться с нами.

8. К Жабо мы не прорвёмся, так как нас разделяют танки врага с пехотой.

9. Прошу вашего скорейшего утверждения плана, пока противник не разгадал наш замысел».

Через несколько часов пришёл ответ командующего фронтом, очень лаконичный:

«1. Главные силы собрать в районе Красное, Жолобово, Шпырёво.

2. Оборону построить на запад на реке Угра, противника попытаться отбросить на север за реку Угра.

3. Ведите разведку и готовьте удар на соединение с Голубевым и Захаркиным».

Войска начали спешно готовиться к маршу на восток.

Потепление превратило дороги в сплошное месиво, началось таяние снегов. Поскольку зима оказалась на редкость снежной,

ожидался небывалый паводок. К моменту выхода 33-я армия в результате атак противника оказалась расчленённой на три части. 11 апреля, когда дивизиям нужно было сосредоточиться в указанных районах, почти все они вели тяжёлые бои в полной изоляции:

— 113-я дралась в районе Дмитровки, Медведева и Морозова. Бойцы дивизии подбили два танка, заставили залечь перед своими позициями немецкую пехоту. 1288-й стрелковый полк сражался во внутреннем окружении;

— 338-я удерживала населённые пункты Коростели, Высокое и Красное, которые находились на восточном берегу Угры. Противник пытался обойти с фланга в районе Дрожжино и Александровка. Во второй половине дня немцы форсировали реку по льду и ворвались в Красное и Коростели;

— 160-я ночью наконец-то смогла вырваться из окружения и выйти в район сосредоточения. Но утром её полки снова вступили в бой на рубеже Жолобово, лес северо-западнее Буслава. Противник, как бульдог, вцепился в жертву и уже не хотел её отпускать…

Задача, по замыслу командарма, стояла следующая: собрать оставшиеся войска в одном районе, нанести удар в направлении выхода и, таким образом, прорвать оборону противника и выйти к своим.

Приказы пишутся на бумаге. Чернилами или карандашом. Последние приказы 33-й армии написаны кровью по снегу. Сплошной кровавый след на несколько километров от Шпырёвского леса до Угры.

Ещё раньше, когда подспудно готовились к прорыву, уже чувствуя, что приказ на выход вот-вот поступит из штаба фронта, командарм старался как можно больше раненых переправить через фронт на самолётах. Запрашивал побольше прислать бортов. И вот накануне выхода из штаба фронта пришла шифровка за подписью начальника тыла Западного фронта полковника В. П. Виноградова, в которой тот просил доложить о положении с ранеными. Их набралось больше двух тысяч. С таким обозом какой прорыв? Лошади истощены до крайности. Дороги проваливаются. В раздражении Ефремов в ответ Виноградову продиктовал следующий текст: «Если Вы не сделали ничего в отношении раненых тогда, когда была полная возможность для этого, то есть всех эвакуировать, теперь же этого сделать невозможно. Вы довели до невозможного состояния — всюду здесь танки врага рыскают и погода плохая». Это была телефонограмма не только начальнику тыла, но и командующему Западным фронтом. Последнюю в этот день шифровку в штаб

фронта он отправил через несколько часов:

«1. При создавшейся крайней тяжёлой обстановке ждать больше невозможно.

2. Тяжёлый выход ожидается, крайне тяжёлый выход, но это всё же лучше разгрома. За два с половиной месяца боёв в окружении войска сильно обескровели.

3. Спасение было в пополнении, но его получить оказалось невозможно.

4. Единственный выход, считаю, двигаться навстречу 43 и 49 армиям.

5. Жду вашего скорейшего решения».

В этом последнем донесении он сказал Жукову, своему земляку из Угодского Завода, всё: и о тяжёлом выходе, и о двух с половиной месяцах страданий, и о том, что они в окружении так и не дождались пополнения. До своих по прямой было около 10 километров. Но с обозами раненых это расстояние надо было умножать на три. 11 апреля 1942 года Военный совет Западного фронта подписал директиву № 619.

«1. Ввиду невыполнения 43-й и 49-й армиями поставленных задач по очищению от противника тыловых путей 33-й армии и соединению с группой Ефремова, в связи с отходом 113-й и 338-й сд группы Ефремова из района Тякино, Стуколово, Вяловка на восточный берег р. Угра создаётся угроза изолированного поражения группы Ефремова.

2. В целях недопущения разгрома группы Ефремова — приказываю:

а) командарму 43 т. Голубеву в течение 12 и в ночь на 13.04 выйти главными силами на рубеж Мал. Виселёво, Жары и, закрепившись на этом рубеже, в течение 14.04 захватить Бол. Виселёво, Нов. Михайловка;

б) командарму 49 т. Захаркину в течение 12 и в ночь на 13.04 захватить высоту 180.5, Стенанки и, закрепившись на этом рубеже 14.04, захватить Мосеенки, Дегтянка, Тибейково;

в) командарму 33 т. Ефремову в ночь с 12 на 13.04 скрытно прорваться через завесу противника, нанести удар в направлении Родня, Мал. Бославка, Нов. Михайловка, Мосеенки, где и соединиться с частями 43-й и 49-й армий. В авангард и боковые отряды выделить лучшие части, усилив их артиллерией, орудиями ПТО и сапёрными частями. При встрече с противником в затяжные бои не вступать и немедленно обходить противника по закрытой местности. Движение совершать главным образом ночами. Арьергардными частями при отходе местность приводить в непроезжее состояние, минировать и устраивать завалы. Все дороги и подступы к основному маршруту движения главных сил

также минировать, для чего заранее выбросить отборные команды. При отходе местный конский состав, обоз и мужчин от 16 до 55 лет забрать с собой;

г) командующему ВВС т. Худякову — всю авиацию фронта и ближайших армий, кроме группы № 4 Верховного Командования, бросить на обеспечение действий группы Ефремова. В течение 12.04 авиацией бомбить и штурмовать противника в Буслава, Беляево, Щёлоки, Родня, Дорки, Шумихина, Грекова. В ночь на 13.04 нанести удар по Борисенки, Грекова, Шумихина;

д) командующему 43-й армией с наступлением темноты в ночь на 13.04 огнём дальнобойной артиллерии дать отсечный огонь по району Грековo, Козлы, Нов. Лука. В течение 13–14.04 дать отсечный огонь по ставке Ефремова.

Командарму 49 в то же время дать отсечный огонь по району Слободка, Якимцево. Днём 13 и 14 вести огонь по тем же районам».

Приказ Жукова требовал от 33-й армии маршем пробиться к Угре. А плацдармы на реке для их приёма должны были тем временем отбить 43-я и 49-я армии. Вот оно, спасение. И 33-я армия верила в это спасение. Потому так яростно и ломилась к Угре. Где, как потом выяснилось, её никто не ждал. Кроме немецких пулемётов.

Жуков в директиве поставил генералам К. Д. Голубеву и И. Г. Захаркину боевую задачу: захватить Мосеенки, Дегтянку, Тибейково, Ново-Михайловку, Большое Виселёво, Жары. Если бы войска 43-й и 49-й армий вышли на этот рубеж, судьба армии и генералов Ефремова и Офросимова была бы иной. Ведь на этот рубеж с западной стороны как раз и вышли основные группы прорывающихся, в том числе и штабная группа. Но ни генерал Голубев, ни генерал Захаркин не выполнили боевой приказ командующего Западным фронтом. Возможно, потому, что приказ был невыполнимым.

Ночью с 11 на 12 апреля в штабе генерала Ефремова собрались командиры дивизий и боевых групп. Была зачитана директива штаба Западного фронта на выход. Командарм выслушал доклады: положение становилось всё хуже, немцы сдавливали кольцо, отдельными группами проникали в расположение частей. Утром 12 апреля в дивизии и на боевые участки ушёл приказ командарма № 027 — на выход:

«…Во исполнение приказа главкома № К/217 для одновременного разгрома противника совместно с 43 и 49 армиями <…> наша группа войск наносит удар в ночь с 12 на 13.04.42. с тыла по врагу общим направлением через Мал. Виселёво, Мосеенки, Стененки на Бол. Устье, Косая Гора,

Русиново. <…>

Главный удар через Родня, Шумихина, Нов. Михайловка, Мосеенки. <…>

Действовать методами подвижной обороны — уничтожая наседающего врага, разрушать, минировать пути за собою, устраивать завалы. Противник должен всюду встречать непреодолимые и труднопреодолимые препятствия. <…>

В авангарды и боковые отряды выделить лучшие части, снабдив их артиллерией, орудиями ПТО, миномётами и сапёрными частями.

При встрече с противником в затяжные бои не вступать, а немедленно обходить противника по закрытой местности.

Движение совершать главным образом ночами.

Все дороги к основным маршрутам главных сил также минировать, для чего заранее выбросить отборные команды сапёров. <…>

Дивизиям 338 и 160 иметь сильные авангарды, постоянно действовать в полосе своего наступления усиленной разведкой из лучших отборных сил. Организовать сильные боковые отряды. Дивизиям иметь свои арьергарды на случай просачивания врага в тыл действующих дивизий и для охраны раненых. <…>

Требую от командиров и комиссаров всех степеней — решительных, смелых и дерзких действий.

Тщательно продумать и отработать все вопросы взаимодействия, организовать чёткое управление частями и подразделениями. Каждому командиру до командира дивизии включительно иметь двух заместителей. <…>

Мои заместители: первый — генерал Офросимов, второй — полковник Олихвер».

Оперативная группа и командарм в эти дни находились в селе Шпырёво.

Весь день и всю ночь в штабах уничтожали документы. Приказано было привести в негодное состояние технику и вооружение, которую нельзя было взять с собой. Часть орудий и машин закопали.

С собой решили взять только то, что легко можно было переносить на руках: стрелковое оружие и противотанковые ружья.

Командарма волновали раненые. Начальник отдела укомплектования штаба армии полковник И. Г. Самсонов к вечеру доложил:

— Медсанбаты и раненые готовы к выступлению.

— Уточните, со всеми новоприбывшими сколько у нас раненых? — спросил Ефремов.

— Всего 2193 человека. Медперсонал, врачи, ездовые — 371 человек. Охрана — 93 штыка.

— Сколько подвод?

— 199, товарищ генерал. Семь заводных лошадей.

— Хорошо. Проинструктируйте ездовых, весь персонал и охрану, чтобы в пути следования ни в коем случае не создавали заторы и пробки. Пусть гонят лошадей из последних сил. Раненых нужно вывезти всех до одного человека.

Накануне авиация фронта удачно отбомбила немецкие войска на дорогах и в деревнях, оставленных отходящими дивизиями 33-й армии и тут же занятых противником.

Первые километры колонны 33-й армии преодолели благополучно. Движение происходило двумя параллельными маршрутами.

Основная колонна имела следующее построение: впереди 400 человек авангарда — ударная группа, за ними штабная группа и оперативный отдел, затем главные силы 160-й стрелковой дивизии, следом за ними тылы штаба армии, обоз с ранеными и тылами дивизии. Части 338-й стрелковой дивизии, которые в последних боях понесли самые тяжёлые потери, должны были двигаться параллельным маршрутом. 113-я — в арьергарде.

Начало марша казалось успешным. Прошли несколько километров без единого выстрела. Вышли на большак Беляево — Буслава. Эту дорогу нужно было перейти как можно быстрее, потому что разведка доносила: по ней время от времени курсируют одиночные танки и бронетранспортёры с пехотой.

Головная группа миновала большак. И тут каким-то образом впереди неё оказались части 338-й стрелковой дивизии, которые должны были идти параллельным маршрутом, но отклонились от своего маршрута. Войска смешались. Движение замедлилось. В некоторых местах произошли заторы. Тем временем штабная группа, выйдя из Шпырёвского леса, ступила на открытое пространство. И тут с двух сторон ударили пулемёты. В первые же минуты были убиты десятки бойцов и командиров. Произошло мгновенное замешательство, как бывает в ближнем бою. Живые, видя смерть своих товарищей и муки раненых, которые стонали в кровавом снегу, попятились назад. Видя неладное, командарм тут же подал команду ближайшим офицерам поднимать бойцов и идти на прорыв. И сам, выхватив свой ТТ, стрелял в сторону пулемётов, кричал: «Вперёд! Братцы, вперёд! Тут — пропадём! Спасение — там!» И поднимал залёгших, и вместе с этой хлынувшей через дорогу лавиной вскоре достиг леса. Смяли, уничтожили несколько пулемётных гнёзд. Там пули уже реже ранили бежавших. А дорога позади стонала стоном сотен

израненных, искромсанных пулями тел. Вскоре поток иссяк. Немцы создали сплошную стену огня, преодолеть которую было уже невозможно. Мины начали рваться на дороге и в лесу.

Часть сил 160-й стрелковой дивизии, штаб дивизии, её обоз, а также подразделения 338-й стрелковой дивизии остались на западной стороне большака. Командир 160-й стрелковой дивизии полковник Н. Н. Якимов[119] собрал ударную группу и несколько раз пытался атаковать в том же направлении, в котором вышла группа командарма. Но успеха добиться не удалось. Более того, немцы усилили огонь, и колонне пришлось повернуть назад, в Шпырёвский лес. Обстоятельства усугублялись ещё и тем, что командиры 160-й и 338-й стрелковых дивизий были ранены. Полковник Якимов руководил боем в бинтах, превозмогая боль. Ранен он был в конце марта, рана ещё не зажила. А полковник В. Г. Кучинёв[120] и вовсе находился в обозе раненых и дивизией при выходе фактически не управлял. Вот почему 338-я выходила беспорядочно и во многом нарушила общий порядок выходящих колонн.

В лесу остался и санитарный обоз. И в это время на просеке, по которой проходила дорога, появились танки и начали гусеницами кромсать сани, лошадей, людей. Врачи и санитары стаскивали с саней тяжелораненых, несли их в лес, охрана отстреливалась из винтовок от автоматчиков, которые двигались за танками. Из всего санитарного обоза, в котором вместе с обслуживающим персоналом насчитывалось около трёх тысяч человек, осталось несколько десятков. В основном уцелели те, кого санитары успели затащить в лес.

Прорвавшиеся подразделения из состава 160-й, 338-й стрелковых дивизий и штабной оперативной группы общей численностью около двух тысяч человек продолжали движение направлением на Родню, к Угре, где, как говорилось в директиве Западного фронта, должны были ждать их войска 43-й армии. Вскоре добежали до Шумихинского леса. Тащили раненых. Никого не бросали. Командарм уже видел счастливые улыбки своих солдат. Некоторые из них плакали от радости — вышли! Вышли!

А в Шпырёвском лесу тем временем шёл бой. Немцы обстреливали из орудий и миномётов чащу. Автоматчики прочёсывали перелески и лощины. Добивали раненых. Тут и там возникали схватки с группами бойцов, которые не хотели сдаваться в плен. Пока оставались патроны, те отстреливались, отступая в глубину леса. Ревели испуганные коровы, привязанные верёвками к деревьям. Метались женщины и дети. Вместе со своими мужьями и братьями из деревень уходили семьи партизан

и мобилизованных в 33-ю армию. Оставаться им здесь было нельзя. Люди знали, что их не пощадят. И командарм, приказавший вначале взять с собою только мужчин от 16 до 55 лет, видя, что к обозам присоединяются почти целиком некоторые деревни, разрешил вместе с бойцами двигаться и гражданским.

Стоявшая в арьергарде 113-я стрелковая дивизия полковника К. И. Миронова ещё не знала о том, что произошло впереди, на большаке Беляево — Буслава. Полки дивизии упорно держались на рубеже Федотково — Семешково. Эту часть приказа командующего она выполнила до конца. Другую же часть — на выход, выполнить в той мере, как это предполагал приказ № 027, она уже не имела возможности. Хотя списки вышедших из окружения свидетельствуют о том, что именно 113-я стрелковая дивизия выходила более организованными и многочисленными группами.

Шпырёвский лес до сих пор в народе называют Чёрным лесом. Сюда не ходят ни за грибами, ни за ягодами. Страшный лес. В нём кости не только солдат 33-й армии, но и жителей окрестных деревень.

Ликвидацией последних групп ефремовцев в Шпырёвском лесу занимались подразделения полка СС и рота из полка особого назначения «Бранденбург-800».

И тем не менее именно те, кто во время выхода был отрезан и остался в Шпырёвском лесу, впоследствии смогли выйти более многочисленными и организованными группами. Здесь, сосредоточившись, дрался 1136-й стрелковый полк. Дрался уже после смерти своего отважного командира майора Андреева. Рядом с ним держал оборону 1297-й стрелковый полк 113-й стрелковой дивизии старшего лейтенанта Степченко. Комиссаром этого полка был Григорий Фёдорович Мусланов, будущий Герой Советского Союза. Когда в Москве будет открыт мемориал Могила Неизвестного Солдата, именно он, бывший комиссар стрелкового полка 33-й погибшей ефремовской армии, зажжёт вечный огонь, доставленный из Ленинграда с Марсова поля. Дралась группа подполковника Миронова из 113-й стрелковой дивизии. Все они вскоре выйдут из окружения: с большими потерями, но выйдут. А пока лежали в рыхлом весеннем снегу и стреляли из-за сосен, отбиваясь от атак, которые следовали одна за другой. Ночами подмораживало, снег становился льдом, и они, последние участники и действующие лица, герои и жертвы Шпырёвского леса, вмерзали в него своими шинелями, ватниками и телами. Некоторые — навсегда. В Шпырёвском лесу, говорят, до сих пор слышны стоны. Поисковик Александр Краснов, который,

по существу, и поднял из забвения в 70-е годы трагедию 33-й армии, месяцами вёл здесь раскопки и исследования. Но никогда не ночевал в этом Чёрном лесу.

Много тайн хранит этот мрачный, непроходимый лес. Много легенд и историй рассказывают о нём в народе, о тех днях, когда здесь немцы истребляли ефремовцев и местных жителей. Одна из тайн Шпырёвского леса — сейфы с документами 33-й армии. Сейфы, в которых лежат многие разгадки и ответы на самые тяжёлые вопросы. В том числе и о том, кто же всё-таки выдал штабную группу.

Одна из историй: утром, после того как танки до ночи давили и утюжили остатки обоза, появились снова немцы, но были они какие-то странные, и вскоре эта странность стала понятна — немцы шли в атаку в стельку пьяными. Какая психика могла выдержать эту резню? Вот и накачали себя алкоголем, когда снова командиры их послали убивать безоружных.

А вот другая история. Из воспоминаний бывшего бойца 1136-го стрелкового полка 338-й стрелковой дивизии Павла Герасимовича Хоняка: «Тогда немцы разорвали нашу колонну, и я остался со своим полком. Двое суток мы пробивались через дорогу в разных местах, и к вечеру немцы окончательно загнали нас на высотку. Нас оставалось человек двадцать пять или тридцать. Мы залегли и отстреливались, ждали, когда стемнеет. Я лежал рядом с командиром нашего полка майором Павлом Андреевым. И вдруг под него упала мина. Его — насмерть. Мы прикрыли его шинелью — последняя дань уважения. Стемнело, и мы начали прорываться с этой высотки, а ночью меня ранило, и я остался один. Лежал под густым ельником до 28 апреля. Две недели сосал конское копыто в Шпырёвском лесу. Были у меня при себе две пачки грузинского чая, накурюсь чаю и сутки сплю. Наконец меня нашли наши ребята, однополчане. Накормили меня льняным семенем, это ль не счастье?» П. Г. Хоняк вскоре попал в плен. Прошёл несколько концлагерей, в том числе и Рославльский, один из самых страшных. В Белоруссии бежал, скрывался на хуторе. «В 44-м году местность ту освободили, меня по ранению на передовую не взяли, направили в военкомат и демобилизовали. Орденов и медалей не имел, как не принимавший участия в войне. Даже не имею истории ранения и считаюсь инвалидом с детства (урождённый урод)». Так и не смог П. Г. Хоняк доказать властям, что он воевал и имеет право на военную пенсию и инвалидность по ранению, а не по врождённому уродству.

А передовой отряд тем временем, преодолев ещё несколько пулемётных заслонов, поддерживаемых артиллерийским и

миномётным огнём, в изнеможении остановился на отдых в Шумихинском лесу. Утром, ещё когда изготовились к маршу, на Шпырёвский лес, на расположение полков, на колонны, на санитарный обоз, как снег, упали листовки, в которых немцы писали о том, что судьба армии решена, что командующий бросил их и вылетел самолётом через линию фронта, что для оставшихся благоразумнее будет сложить оружие…

Листовка, видимо, была напечатана раньше. Возможно, она была продуктом работы «боевой группы» некоего Радовского, о котором упоминается в трофейных документах 5-й танковой дивизии вермахта. Именно к «боевой группе Радовского» был прикомандирован накануне этих событий фотограф и фронтовой кинооператор. Очевидно, немцам нужно было запечатлеть для демонстрации в Берлине финал Московской операции русских и результат своих усилий по сдерживанию контрнаступления Красной армии. Итак, отпечатанная заранее листовка оказалась фальшивкой ещё в воздухе. Её отпечатали с расчётом на то, что, как не раз случалось это и на других участках Восточного фронта, командующий и его штаб вылетят из окружения на самолётах в самый последний момент. Генерал Ефремов не вылетел.

Утром 14 апреля после прорыва через дорогу Беляево — Буслава ударная группа 160-й стрелковой дивизии, часть сил 338-й стрелковой дивизии и основная часть штаба армии остановились на отдых в Шумихинском лесу. По разным источникам, здесь их собралось около 2000 человек.

Но до привала в Шумихинском лесу было ещё два боя. Первый произошёл возле Родни. Здесь, на подходе к лесной опушке в километре северо-западнее этой деревушки, колонну встретили несколько пулемётов. Одновременно, в полной темноте, немцы обстреливали колонну из орудий и миномётов. Офицеры 33-й армии тут же создали боевые группы и с ходу бросились на пулемёты. Большинство из них были уничтожены, часть немцев успела уйти в лес. Их не преследовали: надо было уходить — дальше, на Пожошку.

Второй бой произошёл в полукилометре восточнее Пожошки. Здесь немцы отрыли окопы, соорудили доты для пулемётов. Их огонь поддерживали артиллерия и миномёты с закрытых позиций из района Шумихина.

Стало совершенно очевидно следующее: на маршруте, который был определён накануне выхода, их ждут на заранее подготовленных и оборудованных позициях. Ввязываться в затяжной бой означало то, что немцы спустя некоторое время, необходимое им для непродолжительного марша, подведут сюда танки и мотопехоту, окружат группу и уничтожат её. Поэтому

командарм принял решение: оставить здесь группу прикрытия, а основной колонне свернуть с лес и двигаться параллельным маршрутом. Здесь были брошены сани. Лошадей выпрягали и дальше вели под уздцы.

Группу Ефремова везде встречали на тщательно подготовленных позициях, группой пулемётов, миномётами. Ведь не могли же немцы по всей линии фронта наставить столько миномётов и пулемётов. Значит, маршрут движения им известен был заранее.

Во время движения по лесу параллельным маршрутом колонна была обстреляна артиллерией и миномётами. Немцы разгадали её местонахождение и перенесли огонь в глубину леса. Снаряды и мины ложились довольно точно. Потери были большими.

Разведка доносила: на правом берегу Угры, в районах, где, согласно приказу, их должны были ожидать войска пробивающихся навстречу соседних 43-й и 49-й армий, никого нет. Как вспоминают очевидцы, в этот момент к Ефремову снова подвели проводников, хорошо знавших здешний лес и окрестности, с предложением выйти в составе небольшой группы. При этом многие называют маршрут — к партизанскому району отряда Владимира Жабо. И снова судьба поставила его как командарма и как человека перед выбором: спастись, обманув судьбу, или разделить участь своей гибнущей армии, какой бы она ни оказалась.

Ефремов снова остался с армией. Поражаешься силе его духа. Ничто его не сломило. А катастрофа армии только укрепляла генерала в твёрдости однажды принятого решения: «С солдатами пришёл, с солдатами и буду выходить». С солдатами он и выходил. Он видел, как гибли вокруг него его солдаты и офицеры. Всё меньше оставалось вокруг него верных и надёжных. Всё ближе подходили к ним немецкие автоматчики. Схватки с небольшими группами немцев возникали то справа, то слева, то сзади, то спереди. Они были вокруг.

День 15 апреля генерал Ефремов и штабная группа с пока ещё довольно сильной охраной провели в Шумихинском лесу. Немцы были рядом. В Шумихине стоял сильный гарнизон: пехота и артиллеристы, орудия стояли неподалёку.

К вечеру, ещё только-только начали густеть сумерки, построили колонны и продолжили движение. Теперь построение колонн выглядело следующим порядком: в авангарде шла группа бойцов и командиров 338-й стрелковой дивизии, за ними основные силы дивизии, затем штабная группа. Арьергард составляла сводная боевая группа из различных частей. И вот

вновь двинулись вперёд. Как вспоминают выжившие участники этого марша обречённых на смерть, во время движения по Шумихинскому лесу колонну начали интенсивно обстреливать снайперы. Было много убитых. И все свидетели вспоминают, что в этот день, в Шумихинском лесу и во время марша на прорыв, Ефремов был в состоянии крайнего раздражения. Попробуй сохрани спокойствие и выдержку, когда вдруг понимаешь очевидное и самое худшее, что могло произойти: соседи не пришли на помощь, никто в Новой Михайловке его не ждёт. А возможно, командарм начал уже чувствовать и что-то большее, что происходило рядом.

К утру 16 апреля колонны вышли к Новой Михайловке. Высланная вперёд разведка сообщила, что дорога Кобелево — Климов Завод контролируется курсирующими немецкими танками, неподалёку расположена казарма, в которой находится неустановленное количество пехоты. Прорываться по охраняемой дороге означало повторение бойни на большаке при прорыве из Шпырёвского леса. И командарм принял решение дождаться темноты. Оставшиеся в живых свидетельствуют о том, что здесь, у Новой Михайловки, произошёл тяжёлый бой. Снова колонна наскочила на пулемёты. Снова по прорывающимся прицельно и согласованно били артиллерия и миномёты. В результате этого боя колонна была рассеяна на группы, в которых насчитывалось от двух до семисот человек. Немцы уже знали, что в этой колонне идёт генерал Ефремов. Их разведка уже получала необходимую информацию. Источник находился рядом с командармом, в штабной группе. Кто? Кто сдавал командарма немцам? Этому вопросу уже 66 лет. Целая человеческая жизнь. Он уже состарился, этот проклятый вопрос.

Дорогу Кобелево — Климов Завод надо было проходить. И вот вечером, примерно около 22.00, группы начали готовиться к прорыву. И в это время севернее Новой Михайловки загрохотало. Вспыхнули десятки осветительных ракет. Струи трассирующих пуль пронзали пространство ночи, отыскивая цели — бегущих через большак людей. Это начал самостоятельный прорыв с остатками 338-й сд полковник В. Г. Кучинёв. Некоторые исследователи склонны полагать, что эту атаку полковник не согласовал с командармом, а значит, начал самовольно. Но в любом случае прорыв напролом севернее Новой Михайловки оказался на руку группе генерала Ефремова. Часть сил, контролирующих большак Кобелево — Климов Завод, была отвлечена. Полковник Кучинёв, рядом с которым всё время шёл начальник артиллерии дивизии полковник Н. М. Панков, с небольшой группой прорвался через большак.

Ринулась через большак и группа командарма. По ней тут же был открыт ураганный огонь из танков и миномётов. Артиллерия сделала несколько залпов и замолчала. Прорывающиеся настолько близко подошли к линии немецких заградительных огневых позиций, что возникла угроза поражения своих. Повторилась история с прорывом на большаке Беляево — Буслава. Часть колонны прорвалась. Часть, гораздо большая, была отсечена огнём и откатилась назад, с лес. На этот раз командарм оказался во второй группе. Здесь уже начался хаос. Бойцы и офицеры, видя, что атаки не дают результатов, что немцы их окружили и они уже совсем рядом, повсюду, начали уходить от группы командарма при первой возможности. Не возвращались разведгруппы. Можно предположить, что некоторые из них гибли или попадали в плен. Но можно предположить и то, что некоторые, к сожалению, уходили, фактически бросая своего генерала, чтобы выйти небольшой и неприметной группой где-нибудь на другом, более спокойном участке. Те, кто не мог бросить командарма, особенно раненые, начали стреляться. Прежде всего офицеры. Они-то знали, что их ждёт в плену.

Штабная группа вышла к деревне Косюково, на Угру. Но и здесь не оказалось своих. И здесь — немецкие танки и пулемёты. Некоторые пошли в воду, в Угру, разлившуюся на километры. Поплыли, держась за брёвна. Немцы открыли огонь. Никто не доплыл до противоположного берега. Командарм приказал возвращаться. Подошла немецкая радиоустановка. Генералу и его последним солдатам предложили выйти с поднятыми руками. Голос твёрдый, без акцента, но не родной. И вдруг — усталый, измученный, почти рыдающий:

— Братцы! Тут ничего! Жить можно! Кормят! Братцы!..

Где-то в лесах между Новой Михайловкой, Кобелевом и Жарами оставили раненых, в том числе генерала Офро-симова и адъютанта командарма майора Водолазова. И тут снова начали стреляться офицеры. Ате, кто не мог себе помочь уже и в этом, стонали, прося добить их.

А живые продолжали идти за своим генералом, который тоже был ранен. Но ещё шёл. Это придавало сил всем, находящимся рядом: генерал идёт, генерал с ними, а значит, есть надежда… И, выходя на очередной заслон, живые бросались на пулемёты. И уцелевшие снова шли дальше.

До линии фронта оставалось не более четырёх километров. Остановились на отдых. Рухнули в рыхлый мокрый снег, чтобы хоть немного отдышаться и прийти в себя перед новым броском. Туда, к Угре. Угра окликала их гулом канонады — там шёл непрерывный бой. Гудел плацдарм у деревни Павловки, где

батальон одной из дивизий 43-й армии удерживал клочок земли, простреливаемый из винтовки, куда уже просачивались одиночки и мелкие группы бойцов 33-й армии. Орудия гремели справа и слева от плацдарма. Но твёрдо стояли и немцы. И их оборону наши дивизии, брошенные вперёд с целью деблокады кочующего «котла», прорвать так и не смогли. Вокруг остатков группы Ефремова сомкнулось железное кольцо. И эта железная хватка не оставляла обречённым других вариантов, кроме одного.

По различным источникам и свидетельствам, в районе Жары, Хохловка, Новая Михайловка, в лесах и оврагах, было сосредоточено до 2000 человек из числа прорывающихся. Надо заметить, что к ним в это время прибавилось и некоторое количество бойцов и командиров арьергардной 113-й стрелковой дивизии. В штабной группе насчитывалось до 500 человек.

В это время, когда очевидное стало явью, колонна начала распадаться на более малочисленные группы числом до 40 человек и менее. Они уходили в прорыв самостоятельно и каждая своим маршрутом. Очевидцы в один голос свидетельствуют о том, что однажды, в один из дней (или часов) генерал собрал оставшихся вокруг него и сказал примерно такие слова: всё, что он, как командующий армией, он для них сделал, попросил прощение за то, что не смог их вывести из окружения, и что теперь каждый волен поступить так, как считает нужным, что никого он не винит или никого из них, даже если он пожелает идти в плен, не осуждает, что все дрались достойно, вели себя мужественно и задачу свою выполнили…

Вот тут-то, после некоторой паузы, и началась пистолетная стрельба одиночными: офицеры уходили подальше от бойцов и стрелялись. Другие сбивались в группы и уходили, одни — к Угре, ведь до своих оставалось рукой подать, другие, напротив, считая, что такой маршрут ведёт к гибели, шли на юго-запад, где немецкие заслоны были слабее и где пройти их можно было легче и меньшей кровью. Вскоре штабную группу догнало то самое подразделение немецких автоматчиков, о котором упоминали многие из уцелевших. Оно преследовало её с самого Шпырёвского леса. Как будто точно знало, где находится генерал Ефремов.

Сам командарм был уже в таком состоянии, что руководить ходом боя не мог физически. Последнее ранение оказалось тяжёлым. Пуля попала в седалищную кость, он не мог передвигаться, его приходилось нести. Он не мог стоять, сидел за сосной, когда автоматчики и стрелки, последние солдаты его армии, оставшиеся с ним до конца, отбивали атаки немецкого подразделения, блокировавшего их в сосняке. Так что, скорее всего, последним боем руководил некто, кого уцелевшие

запомнили просто Капитаном. Неизвестный капитан. Безвестный герой последнего боя 33-й армии. Он, так же, как и капитан Тушин из «Войны и мира», честно и добросовестно исполнял свой долг, держась воинского устава, офицерской чести и человеческого долга. Бой был долгим, упорным. Немцы, не находя возможности приблизиться к окружённым, подвели миномёты и начали обстрел сосняка. Мины сделали своё дело. И вскоре цепь автоматчиков прошла по сосняку уже беспрепятственно. Автоматчики добивали уцелевших и раненых.

Из донесения штаба 4-й полевой армии вермахта: «Несколько безуспешных атак на участке Павлово. Огонь артиллерии (400 залпов) по северному участку 98 ад. С 14 по 16 апреля из состава 33-й русской армии было уничтожено 800 чел. И взято в плен 300 человек, в том числе 25 офицеров и 1 комиссар…»

Сам командарм, находясь в середине кольца, прислушиваясь к звукам боя, конечно же, понимал, что это — конец. Силы покидали его. Сказывалась тяжесть полученного ранения, потеря крови, общая усталость. Он понимал, что может наступить такая минута, когда он окажется в состоянии полной физической немощи и уже не сможет владеть собой. Нужно было успеть распорядиться последним, на что имеет право каждый офицер. Это он усвоил давно, ещё в самом начале своей военной карьеры, в Русской армии.

Левая рука, которая была вернее правой и которая никогда прежде его не подводила, теперь беспомощно висела на перевязи. Правой, ещё послушной, он достал из кобуры пистолет и приложил его холодный ствол к виску…

После гибели командарма работала комиссия — выясняли обстоятельства смерти. Опрашивали выживших, сверяли их свидетельства, сопоставляли факты. Подлинную картину последних минут жизни генерала Ефремова восстановить так и не удалось. Можно предположить, что среди прибившихся к группе Степченко — Мусланова были и те, кто до последней минуты был рядом с генералом. Почему они промолчали об этом? Причины могли быть разными. Ведь когда в группе Ефремова поняли, что он, командарм, магнит, который притягивает все несчастья в виде новых и новых заградзастав, мобильных групп автоматчиков преследования, многие стали уходить в лес. Кто-то шёл в разведку и не возвращался, кто-то ложился на снег и уползал в лес, когда колонна проходила вперёд, кто-то отбивался во время очередного боя, кто-то… впрочем, что теперь гадать.

В расположение партизанского полка особого назначения майора Жабо, по различным сведениям, вышли 670. Выход отдельных групп ефремовцев продолжался до самого лета.

Известно, что 3 мая 1942 года в расположение 222-й сд, которая все эти месяцы держала оборону под Износками, находясь в составе восточной группировки 33-й армии, вышли семь человек. На начало апреля в 33-й армии, включая и госпиталя, числилось 11 500 человек. К 670 вышедшим надо добавить еще 230, прорвавшихся через линию фронта и вышедших в расположение 43-й и 33-й армий. Погибло и пленено, таким образом, примерно 10 600 человек. Правда, как впоследствии стало известно, многие из тех, кто попал в эту статистику, оказались в партизанских отрядах, кого-то спрятали местные жители.

Тело командарма Ефремова было похоронено немцами с отданием всех воинских почестей. Могилу копали военнопленные, которые в это время содержались в церкви села Слободки. Церемонией похорон руководил некий чин в немецкой форме, который хорошо говорил по-русски и переводил присутствовавшему на похоронах генералу. Местные жители называли его «господин Соломон». Кто это был, неизвестно. Возможно, бывший белогвардейский офицер, эмигрант, ловкий авантюрист Соломоновский. Деревенские жители всегда сокращают и упрощают имена и названия до удобопроизносимого минимума. Вот и получился из Соломоновского «господин Соломон».

Командир 19-й танковой дивизии генерал-майор Густав Шмидт[121], который, как можно предположить, и отдал распоряжение о торжественных похоронах, произнёс речь перед своими солдатами, которые были выстроены тут же, у могилы. Говорят, он сказал следующее: «Вы должны сражаться за Германию так же храбро и мужественно, как этот генерал за свою Россию!» Затем, через переводчика, немецкий генерал предложил сказать слово пленным. Пленных выгнали из церкви и тоже выстроили напротив. Вышел некий комиссар, или командир, и сказал, что это поражение Красной армии временное, что рано или поздно победа будет нашей. И стал в строй. Немцы назначили одного из местных жителей, чтобы тот ухаживал за могилой командарма.

В 1946 году прах М. Г. Ефремова перенесли в Вязьму, в город, который он так и не смог взять зимой 42-го года, генерал въехал на артиллерийском лафете. Погребение состоялось на старом Екатерининском кладбище.

Сталин приказал установить в Вязьме памятник. Конкурс проектов выиграл скульптор Е. В. Вучетич, который сам прошёл войну и тоже побывал в окружении. Должно быть, это прибавило монументу черты особой выразительности. Группа солдат с генералом в центре замерла в момент последнего боя. Говорят,

что скульптурная композиция отлита из гильз, собранных в полях и лесах Смоленской, Московской и Калужской областей, где дралась 33-я армия…

ЧЕЛОВЕК ВОЙНЫ

Дмитрий Фёдорович Лавриненко,

старший лейтенант, командир танковой роты

1-й гвардейской танковой бригады 16-й армии

1

Судьбы героев первого периода Великой Отечественной войны, а в него вотпла и Битва за Москву, трагичны. Вот одна из них…

Шёл октябрь 1941 года. Вовсю гремел «Тайфун», кромсая войска Западного и Брянского фронтов железными клещами танковых и мотопехотных дивизий. Группа армий «Центр» охватывала Москву с севера и юга, мощно давила в центре, и падение столицы тогда во многих штабах по ту и другую линию фронта казалось делом времени.

На Серпуховском направлении, растянув свои войска в тонкую прерывистую ниточку, стояла 49-я армия генерал-лейтенанта И. Г. Захаркина[122]. Штаб армии непрерывно маневрировал случайными резервами, в основном группами только что вышедших из окружения и остатками разбитых частей, из которых едва удавалось сколотить то роту, то взвод, то артбатарею. Для сколько-нибудь серьёзного манёвра войск у Захаркина не было. По сути дела, не было и армии. Удар «Тайфуна» застал 49-ю армию в эшелонах. Осложнение обстановки в районе Киева подтолкнуло Ставку и Генштаб к сомнительному решению: с Вяземского участка фронта целую армию, одну из лучших, хорошо укомплектованную, в самый канун немецкого наступления на Москву погрузили в вагоны и направили на юг. Эшелоны попали под массированный удар авиации противника. Разгружались как попало и где попало, зачастую под огнём немецких танков и артиллерии. В районе Калуги оказалось полевое управление армии и несколько стрелковых и артиллерийских полков из разных дивизий. С боем была оставлена Калуга, почти без боя Алексин и Таруса. Остатками частей и подразделений заняли оборону по рекам Протва и Ока, прикрыв Серпухов, Лопасню и оседлав, таким

образом, Симферопольское шоссе и участок Курской железной дороги. Стало очевидным, что с падением Серпухова немцы покатят по дорогам до Москвы уже без каких-либо значительных помех. Других войск, кроме охраны мостов и складов, за спиной у 49-й армии не было.

Накануне Сталин позвонил Захаркину, поинтересовался обстановкой и сказал: «Ни при каких обстоятельствах Серпухов врагу не сдавать». Только что назначенный на Западный фронт генерал армии Г. К. Жуков был более категоричен и конкретен: за сданные города — Калугу, Алексин и Тарусу — он обещал расстрелять Захаркина перед строем офицеров его штаба. После таких приказов Захаркину оставалось одно — стоять под Серпуховом насмерть.

На Серпуховском направлении наступали войска XIII армейского корпуса генерала пехоты Ганса-Густава Фельбера. К этому моменту немцы уже израсходовали свой наступательный ресурс. Из вышестоящих штабов в передовые части шли непрерывные приказы: атаковать, атаковать, пока русские не опомнились, но атаковать зачастую было уже некем и нечем. Да и русские уже опомнились.

В один из октябрьских дней, когда кризис в центре ещё не миновал, а в районе Серпухова, Высокиничей[123] и Кремёнок лихорадочно латали дыры, кое-как прикрывая большаки и просёлочные дороги в ожидании очередного давления немцев на этом направлении, в город вошли советские танки. Серпуховичи и комендатура воспрянули духом — уж теперь-то город устоит, есть кому постоять в обороне на Протве и Оке. Но танки пролязгали гусеницами по булыжным мостовым и ушли по дороге на Кубинку. Это были машины из 4-й танковой бригады полковника М. Е. Катукова[124], и шли они своим ходом на север, в распоряжение командующего 16-й армией генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского. Там, в районе Волоколамского шоссе, немцы предприняли прорыв, бросив в бой большое количество танков и пехоты.

Неспокойно было и в центре. В те дни противник предпринимал постоянные попытки прорвать фронт, найти, пусть небольшую, щель в обороне наших частей, чтобы тут же расширить её энергичными действиями резервов, переброшенных с других, более спокойных и безнадёжных участков, образовать брешь, в которую затем потоком гнать войска и таким образом развить застопорившееся движение «Тайфуна». Именно это могло произойти на правом фланге обороны 49-й армии. Противник собрал ударный кулак и двинул на Серпухов. На счастье защитников города, здесь на задержке оказался экипаж

лейтенанта Дмитрия Лавриненко. Местные хроники повествуют о том, что Т-34 стоял возле парикмахерской в центре города, когда разведка донесла: со стороны Высокиничей через Кремёнки и Троицкое на Серпухов на бронетранспортёрах и грузовиках, движется немецкая колонна до батальона пехоты, усиленная артиллерией, в том числе противотанковой.

Убывая из-под Тулы, комбриг Катуков оставил для охраны штаба 50-й армии, прикрывавшей Тульское направление и правый фланг 49-й армии, экипаж Лавриненко. Договорились о сроках. Но на пути экипажа лежал город — соблазн для танкистов, долгие недели не выходивших из боя. Некоторые исследователи утверждают, что танкисты решили побриться, вот и задержались в городе. Такова официальная версия. Но существует и другая — в Серпухове у кого-то из экипажа жила ни то подруга, ни то дальняя родственница. Что ж, приказ приказом, да только молодость и от приказа, и от устава своё отщипнёт…

Генерал А. И. Литвинов[125], в то время член Военного совета 49-й армии, в своих мемуарах писал: «На правом фланге нашей армии из района Высокиничей прорвался большой разведывательный отряд противника на бронетранспортёрах и устремился на Серпухов. Командующий армией И. Г. Захаркин поручил своему заместителю Н. А. Антипенко[126] создать заградительный отряд. Такой отряд был создан из 500 военнослужащих, которые прибыли в город, разыскивая свои части. Отряду ставилась задача — ликвидировать прорвавшегося врага. Командование отрядом было возложено на начальника Серпуховского гарнизона комбрига П. А. Фирсова[127], участника Гражданской войны, очень храброго человека. Он пользовался у серпуховичей большим уважением, в городе его знали буквально все, помнят о нём и сейчас[128]. <…> Отряд Фирсова с двух сторон окружил движущуюся вражескую колонну и после недолгой, но ожесточённой схватки истребил врага. Захвачены были все бронетранспортёры и несколько пленных. Это были первые пленные гитлеровцы, доставленные в Серпухов». Мемуары — это ещё одна война, с элементами междоусобия, когда победители делят трофеи…

Член Военного совета забыл упомянуть главную ударную силу отряда комбрига Фирсова — Т-34 лейтенанта Лавриненко. Именно действия боевой машины и её экипажа решили судьбу схватки на дороге у деревни Калиново в нескольких километрах от Серпухова, где теперь на пьедестале стоит «тридцатьчетвёрка» в память о защитниках столицы на Серпуховском направлении. Когда к лейтенанту Лавриненко прибежал запыхавшийся посыльной от начальника гарнизона, он тут же приказал экипажу

приготовиться к маршу. События развивались стремительно. Немецкая колонна уже миновала Высокиничи. Оттуда позвонила телефонистка, увидевшая в окно немецкие мотоциклы и бронетранспортёры. Части 17-й стрелковой дивизии соседней 43-й армии отступили на тыловой Стремиловский рубеж, открыв противнику дорогу на Серпухов.

Лавриненко понимал, что в какой-то момент драться придётся в одиночку, так как отряд комбрига Фирсова только демаскирует его и заставит противника из походной колонны перестроиться в боевой порядок. Место для засады нашли по пути, двигаясь навстречу немецкой колонне, в районе деревни Калиново. Замаскировали «тридцатьчетвёрку», затаились. Через несколько минут появилась колонна. Немцы двигались без боевого охранения. Видимо, имели разведданные, которые ещё несколько часов были вполне правдивыми: части Красной армии, прикрывавшие это направление, отошли северо-восточнее, дорога открыта, никаких войск на пути к Серпухову нет. Когда до головной машины осталось не более 150 метров, экипаж Т-34 открыл огонь из пушки и курсового пулемёта. Следующие снаряды накрыли тягачи с орудиями вместе с расчётами. Третий расчёт успел отцепить противотанковую пушку и начал разворачивать её. Но Лавриненко уже скомандовал механику-водителю М. И. Бедному:

— Вперёд! Дави!

Танк врезался в колонну и буквально пропахал её, подминая траками мотоциклы, кузова грузовиков и растерявшихся немецких пехотинцев. После этого смертоносного дефиле «тридцатьчетвёрка» заняла удобную позицию, и стрелок-радист Борзых открыл прицельный пулемётный огонь, поражая разбегающихся немцев. Разгром довершили бойцы истребительного отряда комбрига Фирсова. Они подоспели вовремя, с ходу вступили в бой, охватив рассеявшуюся колонну с двух сторон.

Лавриненко догнал свою бригаду уже в районе Волоколамска. Первым «потерявшийся» экипаж встретил начальник политотдела старший батальонный комиссар И. Г. Деревянкин[129]. За длительное отсутствие в расположении бригады по неуважительной причине — четверо суток — и уклонение от боя он тут же пригрозил экипажу трибуналом, а лейтенанту срочно написать объяснительную.

— Так я её, товарищ комиссар, уже написал! — усмехнулся Лавриненко.

— Когда? — удивился Деревянкин.

— Да ещё два дня назад. — И протянул начпо сложенный

вчетверо листок, который бережно хранил в нагрудном кармане.

Это был документ, прояснявший многое. Его написал начальник Серпуховского гарнизона комбриг Фирсов.

«Полковнику тов. Катукову.

Командир машины Лавриненко Дмитрий Фёдорович был мною задержан. Ему была поставлена задача остановить прорвавшегося противника и помочь восстановить положение на фронте и в районе города Серпухова. Он эту задачу не только с честью выполнил, но и геройски проявил себя. За образцовое выполнение боевой задачи Военный совет армии всему личному составу экипажа объявил благодарность и представил к правительственной награде.

Комендант города Серпухова — комбриг Фирсов».

Пока Деревянкин читал и перечитывал документ, подписанный комбригом Фирсовым, подъехал немецкий штабной автобус и из него вышел механик-водитель старший сержант Бедный.

— А это что? — уже смягчившись, но всё ещё не в силах справиться с командирским гневом, спросил Деревянкин.

— Это — наш трофей, — пояснил лейтенант Лавриненко. — Из всего добра, которое мы захватили под Серпуховом, это — самое ценное. Я думаю, что в бригаде автобус пригодится.

— Вот это правильно! — наконец похвалил лейтенанта Деревянкин и пожал танкисту руку.

Штабной автобус, уступленный Лавриненко комбригом Фирсовым, был непростым: он был забит продуктами, боеприпасами и… документами. Среди штабных бумаг оказались карты и схемы, их тут же отправили в штаб 49-й армии, а затем в Москву.

2

Родился Лавриненко 14 октября 1914 года, на Покров. И не иначе как сама Богородица долгое время обороняла его от пуль и осколков своим покровом. Родина героя — казачья станица Бесстрашная Лабинского отдела Кубанской области[130]. Воспитывала его мать, рано оставшись солдатской вдовой: отец, красноармеец Фёдор Прокопьевич Лавриненко, погиб на фронтах Гражданской войны. В 1931 году Дмитрий окончил школу крестьянской молодёжи в станице Вознесенской, затем учительские курсы в Армавире. Был направлен на работу в школу на хутор Сладкий Армавирского района. У школьников он сразу же стал любимым учителем: энергичный, общительный,

внимательный, организовал спортивные секции, проводил занятия драмкружка. А вскоре создал из учителей и учеников оркестр струнных инструментов. Одна из бывших его учениц вспоминала: «Мы, девчонки, были просто влюблены в своего учителя. Уроки он проводил с выдумкой, с фантазией, просто заслушаешься. Не без его влияния я стала учительницей».

Деревня становилась колхозно-совхозной. Новый социальный строй, который создавала на селе советская власть, нуждался в грамотных специалистах. Вот и Лавриненко из школьных учителей перевели на работу в главную контору совхоза на должность статистика — была и такая профессия. Затем некоторое время он работал кассиром отделения сберкассы в селе Новокубинском. В 1934 году жизнь его делает радикальный поворот: он добровольцем по комсомольскому призыву записывается в Красную армию и зачисляется в кавалерийские части. Кавалерийские войска в то время считались элитой Красной армии. В войсках идёт реформа, армия механизируется и моторизируется. Дмитрия Лавриненко из кавалерии направляют в танковое училище им. В. И. Ленина в Ульяновск. В мае 1938 года он окончил полный курс, а в следующем году принял участие в походе Красной армии в Западную Украину. В июне 1940 года — новый поход, на этот раз в Бессарабию. Войну встретил лейтенантом, командиром танкового взвода 15-й танковой дивизии. Дивизия отступала от самой границы, не принимая боя. Её танковый парк составляли машины устаревших типов, многие были до предела изношены. Во время марша повреждение получил и танк Лавриненко. В подобных случаях экипаж обычно подрывал танк и двигался в походной колонне, лейтенант Лавриненко отказался уничтожать свою боевую машину. Экипажу удалось вывести её и сдать в ремонт.

В тылу на базе уцелевших частей и подразделений началось создание новых. Так остатки 15-й и 20-й танковых дивизий были сведены в 4-ю танковую бригаду. Формирование началось 19 августа 1941 года в посёлке Прудбой Сталинградской области. Материальной части катастрофически не хватало: бронетехника была потеряна под Дуб-но и Бродами. Было ясно, что для полноценной танковой дивизии ни экипажей, ни боевых машин недостает, в связи с чем Ставка приняла решение ограничиться бригадой. 4-ю танковую укомплектовали боевыми машинами, которые выходили из цехов Сталинградского тракторного завода. Командиром вновь сформированной бригады назначили полковника М. Е. Катукова, который до этого возглавлял 20-ю танковую дивизию 9-го механизированного корпуса. Лейтенант Лавриненко в новой бригаде стал командиром танкового взвода.

Теперь он наконец получил то, о чём давно мечтал, — новенькую «тридцатьчетвёрку» с мощной по тем временам 76-мм пушкой, способной пробивать броню любых танков противника. Как вспоминали однополчане, когда Дмитрий получил пахнущий заводской краской Т-34, он внимательно осмотрел танк, похлопал по его броне и сказал: «Ну, ребята, теперь-то я с Гитлером рассчитаюсь!»

3

Формирование завершилось 3 октября 1941 года. Боевой состав 4-й танковой бригады был следующим:

— управление бригады
— рота управления
— 4-й танковый полк
— моторизованный стрелково-пулеметный батальон
— зенитный дивизион
— разведывательная рота
— ремонтно-восстановительная рота
— автотранспортная рота
— медико-санитарный взвод.

Еще до окончательного завершения формирования, 22 сентября, бригада погрузила материальную часть в эшелоны и прибыла в район подмосковной станции Кубинки. Здесь она получила лёгкие танки БТ-7, БТ-5 и старенькие, порядком изношенные БТ-2. Все они только что вышли из ремонта, на некоторых виднелись следы пробоин, заваренных стальными заплатками.

Бригада была подчинена штабу 1-го особого гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора Д. Д. Лелюшенко[131]. Вскоре 4-ю танковую перебросили в район Мценска, где она сразу же вступила в дело. Противник ей достался серьёзный — 4-я танковая дивизия генерал-майора барона Виллибальда фон Лангермана унд Эрленкампа.

Свой первый бой экипаж провёл 6 октября в составе взвода. В районе населённого пункта Первый Воин противник атаковал позиции мотострелкового батальона. Катуков со своего передового КП какое-то время наблюдал, как немецкие танки при поддержке мотопехоты вклинились в боевые порядки батальона и начали утюжить окопы. В самый критический момент, когда стало очевидным, что мотострелки не выдержат, а с ними погибнет и миномётная рота, без которой бригаде потом будет тяжко отражать атаки немецкой пехоты, Катуков послал им на

выручку взвод Т-34 лейтенанта Лавриненко. Четвёрка советских танков сблизилась с немецкими танками на расстояние верного выстрела и открыла огонь. Один за другим вспыхивали танки противника, которые до этого момента казались неуязвимыми. Противник начал отход. Но внезапно та же четвёрка Т-34, совершив быстрый манёвр, появилась с другой стороны и снова открыла губительный огонь. Немцы оставили на поле боя пятнадцать своих машин и отступили. Приказ на отход получил и взвод Лавриненко. Танкисты посадили на броню мотострелков и миномётчиков, погрузили раненых и вернулись назад без потерь.

О другом деле, когда взводу «тридцатьчетвёрок» было приказано вывести из боя отрезанную миномётную роту, рассказал в своих воспоминаниях старший сержант Пономаренко, в то время механик-водитель боевой машины отважного командира взвода:

«— Лавриненко нам сказал так: «Живыми не вернуться, но миномётную роту выручить. Понятно? Вперёд!» Выскакиваем на бугорок, а там немецкие танки, как собаки, шныряют. Я остановился.

Лавриненко — удар! По тяжёлому танку. Потом видим, между нашими двумя горящими лёгкими танками БТ немецкий средний танк — разбили и его. Видим ещё один танк — он убегает. Выстрел! Пламя… Есть три танка. Их экипажи расползаются.

В трёхстах метрах вижу ещё один танк, показываю его Лавриненко, а он — настоящий снайпер. Со второго снаряда разбил и этот, четвёртый по счёту. И Капотов-молодец: на его долю тоже три танка досталось. И Полянский одного угробил. Так вот миномётную роту и спасли. А сами — без единой потери».

Пономаренко не оговорился — некоторое время в Красной армии PzKwIV считался тяжёлым танком, хотя реально он и относился к средним. Капотов и Полянский — командиры «тридцатьчетвёрок» взвода Лавриненко.

Тактика и приёмы боя Лавриненко были таковы: поражал цели, в частности танки противника, либо из засады, несколькими точными выстрелами, либо нападал неожиданно, открывал интенсивный и прицельный огонь и тут же менял позицию или отходил, не позволяя ни артиллерии неприятеля, ни его танкам сковать манёвр взвода или одиночной боевой машины огнём. Командир бригады М. Е. Катуков знал достоинства своего взводного, не раз посылал его в разведку, будучи уверен, что тот будет действовать обдуманно, где нужно, осторожно, а необходимо — дерзко, напролом, и поставленную задачу выполнит.

В боях за Мценск 4-я танковая бригада М. Е. Катукова схватилась с ударными частями 2-й танковой группы генерал-полковника Гейнца Гудериана. Это были части, состоявшие в основном из ветеранов, прошедших Польшу, Францию и Бельгию. Танковые полки и батальоны имели на вооружении лёгкие PzKwII, средние PzKwIII и PzKwIV, также чешские PzKw35(t) и PzKw38(t). Надо заметить, что чешские танки ничем не уступали немецким и советским боевым машинам своего класса. Воевали немцы умело. Но и катуковцы были уже воробьи стреляные. Многие экипажи получили опыт боёв в период приграничных танковых сражений в Западной Украине. Быстро изучили манеру поведения и характер атак врага: вначале разведка боем, зачастую без танков, одной мотопехотой, потом выявленные цели накрываются авиацией или огнём артиллерии, затем полуразрушенную систему обороны атаковали массы танков при поддержке пехоты и артиллерии.

Эта в сущности незамысловатая схема, обеспеченная достаточным количеством бронетехники, авиации, артиллерии и боеприпасов, вполне срабатывала. Летом 2-я танковая группа успешно продвигалась на Минском, Смоленском и Рославльском направлениях, затем совершила глубокий марш на юг, в район Киева и помогла замкнуть Киевский «котёл». Теперь, повернув назад, наступала на Тулу и Серпухов. У «быстрого Гейнца» всё складывалось хорошо. До тех пор, пока он не натолкнулся на танки Катукова.

Когда Гудериан шёл на юг, к Киеву, и его танковые авангарды, ломая сопротивление Красной армии, буквально по пути достаточно легко овладели Орлом, Севском, другими городами и крупными коммуникационными узлами, он сделал в своём дневнике такую запись: «Советский танк Т-34 является типичным примером отсталой большевистской технологии. Этот танк не может сравниться с лучшими образцами наших танков, изготовленных нами и неоднократно доказывавших своё преимущество». Очень скоро мнение немецкого генерала о советских Т-34 резко изменится буквально на противоположное. До сих пор немцам встречались в основном брошенные экипажами советские танки различных типов и модификаций, взорванные, завязшие в болотах и на переправах, мёртвые, не способные сражаться. Но очень скоро, а точнее, после первых серьёзных столкновений с Т-34 и КВ в открытом бою, Гудериан в своём экстренном докладе-донесении в Берлин пишет: «Я в понятных терминах охарактеризовал явное преимущество Т-34 перед нашими PzKw IV и привёл соответствующие заключения, которые должны были повлиять на наше будущее танкостроение».

В дневнике несколькими днями ранее Гудериан записал следующее: «Южнее города Мценска 4-я танковая дивизия была атакована русскими танками, и ей пришлось пережить тяжёлый момент. Впервые проявилось в резкой форме превосходство русских танков Т-34. Дивизия понесла значительные потери. Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить… Особенно неутешительными были полученные нами донесения о действиях русских танков, а главное, об их новой тактике… Русская пехота наступала с фронта, а танки наносили массированные удары по нашим флангам. Они кое-чему уже научились».

Так вот кто спас Тулу, в то время ещё готовую отразить немецкий удар: в городе и окрестностях не было войск, зенитки, которые вскоре встретят танковые авангарды Гудериана на Орловском шоссе, ещё стояли на позициях возле военных заводов, охраняя над ними небо. Бригада войск НКВД тоже была рассредоточена по всему городу, по цехам, складам, учреждениям. А тульский рабочий полк ещё только формировался и получал со складов трофейные французские и японские винтовки времён Первой мировой войны. Удачный манёвр танков и мотопехоты Катукова дал возможность тулякам укрепить город с запада и юго-запада, а затем остановить противника и не дать ему смять левый, южный фланг Западного фронта.

Итак, главный танковый генерал вермахта был чрезвычайно озабочен действиями советских средних танков Т-34.

Чуть позже, в ноябре, командующий 2-й танковой группой провёл совещание ведущих танковых конструкторов Германии. Оно состоялось под Орлом, в районе только что прошедших тяжёлых танковых боёв. На совещание приехал знаменитый конструктор автомобилей и бронетехники, основатель компании *Dr. Ing. h. c. F. Porsche Aktiengesellschaft* Фердинанд Порше. В 30-е годы он приезжал в Советский Союз, посетил самые крупные производства страны и получил от правительства СССР предложение со всем своим конструкторским бюро переехать в нашу страну и производить автомобили своей мечты. В то время из его КБ только что вышел в массовое производство *Volkswagen Kafer* («Фольксваген Жук») — легковой автомобиль, машина для народа, современная, удобная и недорогая. От переезда в СССР Порше отказался, но охотно принял предложение генерала Гудериана побывать в местах боёв в районе Орла.

Гудериан устроил Порше и другим конструкторам экскурсию на едва остывшее поле боя у села Первый Воин. Там ещё стояли остовы сгоревших боевых машин, и немецких, и советских. Среди

них были и танки, уничтоженные огнём лейтенанта Дмитрия Лавриненко. Немцы внимательно осматривали пробоины в броне своих машин, фотографировали, обсуждали характер попаданий и степень разрушения броневых листов, отмечали точность огня и мощь советских боеприпасов.

— Сделайте нам немецкую «тридцатьчетвёрку»! — сказал Гудериан конструкторам.

Его слова повторили офицеры танковых полков и командиры экипажей на итоговом совещании.

Немцы сделают танки, которые по своим тактико-техническим данным будут не уступать Т-34, а по некоторым параметрам и превосходить его, но главные достоинства всё же останутся за «тридцатьчетвёркой»: технологическая простота, а значит, относительная дешевизна, и высокая маневренность на поле боя. С появлением новой модели — Т-34-85 — удалось преодолеть многие недостатки, которыми страдали ранние модели: стала достаточной огневая мощь 85-мм пушки, в увеличенной башне разместился почти весь экипаж, в том числе командир, который теперь был освобождён от обязанностей наводчика орудия, а занимался наблюдением за полем боя и управлением членами экипажа.

4

Тем временем лейтенант Лавриненко со своим экипажем, доставившим Гудериану и Фердинанду Порше столько беспокойств и хлопот, сражался уже на правом крыле московской обороны, в районе Волоколамского шоссе.

Командиру бригады к тому времени (10 ноября) присвоили звание генерал-майора, а бригада 11 ноября получила гвардейское знамя и новый порядковый номер — 1-я гвардейская танковая. К середине октября на счету экипажа лейтенанта Дмитрия Лавриненко было уже 16 танков. Правда, некоторые подсчёты ограничиваются семью. Но были и другие трофеи. К примеру, коменданту Серпухова комбригу Фирсову Лавриненко сдал 13 автоматов, 6 миномётов, 10 мотоциклов с колясками и одно противотанковое орудие с полным боекомплектом. Единственное, которое уцелело после того, как «тридцатьчетвёрка» основательно отутюжила немецкую колонну. Все эти трофеи серпуховской истребительный отряд тут же принял на вооружение, и они до декабря, пока не началось наступление, служили защите и Серпухова, и Москвы.

В ноябре Западный фронт активизировал свои действия.

Немцы были остановлены. Сталин приказал провести пробное наступление. Для атаки выбрали участок северо-западнее Серпухова направлением на населённые пункты Кремёнки и Троицкое на Протве. Комфронта Г. К. Жуков был против этого наступления, считая, что войска после октябрьских боёв ещё не восстановились, что имеющийся ресурс не соответствует поставленной задаче — прорвать немецкую оборону в центре и наступать, — что наступление, каким бы локальным оно ни планировалось, только истощит накопленные резервы. Так оно и оказалось.

Бригада Катукова вместе с частями 316-й стрелковой дивизии генерала И. В. Панфилова и кавалеристами генерала Л. М. Доватора[132] обороняла рубеж к северу от шоссе Волоколамск — Москва. Рубеж проходил по линии населённых пунктов Моисеевка, Ченцы, Большое Никольское, Тетерино, разъезд Дубосеково. В середине ноября обострилось противостояние у деревни Скирманово. Командующий 16-й армией К. К. Рокоссовский приказал овладеть населённым пунктом. Для чего была создана ударная группировка, в которую вошли части 18-й стрелковой, 50-й кавалерийской и 1-й гвардейской танковой. Наступление поддерживали пушечные и противотанковые артполки и три дивизиона «Катюш». 12 ноября оборону 10-й немецкой танковой дивизии обработала артиллерия, затем началась фронтальная атака. Вперёд пошли танки и пехота.

Для поддержки стрелковых рот и кавалерийских эскадронов Катуков выделил 17 боевых машин: пятнадцать Т-34 и два КВ. Лёгкие танки в бой не посылал: оборона Скирманова была прочной, подготовленной основательно, насыщена противотанковыми средствами, и Катуков понимал, что БТ сразу же пожгут.

Взвод Лавриненко шёл в первой волне. Смертники не смертники, но первые мишени для немецких ПТО — точно. Три «тридцатьчетвёрки». Катуков поставил им задачу: маневрировать перед немецкой обороной, всячески вызывать огонь на себя, выявить основные огневые точки.

Следом за взводом Лавриненко шли КВ командиров экипажей Заскалько и Полянского. Тяжёлые «Климы» поддерживали идущих впереди своим огнём. В ходе войны тактика танковых атак совершенствовалась. Позже, когда на поле боя появится самоходная артиллерия, второй волной будут ходить самоходки. Мощные СУ-100 могли успешно подавлять огневые точки противника, в том числе доты, окопанные танки, разрушать инженерные сооружения, мешающие развитию атаки.

Вот как вспоминает бой за Скирманово сержант Н. П. Капотов, командир танка из взвода Лавриненко: «Вышли мы на второй скорости, затем переключились на третью. Как только выскочили на высотку — открылся вид на село. Я послал несколько снарядов, чтобы определить огневые точки противника. Но тут поднялся такой грохот, что нас оглушило. В моей башне жутко было сидеть. Видно, фашисты открыли огонь сразу из всех пушек и зарытых в землю танков». Огнём на огонь ответили и «тридцатьчетвёрки». На какое-то время они остановились, сделали по несколько прицельных выстрелов и снова на предельных скоростях ринулись вперёд. КВ их постоянно поддерживали, подавляя наиболее опасные огневые точки.

Уже в Скирманове танк Лавриненко был подбит. Выскочил из-за построек на улицу и тут же получил несколько снарядов из противотанкового орудия, которое было замаскировано под стог сена и до этого никак себя не обнаруживало. Ранило осколком в плечо стрелка-радиста Ивана Борзых. Машину вскоре отремонтировали. В экипаж прислали нового стрелка-радиста — Александра Шарова.

Бои за Скирманово продолжались. К 14 ноября село было очищено от немцев. Скирмановский плацдарм противника перестал существовать. В немецких документах говорится: «После жестокого сражения плацдарм был сдан, для того чтобы избежать дальнейших потерь. 10-я танковая дивизия уничтожила 15 танков противника, в том числе два 52-тонных и 4 сильно повредила». Катуков вспоминал: «Впервые за короткую историю своего существования бригада понесла существенные потери».

Победа в Скирмановском сражении окрылила командование и бойцов 16-й армии. К. К. Рокоссовский решил развить успех. В ночь на 16 ноября дивизии правого крыла произвели перегруппировку и утром атаковали. Но произошло неожиданное: немцы одновременно перешли в наступление на левом крыле, ударив в стык 316-й стрелковой дивизии и кавалерийской группы генерала Л. М. Доватора. В этот день на правом фланге Западного фронта земля встала дыбом, снег покрылся пороховой копотью и напитался кровью убитых. Их было много. С обеих сторон: никто не уступал. Дивизия Панфилова, кавалеристы Доватора и танкисты Катукова противостояли XXXXVI моторизованному корпусу генерала танковых войск Генриха фон Фитингофа и V армейскому корпусу генерала пехоты Рихарда Руоффа. А это — пять дивизий, три из которых танковые. В результате упорного противостояния Скирманово вновь было захвачено противником. Его освободили уже в середине декабря в ходе общего наступления.

Семнадцатого ноября 1941 года гвардии старший лейтенант Лавриненко возглавил танковую группу, состоявшую из шести боевых машин. В нее были включены три Т-34 и три лёгких БТ-7, эти танки придавались 1073-му полку 316-й дивизии генерал-майора И. В. Панфилова для усиления атаки на населённый пункт Лысцево. Перед выступлением Лавриненко зашёл в штаб стрелкового полка и договорился с командиром о взаимодействии. Боевые машины двигались двумя эшелонами. В первом шли лёгкие БТ-7, которыми командовали лейтенант Г. Н. Заика, И. Ф. Пятачков и Маликов. Во втором — сам Лавриненко и Т-34 Фролова и Томилина. Все экипажи опытные, не раз бывали в бою.

Лысцево уже виднелось впереди, когда от передовой группы Маликова прибыл связной и сообщил: «Командир, впереди, в пятистах метрах немецкие танки!» — «Сколько?» — спросил Лавриненко. «Насчитали восемнадцать. Средние и тяжёлые».

Немцы тоже заметили приближающуюся колонну. На опушке забегали серо-зелёные фигурки. Взревели танковые моторы. БТ и «тридцатьчетвёрки» быстро развернулись в боевой порядок и атаковали. Схватка была короткой: всего 8 минут. При подходе к опушке, где сосредоточился противник, загорелись лёгкие танки Заики и Пятачкова. Экипаж лейтенанта Заики погиб в полном составе. Болванка угодила в гусеницу танка Фролова. «Тридцатьчетвёрка» остановилась, развернула башню, открыла огонь. Вскоре был подбит и танк Томилина. Уцелевшие Лавриненко и Маликов маневрировали, с коротких остановок вели огонь по опушке. Уже семь немецких танков горели. Остальные пятились за деревья, огрызаясь из короткоствольных пушек. Вскоре они исчезли в глубине леса. А Лавриненко и Маликов на большой скорости ворвались в Лысцево. К счастью, в селе не оказалось артиллерии. Подоспевшая пехота быстро подавила очаги сопротивления немецких автоматчиков.

По рации Лавриненко доложил в штаб 316-й стрелковой дивизии о выполнении поставленной задачи и о том, что танки и пехота овладели населённым пунктом Лысцево и окапываются по периметру, занимая круговую оборону. Но в штабе дивизии царили уже другие настроения и донесению не обрадовались. Предупредили: на правом фланге обороны дивизии противнику удалось прорваться к деревне Шишкино и овладеть ею. Таким образом, 1073-й стрелковый полк и приданные ему танки оказались отрезанными. Другие полки тоже сбиты с позиций и отступают. Из радиосообщения старший лейтенант Лавриненко узнал, что в тыл им движется немецкая танковая колонна.

Решение подсказал опыт боёв под Мценском и Серпуховом.

Маликову он приказал оставаться с пехотой, а сам со своими боевыми товарищами Бедным, Федотовым и Шаровым повёл танк навстречу немецкой колонне. Двигались перелесками, сухими лощинами, оврагами, не упуская из виду большак. Снег был ещё неглубоким, рыхлым, и танк двигался без помех. Вскоре нашлась удобная позиция. Остановились, замаскировали танк: выкрашенный в белый цвет, он сливался с местностью.

Когда немецкая колонна показалась из перелеска, Лавриненко взял в прицел головной танк и поджёг его первым же выстрелом. Затем перенёс огонь на танк, двигавшийся следом за головным. Он стоял, подставив «тридцатьчетвёрке» борт. Колонна будто оцепенела. Заряжающий работал, как поршень, досылая снаряд за снарядом. «А теперь — по замыкающим…» — скрипел зубами Лавриненко. Хобот башни сделал небольшой доворот. Выстрел! Ещё! Ещё выстрел! Трассы бронебойных снарядов уходили в хвост немецкой колонны, пронзали маслянистый дым, расползавшийся по полю от горящих машин, и там вспыхивали снопы электросварки, а затем, как эхо, гремели взрывы. Это детонировали боеукладки.

— Всё, ребята! Уходим! — И Лавриненко толкнул ногой плечо механика-водителя.

Тут же взревел мотор, «тридцатьчетвёрка», плавя морозный воздух перегретым стволом, качнулась и поползла в овраг. Её скрывал дым горящих немецких танков. Бой закончился новой победой.

Восемнадцатого ноября экипаж Лавриненко прибыл в деревню Гусенёво, где располагался штаб генерала Панфилова. Старший лейтенант доложил о прибытии. В Гусенёве его ждал экипаж Маликова. Его БТ-7 только что вышел из боя, прикрывал отход артиллеристов на новые позиции.

В тот же день возле штабной землянки осколком недалеко разорвавшейся мины был ранен генерал Панфилов. Раненого генерала проносили на шинели мимо танка Лавриненко. Танкисты сняли шлемофоны. А командир глянул на околицу и крикнул экипажу:

— Быстро в машину!

Там, в конце села, виднелись немецкие танки. Они покачивались со стороны в сторону, приближаясь к крайним дворам. Какое-то время «тридцатьчетвёрка» мчалась в сторону околицы, прикрываясь строениями, кладушками дров, стогами сена, сложенного на зиму возле хлевов и сараев, а потом стремительно вырвалась на простор навстречу головному танку. Это был PzKw IV с угловатой башней и коротким стволом. Видимо, он возглавлял атаку на Гусенёво. Его экипажу, по всей

вероятности, показалось, что русский танк кинулся на таран, и он, меняя направление, немного отвернул. Именно это и нужно было Лавриненко. Т-34 остановился, повёл стволом. Выстрел! Он был точным. Всего несколько десятков метров отделяли «тридцатьчетвёрку» и колонну немецких танков. Снайпер с такого расстояния промахнуться не мог. Лавриненко досчитал до семи. Семь выстрелов произвёл он один за другим, каждый раз наводя на новую цель. Немцы уже повернули и быстро уходили от Гусенёва в поле. Восьмой выстрел произвести не удалось — заело спусковой механизм нагревшейся пушки. Азарт боя и явной удачи — ведь он видел, что каждый его выстрел — точное попадание в цель — настолько захватили гвардейца-танкиста, что, как рассказывал потом один из его боевых товарищей, «когда заклинило пушку, командир выскочил из машины, выхватил пистолет и на бегу стрелял в спины убегающим к лесу немецким танкистам».

— Командир! Назад! Танки! — кричал ему радист Шаров.

Он и сам уже опомнился и побежал назад.

Десять танков с другого направления атаковали Гусенёво. Снаряд попал в борт «тридцатьчетвёрки» Лавриненко. Машина загорелась. Ранило в живот стрелка-радиста Шарова. Его вытащили Лавриненко и Федотов. Попытались вытащить механика-водителя сержанта М. И. Бедного. Но в танке уже полыхал пожар, рвались патроны, вскоре сдетонировал боекомплект. Сержант сгорел вместе с машиной. Не выжил и Шаров, вскоре он скончался, не приходя в себя.

Гибель боевых товарищей переживалась тяжело.

Ноябрьские атаки, так и не переросшие в наступление, которое произойдёт чуть позже, в декабре, показало крайнюю степень усталости немецких войск группы армий «Центр» и одновременно способность Красной армии действовать более активно. Эти атаки поглотили большое количество войск, боевой техники, в частности, танков. Танки были сожжены немецкими ПТО или подбиты. Если поле боя оставалось за нами, то ремонтные подразделения отбуксировывали их в тыл и вскоре возвращали в строй. Труднее было с экипажами. Если экипаж сгорал вместе с танком, то это была уже двойная потеря. Были потери и во взводе Лавриненко, и в его собственном экипаже.

Некоторые историки ноябрьское наступление в полосе Западного фронта называют неудачным, несостоявшимся. На самом деле это не так. Хотя бы потому, что за ноябрём неминуемо пришёл декабрь.

Пятого декабря командир 1-й гвардейской танковой бригады генерал-майор М. Е. Катуков подписал представление гвардии

старшего лейтенанта Лавриненко к званию Героя Советского Союза.

В архиве Министерства обороны РФ в Подольске хранится этот документ.

«Наградной лист

на командира взвода танкового полка 1-й гвардейской танковой бригады лейтенанта[133] ЛАВРИНЕНКО Дмитрия Фёдоровича

«Героя Советского Союза»

Год рождения: 1914 г.

Национальность: русский.

Социальное положение: служащий.

Партийность: кандидат ВКП(б).

С какого времени в РККА: с 1934 года.

Участие в Гражданской войне: не участвовал.

Ранения и контузии: не имеет.

Представлялся ли ранее к награде, когда и за что: не представлялся.

Какие имеет поощрения и награды и за что: не имеет.

Служба в белой и других буржуазных армиях и пребывание в плену: не служил, в плену не был.

Постоянный адрес: Краснодарский край, г. Армавир, ул. Перовской, 46.

КРАТКОЕ И КОНКРЕТНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ ЗАСЛУГИ

Тов. ЛАВРИНЕНКО, выполняя боевые задания командования, с 4. 10. и по настоящий день со своим экипажем беспрерывно находится в бою. За период боёв под ОРЛОМ и на ВОЛОКОЛАМСКОМ направлении экипаж ЛАВРИНЕНКО уничтожил 37 тяжёлых, средних и лёгких танков противника.

Тов. ЛАВРИНЕНКО со своим экипажем постоянно посылается в разведку и глубокий тыл противника.

За проявленное мужество в боях с германскими захватчиками тов. ЛАВРИНЕНКО достоин высшей Правительственной награды — присвоения звания «Герой Советского Союза».

Командир 1-й Гв. ТБр

генерал-майор КАТУКОВ

Военком 1-й Гв. ТБр

старший батальонный комиссар

БОЙКО

5 декабря 1941 г.»

Золотой Звезды Героя старший лейтенант Лавриненко тогда не получил. Лишь 5 мая 1990 года, после неоднократных

письменных обращений в адрес правительства страны маршала М. Е. Катукова и общественности, вышел Указ Президента СССР о присвоении отважному танкисту, лучшему танковому снайперу Красной армии гвардии старшему лейтенанту Дмитрию Фёдоровичу Лавриненко звания Героя Советского Союза. Родственникам героя были вручены орден Ленина и медаль «Золотая Звезда».

Старший лейтенант Лавриненко был из тех воинов, кого определяет и выносит в первые ряды война. В мирное время он был взводным, каких тысячи. Никаких особых заслуг за ним не числилось, ни поощрений, ни наград — хотя служил добросовестно. Это был профессиональный солдат «из служащих». А точнее, из школьных учителей. Человек войны.

Из наградного листа мы узнаём, что «тов. ЛАВРИНЕНКО со своим экипажем постоянно посылается в разведку и глубокий тыл противника». К сожалению, ни в мемуарной литературе, ни в интервью, ни среди документов, открытых для свободного доступа, не удалось пока обнаружить описания рейдов экипажа старшего лейтенанта Лавриненко. Однако уже одно упоминание о глубокой танковой разведке, во-первых, суть свидетельство высокого доверия командования Лавриненко и его экипажу, во-вторых, говорит о том, что и старший лейтенант, и его танкисты прекрасно владели машиной и её вооружением, знали свои обязанности и хладнокровно их исполняли в боевой обстановке, и, наконец, в-третьих, становится понятным природа владения тактикой засадного боя. Основные победы экипажем Лавриненко добыты в результате скрытного маневрирования одиночной машиной и в составе взвода, искусной маскировки и затем точного и интенсивного огня из засады. Вот откуда навыки охотника, способность хладнокровно и расчётливо действовать в одиночку. Историк танковых войск Михаил Барятинский писал о Лавриненко, о тактике, которую он применял в бою: «В целом она укладывалась в рамки той тактики, которую использовала 4-я танковая бригада. Она сочетала действия из засад с короткими внезапными атаками ударной группы, при хорошо поставленной разведке. Все имеющиеся в наличии описания боёв с участием Лавриненко свидетельствуют о том, что, прежде чем атаковать противника, он внимательно изучал местность. Это позволяло правильно выбрать как направление атаки, так и вид последующего манёвра. Используя преимущество Т-34 перед немецкими танками в проходимости в условиях осенней распутицы, Лавриненко активно и уверенно маневрировал на поле боя, скрываясь за складками местности. Сменив позицию, он вновь атаковал уже с нового направления, создавая у противника

впечатление о наличии у русских нескольких групп танков. При этом, по свидетельству сослуживцев, артиллерийский огонь из танка Лавриненко вёл мастерски. Но даже будучи метким стрелком, он стремился на максимальной скорости сблизиться с противником на дистанцию 150–400 м и бить наверняка. Суммируя всё это, можно утверждать, что Д. Ф. Лавриненко был хорошим хладнокровным тактиком, что и позволяло ему добиваться успеха».

В своих мемуарах генерал армии Д. Д. Лелюшенко, закончивший войну командующим одной из гвардейских танковых армий, вспоминая бои 1941 года, писал: «Лейтенант Лавриненко, тщательно замаскировав свои танки, установил на позиции брёвна, внешне походившие на стволы танковых орудий. И не безуспешно: фашисты открыли по ложным целям огонь. Подпустив гитлеровцев на выгодную дистанцию, Лавриненко обрушил на них губительный огонь из засад и уничтожил девять танков, два орудия и множество гитлеровцев».

6

Наступление на Истринском направлении, где боевые позиции занимала 1-я гвардейская танковая бригада, началось 7 декабря. Стрелковые части 16-й армии, кроме катуковцев, поддерживали танки 145, 146 и 17-й танковых бригад. Оборона противника была прорвана и наступление развивалось в глубину. Однако на некоторых участках немцы стояли как вкопанные.

Село Крюково обороняли части 5-й танковой и 35-й пехотной дивизий вермахта. Этот важнейший коммуникационный узел атаковали гвардейцы 8-й гвардейской стрелковой дивизии им. генерал-майора И. В. Панфилова и танкисты Катукова. Несколько суток шли кровопролитные бои за опорные пункты Крюково и Каменка.

Из отчёта штаба 1-й гвардейской танковой бригады о боях на Волоколамском направлении: «Расположенный недалеко от подступов к Москве, имеющий жел[езно] дор[ожную] станцию и представляющий узел шоссейных дорог р-н Крюково, Каменка, противником был сильно укреплён дерево-земляными сооружениями и хорошей противотанковой обороной.

К Каменка и Крюково противник подтянул несколько десятков тяжёлых и средних танков.

Атака Крюково и Каменка началась с утра 4.12.41 г. без предварительной артиллерийской подготовки. Поэтому при выходе наших частей в атаку противник открыл ураганный

артиллерийский, танковый, миномётный и пулемётный огонь, и неоднократные попытки овладеть Крюково, Каменка в течение дня 4.12.41 г. успеха не имели. Нанести же решительный удар танками в одном из направлений бригада не имела возможности, так как в основном все танки были розданы стрелковым полкам. В ночь с 4 на 5.12.41 г. была повторена ночная атака р-на Крюково, причём решением командира 8 Гв. СД в ночную атаку были направлены все танки бригады, без оставления какого бы то ни было резерва, необходимого для парирования контрударов противника. Наши предложения о том, что танки в ночной атаке, ввиду их плохого обзора, можно использовать для решения ограниченных задач, и под прикрытием пехоты, в расчёт приняты не были.

В результате ночной атаки бригада потеряла подбитыми 9 своих танков, уничтожив только 1 танк противника.

И только после неоднократных попыток в течение нескольких дней, к исходу 8.12.41 г. Крюково и Каменка полностью были очищены от противника.

Сломив сопротивление противника в его опорных пунктах, бригада в составе 16 армии начала преследование его в западном направлении.

Для нанесения решительных фланговых ударов по противнику и с целью отрезать ему пути отхода в западном и юго-западном направлениях, для усиления 1-й Гв. ТБр нам было придано: 17 ТБр и 4 ˚СБр, и в дальнейшем — 35, 55, 64 и 71 СБр.

Совершив фланговый обход, группа в составе 1-й Гв. ТБр, 17 ТБр и 4 ˚СБр с 13. 12. 41 г., форсировав р. Истра, нанесла поражение обороняющемуся противнику на зап. берегу р. Истра, обеспечив переход через реку частям 16 армии, и начала стремительное преследование с боем отступающего противника на Волоколамск. Используя танки в одном ударном кулаке и прикрывая продвижение их стрелковыми частями, группа, ведя бои с сильными арьергардами противника, продвигалась вперёд, и к исходу дня 19.12.41 г. передовые части (МСПб с группой танков 1-й Гв. ТБр) ворвались на улицы гор. Волоколамска…»

Наступление развивалось. Но в атакующих рядах уже не было старшего лейтенанта Дмитрия Лавриненко…

К 18 декабря авангарды 1-й гвардейской танковой бригады вышли к Волоколамску. На подступах к городу немцы укрепили цепь населённых пунктов, сформировав своего рода мощный укрепрайон, насыщенный огневыми средствами, в том числе противотанковой и полевой артиллерией, миномётами. Подступы к населённым пунктам и дороги были густо минированы. Во время наступления старший лейтенант Лавриненко командовал

уже не взводом, а танковой ротой. Рота с приданным отделением сапёров, которые расчищали для «тридцатьчетвёрок» маршрутные пути от мин, действовала в первом эшелоне. В районе населённых пунктов Гряды — Чисмена танки выскочили к небольшой деревушке и с ходу захватили её. Затем, на рассвете, так же неожиданно атаковали гарнизон деревни Гряды. Всё складывалось удачно. И командир танковой роты принял решение, не дожидаясь подхода главных сил, атаковать немцев в селе Покровском. Огнём и гусеницами гвардейцы уничтожили немецкий гарнизон в Покровском. Во время боя танкисты заметили, что часть боевой техники, в том числе танки и бронетранспортёры, немцы почти без боя отвели в соседнюю деревню Горюны. Таким образом, в Горюнах скопилось довольно много войск. По всей вероятности, в этот населённый пункт, как в ключевой, отходили и другие гарнизоны, не выдержавшие напора наступающих русских.

На этот раз Лавриненко, связавшись по рации со штабом бригады, получил приказ произвести разведку и ждать подхода основных сил соседней 17-й танковой бригады. Горюны атаковали с двух сторон. Здесь Лавриненко уничтожил свой 52-й немецкий танк. Немцы оставили Горюны, но, отступив, как это часто делали, произвели по населённому пункту мощнейший огневой налёт. В это время Лавриненко, покинув танк, направился с докладом к КП командира 17-й танковой бригады полковника Н. А. Черноярова[134]. И был убит осколком разорвавшейся мины.

В конце декабря посмертно он был награждён орденом Ленина.

7

О семье героя известно немного. Отец Фёдор Прокопьевич, казак станицы Бесстрашной, участник Первой мировой и Гражданской войн. Корни его с Черниговщины. Отсюда и украинская фамилия. Отец воевал в артиллерийском дивизионе. Мать Матрёна Прокопьевна, оставшись без мужа, перебралась с малолетним сыном в соседнюю станицу Отважную: контрразведка генерала В. Л. Покровского разыскивала семьи казаков, воевавших в рядах Красной армии. Когда советская власть установилась окончательно, семья получила земельный надел. Матрёна Прокопьевна работала заведующей столовой, жители хутора Сладкого избрали её председателем станичного совета. Затем вступила в ВКП(б). Сына воспитала в духе беззаветной преданности делу Ленина-Сталина, любви в своей Родине и

готовности защищать её рубежи с оружием в руках. Пионерская и комсомольская организации укрепили этот дух.

В городе Станиславе, где накануне войны дислоцировалась 15-я танковая дивизия, на танцах Дмитрий познакомился со своей будущей женой Ниной. Поженились летом 1941 года в Виннице. Уже шла война, дивизия с боями отступала, часть гражданского населения тоже уходила на восток с отступающей Красной армией. Мать Дмитрий не оставлял и, когда его направили служить в Западную Украину, взял с собой. О женитьбе сына Матрёна Прокопьевна вспоминала: «Первый раз домой Митя её, свою невесту, прямо на танке привёз. Мы тут же, в военном городке жили. Вылезли из люка, он её снял с гусеницы, ухватил в оберемок, несёт в комнату, а она вырывается — стеснительная такая».

В Сталинграде, после того как бригада закончила формирование и получила назначение двигаться к Москве, молодые расстались. Когда немцы прорвались к Волге, Нина вместе с семьями офицеров РККА была эвакуирована в Фергану. О гибели мужа ей сообщили сразу, в декабре 1941 года. В Фергане она записалась на ускоренные курсы медицинских сестёр, окончила их в начале августа 1942 года и сразу же в составе только что сформированной стрелковой бригады была отправлена на фронт. Эшелон проходил через Армавир, где в то время жила свекровь. Она отпросилась, чтобы хоть накоротке повидаться с нею. Повидалась, вернулась на станцию. Именно в то время, когда на железнодорожный узел и на скопившиеся на путях эшелоны налетели немецкие самолёты. Нина погибла под бомбёжкой. Она пережила Дмитрия всего на несколько месяцев.

После войны катуковцы разыскали мать своего боевого товарища Матрёну Прокофьевну. Она по-прежнему проживала в Армавире. Приезжала на встречи ветеранов. Приехала и на перезахоронение останков сына в братской могиле в деревне Деньково. Маршал М. Е. Катуков приказал поместить её фотографию в музее 1-й гвардейской танковой бригады на самом видном месте…

Дмитрий Фёдорович Лавриненко воевал около двух с половиной месяцев. Провёл 28 схваток, став лучшим танковым асом Красной армии. На его подвигах учили молодых танкистов, прибывавших в бригаду на место выбывших. А боевые товарищи, воевавшие с ним под Орлом, Мценском и Москвой, не забывали его никогда. До самой Победы. И мстили за его гибель в каждом бою.

Как вспоминал один из однополчан Дмитрия Лавриненко: «В бою за Волоколамск мы захватили любопытный трофей — ящик с

Железными крестами. Мы их сдали в политотдел. А фашисты вместо Железных крестов получили кресты из русской берёзы. Такова была наша месть за Дмитрия».

Катуков воспитал в своей бригаде много выдающихся танкистов, удачливых и хладнокровных поединщиков, истребителей танков.

Старший сержант Николай Капотов со своим экипажем 6 октября 1941 года в бою у села Первый Воин уничтожил шесть немецких танков. Погиб в июле 1942 года в бою за деревню Юдино Орловской области.

Тогда же, в октябре 1941 года экипаж Т-34 лейтенанта Петра Воробьёва у деревни Шеино из засады уничтожил девять танков противника.

Старший сержант Пётр Молчанов за три дня боёв под Мценском подбил и сжёг 11 танков, 13 противотанковых орудий, подавил 10 пулемётных гнёзд.

А тот экипаж, который в бою остановил, сжёг, не пустил к Москве хотя бы один танк врага, разве не герой?!

Бригада, уже с другим командиром и другими экипажами (многие остались в братских могилах в подмосковной земле) дралась на Курской дуге, участвовала в Проскурово-Черновицкой, Львовско-Сандомирской, Висло-Одерской и Берлинской операциях. Её победы и жертвы отмечены шестью боевыми орденами. И имя старшего лейтенанта Дмитрия Фёдоровича Лавриненко всегда сияло и сияет на знамени прославленной бригады седьмым орденом.

«ОН ШЁЛ И ТИХО ПЛАКАЛ…»

Саша Чекалин,

разведчик партизанского отряда «Передовой»

Тульской области

Этот очерк, посвящённый подпольщикам, разведчикам и партизанам Тульской области, которые действовали в полосе фронта 50-й армии, условно поделён на две части.

Первая посвящена Калуге периода её оккупации, той атмосфере, которая царила, когда в городе и окрестностях хозяйничали немцы и их добровольные помощники из числа наших соотечественников, а также борьбе патриотов. Здесь же — история разведчицы «Аси», чьё настоящее имя, достойное самого низкого поклона и самого высокого признания, ещё таится в недрах архивов советских спецслужб.

Вторая — история подвига партизанского разведчика Александра Чекалина.

1

Шёл ноябрь 1941 года. На южном фланге Западного фронта 50-я армия генерала И. В. Болдина и дивизии левого крыла 49-й армии генерала И. Г. Захаркина сдерживали атаки 2-й танковой армии противника. Постепенно фронт стабилизировался. Продолжались локальные атаки. Стороны обменивались ударами в поисках слабых мест противоборствующей стороны.

На оккупированной территории немецкие власти продолжали устанавливать «новый порядок». Им активно, не за страх, а за совесть, порой не щадя живота служили люди, которым советская власть и большевики были ненавистны с самого начала, еще с 20-х годов.

В городах и крупных населённых пунктах стояли немецкие гарнизоны. У ближнего тыла на войне своя задача, свои функции: снабжение войск передней линии всем необходимым — боеприпасами, продовольствием, резервами; размещение

лазаретов и госпиталей для лечения раненых и больных; обеспечение отдыха отведённых во второй эшелон частей; место расположения крупных штабов, раз-вед подразделений, диверсионных баз и школ.

Из документов, хранящихся в архивах Управления ФСБ РФ по Калужской области и рассекреченных совсем недавно, стали доподлинно известны многие факты, имена и события октября — декабря 1941 года, касающиеся той непростой атмосферы, которая царила в оккупированной Калуге, с довоенных лет принадлежавшей к Тульской области.

Из справки УФСБ РФ по Калужской области: «В период временной немецкой оккупации (с 12 октября по 31 декабря 1941 г.) в г. Калуге дислоцировалась фельджандармерия[135], ортскомендатура[136], вспомогательная полиция, отделение 1-Ц АОК-4[137] 4-й немецкой армии. Последним в г. Калуге с рацией был оставлен немец Витгинг, арестованный Особым отделом воинской части Красной армии.

Кроме того, в Калуге были расквартированы сотрудники отдела пропаганды немецкой армии во главе с офицером Мюллером.

Все эти органы занимались контрразведывательной работой, массовой вербовкой агентуры из числа советских граждан. Одним из видных руководителей контрразведывательной и разведывательной работы в г. Калуге был капитан немецкой армии Владимир Александрович Власов»[138].

Капитан Власов — фигура любопытная. Родился в 1895 году в городе Ромны Сумской области в семье донского казака. Отец был губернским агрономом, затем управляющим крупными имениями. Сам Власов окончил Полтавский Петровский кадетских корпус, затем училище и после службы в 19-м запасном кавалерийском полку, который дислоцировался в городе Шуе, был направлен на фронт в составе 6-го гусарского Клястицкого генерала Кульнева полка. Участвовал в боях в Восточной Пруссии, где был ранен. В 1915 году в одном из боёв контужен. После контузии и лечения получил должность инструктора пулемётного дела при штабе Юго-Западного фронта. Затем перешёл в отдел Управления генерал-квартирмейстера того же штаба на должность адъютанта. Летом 1916 года откомандирован на Высшие курсы дальнего заградительного огня, по окончании которых снова попал на фронт, в 128-ю пехотную дивизию. В 1917 году участвовал в так называемом наступлении Керенского и снова был контужен. После лечения мобилизован в войска генерала Л. Г. Корнилова — штаб-ротмистр, инструктор пулемётного дела. С мая 1918 года командир кавалерийского

эскадрона в армии генерала А. И. Деникина, затем гетмана П. П. Скоропадского. Какое-то время был в Северной дивизии атамана Петлюры. В ноябре 1918 года пытался уехать из России в Германию. Но его, как русского офицера, в Луцке высадили из поезда и тут же в составе спешно сформированной команды направили на фронт против поляков в район Ковеля. Вскоре попал в плен к полякам. В апреле 1919 года бежал. Оказался в Прибалтике, в Русской Западной добровольческой армии генерала П. Р. Бермондта-Авалова, который вскоре повёл войска против латышей и захватил Ригу с целью присоединения Прибалтики к единой и неделимой России. Этот поход ослабил удар генерала Н. Н. Юденича на Петроград, за что впоследствии Бермондта не любили в эмиграции, считая его, ко всему прочему, германофилом. Волков смог отличиться и в боях за Ригу и получил Прибалтийский крест, учреждённый в Русской Западной добрармии. Вскоре остатки армии Бермондта были интернированы в Германию и там разоружены. Власов направлен в лагерь, затем в Ганновер, на соляные шахты. Здесь он работал до 1926 года. Из шахты он попал в Берлин. Там работал в цирке: пригодилось умение сидеть в седле и владеть конём — работал наездником. Снимался в кино. Поступил в Берлинский политехнический институт и успешно окончил его. В 1933 году принят на работу в крупную фирму, занимавшуюся промышленным производством. В 1937 году нацисты начали увольнять с ключевых и ответственных должностей иностранцев. Коснулась эта волна и Власова. С престижной должности техника он вынужден был пойти учеником в типографию. Но вскоре снова поднялся по служебной лестнице до мастера, а затем инженера фирмы. Именно в это время он начал служить в немецкой разведке и к 1940 году занимал в абвере должность переводчика. Службу начал в лагере для пленных офицеров на оккупированной польской территории. Когда германские войска перешли границу СССР, служил переводчиком при штабе 2-й полевой армии группы армий «Центр», имея звание зондерфюрер (К), что соответствовало капитану вермахта. Одновременно участвовал в боях, отличился во время штурмовых атак против советских войск как опытный пулемётчик, награждён Железным крестом 2-го класса. Затем он был назначен штабом «Валли» заместителем начальника отдела 1с штаба 52-й пехотной дивизии 2-й полевой армии. Армия в этот период (осень 1941 года, операция «Тайфун») действовала на Южно-Московском (Калужском) направлении. Рабочий узел разведотдела (1с) находился в белорусском городке Хотимске, затем передислоцировался в Козельск, а в октябре 41-го — в Калугу. В Калуге зондерфюрер

Власов с первого до последнего дня активно занимался разведкой. Он быстро сошёлся с начальником калужского уголовно-сыскного отдела вспомогательной полиции В. С. Сахрановым и старшим следователем Н. Г. Гринвальдом. Оба хорошо знали окрестности Калуги и Оки и оказались способными разведчиками. По заданию Волкова они не раз переходили линию фронта и приносили с той стороны ценнейшие сведения. Вадим Сергеевич Сахранов родился в Петербурге, был сыном помещика и крупного землевладельца. Власов и Сахранов часто выезжали в район Алексина. Обычно они останавливались в деревне Исаково Тарусского района, там подбирали нужных людей, добивались их согласия работать на немецкую разведку, инструктировали и перебрасывали за линию фронта. Дважды, переодевшись в форму политрука, Власов сам ходил за линию фронта. После ухода немцев из Калуги Власов вывез в сторону Юхнова и Климова Завода созданную и прекрасно себя зарекомендовавшую группу: Сахранова, переводчика В. М. Литвиновича, до войны работавшего в Алексине инженером на комбинате № 100, и ещё несколько человек, хорошо владевших навыками разведчиков-маршрутников.

Штаб службы, которой руководил зондерфюрер Власов, разместился в бывшем Калужском горкоме партии. По данным УФСБ по Калужской области, Власов работал и как представитель тайной полевой полиции. Таким образом, полномочия у этого человека были огромные.

С марта 1942-го по январь 1943 года Власов проводил разведывательную работу в районе Воронежа, состоя там при Абвергруппе-105 — позывной «Визель», руководил разведшколой абвера в Курске и селе Гусевка. После отступления немецких войск школа перемещалась восточнее: Конотоп, Сумы, Гомель, Речица. Группа вела работу против ближнего и глубокого тыла Брянского, Воронежского, Юго-Западного и 2-го Белорусского фронтов. До 1943 года вербовала агентуру из местных жителей по месту своей дислокации в Орле, Курске, Воронеже и в лагерях военнопленных в Смоленске, Брянске, Гомеле, Конотопе, Бобруйске, Павловске Тульской области, Борисове (Белоруссия) и Воронежской области. Квалифицированная агентура в распоряжение Абвергруппы-105 и непосредственно в подчинение зондерфюрера Власова прибывала из Варшавской разведшколы. В 1944 году Власов принял командование 210-м казачьим охранным батальоном. Батальон действовал на Висле против партизан. Затем вступил в бой с регулярными частями Красной армии и в первом же бою был разбит.

Власова задержали сотрудники СМЕРШа 1-го Украинского

фронта 21 января 1945 года на территории Болгарии. Дело рассматривал Военный трибунал Московского военного округа, огласивший в ноябре 1945 года приговор: 20 лет лагерей по ст. 58, п. 4 и п. 6 УК РСФСР. Однако Военная коллегия Верховного суда СССР своим определением от 21 марта 1951 года отменила ранее вынесенный приговор, и по вновь открывшимся обстоятельствам дело было направлено на новое расследование со стадии предварительного. Архивные документы, попавшие в руки следователей и предъявленные суду, на этот раз не оставили бывшему разведчику абвера никаких шансов — в феврале 1952 года Власов приговорён к высшей мере. Спустя полтора месяца приговор приведён в исполнение. Финал одиссеи Владимира Александровича Власова, зондерфюрера германской разведки, оказался вполне логичным. Хотя, должно быть, глубоко убеждён был в ином. В любом случае, личностью он был сильной. И его жизнь и военные приключения, надо признать, прекрасный сюжет для целого романа.

Как только в Калугу вошли немцы, тут же была создана городская управа. Численность её аппарата, если его сравнить с современной бюрократией того же города, был немногочисленным — всего 75 человек. Земская управа насчитывала 103 человека. Это — данные из архивов УФСБ по Калужской области, опубликованные в книге «Калуга. Сорок первый год»[139]. По воспоминаниям бывшего начальника Калужской земской управы В. А. Агафонова (получившего в 1930 году 10 лет лагерей по 58-й статье), «все места по отделам управы были заполнены в 4–5 дней». И далее: «Служащих насчитывалось до 400 человек, всё это бывшие сослуживцы и иной техперсонал, кто остался в городе». Как видите, цифра иная. И факт любопытный: «новому порядку» пришли служить почти все, кто совсем недавно служил советской власти. Возможно, этот факт стал следствием того, что по голодному городу разнёсся слух о создании при управе столовой. Ею заведовали учителя, они и варили обеды, и стояли на раздаче, словом, работники образования Калуги целиком прибрали к своим рукам первый общественный котёл новой власти. Голод не тётка.

В 20-х числах ноября 1941 года Калужская земская управа по инициативе немецкой администрации провела совещание участковых агрономов, старшин, управляющих совхозами и директоров научных учреждений сельского и лесного хозяйств Калуги и Калужского района. На совещании были поставлены первоочередные задачи для чиновников на местах: «прекратить самовольное растаскивание инвентаря, сбруи, построек, скота, произвести учёт, наладить работу, поправлять разрушения,

собрать растасканное, привести в порядок хозяйство», наладить обмолот зерна, навести порядок с забоем скота для германской армии, произвести ремонт тракторов и сельскохозяйственной прицепной техники, засыпать и тщательно хранить семенной фонд и готовиться к весеннему севу. Вот так. И о будущем думали. Строили новую власть основательно, надолго.

Полицейский аппарат насчитывал 355 человек, включая районную участковую полицию (11 земских участков). Полицейские были набраны из числа пленных красноармейцев, изъявивших желание помогать германским оккупационным властям в наведении «нового порядка», и местных жителей. В основном в полицию шли люди с прошлым, обиженные советской властью, раскулаченные, уголовники, авантюристы и те, кто всегда готов поддержать любую власть, лишь бы что-то урвать от неё для личного блага, а заодно поквитаться с личными же врагами.

В ноябре 1941 года вспомогательная полиция Калуги имела четыре отдела: секретно-политический (СПО); административно-хозяйственный (АХО); уголовно-сыскной (УСО) и городской полиции. Начальником СПО стал Сергей Борисович Леульт, до войны успешно игравший в Калужском драматическом театре. Секретарём отдела была назначена его жена Стрижевская. С. Б. Леульт был тоже человек с прошлым — отбывал лагерный срок за контрреволюционную деятельность. Отдел, которым руководил Леульт, занимался «выявлением лиц, враждебно настроенных к немецкой армии, распространяющих большевистскую пропаганду, вёл дела по преступлениям, имеющим политический характер. Шпионы, диверсанты, партизаны, подпольщики. Работу СПО во многом направлял и корректировал зондерфюрер Власов. Именно сюда, в секретно-политический отдел, шли люди, искренне ненавидевшие советскую власть и желающие положить жизнь на борьбу с ней. Сюда стекалась информация о бывших партийных и советских работниках, которые для Власова тоже были перспективным материалом для вербовки и получения нужных сведений.

Почти весь отдел в декабре 1941 года, когда Красная армия провела мощное наступление по всему Западному фронту, ушёл из Калуги с немцами. Следы некоторых из полицаев и агентов немецкой разведки, завербованных зондерфюрером Власовым весной 1942 года, вскоре проявились под Юхновом и в районе Климова Завода, где были истреблены последние группы окружённой под Вязьмой советской 33-й армии. Действуя в красноармейской форме и под видом местных жителей, подчинённые Власова проводили разведку, совершали диверсии,

выводили окруженцев на немецкие засады под пулемётный и миномётный огонь.

Как вспоминают старожилы Калуги, особенно свирепствовал в городе начальник УСО полиции Н. Н. Дмитриев. Родился он в 1902 году в Екатеринбурге в семье чиновника. В 1920 году окончил среднюю школу и драматическую студию при Казанском большом драматическом театре. В 1921 году поступил на работу в городской театр Екатеринбурга на должность помощника режиссёра. Позже в этом же театре работал артистом драмы. Затем сменил несколько театров и в начале июня 1941 года перебрался в Калугу и сразу же устроился в городской драматический театр. Когда пришли немцы, из театра ушёл в полицию и получил должность следователя УСО. После ухода немцев из Калуги остался в городе. Сотрудники Особого отдела 50-й армии арестовали Н. Н. Дмитриева 10 января 1942 года. Военным трибуналом он был приговорён к высшей мере наказания и расстрелян 30 мая 1942 года.

В полиции и среди новой прогерманской бюрократии старого русского города оказалось очень много артистов. Очевидно, профессия всё же имела какое-то решающее значение: легче было принять другой образ, освоить иную роль и даже сделать её своей сущностью. К примеру, для попавших в концлагерь для военнопленных мотивы согласия служить германской армии были, конечно же, иными.

Околоточным надзирателем служил бывший артист колхозно-совхозного театра Калуги В. А. Головкин. Когда в город вошла Красная армия, был арестован, осуждён и расстрелян.

Инспектором городского отдела полиции служил бывший артист цирка Р. Н. Борский. Арестован, осуждён, расстрелян.

Начальником СПО был тоже бывший актёр Калужского драмтеатра С. Б. Леульт. Судьба его неизвестна: из Калуги он ушёл с отступающими немецкими войсками.

Следователь СПО Косинов — тоже бывший артист Калужского драмтеатра.

О Дмитриеве бывший начальник Калужской земской управы вспоминал следующее: «Свирепствовал и расправой отличался начальник сыскного уголовного отдела, который, как говорили в управе и в полиции, разъезжал и творил расправы и в городе, и в районе с каким-то русским белым офицером и эмигрантом, видимо, работником гестапо, так как Леульт мне говорил, что все его боятся…» Очевидно, речь шла о зондерфюрере Власове.

Но реальная власть в Калуге принадлежала немецкой комендатуре. Комендантом вначале был майор Фибих, потом, когда он убыл на передовую, — майор Потациус. Немцы

распоряжались всем и всеми. Приказы, издаваемые военным комендантом, должны были строго исполняться всеми без исключения гражданами города. Уклонение, саботаж, а тем более противодействие, в какой бы форме оно ни выражалось, каралось по законам военного времени — смертью.

Вот текст одного из приказов коменданта Калуги:

«ПРИКАЗ ГЕРМАНСКОЙ КОМЕНДАТУРЫ

О назначении на работы и о порядке производства работ в военных и гражданских учреждениях.

Граждане города Калуги ленивы и работают плохо.

Те из граждан, которые не будут выполнять приказов Городского Головы и его помощников, будут отмечены и наказаны.

1. Граждане, которые недобросовестно работают, или которые не работают назначенное количество часов, будут приговорены к денежному штрафу, который пойдёт в распоряжение города (наименьший штраф — 30 рублей). Если деньги не будут уплачены, виновные будут подвергаться телесному наказанию.

2. Те граждане, которые назначены на работы и не явились на них, будут подвергнуты телесному наказанию и не будут получать продовольствия от города.

3. Те граждане, которые уклоняются от работы вообще, будут высылаться из города.

Местный Комендант»[140].

В Калуге сразу же был установлен комендантский час: хождение по городу и окрестностям — с 8.00 до 22.00. Вне комендантского часа хождение разрешалось только по специальным пропускам и при условии знания пароля. Всех остальных задерживали патрули и препровождали в комендатуру до выяснения личности. Комендатура располагалась в здании исторического музея (ныне Калужский областной краеведческий музей).

В городе был организован лагерь для военнопленных красноармейцев. Руководил им майор Энгольм. Именно из этого лагеря зондерфюрер Власов и немцы вербовали украинцев и казаков для работы в полиции, а также в разведке. Здесь же подбирались люди, годные для проведения диверсионных акций в советском тылу.

Для евреев местные власти организовали гетто. Евреи жили в одном из городских кварталов без права покидать его. Носили нашитые на верхнюю одежду жёлтые шестиконечные звёзды.

В городе работал кинотеатр «Центральный» — только для немецких солдат и офицеров. Для горожан был открыт кинотеатр «Унион». В нём время от времени крутили немецкую киноленту

«Королевский вальс» и постоянно показывали хронику побед германского оружия.

В Калуге выходила газета «Новый путь». Всего вышло четыре номера: 1-й — 29 ноября, последний — 20 декабря, 5-й должен был выйти 1 января 1942 года. 50-я армия генерала Болдина, а точнее, ударная группа генерала Попова, помешала появлению очередного номера коллаборационистской газеты. Газета продавалась во всех киосках и распространялась не только в Калуге и Калужском районе, но и в других городах, посёлках, райцентрах и деревнях. Стоимость одного номера — 20 копеек. На 1942 год была объявлена подписка; подписчиков оказалось довольно много — в некоторых деревнях насчитывалось по 10–15 и более подписчиков и активных читателей новой газеты. В одном из первых номеров редакция опубликовала речь Адольфа Гитлера под заголовком: «Судьба Европы на ближайшие тысячу лет решается сейчас». Похоже, это было правдой.

Редактировал «Новый путь» некто Евгений Евгеньевич Бунескул. Сын офицера 10-го пехотного Новоингерманландского полка, Георгиевского кавалера, тяжело раненного во время Первой мировой войны и по причине инвалидности вернувшегося на постоянное местожительство в Калугу, где до отправки на фронт стоял полк. Отец Евгения Евгеньевича Евгений Григорьевич Бунескул происходил из бессарабских дворян. Мать Валентина Владиславовна — выпускница Смольного института. До революции семья Валентины Владиславовны владела несколькими домами и имела поместье в одном из уездов. Советская власть всё отняла. Материнские корни редактора новой газеты были, по всей вероятности, польскими. Жила семья Бунескул более чем скромно, в тесной комнатушке о 15 квадратных метров, имея весьма небольшие средства на пропитание. Евгений Григорьевич дружил с Константином Эдуардовичем Циолковским. Владея в совершенстве мастерством машинописи и имея пишущую машинку, перепечатывал рукописи учёного. И тот довольно щедро оплачивал труд бывшего офицера. Старики часто проводили время в разговорах.

Евгений Евгеньевич родился в 1910 году. Но дата эта неточная. Получил прекрасное домашнее образование. В совершенстве знал французский и немецкий языки. Окончил в Калуге школу. Поехал в Москву, поступать в институт. Экзамены сдал отлично, но зачислен студентом не был — обнаружилось «не то» происхождение. Правда, всё же веко-ре поступил на заочное отделение одного из московских вузов. Спустя несколько лет получил диплом инженера-строителя. Во время одной из экзаменационных сессий снялся в кино. Сыграл эпизодическую

роль в киноленте Якова Протазанова «Человек из ресторана». Фильм был снят по одноимённой повести И. С. Шмелёва, судьба которого была связана с Калужской землёй.

В биографии Евгения Евгеньевича довольно много тёмных мест. Перед войной он женился на соседской девушке. Началась война. На фронт он почему-то призван не был, хотя отличался отменным здоровьем да и инженерное образование в войсках ценилось. Когда пришли немцы, редактировал городскую газету «Новый путь», затем ушёл с немцами на восток. Как сообщают некоторые биографы Е. Е. Бунескула, перед уходом он зашёл домой в форме офицера вермахта. До этого форму никогда не носил, да и звания офицерского не имел. Бутафорией это быть не могло — немцы такого не потерпели бы. А значит, это была его форма и его чин. В Калуге он больше так и не появился. Правда, говорят, приезжал, когда наступила горбачёвская перестройка. В качестве туриста из Америки. Но это всего лишь слухи.

Жену Евгения Евгеньевича Татьяну арестовали в начале 1942 года, когда шли повальные аресты и чистка города от немецких шпионов и диверсантов. Была она беременна. Ребёнок родился в тюрьме и вскоре умер. Да и сама Татьяна исчезла на одном из бесчисленных островов архипелага ГУЛАГа. В 1951 году умер Евгений Григорьевич, старый русский офицер. Валентина Владиславовна, уволенная из школы, успешно занималась репетиторством и средства к существованию имела достаточные. В Калуге её уважали и любили. Всю жизнь она ждала весточки от сына, свято веря, что он жив. Умерла в 1965 году.

Калужский журналист Сергей Фадеев, собирая в 90-е годы материал для публикации о семье Бунескул, обратился в областное Управление ФСБ и получил ответ, что «в их фондах даже упоминания фамилии Бунескул нет». Воистину странно.

В некоторых публикациях, связанных с темой русского коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны, некий Бунескул упоминается как один из главных пропагандистов в Смоленске. Есть информация о том, что он в конце 1942 года был схвачен гестапо якобы за то, что передавал разведданные Красной армии, а вскоре расстрелян. Выглядит двусмысленным и недавний факт: в книге «Калуга. Сорок первый год» подробно, с фотографиями, рассказано о многих калужанах, в 1941 году служивших оккупантам, но о редакторе «Нового пути» нет даже упоминания…

Подразделение связи, которое обеспечивало один из крупных штабов, находившихся в Калуге, разместилось в доме-музее русского учёного, основоположника теоретической космонавтики, признанного всем цивилизованным миром, К. Э. Циолковского.

Солдаты, видимо представления не имевшие, где находятся, переломали часть экспонатов. В кабинете учёного устроили склад продовольствия. В одной из комнат держали кур. Кур, разумеется, привезли не из Германии, а наловили, точнее, поотнимали у жителей одной из подгородних деревень. Время от времени приносили из «курятника» курицу и рубили ей голову тесаком на верстаке, который К. Э. Циолковский привёз в Калугу из Боровска и который в музее до сих пор считается одним из ценнейших экспонатов, так как именно на нём калужский мечтатель воплощал в материале (жести) многие свои идеи, связанные с воздухоплаванием и космосом. На верстаке остались рубцы от немецкого тесака. Слава богу, дом всё же не подпалили.

Организованного сопротивления в период оккупации города калужане оказать не смогли. Видимо, не оказалось в этот период в городе сильной личности, которая объединила бы местных патриотов, мелкие группы и одиночек в организацию, способную к борьбе. Не было и ярких одиночек. А может, об их подвигах мы просто не знаем.

Однако местные краеведы отыскали следы братьев Макаровых, Владимира Гамаюнова и Михаила Волнотрёпова. Подпольщики слушали по радио голос Москвы, переписывали сводки Совинформбюро, размножали их и в виде листовок расклеивали по городу. В ночь с 20 на 21 ноября они застрелили немецкого лейтенанта, который, как им казалось, напал на их след. Труп бросили в ров неподалёку от городской скотобойни. 22 ноября полицейские во время обыска нашли в доме, где проживали братья Макаровы и Михаил Волнотрёпов, оружие. Подпольщиков расстреляли через два дня на берегу речки Киёвки на окраине Калуги.

Другую подпольную группу возглавлял Владимир Смирнов по кличке Боцман. Патриоты расклеивали по городу листовки, в которых сообщалось о том, что Москва сражается, что немцы нагло врут о её падении. Ночами то на одной улице, то на другой горели немецкие грузовики и бензозаправщики, выводились из строя линии электропередач и кабели связи. В ночь на 7 ноября на колокольне Васильевской церкви (улица Герцена) был прикреплён красный флаг. На улице Тульской (район завода № 35) застрелили двоих немецких офицеров и прикрепили к трупам таблички: «Спешу в Москву». 9 ноября взлетела на воздух столовая для немецких солдат. За выведенный из строя кабель связи немцы расстреляли на Базарной площади 20 заложников. Акции сразу прекратились.

Ещё одну группу патриотов возглавлял рабочий Калужского машзавода В. А. Лёвочкин. После одной из акций его арестовали

вместе с сыном Василием. Отца и сына Лёвочкиных повесили на телеграфных столбах во дворе Гостиных рядов вместе с двумя неизвестными.

Однажды произошёл такой случай. Прилетел самолёт с красными звёздами на крыльях и фюзеляже и начал сбрасывать листовки. Немецкие зенитки открыли по нему огонь, однако попасть не смогли. Горожане подбирали листовки и читали: Москва осаждена, московские рабочие подняли восстание против большевиков и призывают то же самое сделать рабочих других городов…

На рынке и магазинах в ходу были советские рубли и немецкие оккупационные марки. Немцы, прекрасно понимая, что денежный обмен на занятых территориях наладить не так-то просто, не препятствовали свободному хождению советского довоенного рубля. Но назначили курс обмена: за одну марку — 10 рублей. Курс оказался нереальным, сильно заниженным для рубля. Это стало явным особенно после 5 декабря, когда началось контрнаступление Красной армии под Москвой. Оккупационная марка сразу стала падать, а вскоре немецкую валюту, как ненадёжную, и вовсе перестали брать в магазинах и на калужском базаре.

В конце октября 1941 года, когда решалась судьба Тулы и всего южного крыла Московского фронта, из разведотдела 50-й армии в Калугу была послана маршрутница. Настоящее имя её, к сожалению, до сих пор неизвестно. Известен псевдоним, агентурная кличка — Ася. Путешествовала Ася из Тулы в Калугу и обратно около недели. Вернулась благополучно. В архиве УФСБ по Саратовской области долгие годы безвестно хранился редчайший документ периода Московского сражения — донесение разведчицы «Аси» в особый отдел НКВД 50-й армии об обстановке в оккупированной Калуге. Ценные сведения, добытые разведчицей-маршрутницей «Асей», немедленно были переправлены в штаб Западного фронта.

Документ действительно редчайший, поэтому привожу его целиком.

«7 ноября 1941 г.

Сов. секретно.

Гор. Тула.

В ОСОБЫЙ ОТДЕЛ НКВД 50-Й АРМИИ

По Вашему заданию 28 октября я направилась из гор. Тулы в гор. Калугу. От станции Бредихино до ст. Гурьево я ехала поездом, затем пошла пешком, прошла ст. Неханино, дер. Крюканово, дер. Кострово, с. Колонтаево, Хани-но, Алексеевка, вышла на Одоевское шоссе, дошла до дер. Большие Козлы и 31

октября пришла в гор. Калугу.

В 9 часов 31. 10.1941 года по мосту через реку Оку, пройдя мимо часовых, охраняющих мост, направилась в центр города к своей приятельнице. Вместе с ней пошла по городу. Осматривала город до вечера. 1 ноября я также ходила по городу и вечером, согласно Вашим указаниям, пошла обратно в г. Тулу.

За 31 и 1 я видела следующее. В городе Калуге много солдат противника, в их составе (больше всего) финны[141], затем немцы, имеются австрийцы и венгры. Офицеры в большинстве своём немцы. Все солдаты одеты в одинаковые шинели, различие только в окантовке. Шинель летняя, головной убор — летняя пилотка. В различных пунктах города рассредоточены автомашины так: в парке им. Горького стоят до 150 разных машин: крытые грузовые, легковые, бронемашины; на площади Социалистов — 90 машин. Во всех дворах и у домов ул. Луначарского, Ленинской, Революции, пл. Социалистов, у Каменного моста стоят по 5–7 машин. В здании 2-й школы располагался штаб противника.

1 ноября 1941 года после налёта нашей авиации части противника стали перемещаться на окраину города. В бараках спичечной фабрики расположилось большое количество солдат, численность мною не установлена.

Встречаются в городе лётчики без самолётов, на аэродроме расположены 5 самолётов, зениток мало. Пушек, миномётов очень мало.

Машины все дни после занятия Калуги противником стоят в большинстве своём без движения[142]. Обычно из Калуги в направлении на Москву ездят легковые (очевидно, штабные) машины и небольшое количество грузовых с боеприпасами, сопровождают машины 4–5 солдат на каждой. Некоторое количество машин, очевидно, специально выделенное, с солдатами — ездят по окружающим ближайшим сёлам и собирают продукты питания. У колхозников забирают: свиней, овец, коров, кур, гусей, муку, керосин, соль, мыло, тёплые одеяла, на портянки рвут шали.

Заметно, что очень много времени солдаты тратят на добычу и изготовление пищи. Из продуктов питания делают запасы, с этой целью кустарным образом изготовляют колбасу, ветчину, выпекают хлеб.

Внешний вид солдат и офицеров, дислоцирующихся в гор. Калуге, измученный, усталый, трусливый, очень нервозный. Солдаты молчаливы, одежда грязная, потрёпанная. В сравнении с тем, как эти же солдаты и офицеры вошли в Калугу, заняв её, теперь их вид значительно изменился — стал хуже, чувствуется упадническое настроение, обречённость.

Теперь меньше хвастаются своими будущими успехами. Некоторые населению прямо заявляют: «Москву скоро не завоюем». Прибыв в Калугу, почти все солдаты заявили: «Займём скоро Москву, войне будет конец. Погуляем 4 дня в Москве, а затем месяц дома».

На вопрос населения, почему до сих пор не занята Москва, офицер (фамилия неизвестна) ответил: «Мы сейчас слабы, а когда подойдёт подкрепление, мы Москву займём, через 8 дней это исполнится» (разговор происходил 1 ноября). Бывают случаи, когда солдат в квартире, глядя на фотокарточку, присланную из дому, начинает плакать, рассказывая, что дома жена, дети, а ему приходится здесь погибать.

С 25 по 31 октября 1941 года советская авиация бомбила скопление войск в городе, особенно сильная бомбёжка была 25 и 26 октября.

В эти дни по городу был объявлен приказ, запрещающий вход и выход из города.

Налёт нашей авиации согнал спокойствие немецких войск. Уверенность как рукой сняло. Стали прятаться, выезжать на окраину города, штабы располагать в одноэтажных малозаметных домиках.

Похороны убитых при бомбёжке происходили с 26 октября по 31. Могилы роют в центре города по скверам, делая видимость, что жертв мало. 31 октября я была свидетелем, когда в одну могилу уложили 3-х убитых солдат, а на кресте в надгробной надписи значилось одно имя.

По воскресным дням с 8 часов утра солдаты группами в 5–6 человек идут в церковь и молятся до 11 часов.

Из разговоров немецких солдат с населением я выяснила, что больше всего они боятся новой артиллерии, по этому поводу характерен следующий разговор: «У вас, русских, есть страшная артиллерия-машина, которая все сжигает на несколько километров, но мы скоро применим газы, завладеем этой машиной, а изобретателя истерзаем».

В городе всей жизнью руководит городское управление. Приказы, объявленные 13–15 октября 1941 года, теперь сняты, вместо них имеются приказы, гласящие:

1-й приказ: «§ 1. В ночь с 29 на 30.X. 1941 года перевести часовую стрелку на час назад, установив немецкое время.

§ 2. Закрыть все переправы из города через р. Оку. Лодки все вытащить и оттянуть на 30 метров от воды.

За невыполнение данного параграфа виновные будут привлекаться к строгой ответственности.

§ 3. Сброшенные русские листовки собирать и сдавать в

горуправу.

§ 4. По обнаружении невзорвавшихся русских бомб сообщать немедленно в горуправу, на месте обнаружения установить указку с надписью: «Опасно».

Подпись: голова горуправы Щербачев Н.».

2-й приказ: «Об учете населения. Глава семьи должен сообщить точное количество членов. За дачу неправильных сведений виновные караются по закону.

Голова горуправы Щербачев Н.»

3-й приказ: «В целях улучшения питания населения жителям предлагается организовать поход на элеватор Тихонова Пустынь, спасти зерно от горения (элеватор подожжен при отходе частей Красной Армии). 10 % от всего количества собранного зерна выдается на руки.

Голова горуправы Щербачев Н.»

4-й приказ: «За сообщение, где хранятся награбленные вещи, сообщающему будет выдана награда в размере 10 % от общего количества стоимости выявленных вещей».

Объявление: «Желающим получить 2 кг хлеба предлагаю шить и починять мешки».

В городе восстановлена при вокзале электростанция, в эксплуатацию ещё не пущена. В Зелёном Крупце[143] восстановлена водопроводная колонка. Начавший работать частично лесопильный завод после бомбёжки прекратил работу.

Хлеб не продают, базаров нет, на деньги ничего нельзя купить, редкая торговля ведётся в порядке обмена вещей на продукты. Восстановленные 2–3 магазина торговать не начали, т. е. были разбиты при бомбёжке.

Работает частная аптека. Открыт приём больных, прием производит доктор Никольский. Открыта одна частная парикмахерская, мастер — русский. Такса за бритьё бороды 5 руб. или 50 сантим.

Голова горуправы Калуга — Щербачёв Николай[144] — бывший бухгалтер Госбанка. Местные жители, старики говорят, что в прошлом он был помещиком под Калугой.

Помощник головы — Кудрявцев — бывш. начальник пожарной охраны города, рационализатор, в прошлом получал часто премии.

Горуправа находится в здании зоотехникума на углу улиц Герцена и Кирова, напротив сквера.

Для наведения порядка в городе создана наружная полиция. Полицейские стоят на перекрёстках, поверх гражданской одежды они одеты в куртки цвета хаки, на левой руке — белая повязка со свастикой.

Появление полиции в городе, вид немецких солдат, их беспощадность при налётах советской авиации сказались на настроении жителей города.

Бездушное отношение солдат к населению, грабежи изменили характер разговоров жителей. В большинстве, и особенно среди оставшихся рабочих, говорят о том, что немец скоро будет разбит. Во время налётов нашей авиации, несмотря на то, что бывают случаи отдельных жертв и среди местного населения, жители говорят, что «ещё бы их бомбили, очень досадно, если бомба попадает не в самый центр скопления машин и солдат. Жалко, что неудачно, ещё немного бы ближе».

Возвращаясь, в соответствии с Вашим заданием, в Тулу, я прошла через Кривушино — 6 км от Калуги, и была очевидцем следующего: в 3 часа дня в село въехала легковая машина, в ней было 3 офицера. Увидев на улице кур, один из сидящих вышел из машины — по национальности финн, взял палку и стал гоняться за курами. Убив одну, поднял ее. В это время к нему подошла крестьянка и сказала: «Это моя курица». В ответ на это финн избил её и пошёл дальше ловить кур. Встретив 12-летнего мальчика — сына колхозницы Киселёвой, спросил у него, где имеются гуси и куры. Получив от мальчика ответ, что он не знает, финн дал несколько пощёчин и столкнул мальчика с дороги в грязь. Собрав мешок кур и гусей, офицеры уехали.

Колхозницы, которые были свидетелями этих сцен, после их отъезда стали резко выражать своё недовольство. В это село на день бывает по 3–5 таких «визитов».

В дер. Макарово 2 ноября 1941 года немцев не было. В дер. Позняково, Грязново 2. XI.1941 года был обоз противника с обозом мотоциклистов, велосипедисты и конная разведка. Всего до 150–200 человек в каждой деревне, в дальнейшем они поехали на Русаново. Обоз в большинстве своём состоит из простых крестьянских телег. В обозе везут продукты питания для фронта. Продукты собираются по пути следования в деревнях.

С 27. 10 по 1. 11.1941 года обозы шли в направлении на Русаново, т. к. дорога была очень плохая, в подводы впрягали по 4–6 лошадей. Грузовые машины, которые шли в обозе, вытягивали из грязи 6–8 лошадей.

АСЯ»[145].

Судя по всему, Ася не раз бывала в Калуге. Некоторые места она называет так, как называл бы их только человек, хорошо знакомый с городом. Очевидно и другое: многие сведения ей переданы кем-то, с кем она имела встречу и у кого, по всей вероятности, ночевала. К примеру, информацию о пяти самолётах, находящихся на аэродроме, скорее всего, в Грабцеве

(район, прилегающий к городу), она могла получить от «приятельницы». То же относится и к информации о грузовиках, стоявших на приколе «без движения» все дни «после занятия Калуги противником». В архивах ФСБ и Минобороны других документов подобного характера и содержания не обнаружено. Из чего можно сделать вывод, что разведчики, оставленные в Калуге, не отличались активностью. Возможно, побаиваясь ведомства зондерфюрера Власова и местной полиции.

Партизан вблизи Калуги тоже не было. Правда, иногда в пригород врывались отряды, пришедшие из боровских и малоярославецких лесов, они сеяли панику среди охраны города и стремительно исчезали. Цель их рейдов до сих пор остаётся неясной.

Почему в этом очерке столько много места отведено судьбам предателей родины и их чёрным делам?

Во время войны, и особенно в период оккупации, у советских граждан было два пути. Сражаться с врагом, пришедшим с мечом на родную землю, способствовать разгрому германской армии, крушению оккупационного режима пусть даже не с оружием в руках, а хотя бы сочувствием своему солдату и неприязнью солдату чужой армии. Но некоторая часть советского общества выбрала путь активного сотрудничества с немцами. Одни в очертаниях «нового порядка» увидели возможность пробраться во власть и наконец заполучить ту долю благ, которая при советской власти для них была недоступна. Другие присягали Гитлеру из идейных принципов: хоть с чёртом, но против большевиков. Третьи почувствовали, что можно элементарно пограбить, безнаказанно присвоить то, что принадлежало государству, колхозам, заводам, кооперативам, артелям, школам, больницам, другим советским учреждениям и предприятиям. Тащили мебель из контор, койки из больниц и медпунктов, сдирали кровельное железо с сельсоветов, растаскивали парты из школ, выбрасывали из библиотек книги и портреты писателей. Всё это было.

Но был и путь сопротивления, вооружённой борьбы. Советская власть воспитала целое поколение, которое ни за что, ни за какие блага не согласилось бы на чечевичную похлёбку. Среди партизан, подпольщиков было много юношей и девушек. Учебники физики и литературы они сменили на наставления по стрелковому делу и устройству винтовки, пистолета-пулемёта, гранаты, противопехотной мины. Они были физически развиты, выносливы, морально устойчивы и способны выполнять самые сложные задания командования.

Ближайшим партизанским отрядом, который храбро дрался с оккупантами и наносил врагу ощутимые потери, был отряд «Передовой». Его создал помощник оперуполномоченного Черепетского райотдела НКВД Тульской области сержант милиции Дмитрий Тимофеевич Тетерчев. Сейчас Черепетского района нет: посёлок Черепеть входит в состав Суворовского района Тульской области. А Павловские леса, где базировался отряд сержанта Тетерчева, в основном отошли после очередного межевания к Козельскому району Калужской области. Когда началась война и фронт придвинулся к родным местам, сержанту Тетерчеву поручили формирование истребительного батальона.

Истребительные батальоны формировались повсеместно и, по признанию историков спецслужб, «стали одним из звеньев в системе обеспечения государственной безопасности. С их помощью решались задачи по борьбе с забрасываемыми противником диверсионно-террористическими группами, охране учреждений и предприятий, промышленных объектов, складов, мостов и дорог, поддержанию общественного порядка в населённых пунктах. Они участвовали в боях с десантом противника. В случае отступления наших войск они присоединялись к воинским частям или в соответствии с особыми указаниями оставались в тылу противника и нередко составляли основу для формирования партизанских отрядов».

Сержант Д. Т. Тетерчев свой батальон сформировал в кратчайшие сроки. Людей в округе он хорошо знал, понимал, кто на что способен и выбирал самых надёжных. Провёл занятия по обучению бойцов военному делу: в первую очередь изучили винтовку «трёхлинейку»-материальную часть, правила ухода. Провели стрельбы. Многим эта простая наука давалась непросто, но были и те, кто мгновенно усваивал уроки командира. Среди них был и Саша Чекалин: охотник, следопыт, пытливая душа. Старенькая винтовка, выданная Саше Чекалину из арсеналов райотдела НКВД, стала главным предметом забот юного партизана. Всегда она была вычищена, смазана и готова к бою.

Вскоре пришёл приказ: на базе истребительного батальона, из самых надёжных и способных к лесной войне на занятой противником территории сформировать партизанский отряд. Тетерчев взял в отряд в основном молодёжь и не ошибся. Комиссаром «Передового» был назначен сержант госбезопасности Павел Сергеевич Макеев, начальником штаба стал Ефим Ильич Осипенко, который до прихода немцев работал начальником милиции Сухиничского района Смоленской области, а затем с остатками истребительного батальона пришёл в Павловские леса, где встретил лесника Бессонова, который был связан с

партизанами. И вскоре Тетерчев, Макеев и Осипенко сидели в землянке на партизанской базе и планировали первую боевую операцию.

Изучая действия партизанских отрядов Подмосковья, Тульской, Орловской и Смоленской областей в лесах, которые теперь отошли к Калужской области, я заметил вот какую закономерность: самыми боеспособными были отряды и формирования, созданные и действовавшие под командованием работников НКВД. Здесь, как правило, всё основывалось на жесточайшей дисциплине и ответственности.

Основной задачей отряда был контроль коммуникаций в треугольнике дорог Козельск — Белёв — Лихвин. Из дневника командира отряда сержанта госбезопасности Д. Т. Тетерчева: «30 октября. По сообщению разведки, противник усиленно перебрасывает свои части к Туле. Фашисты натягивают полевую связь, проводят ремонт железной дороги. Мыв течение суток парализовали железнодорожную ветку Козельск — Шепелево — Мышбор. Доставленный немцами груз на Мышбор — 2 вагона спецсвязи — нами полностью сожжен. Немецкая охрана и обслуживающий персонал бежали. Мы по-хозяйски зашли на железнодорожную станцию и стали встречать поезда. Митькин, специалист-телеграфист, сказал: «Необходимо уничтожить телеграфную связь в здании, и немцам потом ремонт обойдется в несколько месяцев…» Оставшийся на станции паровоз мы взорвали…»

На железнодорожную станцию Шепелево на перегоне Козельск — Лихвин отряд «Передовой» ворвался 27 ноября 1941 года. Здесь, в пристанционных постройках, находились склады военного имущества, вдоль путей лежали штабеля леса, предназначенного для ремонта путей. Штабеля облили бензином и подожгли. Запылали и склады с армейским имуществом.

Ещё более дерзкую операцию отряд Тетерчева провёл 24 декабря. На этот раз на полустанке Мышбор. Немцы уже отступали, оживилось движение их эшелонов по железной дороге. В Лихвине, который немцы продолжали удерживать, скопилось большое количество грузов. Появилась возможность отсечь пути отхода и вывоза тылов в сторону Козельска. Ночью партизаны подобрались к железнодорожной насыпи, заложили под рельсы заряд. Взрывчатка должна была сдетонировать от противотанковой гранаты, закреплённой сверху. К чеке привязали шнур. Когда со стороны Лихвина показался первый эшелон, за конец шнура взялся начальник штаба отряда Осипенко. Состав приблизился к месту закладки взрывчатки. Рывок и — тишина… Граната не взорвалась. Вагоны один за другим проносились

мимо. Эшелон уходил в сторону Козельска.

Осипенко приказал партизанам отойти к лесу, а сам побежал к насыпи. В это время по просеке шёл второй состав. Осипенко выломал шест и со всей силы ударил им по тому месту, где лежала граната. После взрыва товарищи несли на базу своего начштаба на руках. Осипенко был ранен, контужен и обожжён, но жив. Бывший пограничник Ефим Ильич Осипенко за этот подвиг будет награждён орденом Ленина и медалью «Партизану Великой Отечественной войны» 1-й степени за № 000001. Но зрение к партизану № 1 врачи так и не смогут вернуть. Последнее, что в своей жизни видел Ефим Ильич, была вспышка заряда, заложенного под рельсы.

Взрыв и разрушение путей полностью парализовали движение составов на перегоне Лихвин — Козельск. Немцы так и не смогли восстановить железную дорогу, бросив на путях гружёные составы. В Лихвине два эшелона, гружённые техникой, автомашинами, мотоциклами, велосипедами, оружием, боеприпасами, продовольствием и медикаментами, даже не вышли с запасных путей.

Когда несли в лес раненого начальника штаба, боевая группа получила новые разведданные: вдоль железной дороги от Черепети на Козельск движется пешая колонна немцев. Партизаны перехватили их у станции Мышбор. Местный лесничий Бессонов провёл отряд лесными тропами, известными только ему. Устроили засаду. Те, кому удалось избежать партизанской пули, сдались кавалеристам генерала Белова. К тому времени дивизии 1-го гвардейского кавкорпуса, действуя на левом крыле 50-й армии и правом 10-й, уже подходили к Козельску. В авангарде корпуса шла ударная группа полковника Н. С. Осликовского[146] в составе 2-й гвардейской и 75-й кавалерийских дивизий. Всадники вначале атаковали Козельск в лоб, но были отбиты и начали охватывать город с трёх сторон. Немцы, продержавшись в городе ещё около суток, вынуждены были уступить напору дивизий полковника Оликовского. Бросая тяжёлую технику и вооружение, они начали поспешный отход.

Партизаны Тетерчева яростно атаковали немецкую колонну. Пленных было мало. Мстили за погибших товарищей, за любимца отряда комсомольца Сашу Чекалина. Отважного партизанского разведчика немцы повесили 6 ноября на городской площади в Лихвине. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Родился Александр Павлович Чекалин 25 марта 1925 года в деревне Песковатское под Лихвином. В 1941 году окончил восьмой класс Лихвинской средней школы. Увлекался радиоделом, занимался в радиотехническом кружке. Имел прекрасный слух, играл на всех струнных инструментах, какие были в школе. Участвовал в концертах. В 1939 году вступил в комсомол. Когда началась война, добровольцем пошёл в истребительный отряд, который впоследствии был переформирован в партизанский отряд «Передовой». Командир отряда Тетерчев назначил его на должность разведчика. Однако Саша участвовал почти во всех боевых операциях.

Отец Саши Павел Николаевич был страстным охотником и обучил сына стрельбе из ружья. Когда началась война, и Саша, и Павел Николаевич ушли в лес в партизанский отряд и получили винтовки. Саша хорошо знал леса вокруг Лихвина. Ещё до войны с отцом исходил все окрестные просёлки. Умел ставить капканы, выслеживать зверя и дичь. Искусно маскировался. Видимо, учитывая эти навыки, командир партизанского отряда и назначил его разведчиком.

Однажды в конце октября партизаны устроили засаду на дороге из Перемышля в Лихвин. В засаду угодила колонна грузовиков с солдатами и различными армейскими грузами. Начался бой. Партизаны забросали гранатами грузовики, открыли огонь из винтовок, автоматов и пулемётов. Немцы не успели понять, что произошло, когда были расстреляны в упор. Только один грузовик с солдатами успел проскочить между горящими машинами и рванулся по дороге в спасительное пространство, не простреливаемое партизанами. Наперехват ему бросился с противотанковой гранатой Саша Чекалин. Он догнал машину на повороте и забросил гранату в кузов, под брезентовый тент.

В Лихвине действовала подпольная комсомольская группа. Саша держал с ней связь. Подпольщики добывали важные сведения о дислокации немецких частей, их передвижении, настроении гарнизона и прибывающих к фронту солдат. Саша прекрасно владел рацией и оперативно передавал эти сведения в штаб отряда. Из отряда информация уходила через линию фронта в разведотдел 50-й армии. Некоторым сведениям не было цены. Переброска войск противника, их количество, вооружение, экипировка, настроение, наличие складов с боеприпасами и продовольствием, их точные координаты, позиции артиллерии, появление и направление движения танковых и автомобильных колонн, — всё это и многое другое фиксировалось и тут же передавалось через линию фронта. По некоторым объектам

вскоре наносились массированные удары советской авиации, производились огневые налёты дальнобойной артиллерии.

Командир отряда вспоминал: «Особая страсть была у него к оружию. Всегда норовил раздобыть лишнюю гранату, винтовку да патронов побольше».

В начале ноября, когда начались сильные холода, во время одной из операций, длительное время находясь в засаде, Саша простудился и заболел. Тетерчев, видя, что сырая холодная землянка неподходящее место для лечения простуды, разрешил ему отлежаться где-нибудь в деревне, попить кипячёного молока, погреться на печи. Нашли место — дом в Мышборе, где находилась одна из явочных квартир. Но что-то произошло: то ли явка оказалась под подозрением у местных полицаев, то ли вовсе была провалена. Саша в Мышбор не пошёл. Пошёл в своё родное Песковатское.

По одной из версий, в деревне Мышбор он должен был остановиться в доме учительницы Музалевской, где мог бы отлежаться. Но по пути узнал, что Музалевская арестована и отправлена в Лихвин. В то время дом в Песковатском был пуст, выстужен, так как печь долго не топилась. Мать с младшим сыном Витей пряталась в одной из глухих деревень. Отец был в партизанском отряде. Можно было пойти в дом к деду и бабушке — те жили неподалёку, но дом занимали немцы.

Саша затопил печь. И это сразу же заметили местные полицейские. Остаётся неясным, почему, когда стало очевидным, что жить ему ни в Мышборе, ни в Песковатском негде, он не вернулся в лес? Никто из исследователей и местных краеведов этого не поясняет. Совсем недавно были опубликованы материалы из рассекреченных архивов УФСБ по Тульской области. Среди них дело № 1804, заведённое 7 января 1942 года работниками Черепетского районного отдела УНКВД по Тульской области на местного каменщика Авдюхина Никифора Ивановича и столяра Осипова Алексея Васильевича. В деле собраны свидетельские показания жителей деревни Песковатское и города Лихвина, проливающие свет на историю ареста и казни Александра Павловича Чекалина, на то, кто его выдал немцам и как всё происходило. В деле подшиты оба постановления на арест.

Постановление на арест Авдюхина Н. И.: «Проживая в деревне Песковатское Черепетского района Тульской области на момент её временной оккупации немецкими войсками, предавал советский актив немецкому командованию, предал красного партизана Чекалина Александра Павловича, который впоследствии был повешен, разыскивал для передачи его мать

Чекалину Н. С., помогал немецкой армии продуктами питания».

Мать Саши Чекалина Надежда Самойловна, местная активистка колхозного движения, член партии, узнав об аресте сына, пришла в Лихвин. Её опознали полицейские и тут же арестовали. Однако, воспользовавшись сумятицей, возникшей во время казни, Надежда Самойловна смогла убежать и увела с собой младшего сына. Через несколько дней мать и сын вышли на позиции одной из наших частей в районе Тулы.

Из постановления на арест Осипова А. В.: «Проживал в г. Лихвине в момент его оккупации немецкими войсками. Осипов ставленниками немецкого командования был назначен гарнцевым контролёром по мельницам и гарнцевый сбор[147] сдавал немецкому командованию. Предавал коммунистов и советский актив немецкому командованию, способствовал розыску матери повешенного партизана Чекалина — Чекалиной Н. С. и также участвовал в повешении неизвестного партизана».

Каждая новая власть утверждает себя на крови и костях того народа, которым жаждет управлять. «Новый порядок» на немецких штыках пытались утвердить в советских городах и деревнях люди жестокие, для которых человеческая жизнь — прах под ногами. Затянуть петлю на шее своего односельчанина или выстрелить по приказу немецкого офицера в своего соотечественника, не пожелавшего спарывать с гимнастёрки нашивки политрука, — плёвое дело. Более того, возможность выслужиться, шанс показать свою преданность и умение услужить.

Следователи НКВД досконально исследовали историю предательства, ареста и казни Саши Чекалина. И хотя белых пятен в ней до сих пор остаётся предостаточно, протоколы допросов и опросы свидетелей проясняют многое.

Из опроса свидетельницы Матрёны Александровны Мельниковой: «Авдюхин был поставлен немецким командованием старостой деревни Песковатское. Выполнял указания немецких властей, собирал у населения продукты питания для немецкой армии. Лично отдавал приказания, чтобы я доставила немецким солдатам курицу и капусту. И я всё отдала». Когда немцы приказали выбрать старосту, жители Песковатского на своём сходе за Авдюхина не проголосовали. Выбрали другого человека. Но бывший каменщик, смекнув, что наступил его час — сейчас или уже никогда, — выпросил эту должность у немцев, поклявшись служить им верой и правдой. И клятву свою подтверждал каждый день и час. Из показаний свидетеля Николая Николаевича Бочкова: «Во время прихода немецкой армии в нашу

деревню Авдюхин был старостой и всеми своими действиями способствовал установлению немецко-фашистского режима, а также помогал продвижению немецких войск. С этой целью Авдюхин в начале декабря приказал десятникам собрать 60 кур для немецких солдат».

Из протокола допроса Н. И. Авдюхина:

«Вопрос: — Вы принимали участие в аресте Чекалина?

Ответ: — Да, я с тремя немецкими солдатами ходил к дому Чекалина для производства ареста. Немецкие солдаты посылали меня, чтобы я первым пролез в окно дома и задержал бы Чекалина. Но я, боясь, что Чекалин меня может застрелить, отказался влезть через окно в дом, а отошёл к соседнему дому, стал около угла и стоял. Немецкие солдаты произвели несколько выстрелов. Чекалин выскочил из дома, пытался бежать, но немцы его поймали».

Когда немцы начали ломиться в дом и сбили дверь, Саша Чекалин бросил в дверной проём гранату. Но она не взорвалась.

В эти же дни в Мышборе немцы и полицаи повесили другого партизанского разведчика, Николая Авилова, а в Лихвине замучили и зверски убили друзей и однокашников Саши Чекалина Митю Клевцова и Гришу Штыкова. Надопросах они встретились. Немцы проводили для них очную ставку. Ни очная ставка, ни пытки, ни обещания сохранить жизнь в обмен на информацию о месте нахождения партизанской базы не сломили волю юных патриотов. Они не назвали ни имён, ни адресов явок, ни места партизанской базы.

Сашу Чекалина вывели на площадь Лихвина 6 ноября с фанерной табличкой на груди: «Конец одного партизана». Немцы и полицаи согнали к месту казни весь город. Это была акция устрашения.

В Павловских лесах тем временем партизаны отряда «Передовой» напряжённо ожидали штурма лагеря. Все понимали, что ребята могут не выдержать пыток. Но в окрестностях стояла тишина.

Немцы решили казнить одного. Понимали, что вешать сразу троих подростков — это для маленького городка, где основное население составляли женщины, дети и старики, перебор. Предварительно, через своих людей, распустили слух, что Митю Клевцова и Гришу Штыкова отправили с партией молодёжи, собранной в районе в ходе облав, в Германию на работы. Правда, никто этому не поверил. После освобождения Лихвина и всего Черепетского района от оккупации, после ареста предателей Авдюхина, Осипова и других стала известна правда: мальчишек никуда не отправляли, их по-тихому расстреляли. Тела, тоже без

огласки, прикопали неподалёку от города. И у Клевцова, и у Штыкова были огнестрельные раны в затылок.

Очевидцы казни Саши Чекалина рассказывали, что он шёл в окружении немцев и полицаев к месту казни — старому дереву с ответвлением, через которое была перекинута верёвка, и тихо плакал. Возможно, он до конца верил, что из лесу придут его боевые товарищи, партизаны, и спасут его от смерти на виселице. Спасут и его, и товарищей-одноклассников. В газетах потом написали: пел «Интернационал», крикнул своим палачам: «Всех не перевешаете!» Газетчикам нужен был герой с харизмой этакого партизанского орлёнка…

В сущности, Саша Чекалин и был таким. Храбрым до безрассудства, дерзким, безжалостным к врагам своей Родины. Верным идеалам, в которых был воспитан, а воспитан он был в коммунистических идеалах. Был настоящим комсомольцем: такие за комсомольский билет отдавали жизнь. И победа под Москвой, и все последующие победы, в том числе и Великая, были достигнуты Красной армией и нашим народом во многом благодаря им, храбрым до безрассудства, Сашам, Гришам, Митям… Ведь Гриша Штыков и Митя Клевцов тоже умерли героями.

Газета «Правда» в те дни писала: «Никогда не забудем мы юного героя Александра Чекалина, мужественно принявшего смерть на фашистской дыбе, но не предавшего товарищей». Он шёл к виселице и тихо плакал…

Звание Героя Советского Союза Александру Павловичу Чекалину было присвоено посмертно 4 февраля 1942 года. В 1944-м город Лихвин переименован в Чекалин, а в 1958 году в городе установлен памятник Саше Чекалину.

Лихвин был освобождён частями 413-й стрелковой дивизии генерал-майора А. Д. Терешкова[148] 27 декабря 1941 года в ходе Тульской наступательной операции. В этот день тело Саши Чекалина было наконец-то снято с верёвки — немцы и полицаи не разрешали местным жителям подходить к виселице — и похоронено здесь же, на площади.

Отец Саши Чекалина Павел Николаевич, вернувшись из леса, поселился в Песковатском, рядом с музеем имени сына. После войны работал на колхозной пасеке. Умер в 1987 году. Односельчане рассказывают, что каждый год в день гибели Саши он всегда приходил на его могилу, выпивал за упокой, подолгу сидел в одиночестве рядом с надгробной пирамидкой. До самой смерти он считал себя повинным в гибели старшего сына. Командир партизанского отряда знал, что происходит в Лихвине, что Саша арестован и что немцы и полицаи готовят

показательную казнь. Он приказал ничего не говорить Павлу Николаевичу, потому что понимал: отцовское сердце не выдержит и Чекалин-старший пойдёт в город, а это — гибель отряду.

Младший брат Саши Витя Чекалин был зачислен сыном полка в 3-й стрелковый батальон 740-го стрелкового полка 217-й стрелковой дивизии. Воевал в разведке, затем окончил ускоренные бронетанковые курсы и стал командиром танка Т-34. Сражался храбро и умело, добросовестно выполняя приказы командования. В каждом бою, в каждой схватке мстил за старшего брата. В апреле 1945 года отважный командир «тридцатьчетвёрки» гвардии младший лейтенант В. П. Чекалин был представлен командиром 1-го танкового батальона 49-й гвардейской танковой бригады к званию Героя Советского Союза. Награду снизили до ордена Отечественной войны 1-й степени: во время войны этот орден среди фронтовиков ценился очень высоко. После Победы Виктор Павлович продолжил службу в войсках и в отставку вышел полковником.

Предатели, погубившие Сашу Чекалина и его товарищей, Авдюхин и Осипов, были приговорены к смертной казни и расстреляны по приговору суда в апреле 1942 года. Тела их зарыли на месте расстрела на окраине Лихвина на три метра в глубину.

Удивительное дело! Когда о подвиге юного героя-комсомольца узнали в Северном Вьетнаме — интервью матери Надежды Самойловны в 1957 году опубликовала северовьетнамская газета, — среди партизан этой борющейся за свою независимость маленькой страны началось массовое движение: юноши шли в партизанские формирования и стремились быть похожими на Сашу Чекалина.

Город Чекалин помнит своего храброго защитника. В Песковатском существует музей юного героя. Школьники изучают жизнь и подвиг Саши Чекалина. Люди приносят цветы на его могилу.

Жизнь, оборванная в 16 лет! Для него на земле всё только-только начиналось.

Он шёл и тихо плакал…

КТО ОСТАНОВИЛ ГУДЕРИАНА

Михаил Петрович Петров,

генерал-майор, командующий 50-й армией;

Аркадий Николаевич Ермаков,

генерал-майор, командующий 50-й армией;

Николай Емельянович Аргунов,

полковник, начальник штаба 50-й армии;

Михаил Александрович Силзов,

полковник, командир 258-й стрелковой дивизии;

Саманд Алиевич Сиабандов,

подполковник, начальник политотдела 217-й стрелковой дивизии;

Иван Яковлевич Кравченко,

майор, командир 956-го стрелкового полка

299-й стрелковой дивизии;

Анатолий Петрович Горшков,

капитан, командир Тульского рабочего,

впоследствии 766-го стрелкового полка

217-й стрелковой дивизии;

Григорий Матвеевич Волнянский,

лейтенант, командир огневого взвода

732-го зенитно-артиллерийского полка ПВО.

Странная история: о генерал-полковнике Гейнце Гудериане мы знаем достаточно много — он стремительным манёвром осенью 1941 года решил судьбу Киева, а потом ринулся на Москву; перед походом на Восток он прекрасно зарекомендовал себя во время боевых действий в Польше и Франции; и там, и здесь его удары были сокрушительны для любого противника. И военные историки, и различного толка комментаторы, а вслед за ними читатели и в особенности телезрители прочно усвоили «истину» — Гудериан лучший танковый командир Второй мировой войны, гений танковых атак, за что справедливо получил свои прозвища «быстрый Гейнц», «Гейнц-ураган» и другие. Эти прозвища сияли не бледнее Рыцарского креста с дубовыми листьями, мечами с бриллиантами, которого Гудериан не имел, отбрасывая на их носителя заслуженный отблеск доблести и славы. Возможно, до России, а вернее, до Мценска так оно и было. Блеск наград и солдатской молвы не тускнел. Под Мценском осенью 1941 года Гудериана основательно потрепал более молодой и энергичный танковый командир, в то время ещё полковник, Михаил Ефимович Катуков. Затем на пути встала Тула, и её «быстрый Гейнц» преодолеть и вовсе не смог, за что был отстранён от командования 2-й танковой армией.

Если внимательно посмотреть на фотографии 41-го года Гудериана и, к примеру, его противника по осенним боям Катукова, то в глаза бросается следующее: Михаил Ефимович скромен, строг, внешне похож на пехотного командира не выше капитана; Гейнц самодоволен, улыбчив, во всём его облике чувствуется удовлетворение и собой самим как командующим, и своими экипажами, и мощью немецких танков. Но ещё скромнее Катукова на фоне истории осенних и зимних боёв 1941 года выглядят генералы, офицеры и солдаты 50-й армии, о которых пойдёт речь в этом очерке.

Мы, потомки тех, кто лежал в окопах и стоял за панорамами орудийных прицелов перед танками «Гейнца-урагана», признавая

несомненные достоинства врага, должны наконец задуматься и о своих героях. Кто же остановил Гудерина под Тулой? Не сам же он остановился и не в грязи захряс под Ясной Поляной и Косой Горой. 2-ю танковую армию генерал-полковника Гейнца Гудериана (три моторизованных и два армейских корпуса) остановила под Тулой 50-я армия, а также тульские ополченцы, которые решили умереть на окраинах своего города, но не отдать его врагу.

Первый состав 50-й армии был рассеян и частично уничтожен в октябре, во время «Тайфуна» и поворота 2-й танковой группы на юг, к Киеву. Тогда же погиб и её командующий генерал-майор М. П. Петров. Но — удивительное дело! — армия возродилась буквально за несколько дней. Дивизии вышли из окружения разбитыми вдребезги. Из отделения вышел только один, из взвода — трое, из роты — едва отделение… И они, эти жалкие остатки, цепляясь за промежуточные позиции на Рессете, Неручи, Оке и Зуше, пополняясь маршевыми ротами, подходившими из тыловых районов и за счёт окруженцев, от боя к бою, от стычки к стычке, истощали силы врага, изматывали его и в конце концов остановили.

На Тулу Гудериан бросил своего верного и удачливого командира 5-й танковой бригады полковника Генриха Эбербаха, подчинив ему ударную группировку. Она буквально влетела в пригород Тулы по Орловскому шоссе и тут же была расстреляна зенитными расчётами 732-го зенитно-артиллерийского полка. 50-я армия отбросила дивизии и корпуса 2-й танковой армии от Оки, а затем стремительным рейдом, в тот период беспримерным по дерзости, захватила Калугу и ринулась далее на запад к Юхнову и Мосальску.

1

На девятый день после прорыва оборонительных линий Красной армии на Десне восточнее Рославля немецкие танки стояли уже на подступах к Калуге и производили частичную перегруппировку, готовясь к атаке на город. Шла операция «Тайфун», решающий бросок на Москву.

Осень 1941 года выдалась на редкость тёплой и погожей. Командующий войсками группы армий «Центр» генерал-фельдмаршал Фёдор фон Бок гнал свои дивизии вперёд. До наступления холодов нужно было успеть завершить окружение советской столицы, сомкнуть северный и южный потоки наступающих группировок восточнее Москвы и придушить в этом гигантском «котле» остатки Красной армии. «Котлы» под Брянском, Рославлем и Вязьмой принесли колоссальные победы. Но фон Бок прекрасно понимал, что эти победы имеют характер промежуточных результатов. Цель — Москва — по-прежнему оставалась недостигнутой. График наступления срывался. Заминка под Вязьмой, Рославлем и Брянском, связанная с ликвидацией «котлов» и подсчётом трофеев, могла стоить слишком дорого. Но тогда, в начале октября, всё казалось поправимым.

Немецкие танкисты, стоя на башнях своих приземистых PzKw IV, разглядывали в бинокли восточный горизонт. Колонна остановилась неподалёку от железнодорожной станции Товарково. Впереди слышалась канонада. Кажется, происходило что-то серьёзное. Тяжёлые снаряды иногда пролетали над головами танкистов и рвались в тылу. Это была неприцельная стрельба: или с авангардом, ушедшим вперёд, уже покончено, и Иваны переносят огонь в глубину, нащупывая их колонну, или там идёт бесперспективный бой. Из головы колонны передали команду рассредоточиться, и спустя несколько минут на дороге легли первые снаряды. Значит, произошло первое. Так встретили немцев на подступах к Калуге.

Калуга и окрестности составляли левое крыло Можайской линии обороны. Калужский участок к моменту прорыва немцев под Рославлем оказался самым малопригодным к ведению боевых действий. Достроить его попросту не успели. Калужан эшелонами гоняли под Ельню и к Рославлю копать противотанковые рвы, но о строительстве подобного в окрестностях города, похоже, власти и не помышляли. Все были уверены, что враг сюда не пройдёт, будет остановлен на Десне и Днепре в сотнях километрах от Оки.

Достаточного количества войск в Калуге тоже не оказалось. 5-я гвардейская дивизия полковника Миронова[149], части 194-й стрелковой дивизии, случайно оказавшиеся в районе Калуги на пути от Вязьмы в район Брянска, а также отдельные отряды войск НКВД приняли бой на ключевом рубеже возле деревни Плетенёвки и затем несколько суток сдерживали движение двух немецких армейских корпусов. Обе дивизии к тому времени будут подчинены полевому управлению 49-й армии генерала И. Г. Захаркина. И это спасёт положение.

Калуга была взята штурмом в ночь с 13 на 14 октября 1941 года. В город вошла дивизия XIII армейского корпуса.

В эту ночь левее Калуги на юго-западе 50-я армия генерала М. П. Петрова вела переправу через реку Рессету. Уже несколько суток она дралась с перевёрнутыми флангами, пытаясь вырваться из окружения. Судьба ближайших дней и месяцев сложится так, что эти две армии, 50-я и 49-я, будут стоять бок о бок от Высокиничей до Тулы и сдерживать натиск правого крыла и центра немецких войск, рвущихся к Москве. Вперёд, в ходе декабрьского наступления, они пойдут тоже рядом, часто помогая одна другой. Фланговые дивизии, прикрывающие стык, будут передаваться то 49-й, то 50-й армии в зависимости от обстоятельств и оперативных задач.

А тогда, в октябре, после катастрофы под Вязьмой, Рославлем и Брянском, никакого фронта и локтевого взаимодействия ещё не было. Войска с колоссальными потерями в живой силе и вооружении выходили из окружения. Фронты были разорваны, управление армиями потеряно, да и сами армии фактически прекратили своё существование. Чудом уцелевшие полевые управления создавали заново, на новых рубежах, из остатков растрёпанных дивизий и частей. 50-я армия генерала Петрова входила в состав Брянского фронта и занимала рубеж обороны на правом фланге, примыкающем к левофланговой 43-й армии Резервного фронта. Позиции её проходили по линии Фроловка, Рековичи, Столбы, Красная Слобода, Слобода Попсуева по восточному берегу реки Десны к северу от Брянска в сторону Рославля. Протяжённость фронта — 46 километров. Состав армии: 217, 258, 260, 269, 278, 280, 290, 299-я стрелковые, 55-я кавалерийская дивизии, артполки и инженерные части.

Как известно, «Тайфун» на участке Брянского фронта ударил раньше основного срока — 30 сентября. Командующий 2-й танковой группой генерал Гудериан спешил воспользоваться хорошей погодой, ведь впереди его ждало бездорожье. Удар он наносил на юг, в сторону Киева. Не задействованные в основной операции, которая начиналась только через двое суток, силы 2-го

воздушного флота работали на него.

Первый удар танкового клина Гудериана приняла на себя 13-я армия генерал-майора А. М. Городнянского[150]. Немцы атаковали в районе Шостки и Ямполя и сразу же глубоко вклинились в порядки 13-й. На главном направлении глубина вклинения составила 30 километров — это уже было похоже на прорыв на всю глубину обороны. Начался марш Гудериана на юг. Он будет удачным для немцев, но, как говорят некоторые историки, именно отвлечение в район Киева мощнейшей танковой группировки вскоре станет одной из причин неудачи под Москвой.

Стоявшая на Десне 50-я армия прикрывала Киров, Жиздру, Мценск и ждала своей участи. Противник на участке её обороны пока молчал.

Второго октября, когда стало ясно, что Брянский фронт прорван, Сталин позвонил командующему войсками фронта генерал-полковнику А. И. Ерёменко.

— Необходимо уничтожить противника, перешедшего в наступление, — сказал Верховный, выслушав доклад Ерёменко.

— Есть. Будет уничтожен, — заверил комфронта Сталина.

Но катастрофа была уже предрешена.

События развивались так. Днём раньше, 1 числа октября, моторизованные и пехотные дивизии 4-й полевой армии и 4-й танковой группы нанесли сильнейший удар из районов Рославля и Глухова в стык Резервного и Брянского фронтов. Стык прикрывали 43-я армия Резервного и 50-я армия Брянского фронтов. Противник сконцентрировал здесь основные ударные силы, добившись многократного превосходства в живой силе, танках, орудиях и самолётах.

Немцы прорвали фронт в районе Варшавского шоссе и устремились вперёд. Одновременно часть сил повернула вдоль железной дороги Рославль — Киров. Здесь наступающие колонны встретила 217-я стрелковая дивизия 50-й армии. Завязались тяжёлые бои, в ходе которых сразу стало очевидным, что противостоять кратно превосходящему противнику невозможно. Одна из кровопролитных схваток дивизии с наступающими частями противника произошла под селом Бутчином (ныне Куйбышевского района Калужской области) при попытке прикрыть город Людиново.

Дивизией командовал полковник М. А. Грачёв. Он отдал приказ на отход, прикрываясь усиленными арьергардами. Дивизия с боями отходила на восток. Казалось, всё для неё повторялось. В августе 1941 года дивизия попала в окружение в составе 28-й армии генерала В. Я. Качалова. Трагедия произошла

недалеко, северо-западнее, в районе Рославля. Во время выхода из окружения командарм погиб. Вскоре вышел приказ № 270, подписанный Сталиным. В приказе Верховного генерал Качалов был объявлен предателем и заочно осуждён. Только в 1953 году, когда стали известны все обстоятельства героической гибели командарма, Верховный суд СССР отменил приказ № 270.

Дивизию выводили опытные и храбрые командиры. К примеру, 766-м стрелковым полком командовал Герой Советского Союза подполковник И. Я. Кравченко. Звание Героя он получил ещё в 1940 году во время боёв в Зимней войне на линии Маннергейма.

Забегая немного вперёд, скажу, что 217-я с незначительными потерями выйдет из окружения и будет успешно драться под Тулой. Выведет её начальник политотдела Сиабандов. Но полковник Грачёв во время боёв в районе Волхова попадёт в немецкий плен. В 1945 году он будет освобождён из плена, но тут же, уже от своих, получит «десятку» без права переписки «за сотрудничество» с немцами в период пребывания в плену. Что это было за сотрудничество, неизвестно. В 1956 году бывшего полковника реабилитируют. После лагерей Михаил Алексеевич проживёт недолго, умрёт в 1963 году.

А 217-я стрелковая дивизия пройдёт долгой и славной дорогой боёв и побед. Получит звание Унечской Краснознамённой орденов Ленина и Суворова. Войну завершит в Восточной Пруссии. Командовать её полками и батальонами будут уже другие офицеры.

Подполковник Саманд Алиевич Сиабандов пройдёт с дивизией до Победы. Отважный курд тогда, в октябре 41-го, за вывод дивизии из окружения будет награждён солдатской медалью «За отвагу». Впоследствии к его наградам прибавятся два ордена Красного Знамени, три ордена Отечественной войны, два из них 1-й степени. В 1944 году при форсировании реки Нарев возглавит ударную группу дивизии, вновь отличится и будет представлен к званию Героя Советского Союза.

2

Саманд Алиевич Сиабандов родился в 1909 году в крестьянской семье в селе Асанджан Карсской области Российской империи. Теперь эти земли принадлежат Турции. Окончил Ленинградский институт советского востоковедения. В 1931 году вступил в ВКП(б). Работал первым секретарём Алагезского райкома партии Армении. Война застала его

слушателем Ленинских курсов при ЦК ВКП(б). Сиабандов, как и многие курсанты, тут же подал заявление отправить его на фронт в действующую армию. И вскоре его желание сбылось: 28 июня 1941 года он уже надел армейскую гимнастёрку.

Бои на реке Десне в районе Жуковки под Брянском, оборона Тулы, участие в контрнаступлении и освобождение Щёкина, Ясной Поляны, затем Юхнова, позиционное стояние на реке Жиздре, новое наступление (1943 год) и освобождение Брянска, Почепа, Унечи, Гомеля, форсирование рек Десна, Сож, Днепр; грандиозная Белорусская наступательная операция в составе 1-го Белорусского фронта под командованием К. К. Рокоссовского (1944 год), освобождение городов Бобруйск, Осиповичи, Брановичи и путь дальше на Запад. Был инструктором политотдела стрелковой дивизии, военкомом стрелкового полка, заместителем командира полка по политчасти, начальником политотдела дивизии. Воевал на Западном, Брянском, Белорусском, 1, 2, 3-м Белорусских фронтах. Дважды ранен.

Вот несколько боевых эпизодов его фронтовой биографии.

Дивизия уже дралась в Польше. Подполковник Сиабандов 7 сентября 1944 года в боях за плацдарм на левом берегу Нарева в районе деревни Дзбондз южнее Ружан возглавил боевую группу и руководил отражением контратак противника. В боевую группу входили 766-й стрелковый полк, батальон соседнего 755-го полка, самоходно-артиллерийский полк и несколько рот отдельного танкового полка. Сила немалая. Но и противник взялся за плацдарм, неожиданно и нагло выросший у них под носом, основательно. Атаковал танками, самоходками класса истребителей танков и пехотой на бронетранспортёрах. Подполковник Сиабандов мгновенно оценил создавшуюся обстановку и, имея приказ удержать плацдарм любой ценой, произвёл перегруппировку сил и атаковал противника, когда его танки и бронетехника с артиллерией ещё находились в колонне при подходе к Дзбондзу. Произошёл ожесточённый встречный бой, в нём боевая группа Сиабандова уничтожила до батальона немецкой пехоты, два танка, захватила большое количество трофеев. Сиабандов лично участвовал в бою и огнём из автомата уничтожил 15 немецких солдат. Противник отошёл на исходные. После этого боя немцы ещё трижды пытались атаковать плацдарм, но боевая группа Сиабандова уже прочно закрепилась на своих позициях и отбила их с большими потерями для атакующих.

Шёл 1945 год. Победный. Последний год войны. Наши войска проводили Восточно-Прусскую наступательную операцию. 217-я стрелковая дивизия ворвалась в город Алленштайн и зачищала от

противника квартал за кварталом. После войны город отошёл к Польше, называется теперь Олыптын. В братских могилах на воинских кладбищах Ольштына и его окрестностей лежат бойцы, командиры и политработники, боевые товарищи подполковника Сиабандова. Часть польского общества называет погибших оккупантами и враждебно смотрит на солдатские могилы. Польша забывает, кто подарил ей прусские земли. А тогда, в марте 45-го, полки 217-й стрелковой дивизии, очистив от немцев Алленштайн, совсем не думая о том, кому он будет принадлежать после войны и как местные жители будут относиться к их могилам, с ходу форсировали реку Пассарге и заняли её восточный берег. 19 марта 1945 года дивизия во взаимодействии с другими частями овладела городом Браунсберг — крупный опорным пунктом обороны немцев на побережье залива Вришес-Хафф. Начались упорные бои, в ходе которых наша группировка сбросила противника в залив.

Здесь, на побережье Балтийского моря, подполковник Сиабандов встретил Победу.

После окончания войны вышел в запас. Началась партийная работа. В феврале 1946 года избран депутатом Верховного Совета СССР. В мае 1946 года снова приступил к исполнению обязанностей первого секретаря Алагезского райкома партии. В 1950 году окончил Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б), работал в аппарате ЦК КП Армении. С февраля 1952 года заместитель министра, начальник управления кадров Министерства сельского хозяйства Армянской ССР. В 1965 году заочно окончил Ереванский сельскохозяйственный институт. Вторично избран депутатом Верховного совета СССР (4-го созыва), затем депутатом Верховного совета Армянской СССР. Был членом ревизионной комиссии КП Армении.

Награждён Золотой Звездой Героя Советского Союза, орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны 1-й степени, орденом Отечественной войны 2-й степени, орденом Красной Звезды, двумя орденами «Знак Почёта», медалью «За отвагу». Солдатскую медаль «За отвагу», полученную в январе 1942 года по итогам боёв за Тулу, С. А. Сиабандов считал самой дорогой наградой.

В дни тульской обороны и последующего наступления 217-я стрелковая дивизия уничтожила до 80 танков противника, много другого вооружения и военной техники. 8 декабря согласно приказу Ставки Верховного главнокомандования вместе с другими частями и соединениями 50-й армии перешла к решительным активным действиям и к 16 декабря 1941 года разгромила оборону 296-й пехотной дивизии противника, полка

«Великая Германия», нанесла значительный урон 3-й танковой дивизии 2-й танковой армии группы армий «Центр». К 17 декабря от противника были очищены населённые пункты Ивановские дачи, Пирово, Косая Гора, Ясная Поляна, Щёкино, захвачены богатые трофеи. В ходе начавшегося преследования врага дивизия постоянно продвигалась вперёд в авангарде наступающих войск. 24 декабря 1941 года в результате ночной атаки овладела городом Перемышль на Оке. Потом долго стояла под Юхновом на Варшавском шоссе и весной штурмом овладела этим сильным опорным пунктом, которым немцы запирали важнейшую магистраль по оси восток-запад.

В августе 1942 года дивизия в составе войск 16-й армии вела активные действия против немецкой группировки (134-я пехотная и 17-я танковая дивизии) в районе Колодези, Гретня и участвовала в срыве немецкого наступления на Юхнов и Калугу. В этих боях дивизия понесла большие потери, но и противник был отброшен на южный берег реки Жиздры. Потери немцев составили до 3500 солдат и офицеров и до 30 единиц танков и бронетехники.

Человек неукротимой энергии, С. А. Сиабандов всегда стремился быть впереди, в рядах атакующих войск. Во время Московского контрнаступления, когда дивизия действовала в районе Юхнова, он лично руководил действиями авангарда во время переправы через реку Угру и последующих боёв по удержанию захваченного плацдарма.

Всю жизнь С. А. Сиабандов занимался литературным творчеством. Написал две поэмы на курдском языке: «Сиабанд и Хадже» (959) и «Счастливая жизнь» (1966). Но, пожалуй, самым значительным его произведением стал армяно-курдский словарь, работу над которым С. А. Сиабандов завершил в 1957 году, а в 1959-м словарь был напечатан.

Жил *с* семьёй в Ереване. Умер 14 ноября 1998 года. Похоронен в Ереване на Тохмахском кладбище.

3

Вернёмся к событиям, предшествовавшим тульской обороне. 4 октября генерал Петров доложил в штаб фронта: 217-я стрелковая дивизия к исходу дня отходит в район Ольшаницы, Волынский переезд, высота 96,7 — южнее Людинова в 20 километрах.

Здесь, в районе Людинова, к ней присоединились остатки 290-й стрелковой дивизии и 643-й корпусной артполк. Полки и

батальоны заняли оборону. Вскоре появился противник и тут же атаковал. Но и первая, и вторая, и последующие попытки немцев прорвать оборону дивизий были пресечены. Отлично работали артиллеристы. Двое суток сдерживали наши бойцы противника на этом участке. Но вскоре стала очевидной опасность обхода с флангов. И снова начался марш на восток. Людиново пришлось оставить.

Рабочий городок Людиново (ныне центр одноимённого района Калужской области) в историю Великой Отечественной войны вошёл подвигом своих подпольщиков и партизан. Здесь действовала группа комсомольцев под руководством Алексея Шумавцова. Вместе с ними работал местный священник отец Викторин (Зарецкий). Алексею Шумавцову к моменту прихода в Людиново немцев только-только исполнилось 16 лет. Несмотря на юный возраст, он смог так организовать и вести работу подпольной группы, что ни немецкие власти во главе с комендантом города майором Бенкендорфом, ни местная полиция долгое время не могли понять, почему взрываются важнейшие объекты, каким образом и через кого из города уходит в лес информация о расположении немецких частей, их численности, вооружении. Партизаны переправляли ценные сведения дальше. Итогом этой работы были налёты советской авиации на склады боеприпасов в прифронтовой полосе, на хранилища горючего в ближайшем тылу немецкой группировки, которая держала фронт в районе Людинова. Причём бомбовые удары были настолько точными и сокрушительными, что немцы вскоре поняли природу их происхождения. Кроме того, группа «Орла» (агентурная кличка Алексея Шумавцова) провела серию диверсий: взорвала мост, уничтожила электростанцию, склад горючего, подорвала и вывела из строя десятки грузовых машин, принадлежавших германской армии. Когда Красная армия в ходе Московской наступательной операции приблизилась к Людинову, а это произошло в январе 1942 года, «Орёл» получил задание разведать систему обороны фашистов северо-западнее города. Данные были собраны в самые короткие сроки и переданы в лес.

Подпольщики были арестованы в октябре 42-го. Их выдал полиции мастер локомобильного завода. Начались допросы, пытки, а 10 ноября 1942 года Алексей Шумавцов и его товарищи были казнены на окраине города. В середине 50-х годов в Москве на одном из железнодорожных вокзалов был арестован бывший старший следователь полиции города Людинова и командир полицейской роты, сотрудник русской тайной полиции, действовавшей на оккупированной территории под контролем вермахта, Дмитрий Иванов. Следователям КГБ именно от

бывшего полицейского стало известно и об Алексее Шумавцове и его товарищах, и о том, как твёрдо они держались на допросах, не выдав никого, и о той работе, которая была проведена группой «Орла» за год оккупации Людинова. В 1957 году Алексею Шумавцову и его товарищам были присвоены звания Героев Советского Союза. Священник Свято-Лазаревского храма Людинова отец Викторин (агентурная кличка «Ясный») в 2007 году Указом Президента РФ по ходатайству прихожан и краеведов Калужской области награждён медалью «За отвагу». После провала группы комсомольцев-подпольщиков и казни «Орла» «Ясный» остался вне подозрения немцев и полиции и смог работать в одиночку до конца оккупации Людинова, обеспечивая бывшего начальника Людиновского райотдела НКВД, а в тот период командира партизанского отряда Василия Золотухина самыми свежими разведданными.

Но вернёмся в 50-ю армию, в начало октября 41-го, в полные трагедии дни и ночи прорыва немецких дивизий на восток и крушения фронтов, прикрывавших Москву. 6 октября генерал Петров доложил начальнику Генштаба о том, что противник в 15.30 захватил Брянск, что немецкие танки вошли в город с востока, что в Людинове тоже танки противника и что после короткой паузы танковая колонна вышла в направлении Жиздры, что связи со штабом фронта нет, и запросил «указаний, что делать, удерживать ли занимаемый рубеж».

Дело в том, что в эти дни штаб 50-й армии потерял связь со штабом фронта. Вернее и исторически точнее: штаб Брянского фронта, расположенный в районе Свень, 6 октября приблизительно в 14.30 атакованный немецкими танками, под огнём танковых пулемётов вынужден был эвакуироваться в район Белёва. Как комментирует этот эпизод военный историк Лев Лопуховский: «Управление войсками фронта было полностью парализовано, что самым серьёзным образом осложнило их положение. С этого момента о судьбе командующего фронтом несколько дней ничего не было известно»[151].

Теперь о пропаже комфронта известно всё: генерал-полковник А. И. Ерёменко в эти дни командовал войсками одной из дивизий 3-й армии, лично отражая атаки противника, который тем временем целенаправленно осуществлял охват армий Брянского фронта и формировал «котёл». В личной храбрости генералу Ерёменко отказать нельзя, но вот командование войсками фронта он в эти дни явно упустил. И противник этим воспользовался. Правда, в штабе группы армий «Центр» несколько недооценили упорство армий, противостоящих 2-й полевой армии и танковым частям Гудериана. В ответ на обеспокоенность

командующего 2-й танковой армией угрозой его левому флангу из штаба фон Бока ему ответили: «Окружение противника перед левым флангом 2-й армии не имеет столь решающее значение, как продвижение 2-й танковой армии на северо-восток. Если намеченный удар танковой армии и правым флангом 4-й армии будет успешным, то противник перед фронтом 2-й армии не избежит уничтожения…»[152]

Танки Гудериана в те дни летели как на крыльях, в сутки покрывая расстояние в 50–60 километров.

На запрос генерала Петрова, обратившегося в Генштаб напрямую, маршал Советского Союза Шапошников отдал распоряжение принять все меры к розыску комфронта. И далее: «При отсутствии Ерёменко Вам вступить во временное командование фронтом. Срочно выделить резерв для удара на восток в направлении на Орёл. Под хорошим прикрытием организуйте отвод армий фронта на рубеж Орла, Курска. Не допускайте окружения и паники. Директива передаётся»[153].

Генерала Ерёменко в те дни разыскивали всеми возможными средствами. Но поскольку так и не нашли, 7 октября Ставка приняла решение: возложить временно командование войсками фронта на командарма-50 генерал-майора М. П. Петрова, «подтвердив всем трём армиям фронта их задачу пробиваться на восток за линию ст. Ворошилово, Поныри, Льгов… Прорыв на восток организовать так, чтобы ни одна дивизия не была окружена или отрезана противником, а матчасть артиллерии и пулемётов должна быть сохранена. Срочно донесите, какую имеете связь с 3-й и 13-й армиями. Донесите коротко намётку плана действий»[154].

Основные положения директивы были следующими:

«1. Ставка Верховного Главнокомандования приказывает Вам:

а) энергично решить основную задачу фронта — разбив орловскую группировку противника, выйти на фронт Мценск (иск.), ст. Ворошилово, Поныри, Фатеж, Льгов, прикрывая направление на Тамбов и Воронеж;

б) Принять все меры к сохранению всех стрелковых и кавалерийских дивизий и материальной части, чтобы ни одна дивизия не была окружена или отрезана противником»[155].

Поздно уже было догонять «подлеца Гудериана» и расходовать на эти нереальные марши и невозможные сражения силы и средства, которых у армий уже не оставалось. Однако дальнейшие события показали, что те дивизии, которые потратили остаток своих сил на прорыв из окружения и выход на новые тыловые позиции, смогли сохранить не только свои наименования и знамёна, но и основу, костяк командного

состава, бойцов, а некоторые вытащили из болот и пойм Десны и Рессеты материальную часть — артиллерию, транспорт и др. Генерал Петров начал вывод войск фронта из окружения.

Генерал же Ерёменко впоследствии, когда коман-дарм-50 будет считаться пропавшим без вести, напишет: «Итак, 7 октября рано утром я отдал предварительные распоряжения, переговорив лично с командующими 13-й и 3-й армиями, а в 14.00 этого же дня отдал общий приказ о повороте фронта на 180 градусов». Всё же не хватило наглости написать, что переговорил, мол, лично и с командующим 50-й армией. Генерал Ерёменко, как выяснилось потом, тем временем находился в штабе 3-й армии генерала Я. Г. Крейзера[156] и оттуда командовал фронтом. Правда, за эти дни ни одного приказа и распоряжения от командующего Брянским фронтом штаб 50-й армии не получил…

Тем временем 50-я армия попала в самую жестокую мясорубку. 3-я, 13-я и группа генерала А. Н. Ермакова, несмотря на то что ещё 30 сентября угодили под таран танкового клина Гудериана, растрёпанные и постоянно отступающие от рубежа к рубежу, всё же держались вместе и из окружения выходили по кратчайшему маршруту, выбирая те направления, где было легче прорваться. 50-я, упорно стоя на своих рубежах, была окружена, дралась в полной изоляции, а потом вынуждена была прорываться на восток, чтобы не сгинуть под пулями и гусеницами немецких танков и в лагерях военнопленных. Прорывалась она по маршруту, указанному из Москвы, из Генштаба. Ох уж этот Генштаб![157]

Гудериан повернул свою 18-ю танковую дивизию на северо-запад, к Хвастовичам и Кцыни, и 9 октября соединился с пехотными частями 2-й полевой армии генерал-полковника барона Максимилиана фон Вейхса. Брянский фронт оказался расчленённым на южный и северный «котлы». В южном (район Трубчевска, Навли и Сузёмок) сидели армии генералов Я. Г. Крейзера и А. М. Городнянского. В северном (Брянск, Дятьково) немцы начали сдавливать 50-ю. Группа генерала А. Н. Ермакова действовала в отрыве от основных сил фронта, в районе Рыльск, Льгов.

В штабе группы амий «Центр» довольно спокойно реагировали на попытки окружённых вырваться из запечатанных «котлов». В своём дневнике генерал-фельдмаршал фон Бок 9 октября сделал следующую запись:

«Издан специальный бюллетень, где говорится о втором «котле» под Брянском. Я позвонил Гальдеру и сказал, что намеренно никогда не упоминал об этом «котле», так как его восточный фронт весьма шаток, и Гудериану с его слабыми,

сравнительно, силами вряд ли удастся его надежно запечатать. Как только я повесил трубку, пришел рапорт о том, что там имели место две попытки прорыва, к счастью, вовремя пресеченные. Гудериан подтягивает в этом направлении свои силы, чтобы ликвидировать возможность крупного прорыва. Атакой с западного направления захвачен Трубчевск.

В ночь с 9 на 10 октября в 03.00 пришел прямой приказ фюрера в кратчайшие сроки направить в распоряжение Гудериана 19-ю танковую дивизию и пехотный полк «Великая Германия», чтобы не позволить окруженному на юге от Брянска противнику совершить прорыв в восточном направлении! Я доложил, что 19-я танковая дивизия в настоящее время находится на юго-западе от Юхнова и что ее отвод с занимаемых позиций поставит под угрозу снабжение 4-й армии и частей люфтваффе, каковое осуществляется по дороге, контролируемой 19-й танковой дивизией. Более того, в соответствии с информацией, полученной от 2-й армии, Брянскую дорогу нельзя использовать по назначению ранее 10 октября по причине многочисленных повреждений. По исправным секциям дороги движутся колонны машин с горючим для 2-й танковой армии (2-я ТГ). Доставка горючего прежним окружным путем с юга не может осуществляться по причине ужасного состояния грунтовых дорог. В этой связи я затребовал разъяснения, каковое действие считать приоритетным — доставку горючего или передислокацию полка «Великая Германия». Из полученного ответа я себе уяснил, что Гудериан без 19-й дивизии может и обойтись и что доставка горючего, конечно же, имеет первый приоритет; однако передислокация полка «Великая Германия» в расположение 2-й танковой армии должна быть осуществлена по Брянской дороге в максимально сжатые сроки, как только состояние дороги это позволит.

Желая побыстрей прояснить обстановку под Брянском, я приказал танковой армии Гудериана разделаться с противником, окруженным на юге от города. С войсками, окруженными на севере от Брянска, предстоит иметь дело 2-й армии. При этом танковая армия должна следить за тем, чтобы противник из северного сектора окружения не прорвался в восточном направлении». В конце дня фон Бок записал: «Гудериану предложено иметь в виду, что после выхода к Туле его танковую группу могут повернуть более резко, нежели планировалось ранее, на восток в общем направлении на Рязань»[158].

Итак, ликвидацию северного «котла», где пехотные дивизии Вейхса и танки Гудериана продолжали сжимать 50-ю армию, в немецких штабах считали делом ближайших дней и поговаривали

уже о Рязани. Но уже на следующий день, 10 октября 1941 года, фон Бок записывает: «Попытки прорыва, предпринятые противником на юге от Брянска, успешно пресечены; так что вся вчерашняя суета и озабоченность по этому поводу оказались безосновательными. На севере Брянска, напротив, главные силы русских, скорее всего, уже вырвались из окружения. Тем не менее, там еще много чего осталось, особенно в смысле вооружения и военного имущества»[159].

За минувшие сутки дивизии армии генерала Петрова, прикрываясь сильными арьергардами, по раскисшим дорогам, а иногда и по бездорожью, совершили пятидесятикилометровый марш и вышли к Хвастовичам.

4

Гейнц Гудериан в книге «Воспоминаниях солдата» так рассказывал о событиях этих дней: «Снегопад продолжался также и 12 октября. Мы все еще оставались сидеть в небольшом населенном пункте Дмитровске (Дмитровск-Орловский), улицы которого представляли собой сплошное месиво грязи, и ожидали новых указаний Верховного командования сухопутных войск относительно предстоящей перегруппировки. Наши войска замкнули кольцо окружения вокруг большого котла южнее Брянска и вокруг небольшого котла севернее этого города, но продвигаться вперед войска не могли из-за плохого состояния дорог, XLVIII танковый корпус, который в самом начале наступления так быстро продвинулся через Сумы и вышел на хорошее шоссе, также продвигался теперь с большим трудом в направлении на Фатеж. У Мценска продолжались бои со свежими силами противника. Пехотным дивизиям XXXV корпуса было указано на необходимость очистить от противника леса в районе Трубчевского котла.

Не только мы, но и вся группа армий «Юг», за исключением 1-й танковой армии, застряла в грязи, 6-й армии удалось занять Богодухов северо-западнее Харькова. Севернее нас XIII армейский корпус овладел Калугой, 3-я танковая группа заняла Старицу и наступала на Калинин.

Верховное командование сухопутных войск дало указание об окружении Москвы, однако до нас эти указания не дошли. 13 октября русские продолжали свои попытки прорваться между Навлей и Борщево. Для усиления XLVII танкового корпуса пришлось направить некоторые части 3-й танковой и 10-й мотопехотной дивизий XXIV танкового корпуса. Несмотря на эту

помощь и ввиду потери подвижности наших частей, группе русских численностью до 5000 человек удалось прорваться и достичь района Дмитровска (Дмитровск-Орловский), где она вновь была задержана»[160].

Гудериан пишет об окружённых частях 50-й армии как некоем неприятном препятствии, которое в конце концов помешало моторизованным корпусам его 2-й танковой армии выполнить главную задачу — взятие Москвы. И это было именно так: марш на Москву, который в начале октября 1941 года казался сокрушительным, начал замедляться из-за неожиданно яростного сопротивления попавших в окружение частей Красной армии, которые никак не хотели сдаваться. Потом пошли дожди и выпал снег. Потом окружённые, пусть в малой силе, но всё же вышли из больших и малых «котлов», заняли новые позиции, провели перегруппировку и пополнились людьми и вооружением, и встретили огнём движение «Тайфуна» в непосредственной близости от Москвы. А потом подошли сибирские и дальневосточные дивизии и контратаковали только что вылезших из грязи, но тут же приморожденных уроженцев Рейна, Баварии и Силезии, не привыкших ни к таким температурным перепадам, ни к такому фанатичному упорству противника.

Так складывалась наша победа под Москвой. Одна армия постепенно, от боя к бою, от стычки к стычке, таяла, растягивала свои коммуникации и слабела, а другая, казалось бы, теряла сотни тысяч убитыми и пленными, танки и орудия целыми дивизиями, бригадами и артполками и дивизионами, но, «нечувствительная к потерям», вновь восстанавливала свои силы на новых позициях и с прежним, и даже более мощным упорством бросалась в бой.

Итак, Гудериан повернул к Рессете 3-ю танковую дивизию и полк «Великая Германия». Здесь уже стояли, маневрируя на путях отхода 50-й армии 112-я пехотная и 3-я танковая дивизии. На перехват выходящей из окружения 50-й армии немцы бросили самые лучшие свои части — элитный полк «Великая Германия» и 3-ю танковую дивизию. Совсем недавно 3-й танковой командовал знаменитый Вальтер Модель, который в те дни севернее вёл к Москве XXXXI танковый корпус и который совсем скоро возглавит войска 9-й полевой армии. Он передал свою непобедимую дивизию кавалеру Рыцарского креста генерал-майору Герману Брей-ту. Для Брейта дело на Рессете против 50-й армии Брянского фронта было подарком судьбы, возможностью отличиться. 3-я танковая дивизия участвовала во всех боях на пути Третьего рейха к мировому господству: в Чешском походе, в Польской и Французской кампаниях, в Белостокско-Минском и Смоленском

сражениях. Везде отличалась храбростью и выучкой своих солдат, слаженностью экипажей.

Путь для выхода на Карачев, на юго-восток, указанный Шапошниковым для выхода 50-й армии, оказался дорогой страданий и огромных потерь. Чего стоила только переправа через реку Рессету. 11 октября утром после артподготовки и залпа «Катюш», которые выпустили остатки своего боезапаса, 154-я стрелковая дивизия генерал-майора Я. С. Фоканова[161] пошла на прорыв в направлении населенных пунктов Бояновичи и Нехочи (ныне Калужской области). Оставив Брянск, она шла в авангарде отступающих частей армии. Вначале казалось, что наметился некоторый успех. Двинулись обозы. Но на реке Катогоща ударную группировку, на которую была возложена задача прорыва, контратаковали танки и пехота противника. Ударная группировка понесла большие потери и начала откатываться на исходные. Тем временем действительный успех наметился на другом направлении, южнее деревни Пеневичи, где упорно атаковали батальоны 473-го стрелкового полка и наконец заняли деревню Чистяково и Гутовский лесозавод. Генерал Фоканов тут же перебросил на подмогу полку сапёрный батальон и артдивизион с приказом закрепиться на занятом рубеже и приступить к наведению переправы через речку Рессету. 473-м стрелковым полком командовал храбрый, опытный солдат, дравшийся с германцами ещё в Первую мировую, полковник М. П. Краснопивцев[162]. Удивительный человек, настоящий воин. Таких земля рожает редко и словно только для того, чтобы они в трудный для Родины час собирали вокруг себя таких же верных и стойких и шли в самый кромешный бой, в огненный ад — либо умереть, либо преодолеть его.

Итак, успех полка полковника Краснопивцева был развит. Части дивизии закрепились с целью наведения переправы. Рессета — речка невеликая, тихая, омутистая. Пойма широкая и болотистая, для переправы войск крайне неудобная. Ветхий мост, который возвели здесь до войны рабочие лесозавода, не выдержал веса ЗиС-5 с реактивными установками. Первая же машина, выехавшая на настил, провалилась. Пришлось строить новый. Мост возводили под непрерывным огнём артиллерии и миномётов противника. И вот, наконец, переправа началась. 13 октября немцы предприняли атаку — на переправу двинулось до батальона пехоты. Однако атака была отбита. Дивизия продолжила переход на восточный берег.

Дальнейшие события сложились таким образом, что судьба 154-й дивизии стала судьбой всей армии. Во второй половине дня к переправе выехал кортеж штабных машин. Их тут же обступили

бойцы. Из машины вышел командарм Петров. К нему направился генерал Фоканов и доложил обстановку. Доклад командира дивизии слушали также член Военного совета бригадный комиссар Н. А. Шляпин[163] и начальник Оперативного отдела штаба армии подполковник Ф. Е. Почема. Затем командарм сказал, что переправа 154-й стрелковой дивизии через Рессету с этого часа становится армейской. Командовать переправой он тут же назначил начальника Оперативного отделения 154-й стрелковой дивизии майора Б. Г. Вайнтрауба[164], которому был отдан приказ: приступить к переправе соединений только после того, как будет организовано надёжное прикрытие с запада — со стороны Фроловки, с севера — от Хвастовичей и с юга — от Карачева.

В поисках выхода из окружения, ломая «котёл» там и тут, 50-я армия втягивалась в новый мешок, приготовленный немецким командованием. Горловина мешка должна быть стянута надёжным, смертельным жгутом именно здесь, на Рессете. Манёвр наших частей, оставивших позиции севернее Брянска и сам Брянск, был ограничен до предела. Старая истина — больше всего войска уязвимы на марше. Остаток дня 13 октября и ночь на 14-е число переправа шла относительно спокойно. Отряды прикрытия окопались севернее, западнее и южнее Лихого болота. Не зря этому гиблому месту на Рессете люди дали такое имя. Но пока всё шло так, как предписывал приказ командующего. Усиленные боевые охранения стерегли дороги и тропы, отгоняли небольшие разведгруппы противника, пытавшиеся проникнуть в район переправы. По мосту сплошным потоком двигались войска, обозы, артиллерия, транспорт. Подошла и начала организованно и быстро переправляться на восточный берег 258-я дивизия комбрига К. П. Трубникова[165]. За нею — полки и батальоны других дивизий.

Но немецкая разведка не дремала. На рассвете 14 октября, заблаговременно подведя артиллерию и миномёты, противник начал пристрелку. Первые снаряды и мины легли в лесу и в болоте, не причинив колоннам вреда. Однако с каждой минутой артиллерийско-миномётный огонь становился всё точнее и губительней. Благо погода была нелётной — дождь, переходящий в снежные заряды, густой туман — авиация сидела на аэродромах. Во второй половине дня небо прояснилось. И тут начался ад. Одновременно боевые охранения были атакованы сразу с двух направлений — со стороны Хвастовичей и со стороны Карачева. Немцы обложили переправу и начали сдавливать её, стараясь захлестнуть петлю на мешке именно здесь и теперь, когда основная масса войск 50-й армии втянулась в район

переправы.

Для командиров дивизий и штаба армии стало очевидным, что отход на юго-восток на Карачев невозможен. Там сильные заставы. Гудериан бросил на запечатывание кочующего «котла» ещё одну свою танковую дивизию. Знать бы ему, лучшему танковому генералу, который имел лихие прозвища — «Быстрый Гейнц» и «Гейнц-ураган», что очень скоро— не закончится еще и октябрь — именно 50-я советская армия, которую он не пустил к Карачеву и Орлу, отжав к Белёву и Туле, быстро восстановившись и пополнившись людьми и вооружением, с новым командующим, встретит его на Оке и остановит на Тульском рубеже. Что Тулу он так и не возьмёт. Что морозы его танковую армию застанут совсем недалеко от этой переправы и от русских сёл и деревень с однозвучными названиями Нехочи, Бояновичи, Пеневичи. Что гибель и пленение большей части окружённой армии, и даже смерть её командующего, для судьбы войны, и даже Московского сражения, да и для его личной судьбы, как солдата своего фюрера, ровным счётом ничего не значили. А ведь судьба пошлёт его в Ясной Поляне, откуда он будет руководить атаками на Тулу. Мог бы и более внимательно почитать «Войну и мир» бывшего хозяина здешнего дома и усадьбы. Не почитал, пренебрёг.

На переправу возле Лихого болота налетели пикировщики. Одна из бомб весом около тонны угодила точно в цель: настил и автобусы, которые служили опорами для бревенчатого наката, разметало. Погибли и были ранены сотни людей и лошадей. Переправа прервалась.

И снова с юга от Карачева и с севера вдоль дороги на Хвастовичи возобновила наступление немецкая пехота при поддержке танков и бронетранспортёров. Казалось, судьба не успевших переправиться решена. Но отряды заграждения выстояли. Обе стороны в том бою понесли огромные потери. Немцы лезли напролом, вводя в бой новые и новые подразделения и танки. Наши бойцы стояли твёрдо. Истребители танков вели огонь из противотанковых орудий. Стрелки отсекали пехоту. А за спиной сапёрные части кинулись в болото и принялись ремонтировать настил. И вскоре переправа вновь ожила. Серый поток снова двинулся на восточный берег.

Бывший боец 260-й стрелковой дивизии Д. И. Филько так вспоминал ту злосчастную переправу через Рессету: «Не только 260-я стрелковая дивизия здесь была, но и другие части с других дивизий. В основном гужтранспорт, вместе с людьми. Все повозки были нагружены до предела военным имуществом и военной техникой. Автомашин было мало. Было несколько крытых фургонов, как мы их называли тогда, с ранеными. Много было

гражданских подвод со своим имуществом, хозяйством, даже были коровы прицеплены к задкам. Много детей. Очень много эвакуировалось из Брянска. Вот теперь представьте себе, что могло быть во время бомбёжки там…»

А вот что вспоминает бывший командир 559-го сапёрного батальона 299-й дивизии М. Д. Максимцов: «Нужно отдать должное командиру дивизии полковнику Серёгину Ивану Федоровичу[166], питерскому рабочему, коммунисту, участнику Гражданской войны. Собрав командный состав в лесу в районе Хвастовичей, полковник Серегин сообщил решение на прорыв вражеского кольца частями дивизии. Дал указание, как подготовиться к прорыву. Издал приказ: за дезертирство, за паникерство, как и за измену Родине, — расстрел. Это был суровый приказ. Но именно эта суровость, собранная в кулак воля помогли нам с боем форсировать Рессету, прорваться из окружения и снова встать в строй. Саперному батальону приказано было переправить через реку дивизионную артиллерию, батальон связи и штаб дивизии. И вот бойцы саперного батальона, рота за ротой движутся к реке по топкому лугу. И хотя наши артиллеристы, едва мы вышли к берегу, поддержали нас огнем, противоположный берег встретил нас дождем свинца. Должно быть, не осталось ни одного метра поймы болотистой Рессеты, который не был бы полит кровью наших воинов. И все же в ночь с 13 на 14 октября 1941 года, форсировав реку, мы сумели закрепиться на противоположном берегу и двинуть вперед тяжелые машины батальона связи, радиостанции узла связи, переправить машины штаба дивизии и не остаться без артиллерии. Все пушки 843-го артполка шли за ними… 19 октября наша 299-я дивизия заняла оборону по восточному берегу реки Оки, южнее Белева, на рубеже Фурсово — Городище. Из окружения вышли все части дивизии, вывели технику, сохранили боеспособность и волю к борьбе. И снова мы дрались, теперь уже на тульской земле».

Для справки. Из 299-й дивизии к Белёву вышли: по одним данным, 825 человек с 26 пулемётами, двумя миномётами и четырьмя гаубицами; по другим — около 400 человек без тяжёлого вооружения. Одновременно, параллельным потоком, командир 956-го стрелкового полка 299-й стрелковой дивизии майор И. Я. Кравченко вывел к Белёву свой полк в полном составе, при этом вывез всю полковую артиллерию «с превышением лимита в 4 ствола» — подобрал четыре брошенных «сорокапятки». Всего майор Кравченко вывел около 5000 человек, среди которых больше половины было присоединившихся в пути и брошенных своими командирами бойцов разных

подразделений, а также 500 единиц обоза.

Какую награду за свой несомненный подвиг получил майор Кравченко? А «награду» он получил. Подвиг храброго командира полка, не потерявшего в трудную минуту самообладания, не остался незамеченным. 23 октября, когда 299-я стрелковая дивизия уже стояла в обороне под Тулой, командир дивизии «питерский рабочий, коммунист» полковник Серёгин, придравшись к мелочам, которые в тех обстоятельствах можно было и не замечать, отстранил майора Кравченко от командования полком и отправил «на расправу» в Тулу. Однако в Туле, в штабе 50-й армии, не мыслили категориями зависти и мести за чужой успех и, разобравшись в обстоятельствах, назначили Кравченко начальником Южного боевого участка. *«В должности оставить, из 299 дивизии перевести. Поручить формирование сводного полка. Командарм Ермаков».* Генерал А. Н. Ермаков, который в те дни командовал 50-й армией, лично знал майора Кравченко и то, что характер у него непрост, но знал и его храбрость, умение организовать бой в самых сложных обстоятельствах и что с покладистым характером командиру полка, пожалуй, не удалось бы вывести из окружения и десятой части людей и материальной части.

Так сложилась история обороны Тулы, что самый мощный натиск на город был отбит именно на фронте Южного боевого участка и под командованием майора Кравченко. Иван Яковлевич Кравченко снова отличился. Вскоре его назначили заместителем комиссара 154-й стрелковой дивизии. Однако старый и верный недруг полковник Серёгин, как настоящий большевик, продолжал писать во все инстанции новые доносы на своего бывшего комполка. В итоге Кравченко всё же понизили в должности, но при этом поручили важнейший участок, и в первых же боях его подразделение снова сражалось успешно и выполнило задание командования, не пропустив врага к Туле. Вскоре после декабрьского контрудара под Москвой Верховный главнокомандующий лично запросил дело непокладистого майора, изучил все обстоятельства и назначил Кравченко командиром 324-й стрелковой дивизии 10-й армии.

Иван Яковлевич Кравченко родился в 1905 году в деревне Студёнки Киевской губернии в крестьянской семье. Окончил семь классов сельской школы. Как человек грамотный, некоторое время работал почтальоном. По тем временам — должность высокая, уважаемая и хлебная. В 1925 году его призвали в РККА. Армейская служба ему понравилась. Он с успехом окончил полковую школу младших командиров, затем, в 1931 году, Киевскую военную пехотную школу им. Рабочих Красного

Замоскворечья, в 1933 году — Стрелково-тактический институт «Выстрел». Во время похода в Западную Украину командовал стрелковой ротой. Через год, на одном из участков фронта Советско-финской войны в ходе ожесточённого боя принял командование батальоном и успешно выполнил поставленную задачу. В бою был тяжело ранен, уже в госпитале узнал, что ему присвоено звание Героя Советского Союза. После окончания Военной академии им. М. В. Фрунзе командовал 766-м стрелковым полком 217-й стрелковой дивизии. С первых дней на фронте Великой Отечественной войны. В августе 1941 года назначен командиром 956-го стрелкового полка 299-й стрелковой дивизии. В октябре во время прорыва немецких войск под Брянском попал в окружение и некоторое время числился пропавшим без вести. Как вскоре выяснилось, вместе со своим штабом с боем вырвался из окружения, вывел полк и материальную часть. В марте 1942 года принял командование 324-й стрелковой дивизией. 7 апреля 1942 года смертельно ранен в бою близ деревни Клинцы[167] на реке Жиздре.

События и обстоятельства в первую шеренгу выталкивали таких, как Краснопивцев, Кравченко. Это были настоящие русские люди, русские офицеры в самом корневом смысле. Ими трудно было управлять, потому что управлять ими умела только стихия войны. Риск, хождение по самому краю были для них обыденным делом. Такие умели брать на себя всё и потом за всё отвечать. Не паиньки, не ребята комсомольцы, не тупые исполнители, неспособные к самостоятельному мышлению, а твёрдые, закалённые ветрами не одного похода и не первой войны солдаты, рыцари чести, умевшие отдавать любые приказы и отвечать за них. Война была главной и всепоглощающей работой этих людей. Как правило, век их на фронте был недолгим.

5

Но вернёмся на Лихое болото, на переправу через Рессету. Из воспоминаний начальника Особого отдела 290-й стрелковой дивизии Н. Р. Акабы: «Особенно жестоким, кровопролитным и скоротечным был бой у р. Рессеты. Мы сами залезли в заранее подготовленный немцами мешок. Вдруг со всех сторон нас охватил шквал огня, изрыгаемый пулеметами, автоматами и минометами. Ловушка была подготовлена с немецкой расчетливостью. Наши скоро опомнились, прошли растерянность и паника, закипел бой. Здесь я видел впервые в жизни настоящую неукротимую человеческую ярость, и она победила.

Среди атакующих запомнилась молодая женщина — капитан медслужбы Гергель, которая с наганом в руке шла впереди на прорыв, стыдя паникующих мужчин. Геройски вели себя у переправы оперативные работники третьего отдела Белых, Попков, Екимов, Нестеров, Заболотный, Моряков, бойцы особого взвода во главе с командиром Те-мировым. Бой у переправы обошелся нам очень дорого, потеряли много хороших людей».

Из воспоминаний бывшего партгрупорга разведроты 290-й стрелковой дивизии З. В. Зубковой: «К полудню 13 октября на голом Лихом болоте скопилось столько людей, повозок, автомашин, пушек, тягачей, что пройти можно было, только пробираясь под животами коней, под дышлами бричек или щелями между машинами. Болотная земля прогибалась под ногами, как парусина, под колесами она лопалась с глухим выдохом. Пушки, подводы ложились брюхом на прихваченную морозцем ржавую, затоптанную жесткую траву, и вытащить их было нельзя, и тащить было некуда. Переправы не было. Каждые пять минут в реку, туда, где еще виднелись остатки бревенчатого моста, пачками ложились снаряды… К полудню 13 октября не было полков, батарей, батальонов. Под вечер потекли с бугров к Рессете раненые. Ими были переполнены медпункты. Раненые и больные лежали на машинах, на повозках, на тропинках у реки… Под вечер фашисты ударили из пушек по всему Лихому болоту… Ночь пришла страшная. На кашель, на лязг, на скрип отвечал из заречных кустов пулемет.

14 октября показалось солнце… На Лихое болото прилетели самолеты врага, они высыпали бомбы на остатки переправы и ушли, просматривая Рессету вниз по течению».

Гудериан в своих воспоминаниях записал: «17 октября капитулировала группировка противника, находившаяся в окружении севернее Брянска. Совместно со 2-й армией нами было захвачено свыше 50 000 пленных и до 400 орудий; были уничтожены основные силы 50-й русской армии».

Гудериан, мягко говоря, позволил себе не придерживать фактов. Впрочем, жанр мемуаров, даже если книга называется дневником, подобные отступления допускает. Во-первых, к 17 октября севернее Брянска наших войск, во всяком случае того количества, которое бывший командующий 2-й танковой группой вермахта заявил в своих мемуарах, уже не было. «Котёл» откочевал на восток и уже находился не севернее, а восточнее Брянска. Во-вторых, капитуляции 50-й армии, как таковой, не было. *«Напрасно ждал Наполеон, / Последним счастьем упоенный, / Москвы коленопреклоненной / С ключами старого Кремля…»* «Быстрый Гейнц», как всякий удачливый завоеватель, тоже,

должно быть, ждал чего-то подобного от поверженного противника на своём участке фронта. 50-я армия была разбита, этого невозможно отрицать. Но она не была уничтожена и не капитулировала, если прилагать к этому понятию буквальный смысл. Гудериан — человек военный, и он называл вещи своими именами. Но в данном случае он поступил в большей степени как политик или даже публицист. Тогда же кто бил его под Тулой и в самой Туле, на городских окраинах? Ведь били его именно те самые дивизии, которые он «пленил» под Брянском!

Бои на линии реки Рессеты стали самыми кровопролитными для 50-й армии. Именно здесь, в один из дней переправы, армия фактически лишилась командования, а значит, единого управления. В бою получили тяжёлое ранение командующий генерал М. П. Петров и начальник политотдела полковой комиссар А. Г. Журавлёв[168], погибли член Военного совета Н. А. Шляпин и многие работники штаба.

Достоверных сведений о подробностях боя, ставшего подлинной трагедией для армии, до сих пор нет. Удивительным образом о нём промолчали свидетели и действующие лица, которые впоследствии писали мемуары и потоком издавали их в «Воениздате». Молчат о нём военные историки и краеведы. Говорят, что, пока был жив маршал А. И. Ерёменко, в печать о брянском периоде 50-й армии ничего не проходило. Так и было. Хотя, возможно, это просто совпадение.

В 1978 году судьба занесла меня на Рессету, в те самые места, где в октябре 41-го пробивались из окружения дивизии, полки, отдельные отряды и одиночки из северного «котла» Брянского фронта. Стояло лето, август, прекрасная погода, тёплые ночи и знойные дни. Шли вниз по течению Рессеты от деревни под названием Севастополь до села Чернышена. Где-то возле Фомина Верха встретили рыбака. Тот ночевал в стогу в пойме. Вставал на зорьке и таскал щук. А днём отсыпался и грелся на песке. Наш лагерь стоял на одной стороне Рессеты, а рыбак жил в стогу на другом. И вот он, видя, что мы путешествуем по реке, в которой изобилие всякой рыбы, но рыбалкой не занимаемся и не имеем от реки никакого приварка, предложил нам одну из своих удочек. Я пошёл по мелководью, чтобы забрать предложенную снасть. В песке на дне реки лежали камни, поросшие тиной. Вначале я хотел пройти по ним, но что-то меня удержало. Когда я вышел на другой берег, сказал рыбаку, что камни на дне какие-то странные, все одинаковые. «А это не камни, — ответил он. — Это черепа. Солдаты. Вот вчера нашёл в овраге…» — И он вытащил из сена винтовку. Приклад и цевьё уже подгнили и потрескались, но всё ещё держались, прихваченные кольцами креплений и

накладками. Затвор ходил, хотя и не до конца.

После этой встречи мы стали обращать внимание на местность, по которой шли. Окопы, ходы сообщения, воронки. Кругом валялось железо войны: каски, противогазы, гильзы, куски колючей проволоки, осколки мин и снарядов, иногда целые снаряды и гранаты. Тогда этого добра в нашей местности было навалом. Если останавливались в лесу, прежде чем развести костёр, протыкали землю куском проволоки.

Вернувшись из путешествия по Рессете, я не раз пытался найти в справочниках, энциклопедиях или среди мемуаров хоть что-нибудь, что могло просветлить в голове тот туман, который не давал покоя долгие годы. Не нашёл ничего. Лишь в последние годы начали появляться публикации, понемногу проясняющие смутные события тех дней — переход 50-й армии через Рессету, бои в окружении и полуокружении, когда даже командиры не знали точно, куда же надо пробиваться, на юго-восток или всё же севернее, где заслоны противника не столь плотны и сильны…

Лет десять спустя после того путешествия я рассказал о находке поисковикам, указал тот приметный поворот реки на карте. Они подняли останки погибших, определили, что это были красноармейцы. Их похоронили в братской могиле неподалёку.

О генерале Петрове всерьёз начали говорить в конце 80-х. В основном в среде поисковиков, краеведов-энтузиастов. Не обошлось и без курьёзов: сразу несколько человек клялись мне, что нашли останки генерала Петрова и «решают вопрос» о том, где и как хоронить, и что знают доподлинно обстоятельства его гибели и скоро всё это опубликуют…

Биографическая справка о Михаиле Петровиче Петрове везде коротка и примерно одинакова.

Родился 3 января 1898 года в деревне Залустежье Осьминской волости Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии[169] в крестьянской семье. Русский. Член партии большевиков с 1920 года. Окончил 4 класса сельской школы. Работал учеником слесаря на Путиловском заводе, шофёром в Петрограде. Весной 1917 года вступил во 2-й Петроградский красногвардейский отряд, в должности командира отделения участвовал в штурме Зимнего дворца. С 1918 года в Красной армии. Участник Гражданской войны. В 1923 году окончил Тамбовскую военную пехотную школу, в 1925-м — Закавказскую политическую школу, в 1932-м — бронетанковые курсы. Командовал танковым батальоном. Участник гражданской войны в Испании 1936–1939 годов. Командир 2-го танкового батальона, майор, в группе комбрига Д. Г. Павлова. Звание Героя Советского Союза присвоено 21 июня 1937 года. Участник похода советских

войск на Западную Украину и Западную Белоруссию в 1939 году, командовал 15-м танковым корпусом. В 1940 году — инспектор автобронетанковых войск Западного военного округа, генерал-майор. В 1941 году окончил Высшие академические курсы при Военной академии Генерального штаба. Депутат Верховного Совета СССР 1-го созыва. Начало Великой Отечественной войны встретил в должности командующего 17-м механизированным корпусом (27-я танковая, 36-я танковая и 209-я моторизованная дивизии). Корпус входил в состав Западного фронта и располагался в районе Барановичей. 27 июня был атакован силами 47-го моторизованного корпуса вермахта из 2-й танковой группы и прекратил своё существование. В августе 1941 года М. П. Петров был назначен командующим 50-й армией, 7 октября 1941 года — Брянским фронтом. При выходе из окружения был тяжело ранен и умер 10 октября 1941 года, похоронен у деревни Голынка (Карачевский район Брянской области).

Из официальной справки, опубликованной во всех изданиях, как видим, не ясно, как погиб генерал Петров, при каких обстоятельствах получил тяжёлое ранение, которое вскоре привело к смерти, кто хоронил его тело. Справка вызывала больше вопросов, чем давала какие-либо ответы.

Между тем семья погибшего, вдова Мария Фёдоровна Петрова и сын Александр Михайлович Петров, пыталась выяснить, что же произошло и почему тело мужа и отца оказалось похороненным на оккупированной территории.

В публикациях конца прошлого века удалось найти информацию о том, что спустя много лет сын генерала инженер-майор Александр Михайлович Петров ездил в те места, где погиб его отец, и сумел собрать некоторые драгоценные подробности о последних днях его жизни. В местных хрониках читаем: «В боях на р. Рессета Михаил Петрович был тяжело ранен в верхнюю часть обеих ног. Он не только не мог двигаться, но от потери крови почти все время находился без сознания. Штабу армии предстоял длительный путь с боями. Транспортировка тяжелораненого в таких условиях была невозможна. Пришлось оставить генерала Петрова в одной из глухих деревень под надзором врача и медсестры. Полагали, что в последующем, если даже территория не будет в ближайшее время освобождена, Петров по выздоровлении с помощью партизан вернется на Большую землю. Группа красноармейцев во главе с врачом и медсестрой доставили раненого в небольшое лесное село Голынка (Карачевский район Брянской области). Гитлеровцы обошли это глухое селение стороной. Раненого поместили в доме колхозников Новокрещеновых. Красноармейцы после этого

вернулись к своим, а врач и медсестра остались. У Петрова началась гангрена. Он приказал медицинской сестре уйти, видимо, для установления связи с партизанами, так как она была уроженкой этих мест. Примерно через неделю в Голынку неожиданно нагрянули немцы. Врач успел скрыться в лесу. Раненого же перенести не успели, и он остался у Новокрещеновых. Хозяйка укрыла генерала старым тулупом и на вопрос офицера ответила, что это лежит ее хворый мужик, ходивший в лес и подорвавшийся на мине. Никто в деревне не видал генерала, и гитлеровцы ушли, по своему обыкновению, начисто ограбив крестьян.

После этого случая врач вскоре привел группу пробиравшихся на восток красноармейцев. Они сделали удобные носилки из жердей и перенесли генерала на заброшенный лесопункт в семи километрах от деревни. Здесь жил лесник и несколько человек, скрывавшихся советских людей. Немцы сюда еще не добрались. Здесь Петров был помещен в отдельной комнате, относительная безопасность позволила улучшить уход. Но гангрена усиливалась. Было решено отвезти его в Карачев, где среди врачей районной больницы были верные люди. Нужна была срочная операция. Начали подготовку к этой сложной перевозке. Сам Петров, однако, не одобрил этого решения. Состояние его резко ухудшалось. И вскоре генерал скончался. Хоронили его ночью. Врач произнёс короткую речь. Из неё-то местные жители и узнали, что умерший от ран был генералом, Героем Советского Союза. Стояла середина сентября 1941 года.

В 1956 году могилу показали сыну командарма. Останки Героя были перенесены в Брянск. Тысячи жителей района провожали гроб с прахом М. П. Петрова. Он похоронен сейчас в Брянске на городском кладбище. В дни годовщины освобождения города здесь проводятся митинги».

Эту историю слово в слово переписывает в своих мемуарах маршал Ерёменко[170]. Предполагаю, что именно, в большей степени, со слов маршала, а не со слов сына командарма эта история и загуляла из публикации в публикацию. Для Ерёменко такая версия была удобной во всех смыслах. Но выдумки долго не живут. Легенды должны быть красивыми, тогда они принимаются народом и становятся частью местного или общенародного эпоса. Обрастают *новыми подробностями,* и людям уже не надо никакой правды.

Эта же легенда имеет ряд существенных изъянов. И пока был жив маршал, она тяжёлым и неподъёмным камнем лежала на истории гибели командарма. Теперь этот камень понемногу изнашивается, рассыпается. Правда начинает просачиваться и

выступать на поверхность.

В 1956 году, спустя 15 лет после гибели мужа, Мария Фёдоровна Петрова сделала письменный запрос по линии военного ведомства, в котором служил Михаил Петрович Петров, и получила вот какой ответ:

«Гр-ке ПЕТРОВОЙ Марии Фёдоровне.

Уважаемая Мария Фёдоровна!

Мы уже сообщали Брянскому облвоенкому, что уточнить место похорон Героя Советского Союза генерал-майора Петрова Михаила Петровича, к сожалению, не представляется возможным. Он погиб при особых обстоятельствах, на территории, занятой противником, поэтому установить, где именно похоронен, не удалось. По имеющимся неофициальным данным, генерал-майор Петров М. П., будучи раненым, попал в плен и, уже находясь в плену, умер 20.10.41 г. в лагере военнопленных в г. Карачаеве Брянской области, в то время оккупированном немецко-фашистскими захватчиками.

Полковник ГОЛОВАНОВ.

18.9.56 г.»

Письмо не только даёт ответы на часть наших вопросов, но ещё и является красноречивым подтверждением того отношения, которое, можно сказать, царило в официальных кругах и в высоких инстанциях по отношению к родственникам погибших. Какое там — отыскать солдата или лейтенанта? Да ещё если он погиб или пропал без вести в окружении или при выходе из окружения. А ведь сколько их до сих пор лежит в Лихом и в других болотах, в лесах и оврагах в районе Рессеты, села Красного, Теребени, Клёна, Уколицы, Кирейкова на пути к Белёву. Брошенным оказался генерал. Как теперь об этом вспоминать? Так уж лучше забыть… История гибели командарма Петрова ещё ждёт своего кропотливого и бесстрастного исследователя.

Писатель Василий Гроссман в качестве военного корреспондента «Красной звезды» однажды побывал в 50-й армии. Он встречался с генералом Петровым. Как известно, Василий Семёнович вёл подробные записи. Вот фрагмент из его фронтовых «Записных книжек»: «В избе Петров и Шляпин. Петров-маленький, носатый, лысеющий, в засаленном генеральском кителе, с Золотой Звездой, «испанской». Петров долго объясняет повару, как печь бисквитный пирог, как и почему всходит тесто, как печь пшеничный, а как ржаной хлеб. Он жесток очень и очень храбр. Рассказывает, как выходил из окружения, не сняв мундира, при орденах и Золотой Звезде, не желая надеть гражданскую одежду. Шел один, при полном параде, с дубиной в руке, чтобы отбиваться от деревенских собак. Он мне сказал: «Я всегда мечтал

в Африку попасть, чтоб прорубаться через тропический лес, один, с топором и с винтовкой». Он очень любит кошек, особенно котят, подолгу играет с ними.

Адъютанты: у Шляпина — высокий, красивый Кленовкин; у Петрова маленький, подросток, с чудовищно широкими плечами и грудью. Этот подросток может плечом развалить избу. Он увешан всевозможными пистолетами, револьверами, автоматом, гранатами, в карманах у него краденые с генеральского стола конфеты и сотни патронов для защиты генеральской жизни. Петров поглядел, как адъютант его быстро ест с помощью пальцев, а не вилки, сердито крикнул: «Если не научишься культуре, выгоню на передовую, вилкой, а не пальцами есть надо!» Адъютанты генерала и комиссара делят белье, разбирают его после стирки и норовят прихватить лишнюю пару подштанников.

Переходим через ручей. Генерал перескочил, комиссар вошел в ручей и помыл сапоги. Я оглянулся: генеральский адъютант перепрыгнул ручей, комиссарский зашел в воду и помыл сапоги.

Вечер при свечах. Петров говорит отрывисто. На просьбу командира дивизии отложить атаку из-за убыли людей говорит: «Передайте ему, я тогда отложу, когда он один останется». Затем сели играть в домино: Петров, Шляпин, девочка — толстощекая и хорошенькая Валя — и я. Командующий армией ставит камни с грохотом, прихлопывая ладонью. Играем в «обыкновенного», потом в «морского», потом снова в «обыкновенного». Время от времени игра прерывается: в избу входит майор-оперативщик и приносит боевые донесения.

Утро. Завтрак. Петров выпивает стаканчик белого, есть ему не хочется. Он, усмехаясь, говорит: «Разрешено наркомом». Собираемся вперед. Перед поездкой командарм играет с котами. Сперва в дивизию, потом в полк. Машину оставили, идем пешком по мокрому, глинистому полю. Ноги вязнут. Петров кричит испанские слова, странно они звучат здесь, под этим осенним небом, на этой промокшей земле. Полк ведет бой, не может взять деревню. Пулеметы, автоматы, свист пуль. Жестокий разговор командарма с командиром полка. «Если через час не возьмете деревни, сдадите полк и пойдете на штурм рядовым». «Слушаюсь, товарищ командарм», а у самого трясутся руки. Ни одного идущего в рост человека, все ползут, лезут на карачках, перебегают из ямы в яму, согнувшись в три погибели. Все перепачканы, в грязи, вымокшие. Шляпин шагает, как на прогулке, кричит: «Ниже, еще ниже пригибайтесь, трусы, трусы!»

Беглые наброски Василия Гроссмана существенно дополняют портрет командарма Петрова. По всей вероятности, это был

человек войны, своего рода романтик, затянутый в армейский мундир. Чего только стоит его мечта об Африке: не просто прорубаться сквозь джунгли, а с винтовкой в руке… Такие романтики храбро дрались в Испании, а после Великой Отечественной — в Корее, на Кубе, во Вьетнаме и… в Африке.

Из записей Василия Гроссмана также понятно, что своих наград генерал Петров не снимал никогда. Не надо забывать, что существовал и в буквальном смысле «со страшной силой» действовал приказ Верховного № 270: «Как известно, некоторые командиры и политработники своим поведением на фронте не только не показывают красноармейцам образцы смелости, стойкости и любви к Родине, а, наоборот, прячутся в щелях, возятся в канцеляриях, не видят и не наблюдают поля боя, при первых серьёзных трудностях в бою пасуют перед врагом, срывают с себя знаки различия, дезертируют с поля боя…»

Петров уже побывал в окружении под Барановичами. Его 17-й мехкорпус на шестой день войны попал под мощнейший удар всё той же 2-й танковой группы Гудериана и был разбит. Генерал хорошо знал, как себя вести и как держать войска, чтобы не начался хаос, который сметёт всё — и армию, и судьбу каждого. В июне Петров командовал корпусом, который ещё только-только формировался: 30 тысяч личного состава, 63 танка (в основном лёгких), 10 тысяч винтовок. Когда командарм-4 генерал-майор А. А. Коробков[171] приказал выводить на линию обороны не имевшую танков 27-ю танковую дивизию, Петров отдал распоряжение командиру дивизии полковнику А. О. Ахманову вывести на позиции только вооружённые подразделения. Ахманов занял оборону с 3000 бойцов, вооружённых винтовками. Остальные 6000, безоружных, сосредоточил в лесу в 18 километрах восточнее, в тыловом районе.

На участке фронта 17-го мехкорпуса наступал XXXXVII моторизованный корпус генерала танковых войск Иоахима Лемельзена — две танковые и одна моторизованная дивизии. В 17-й танковой дивизии насчитывалось 202 танка, в 18-й — 218 танков, кроме того, 29-я мотопехотная дивизия имела танковый батальон — около 70 танков. Лемельзен буквально разметал оборону наших войск у Барановичей. Генерал Петров из того, первого окружения, выйдет. Выйдет и Алексей Осипович Ахманов: он пройдёт всю войну и встретит Победу генерал-лейтенантом, командиром 23-го танкового корпуса, Героем Советского Союза. В ноябре 1949 года генерал Ахманов застрелится…

Генерал Лемельзен и его XXXXVII моторизованный корпус, словно судьбой назначенный для исполнения своей миссии, преследовали генерала Петрова и его войска до Брянска. Там, как

и на Рессете, танки Лемельзена кромсали 50-ю армию. За летние бои генерал танковых войск Иоахим Лемельзен получил от фюрера Рыцарский крест, а через два года и два месяца за успешные действия в ходе операции «Цитадель» получит к нему дубовые листья. На этом его война на Русском фронте завершится. До крушения Третьего рейха он будет воевать в Италии и в 1945 году, 6 мая, он сдастся со своим штабом (14-я армия) британским войскам. Через три года выйдет на свободу. В сущности, счастливая судьба: он не погибнет в брянских болотах, не застрелится, хотя и не станет победителем. Лемельзена также раздражало массовое мародёрство его солдат на оккупированной территории, отстрел в деревнях кур. Он издал несколько приказов, запрещавших солдатам вольничать в деревнях и в курятниках. Так что этот немецкий офицер, на фоне своих коллег и соотечественников, оказался великим гуманистом. И на фоне его успешной военной карьеры и всякого другого благородства русский генерал Петров кажется этаким большевистским монстром: «Он жесток очень и очень храбр…»

Но жестокой оказалась и судьба для многих генералов Красной армии 41-го и 42-го годов. Эти люди не щадили и себя. Погибший под Рославлем командующий 28-й армией генерал-лейтенант В. Я. Качалов, ко всему прочему объявленный ещё и трусом, и предателем; застрелившийся под Вязьмой командующий 33-й армией генерал-лейтенант М. Г. Ефремов; погибший в бою в те же октябрьские дни, что и Петров, командарм-24 генерал-майор К. И. Ракутин; сгоревший в командирском КВ командующий 5-й танковой армией генерал-майор А. И. Лизюков; в воздушном бою сбитый и сгоревший в самолёте генерал-майор авиации И. С. Полбин; расстрелянные и замученные в плену генералы Г. И. Тхор, И. А. Пресняков, Д. М. Карбышев. Погибшие в окружении генералы М. П. Кирпонос, И. В. Панфилов, братья Д. Г. и П. Г. Егоровы. Пропавшие без вести Ф. И. Буданов, В. П. Евдокимов, Я. Г. Котельников, С. М. Честохвалов, А. Н. Смирнов, Г. А. Ларионов… Красная армия потеряла 162 генерала.

Такие, как Петров, волевые и честолюбивые, превыше всего ставившие служение Красной армии и любовь к военному делу, довольно быстро продвигались по карьерной лестнице. Командиры дивизий и корпусов и армий в 41-м, они заканчивали войну маршалами, командующими фронтами, кавалерами полководческих орденов.

Документы, найденные в Подольском архиве, света на судьбу генерала Петрова не проливают. И всё же их необходимо привести. Хотя бы для того, чтобы понять атмосферу, царившую и

в штабах, и на дорогах в районе Белёва и реки Оки.

Переговоры 24 октября 1941 года, их ведут офицеры связи штаба Брянского фронта и Генерального штаба капитан Цехмистренко и старший лейтенант Чудаков.

«— Если имеешь время, я дам материал о ходе выхода из окружения 50 армии.

— Давайте, это важно нам.

— Даю. 24.10.41 к нам в штаб прибыл майор БОРИСОВ из штаба ВВС 50 армии, который двигался совместно с наземными войсками. Он доложил: 13.10 армия сосредоточилась у переправы через реку РЕССЕТА в районе Бутовского лесозавода (20–25 км северо-восточнее БРЯНСКА), причём армия собралась в одно место. Всё перемешалось: люди, артиллерия, машины и повозки. В таком состоянии армия находилась до утра 14.10.1941. С рассвета 14.10.41 154 сд отбросила немцев и форсировала реку. За дивизией некоторое время спустя двинулся штаб армии, но на восточном берегу он был обстрелян миномётным и пулемётным огнём. Майор БОРИСОВ, подполковник ПОЧЕМА, генерал-майор ПЕТРОВ, полковник БОГДАНОВ и член Военного Совета, фамилию не помнит, южнее переправы организовали батальон пехоты и решили нанести удар в тыл немцам, которые к этому времени оттеснили прикрывающие части к самой переправе. У переправы творилось что-то невероятное. Артиллерия вела огонь тут же, с колёс, часто поражая своих. Раненых и убитых никто не подбирал. В процессе обходного маневра нашего организованного батальона последний распался на две части. Первая часть совместно с БОРИСОВЫМ вышла в БЕЛЕВ. Генерал-майор ПЕТРОВ остался со второй частью батальона, судьба которого неизвестна. Части армии имели задачу и двигались на БЕЛЕВ. Маршрут движения БОРИСОВА: ТЕРЕБЕНЬ, ТРОСНА, ВЫТЕБЕТ, РАДОМНА, СЕРЕДИЧИ, БЕЛЕВ. После переправы на всём отрезке пути он немцев не встречал. По опросу местных жителей, последние сообщали, что немцы заходили в деревню, брали продукты и двигались на восток и северо-восток. По докладу БОРИСОВА немцев было не больше батальона с 5 миномётами. Материальная часть гвардейского дивизиона уничтожена самими артиллеристами. Всё. Ясно ли?

— Всё ясно»[172].

Переговоры 19. 2220 октября 1941 года ведут офицеры связи Маслюков и Залетов.

«— Передаю для ЗАЛЕТОВА. АРГУНОВА дождаться и лично с ним поговорить не смог, снова связь портится. Передаю то, что АРГУНОВЫМ было установлено в 16.00 часов у их телеграфистов. Записка генерал-майору ЗАХАРОВУ и члену Военного Совета

МАЗЕПОВУ.

Здравствуйте. Докладываю обстановку:

Первое: на сегодня все хозяйства, за исключением 276 (сд) вышли на меня, приводятся в порядок, организуем отпор врагу.

Второе: лично ПЕТРОВ ещё не появился. Имею сведения о нём, что 12.10.41 он перешёл РЕССЕТА у завода юго-восточнее ХВОСТОВИЧИ. Вышедшие командиры видели его и 15.10.41 северо-восточнее этого завода.

Третье: Вчера прибыл с частью штаба подполковник ПОЧЕМА, очень немного их осталось.

Четвёртое: сегодня полностью выбрался ИВАНОВ. Я прошу вашей телеграммы через генерала КУРКИНА в отношении ИВАНОВА. Думаю, что наиболее целесообразно его отправить, но для этого нужно дать телеграмму.

Пятое: в основном свою задачу я выполнил. Всё собрано, налаживается прямая связь всех хозяйств непосредственно со Штармом. Включаю свою опергруппу в аппарат ПОЧЕМА. Жду ваших указаний.

Шестое: очень прошу пришлите обещанное: ящик папирос, бочонок масла. Для войск нужно бельё, портянки, обувь, шапки, телогрейки.

Седьмое: противник 18–19 числа перешёл к активным действиям из района КОЗЕЛЬСК и из района УЛЬЯНОВО. Начались бои на подступах к БЕЛ ЕВУ. Пока на подступах к БЕЛЕВУ северо-запада и запада. Пока успешно отражаем.

20.10.41 АРГУНОВ. Передал капитан МАСЛЮКОВ 19.22 20.10.41.

Вот всё, что я получил от АРГУНОВА. Но думаю, что в личном разговоре с АРГУНОВЫМ уточню более подробно положение частей на фронте. МАСЛЮКОВ»[173].

Для того, чтобы понять динамику событий и то, насколько неточен был немецкий источник (Гудериан), приведем серию боевых донесений штабов разного уровня за октябрь месяц 1941 года.

Штаб Брянского фронта. Боевое донесение № 011.

«16.10.41.

16.00

1. Группа полковника Аргунова продолжает занимать прежнее положение.

173 сд занимает рубеж Слободка, Дебри, Уколицы.

Штадив — Сорокине.

Запасный полк продолжает оборонительные работы непосредственно западней Белев.

2. Группа полковника Иванова (бывшая группа Рейтер) от р.

Витебеть с рубежа Витебеть, Сиземка подходит Белев.

3. Группа полковника Грачева ведет бой за Волхов, который переходит из рук в руки.

4. У Иванова и Грачева до 400 машин без горючего, которое подается распоряжением полковника Аргунова.

Штаб группы Аргунова — Белев.

Группа с 16.10 перешла в подчинение командарма 26.

5. Части 50 армии подходят к участкам, занимаемым частями группы Аргунова.

На 16.10 вышли:

а) 217 сд — 300 человек;

б) 279 сд — 400 человек без обозов;

в) 299 сд — около 1500 человек с обозами;

г) 154 сд — около 1200 человек с обозами и частично с боевой техникой;

д) 260 сд — около 200 человек мелкими группами и одиночками.

Место нахождения штарма 50 уточнить не удалось.

6. Правее в районе Козельск ведет бой с частями пр-ка 31 кд.

Зам. начштаба фронта полковник Сандалов»[174].

Что произошло со штабом 50-й армии? Где генерал Петров? Где член Военного совета Шляпин? Почему не выходят на связь? Это волновало все штабы. Это, спустя десятилетия, продолжает волновать и нас.

Из оперативной сводки штаба Брянского фронта 20 октября 1941 года:

«…к 20.00

Первое. Армии фронта продолжали бои в районах Шеламовка, у выс. 235.2, Мал. Борзенки, Фатеж и, обороняясь на занимаемых рубежах на правом фланге, продолжали отход по рубежам на левом крыле фронта.

Штадив с 13. 30 в окружении в районе Мал. Борзенки.

41 кд атаковала в пешем строю во фланг пр-ка, наступающего от Шеламово на выс. 235. 2. Результатов атаки не поступило.

Данных о 194, 290, 260, 278 сд и 108 тд нет.

По донесению начштарма 50, матчасть 1 и 3 дивизионов первого гмп подорвана в районе Бутовского Завода. До 8 установок 2 дивизиона без снарядов 8. 10 и 9. 10 проследовало через Белев на восток. Личный состав 1 и 3 дивизионов через Белев проследовал в Москва»[175].

Из сводок следует, что дивизии, заняв новые рубежи, уже дерутся. Перед ними противник в прежней силе, а они держатся.

Что ж, такова жизнь, а вернее, война: командарм погиб, а армия продолжает драться.

Так что судьбу генерала Петрова оставим историкам и писателям.

У генерала есть хотя бы могила. У тысяч нет ни могил, ни даже имён.

В 1992 году на 41-м километре реки Рессеты — о, магия чисел! — поисковиками был найден железный ящик — дивизионный сейф с документами. Из-за повышенной влажности документы не поддавались прочтению. В научно-исследовательской лаборатории судебных экспертиз слипшиеся листы всё же разделили и определили: документы, находящиеся в железном ящике, датированы 1941 годом и «имеют хозяйственное значение». Это были различные ведомости, авансовые отчеты, расходные ордера, квитанции об оплате, денежные аттестаты и прочее. Эксперты установили, что принадлежат они 290-й стрелковой дивизии 50-й армии. Тремя годами раньше там же, на Рессете, поисковики нашли сейф с партийными документами 1026-го стрелкового полка 260-й дивизии. Стали известны многие фамилии бойцов и командиров 50-й армии, которые не были учтены ни в каких документах и не проходили ни по каким спискам. Так бойцы брянских поисковых отрядов возвращают истории имена её героев.

6

23 октября 1941 года Ставка Верховного главнокомандования приняла решение о слиянии 26-й и 50-й армий:

«В целях удобства управления Ставка Верховного Главнокомандования приказала:

1. С 12.00 23.10.41 года 26 армию слить с 50 армией, после чего 26 армию расформировать.

2. Командующим 50 армией назначить генерал-майора Ермакова.

Военному совету фронта немедленно отправить тов. Ермакова к месту новой службы.

Впредь до прибытия тов. Ермакова командование 50 армией возложить на генерал-майора Куркина.

Начальником штаба 50 армии назначается полковник Аргунов

3. Штаб 26 армии, управления и спецвойска армии использовать на усиление штаба 50 армии.

Оставшийся за штатом личный состав 26 армии направить в распоряжение начальника Главного управления кадров КА.

4. Командующему 26 армией генерал-майору Куркину и

начальнику штаба 26 армии генерал-лейтенанту Соколову по сдаче должностей прибыть в распоряжение Ставки.

5. 50 армию включить в состав Брянского фронта.

6. Штаб 50 армии развернуть в Тула.

7. Разграничительную линию с Западным фронтом установить — Сухиничи, Перемышль, Титовка, Лаптеве, Коровино, Рыбное — все для 50 армии включительно.

По поручению Ставки Верховного Главнокомандования Зам. начальника Генштаба Красной Армии Василевский»[176].

А вот документ, который характеризует состояние армии в первые дни после выхода из окружения:

«Донесение заместителя начальника Оперативного отдела штаба 50-й армии начальнику штаба Брянского фронта о состоянии и положении частей армии (23 октября 1941 г.)

Начальнику штаба Брянского фронта.

Доношу состояние и положение частей 50 армии к утру 23. 10.41 г.

1. Штаб армии в составе подполковника Почема, нач [альника] артиллерии полковника Леселидзе, оперотдел 2 чел., штаб артиллерии 3 чел., разведотдел 4 чел., а всего 50 командиров находится Астафьево и 23. 10 сосредоточивается Арсеньево. Сведений о нахождении командующего и чл. Военного совета с 18. 10 нет. До этого он с подразделениями 1 гвардейского полка следовал из Льгово на Знаменское.

2. В подчинении штаба армии находятся:

а) 260 сд во главе с к[оманди]ром дивизии полковником Хохловым. Состав: кнс — 84, мкс[177] — 79, рядовых — 241, всего 404 чел., винтовок 280, артиллерии и пулеметов нет.

Штадив — Ниж. Савинки.

б) 278 сд во главе с начполитотдела бат. комиссаром Зиновьевым — в Астафьево 252 чел., в Арсеньево 105 чел. Сведений о командире дивизии полковнике Мелешко нет, где штадив — неизвестно.

в) 151 пап; кнс — 25, мкс — 39, рядов. — 41, всего 105 чел. Одно 108-мм орудие с трактором выведено в р[айо]н Белев, положение остальных орудий (из боя выведено 10) неизвестно. На походе колонну бомбило 27 бомбардировщиков пр[отивни]ка. К[оманди]р полка майор Боголепов убит. Полк сосредоточивается Манаенки.

г) 5 осб: кнс — 28, мкс — 25, рядового — 100, всего 153 челов. Сосредоточен Манаенки. Сведений о местонахождении к-ра б-на нет.

д) 96 полк связи — всего людей 220 чел., одна машина АСК, кабеля 14 км, тел. аппаратов 10. Сосредоточен в Манаенки. К-р

полка капитан Преображенский ранен, находится в полку. Все радиостанции разбиты в бою у Бутовского лесозавода.

е) 86 озад — 48 чел. сосредоточены Манаенки. Матчасть утеряна.

ж) 73 полк НКВД в составе 200 человек сосредоточен в Манаенки. Командует военком полка бат[альонный] комиссар Трубников.

з) 9 запасный полк в составе 150 человек сосредоточен в Манаенки.

и) 761 ап ПТО в составе 30 чел. сосредоточен в Манаенки. Сведений о матчасти и командовании нет.

к) 643 ran в составе 40 чел. сосредоточен в Манаенки. Командования нет. Сведений о матчасти нет.

3. В подчинении белевского боевого участка находятся:

а) 299 сд в составе: кнс — 220, мкс — 190, ряд. — 900, всего 1320 чел.; лошадей — 490, ст[анковых] пулем[етов] — 12, ДП — 9, ППШ — 28, винтовок — 870, минометов — 13; пушек: 45-мм — 4, 76-мм — 6, 122-мм — 4, 76-мм ПА — 4. 20. 10 дивизия вела бой в р-не Волхов и отошла в р-н Поляны, Мал. Голубочек. Связи со штабом дивизии нет.

б) 290 сд: кнс — 232; мкс — 205, рядового — 1088, всего 1524 чел., лошадей — 77, винт. — 1005, ДП — 5, ст[анковых] пул[еметов] — 1, повозок разных — 36. Штадив — Верх. Савинки. К[оманди]р дивизии полковник Рякин получил приказ полковника Аргунова начать погрузку 23. 10 на ст. Манаенки для отправки в Тула.

в) 217 сд занимает оборону в р-не Одоево, ее три батареи, б[атальо]н связи и другие подразделения задержаны командованием 173 сд в р[айо]не Белев. Состав дивизии до 1600 чел. Сведений о численном составе не поступило. К[оманди]р дивизии полковник Грачев в Одоево.

г) 154 сд в составе двух сп с артиллерией (неофициальные] данные — 3 пушки) в составе 1400 чел. обороняется южнее Белев. Сведений о боевом составе нет. К-р дивизии следовал со штабом армии, отдельно от дивизии. Его местонахождение неизвестно.

д) До 1000 чел. разных частей армии находятся в 45 запасном полку. Принимаются меры к направлению их в свои части.

Части приводятся в порядок. Отдельные группы бойцов продолжают прибывать в части. Началась боевая подготовка и сколачивание подразделений.

Совершенно нет сведений о 279 сд. По непроверенным сведениям, 1005 сп находится севернее Белев. Ядра, вокруг которого можно бы было собирать отдельных бойцов, нет.

Штаб на 12.00 23.10 находится Астафьево, я прибыл в

Арсеньево. Остальные командиры штаба должны прибыть сюда же сегодня.

За отсутствием обозов и баз питания армия довольствуется на местных средствах, в основном за счет колхозов.

Зам. нач. оперотдела штарма 50 майор Гаран»[178].

Несколько слов об остатках 26-й армии, которые в эти дни были переданы 50-й армии. Эта армия (2-го формирования) создавалась на базе 1-го гвардейского стрелкового корпуса и имела в своём составе 6-ю гвардейскую стрелковую и 41-ю кавалерийскую дивизии, 5-й воздушно-десантный корпус. Армия не завершила своё формирование, когда её бросили в бой под Мценском, буквально под гусеницы танков Гудериана. История 17-го танкового корпуса повторилась в точности до мелочей. Командовал армией генерал-майор танковых войск А. В. Куркин, начальником штаба у него был генерал-лейтенант Г. Г. Соколов[179]. 25 октября полевое управление 26-й армии было расформировано, а войска переданы в 50-ю армию. Правда, 5-й воздушно-десантный корпус полковника С. С. Гурьева[180] ещё 19 октября передал свои позиции 6-й гвардейской стрелковой дивизии и был в срочном порядке переброшен в район юго-западнее Подольска и занял оборону, оседлав Варшавское шоссе. Прибывший из-под Ленинграда генерал Г. К. Жуков твёрдой рукой забивал бреши в Западном фронте, стягивал к Волоколамску, Наро-Фоминску, Подольску, Серпухову и Алексину всё, что только можно, и тут же бросал в бой. Судьба Москвы в те дни могла решиться на любом участке обороны наших войск. Прорыв роты или батальона мог повлечь за собой ввод танков и мотопехоты, а там, как снежная лавина, любой локальный прорыв готов был перерасти в основную операцию всей группы армий «Центр».

Когда 13 октября на Рессете возле Лихого болота началась переправа войск 50-й армии, в тылу на рубеже Белёв — Мценск — Льгов решением Ставки был создан Белёвский боевой участок. Возглавил его начальник оперативного управления штаба Брянского фронта полковник Аргунов. Вскоре он будет назначен начальником штаба 50-й армии.

А пока армия собиралась в районе Белёва, Мценска, Льгова. Белёвский боевой участок — это более ста километров фронта, занятого разрозненными подразделениями из состава вышедших из окружения дивизий и частей. Окопы были растянуты тонкой цепочкой. Сюда же, под Белёв, направлялось всё, что в тот период оказалось рядом или неподалёку. Так в эти дни на участок обороны группы Аргунова прибыли подразделения 194-й стрелковой дивизии.

Теперь иногда пишут: для усиления обороны правого крыла Брянского фронта по указанию Ставки Верховного главнокомандования на этот участок была переброшена 194-я стрелковая… И вроде всё так. Только, если вглядеться поглубже, всё обстояло абсолютно не так. Дивизия эта входила в состав 49-й армии генерала И. Г. Захаркина и перед началом наступления немецких войск (операция «Тайфун») занимала оборону западнее Вязьмы во втором эшелоне по восточному берегу Днепра. Но в самый канун атаки немецких войск получила из Генштаба приказ о переброске в район Харькова. Основные силы дивизии в составе 405-го стрелкового полка, одного батальона 470-го стрелкового полка, двух дивизионов 299-го артполка, противотанкового и зенитного дивизионов во главе с командиром дивизии полковником М. А. Сиязовым 4 октября разгрузились на станциях Брянск и Белые Берега. Здесь их застал «Тайфун». Дальше двигаться было нельзя. Так что вынужденная остановка и выгрузка на полпути и стали причиной того, что полковник Сиязов с частью своих войск оказался здесь, под Тулой. Следовавшие за ними эшелоны — 470-й стрелковый полк, батальон связи и тылы 405-го стрелкового полка — разгрузились на разъезде Хотень, так как передовые части противника «ворвались к тому времени в Сухиничи». Командование этой группой взял на себя командир 470-го стрелкового полка подполковник Д. П. Подшивайлов[181]. 616-й стрелковый полк, дивизион 299-го артполка и тыловые подразделения дивизии разгрузились в районе Калуги и в составе войск 49-й армии заняли оборону по реке Угре. Таким образом 194-я стрелковая дивизия оказалась разделённой на три части. И вступила в бой почти одновременно на трёх участках фронта. К чести дивизии, все три группы дрались храбро, не сгинули безвестно, как это часто бывало в 41-м.

Полковник Сиязов, которого немецкие танки застали на перегоне между Брянском и Белыми Берегами, с четырьмя батальонами пехоты и некоторым количеством артиллерии, по приказу штаба Брянского фронта, вступил в бой на участке фронта протяжённостью 15 километров на подступах к Карачеву. Лемельзен бросил против четырёх батальонов Сиязова четыре мотопехотных полка. Двое суток советские бойцы и артиллеристы отбивали атаки противника, не позволяя ему вклиниться в свои боевые порядки. 6 октября произошла катастрофа: противник обошёл оборону боевого участка правее, где зияла не прикрытая войсками брешь, и двинулся на Брянск. Батальоны оказались в окружении.

Полковник понял, что никто о них, в сущности чужих на этом

фронте, заботиться не будет. Продовольствие закончилось, боеприпасы тоже на исходе. Раненых эвакуировать некуда — тылы отрезаны. Оставалось надеяться только на себя. Он отвёл батальоны и артиллерию в лес. На восток ушли разведгруппы, чтобы определить колонные пути для выхода из окружения. Разведка вскоре донесла: дивизия отрезана, но пока не обнаружена, основное движение противника происходит по шоссе Карачев — Хвастовичи и Карачев — Орёл. Сиязов повёл части в северо-восточном направлении — на Белёв. С боем прорвался через шоссе Карачев-Хвастовичи и вышел к переправе в районе Гутовского лесозавода. Вот судьба: все пути в те дни сошлись на той переправе возле Лихого болота!

Вперёд пошла группа прорыва: 405-й стрелковый полк и дивизионная артиллерия; фланги обеспечивали две усиленные группы боевого охранения, в которые были включены сапёрные подразделения и расчёты полковых орудий; тылы прикрывала особая группа, предназначавшаяся для обеспечения отрыва главных сил после прорыва. Лесными просёлками под покровом ночи группа прорыва бесшумно подошла к переправе возле Лихого болота. Она была занята подразделениями полка «Великая Германия». Мост предстояло отбить.

Разведчики тихо подобрались к окопам, где стоял пулемёт, и бесшумно сняли часовых. И тут же полковник Сиязов дал сигнал к началу атаки. Одновременно с атакой группы прорыва сапёры из боковых охранений взорвали мосты на большаке и заминировали дороги. Заняли позиции артиллеристы и пулемётчики, чтобы встретить огнём возможные контратаки с севера и с юга. Сиязов наращивал напор у переправы. Гренадеры «Великой Германии» очень быстро пришли в себя и несколькими мощнейшими контратаками попытались погасить напор прорывающихся и овладеть инициативой боя. На главном направлении удара противники сблизились вплотную. Вначале вспыхнул гранатный бой, а через несколько минут началась рукопашная.

Шедшие на прорыв хорошо понимали, что именно здесь, на переправе, решается их судьба: либо выход к своим, на новые позиции, либо плен или гибель в болоте. Поэтому их напор — штыком и прикладом — невозможно было остановить. Немцы отошли. В прорыв вошли остальные части, обозы, артиллерия, а за ними и фланговые группы. Арьергард тем временем вёл бой, сдерживая противника. Во время боя на прорыв дивизия полковника Сиязова уничтожила до роты пехоты противника, артиллеристы сожгли 2 танкетки, 9 автомашин и 7 мотоциклов. В ближайшей деревне разведчики обнаружили колонну

военнопленных красноармейцев, брошенных охраной. Они были освобождены и тут же встали в строй.

Марш дивизии продолжался с 10 по 18 октября. При подходе к Белёву к колонне присоединилась группа подполковника Подшивайлова. В пути в колонны вливались мелкие группы и одиночные бойцы, выходящие из окружения самостоятельно. 18 октября голова колонны вошла в Белёв. Полковник Сиязов доложил начальнику Белевского боевого участка полковнику Аргунову о выходе и составе дивизии, о потерях и трофеях.

Изучая эпопею октябрьских боёв, приходишь к выводу о том, что войска Брянского фронта всё же сумели выдержать удар «Тайфуна». Потери тоже были огромными. Но дивизии вышли. Вышли штабы и тылы. Вышла часть личного состава. Иногда каждый десятый. Остальные погибли или попали в плен. Но трагедия северных Западного и Резервного фронтов оказалась более ужасной и положение менее поправимым.

Здесь уместным будет привести фрагмент воспоминаний офицера-артиллериста 194-й стрелковой дивизии Петра Андреева: «29 сентября, за 2–3 дня до того, как замкнулось кольцо вокруг Вяземской группировки наших войск, погрузились в Вязьме в эшелоны, и повезли нас на юг. Немцы бомбили. На обочинах дороги видели лежащие вверх колесами составы. Ночью 6 октября проехали Брянск, а на рассвете эшелон выехал из леса, остановился и попятился назад. Остановился в лесу. Мы вышли на опушку. Впереди взорванный железнодорожный мост через речку Снежеть. На противоположном берегу — город Карачев. Там на станции с железнодорожных платформ разгружаются танки, а на берегу речки стоит немецкий офицер с сигарой в зубах. До Орла мы не доехали 70 км, а Орел был оставлен нашими войсками 3 октября, то есть уже как три дня назад.

Прошли уже десятки лет, как закончилась война. Наступило, наконец, время, когда можно свободно писать и говорить правду о войне. А меня не покидает вопрос: как же так получилось, что нашу 194-ю горно-вьючную стрелковую дивизию посадили в вагоны и отправили в уже занятый немцами Орел? И об этом ни слова нигде не написано. Что это было — предательство или величайшая глупость?..

Успели мы тогда разгрузиться и отойти, но выставленный нами в заслон батальон немцы уничтожили.

Эшелон со штабом дивизии и частью подразделений через Брянск уже не проскочил. Повезло нам, что в нашем эшелоне оказался командир дивизии полковник Михаил Александрович Сиязов — сослуживец и начальник штаба у генерала Петрова, которого у нас забрали еще в Москве.

Ровно месяц, в летнем обмундировании — а 6 октября в том году уже первый снег выпал — без боеприпасов и продовольствия выводил Сиязов дивизию по лесам и болотам. В деревнях население нас на порог не пускало, в то время как немцев встречали с иконами и хлебом с солью. Был случай, когда четыре человека из управления нашего дивизиона пошли в деревню, а их местные жители заманили в хату и привели немцев. Те с полицаями отправили наших в комендатуру, но по дороге, убив полицая, задержанным удалось бежать.

Сиязов крепко держал дисциплину. Никакого мародерства. Один солдат у колхозницы взял охапку сена, так дело чуть не кончилось расстрелом.

Теперь можно прочитать, как командиры некоторых попавших в окружение частей, подчиненных распускали, мол «выходите, кто как может». Сиязов дивизию не распустил и из окружения вывел. У нас из дивизиона дезертировали только 6 человек — комиссар, начальник штаба и четыре солдата (узбеки).

Сам Сиязов всегда ехал впереди на белой лошади. Вырвались из окружения у г. Белев Тульской области и закончили войну на Эльбе, правда, уже без Сиязова. За Вислой он одно время был соседом, командовал корпусом. Дивизии после выхода из окружения присвоили номер 258-й — номер дивизии, знамя которой вынесли из окружения четыре офицера. Определили в 50-ю армию.

В конце ноября, когда мы уже стояли в обороне под Тулой, на наш дивизион вышел из окружения лейтенант. Расплакался от радости. Больше месяца пробирался из окружения, голодный и холодный. Накормили мы его и отправили в штаб полка. Через несколько минут вывели лейтенанта на крыльцо дома и на глазах у людей застрелили.

Через несколько дней после этого на нас вышел мл[адший] лейтенант Петр Филиппович Шило. Мороз 40 градусов, а он в офицерском плаще, пилотке и в хромовых сапогах. Рассказал, как он, окончив Ленинградское училище связи, получил направление в Шепетовку. Ехал в поезде. Не доехал, попал в окружение. Вышел. Арестовали. Посадили в тюрьму, заполненную офицерами окруженца-ми. Каждое утро арестованных выводят во двор. Двух-трех человек, старших по званию расстреливают перед строем. До младшего лейтенанта очередь не дошла. Направили в 50-ю армию в Брянскую область. Не дошел. Опять окружение. И вот, вышел на нас. Теперь мы были поумнее, в штаб не отправили, а спрятали мл. лейтенанта. А когда нашего начальника связи дивизиона забрали в штабную батарею, Петра Филипповича Шило поставили на довольствие и назначили начальником связи дивизиона. Как

кончилась война, капитану Шило предложили поехать воевать в Грецию, а когда он отказался, его демобилизовали. Поступил и окончил Военно-механический институт, проработал всю жизнь начальником конструкторского бюро военно-морского флота.

Выходили мы из окружения настолько истощавшие и голодные, что падали и засыпали на ходу. Думали, Родина накормит. Вместо хлеба дали бумагу — накладные, по которым мы должны были брать у населения, то есть отбирать у голодных женщин с детьми, зерно, если находили, и последнюю кормилицу — корову. Мы плакали, видя, как женщины рвали на себе волосы. Детей оставляли на голодную смерть».

Вот она, солдатская правда войны. Жутковатая, во многом неудобная. Не помещающаяся ни в одну из концепций, ни в консервативно-патриотическую, ни в либеральную. Прочитаешь в архиве в папке в ворохе боевых донесений что-нибудь вроде: «За отсутствием обозов и баз питания армия довольствуется на местных средствах, в основном за счёт колхозов», — и особого значения этим словам не придашь. А солдат вспомнил, как этот пункт приказа выполняли…

После выхода из окружения Сиязов получил новый приказ: занять позиции у Белёва и не пускать противника к городу. И снова начались атаки, которые следовали одна за другой. И всё походило на то, что произошло у Карачева три недели назад. Но вскоре из штаба боевого участка пришло новое распоряжение: оставить позиции у Белёва и выйти в район Одоева для прикрытия подступов к Туле со стороны Черепети. Легко отдать приказ: оставить позиции, отойти…

К счастью, наши офицеры быстро учились воевать. И в этот раз полковник Сиязов сумел буквально выхватить свою дивизию из-под носа у немцев. Прикрывшись арьергардами, части 194-й дивизии вышли из-под удара и заняли оборону вначале северо-западнее Одоева, а потом по реке Упе на рубеже Новое Павшино, Поречье, станция Бредихино. Особенно тяжело во время отхода пришлось 470-му стрелковому полку, прикрывавшему отход. В первый день бой не прекращался ни на час. К вечеру, измотав противника и себя, полк оторвался от преследования и вскоре соединился с основными силами.

На Упе 194-я дивизия простояла 15 суток. Затем её подразделения, по всей вероятности, вошли в состав 258-й стрелковой дивизии. А полковник Сиязов возглавил эту дивизию. Потому что номер 194-й был оставлен другой части некогда разделённой дивизии, которая в те дни оборонялась под Серпуховом в составе соседней 49-й армии генерала И. Г. Захаркина. Почему-то в довольно подробном донесении

заместителя начальника Оперативного отдела 5-й армии 194-я даже не упомянута. Вот вам и документы военного времени. Нет документа — нет человека. Нет документа и человека — нет повода для поисков.

Михаил Александрович Сиязов родился 23 января 1900 года в Самарканде. В августе 1919 года призван в ряды РККА и направлен в 4-й Долбушинский стрелковый полк. Рядовым красноармейцем воевал на Восточном фронте против войск атамана А. И. Дутова в районе между озером Чел кар-Тенгиз и Аральским морем. В октябре того же года переведён в 1-й Оренбургский полк Закаспийского фронта. Затем был Юг России и бои против войск генерала А. И. Деникина. В феврале 1920 года направлен в 1-ю армию. Служил на должностях помощника завхоза политотдела 1-й Туркестанской стрелковой дивизии, агента по закупкам политуправления армии и помощника делопроизводителя хозяйственной части 2-го Туркестанского стрелкового полка. Должности Сиязову в этот период его службы достались небоевые, однако в военных действиях участвовать довелось — в схватках с басмачами в районах Хивы и Бухары.

В августе 1920 года направлен на учёбу на 26-е Полторацкие пехотные командные курсы, после окончания которых с апреля 1922 года служил в 4-м Ходжентском стрелковом полку на должностях командира взвода и помощника командира роты. Принимал участие в боях против басмачей в районах Восточной Бухары. В том же году вступил в РКП(б).

С сентября 1922 года служил в стоявшем в Фергане 5-м Туркестанском стрелковом полку командиром роты, помощником командира батальона. Именно здесь пошла вверх военная карьера Михаила Александровича. Он стал вначале помощником начальника, а затем и начальником полковой школы младших командиров. В 1925 году направлен на учёбу, и в 1926 году успешно окончил стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА им. III Коминтерна. Учёбу вскоре продолжил — в 1933 году окончил Военную академию им. М. В. Фрунзе и направлен в Забайкалье на должность начальника 1-й части штаба укрепрайона. В феврале 1935 года его перевели в штаб Особого Краснознамённого Дальневосточного военного округа помощником начальника 2-го отдела, а в июне 1937 года — на должность командира 6-го отделения Хабаровского стрелкового полка. Служба шла хорошо. Наркомом обороны СССР он был награждён именными золотыми часами.

Но именно в это время карьера Сиязова едва не полетела в пропасть: весной 1938 года он был арестован органами НКВД. Арест, как правило, сопровождался увольнением из армии.

Следствие продлилось год, а в апреле 1940 года Сиязов был освобождён и дело было прекращено. Только что закончилась Советско-финская война, в которой Красная армия показала себя не с лучшей стороны. Свою слабость продемонстрировал и командный состав. У И. В. Сталина состоялся серьёзный разговор с руководством Наркомата обороны, во время которого С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков убедили вождя пересмотреть дела арестованных командиров, которых ещё не успели расстрелять в тюрьмах и на полигонах НКВД. Сталин согласился. Тогда же вернулись на службу К. К. Рокоссовский, А. В. Горбатов и многие другие, кто потом, во время войны, успешно командовал дивизиями, корпусами, армиями, фронтами.

Сиязова направили в Среднеазиатский военный округ на должность преподавателя тактики стрелково-тактических курсов. Вскоре его перевели в войска, и он возглавил штаб 194-й горнострелковой дивизии.

После начала военных действий Сиязов 26 августа 1941 года возглавил дивизию, а вскоре она была переброшена на центральный участок фронта, под Дорогобуж, а к осени заняла позиции севернее Вязьмы. В самый пик боёв под Вязьмой дивизию сняли с позиций и погрузили в эшелоны для следования на юг. В итоге в пути она была фактически полностью уничтожена с воздуха. Когда началось немецкое наступление, уцелевшие части дивизии оказались в разных местах и влились в те соединения, которые в тот момент оборонялись на своих рубежах.

Семнадцатого ноября Сиязов был назначен командиром 258-й стрелковой дивизии, с которой он особенно отличился в ходе Калужской наступательной операции. 5 января 1942 года она будет преобразована в 12-ю гвардейскую. Это её полки весной 1942-го ворвутся в Юхнов и очистят от противника этот небольшой городок на Варшавском шоссе, превращённый противником в настоящую крепость, долгое время считавшуюся неприступной.

В Юхнов Сиязов входил уже в звании генерал-майора. В марте 1942 года Сиязов был назначен на должность заместителя командующего 5-й армией, а в октябре 1943 года переведён на аналогичный пост в 10-ю гвардейскую армию. Через два месяца, 16 декабря, он принял 7-й гвардейский стрелковый корпус, с которым с января 1944 года вёл бои на Идрицком направлении.

Затем последовательно командовал 100-м стрелковым (с 18 февраля) и 12-м гвардейским (с 27 мая) стрелковым корпусами. Последний под командованием генерала Сия-зова в июле 1944 года успешно форсировал реку Великая, прорвал немецкую оборону южнее города Остров и продвинулся вперёд до сорока

километров, при этом свернул фланги обороны противника и расширил прорыв до семидесяти километров. Освободил более 700 населённых пунктов, в том числе такие, как Шанино, Зеленово, Красногородское.

Командование дивизией Сиязов сдал 29 июля, а через несколько дней вступил в должность заместителя командующего 67-й армией, вместе с которой освобождал Ригу. 8 октября 1944 года он принял 89-й стрелковый корпус и с ним участвовал в Варшавско-Познанской, Восточно-Померанской и Берлинской операциях. Корпус освобождал Варшаву, за что получил почётное наименование «Варшавский». 26 апреля 1945 года командующий 61-й армией, в которую на тот момент входил 89-й корпус, генерал-полковник П. А. Белов за форсирование реки Одер представил М. А. Сиязова к званию Героя Советского Союза. Однако в вышестоящих штабах снизили статус награды до ордена Суворова 2-й степени.

Последние бои корпуса были особенно успешными. Вот несколько благодарностей из приказов Верховного главнокомандующего, в которых отмечен 89-й стрелковый корпус и его командир:

— «За пересечение границы Гекрмании западнее и северо-западнее Познани, вторжение в пределы немецкой Померании и овладение городами Шенланке, Лукатц-Крейц, Вольденберг и Дризен — важными узлами коммуникаций и мощными опорными пунктами обороны немцев» — № 265, 29 января 1945 года;

— «За овладение городами Дейч-Кроне и Маеркиш-Фридлянд — важными узлами коммуникаций и сильными опорными пунктами обороны немцев в Померании» — № 274, 11 февраля 1945 года;

— «За прорыв сильно укреплённой обороны немцев восточнее города Штаргард, продвижение вперёд за четыре дня наступательных боёв до 100 километров, выход на побережье Балтийского моря в районе города Кольберг и овладение городами Бервальде, Темпельбург, Фалькенбург, Драмбург, Вангерин, Ладес, Фрайенвальде, Шифельбайн, Регенвальде и Керлин — важными узлами коммуникаций и сильными опорными пунктами обороны немцев в Померании» — № 288, 4 марта 1945 года;

— «За овладение городами Альтдамм и ликвидацию сильно укреплённого плацдарма немцев на правом берегу Одер восточнее Штеттина» — № 304, 20 марта 945 года;

— «За овладение городами Франкфурт-на-Одере, Ванд-литц, Ораниенбург, Биркенвердер, Геннигсдорф, Панков, Фридрихсфельде, Карлсхорст, Кепеник и прорыв в столицу

Германии — Берлин» — № 339, 23 апреля 1945 года.

После Победы некоторое время продолжал командовать стрелковыми корпусами, а в марте 1947 года направлен на учёбу на Высшие академические курсы при Высшей военной академии им. К. Е. Ворошилова. После окончания курсов (август 1948 года) генерал-лейтенант Сиязов (это звание он получил 5 июля 1946 года) в войска уже не вернулся, а возглавил Свердловское суворовское училище. Через два года, в сентябре 1950-го, он был переведён в Новочеркасск также начальником суворовского училища. В апреле 1956 года ещё молодой генерал — ему исполнилось только 56 лет — оставил службу. Последний год жизни он провёл в столице Белоруссии, Минске, где и скончался 1 апреля 1957 года. За годы службы Сиязов был награждён орденом Ленина (1945), тремя орденами Красного Знамени (1942, 1944, 1949), двумя орденами Суворова 2-й степени (1943, 1945), орденом Кутузова 2-й степени (1945) и медалями. Особенно дорожил медалью «За оборону Москвы».

А вот судьба другой дивизии — 217-й стрелковой.

В начале октября она понесла большие потери в людях и технике и к 5 октября отошла на восточный берег реки Бытошь. Два её полка были сведены в один и двумя группами оборонялись в районе населённых пунктов Бытошь и Сукремль. В полдень 2 октября была потеряна связь с 766-м стрелковым полком. Как выяснилось позднее, полк был отрезан противником и практически уничтожен. Погиб и комполка Н. П. Галкин. К 5 октября в 755-м полку осталось 40 штыков, в 740-м — около 800 человек.

Началось отступление. В ночь на 8 октября остатки дивизии снялись с позиций. Но противник уже перекрыл пути отхода. В ходе боёв в окружении к частям 217-й дивизии присоединились воины сводного полка, сформированного в августе 1941 года в Брянске.

Бывший секретарь партийного бюро этого полка И. А. Соболев вспоминал: «Полк формировался в казармах 5-го полка связи. Бывшего командира батальона, на базе которого формировался полк, капитана Храмовского назначили заместителем командира полка. После оставления Брянска мы отступали с боями до Тулы. Нам пришлось вести ожесточённые бои в районе Подбожье, Воткино, Рига, Кудеяр, Крапивна, Сорокино, Новый Путь, Белёв. В городе Одоев мы встретились с командиром и комиссаром (т. Анисимов, т. Карцев) 740-го стрелкового полка 217-й дивизии, и наш Брянский полк влился в состав 740-го полка и отходил к Туле в его рядах. Тов. Храмовский стал командиром 1-го батальона 740-го полка. После освобождения Ясной Поляны на подступах к г. Щёкино он погиб». 217-я стрелковая дивизия вышла из окружения наиболее боеспособной — 1428 человек с 16 орудиями, 6 миномётами. Вывел её начальник политотдела подполковник С. А. Сиабандов.

Почти всем дивизиям, выходившим организованно, с обозами, пришлось вести бой на переправах через Рессету. Вот как выходила 260-я стрелковая дивизия. Утром 11 октября передовой отряд сбил заслон противника и вышел к Хвастовичам. В Хвастовичах к тому времени уже были немцы. Все дороги к Рессете, мосты и броды были либо заминированы, либо контролировались гарнизонами и танками. К переправе вышли с боем. Бой длился 12 и 13 октября. Из воспоминаний офицера 839-го артполка 260-й стрелковой дивизии Якова Гельфандбейна:

«Под сильным артиллерийским и миномётным огнём, под непрерывной бомбёжкой, насквозь промокшие, отощавшие от недоедания, но сильные ненавистью к врагу, наши воины чуть ли не в рукопашной схватке прорвались к реке и форсировали её. Прорыв дался ценой больших потерь. Но впереди вновь был противник. Тогда дивизия резко меняет направление на северо-восточное, на Белёв, и после отчаянного боя 17 октября 1941 г. прорывает фронт, 20 и 21 октября переправляется через р. Оку у Белёва, а 23 октября сосредотачивается в районе Арсеньево».

Дивизия отступала по нескольким параллельным дорогам. 839-й артполк оторвался от стрелковых полков, связь с ним прервалась. Пунктом сбора частей дивизии было назначено село Нехочи. Но вскоре выяснилось, что крупный населённый пункт Подбужье на пути к Нехочам занят противником. У деревни Семёново на полдороге к Нехочам образовалась большая пробка. Её начали бомбить немецкие самолёты. А немного погодя показалась мотопехота. И тут командир артполка отдал приказ: орудия уничтожить, лошадей расстрелять.

Тем временем 1028-й стрелковый полк вышел к Хвастовичам. Разведка, высланная вперёд, сообщила: в Хвастовичах немцы. Решили атаковать. Обойти этот крупный населённый пункт, райцентр Орловской области (ныне Калужской области) было невозможно. К тому же от Хвастовичей шла прекрасная дорога на село Красное. В Красном был мост через Рессету, за которым открывался путь на Волхов и Карачев. 12 октября полк атаковал хвастовичский гарнизон, смял его, но закрепиться без тяжёлого вооружения и артиллерии не смог. Немцы контратаковали и рассеяли полк.

Небольшими группами, численностью до взвода, полк впоследствии собрался в Белёве. Часть пошла на укомплектование других дивизий. На сборных пунктах долго не задерживали: покормили, заполнили нужные бланки, хорошо, если помыли в бане, а то и отправляли тут же, со старыми вшами в новые окопы.

Гудериан вспоминал: «2-й танковой армии была теперь поставлена задача нанести удар на Тулу. Успешно завершив бои в районах Брянска и Вязьмы, группа армий «Центр» добилась тем самым ещё одного крупного тактического успеха. Вопрос о том, в состоянии ли она продолжать наступление, чтобы превратить этот тактический успех в оперативный, являлся наиболее важным со времени начала войны вопросом, стоявшим перед высшим командованием германской армии». Тон приказов и распоряжений, которые отдавал командующий 2-й танковой армией своим генералам и солдатам, был более уверенным и

бодрым. Это после поражения, пережив трагедию крушения и армии, и рейха, Гудериан задним числом подпустил в «русские» главы своих мемуаров настроение некой неуверенности, при этом переводя стрелки всё на того же козла отпущения — Гитлера. «2-я танковая армия продолжала наступление на Тулу», — написал Гудериан сразу после завершения брянско-вяземской главы.

На Оке в те дни создавалась оборона. Окопы занимали те самые 10 %, уцелевшие после разгрома 50-й армии под Брянском, Хвастовичами и Карачевом. Казалось бы, для окончательного разгрома этих жалких остатков, не обеспеченных артиллерией и миномётами, достаточно было ещё одного хорошо организованного танкового нажима, и они рассеются как туман; Тула падёт, и откроется дорога на Москву — прекрасные шоссе и железная дорога.

Но тщательно разработанным планам германского командования по захвату Москвы, а также Тулы, так и суждено было остаться на бумаге. Недорубил «Быстрый Гейнц» лес, не постарался, пренебрёг, а он на Руси, как известно, отрастает скоро… 26 октября передовые части LIII армейского корпуса вышли к Оке. На следующий день танки Гудериана были уже в районе Плавска. 28 октября XXXXIII армейский корпус достиг Одоева. До Тулы оставалось менее тридцати километров. В этот день Гудериан получил текст пожелания, переданного фюрером: «захватить нашими подвижными батальонами» мост через Оку восточнее Серпухова. И Серпухов, и мост через Оку, о котором грезил Гитлер, находились перед фронтом левофланговой 4-й полевой армии. Впоследствии Гудериан напишет в своих мемуарах по поводу берлинских пожеланий следующее: ««Подвижных батальонов» уже не было. Гитлер жил в мире иллюзий». Началось сражение за Тулу.

Но неожиданно продвижение вперёд танковых, моторизованных и армейских корпусов 2-й танковой армии Гудериана застопорилось. Генерал-фельдмаршал фон Бок с беспокойством записал в своём дневнике: «По большому счёту, остановка наступления 2-й танковой армии означает приостановление наступления на всём фронте группы армий».

8

Оборона Тулы началась 24 октября 1941 года. Именно в этот день вновь сформированное командование 50-й армии отдало первый приказ об организации обороны подступов к Туле и самого города. Командующим, как уже говорилось, Ставка

назначила генерал-майора А. Н. Ермакова, членом Военного совета армии стал бригадный комиссар К. Л. Сорокин[182], начальником штаба — полковник Н. Е. Аргунов. Это были опытные командиры. Дальнейшие события покажут, что с танковым гением Третьего рейха генералом Гудерианом и командирами его корпусов и дивизий они будут драться на равных.

Аркадий Николаевич Ермаков родился 10 сентября 1899 года в Мценске Орловской губернии. С 1918 года в Красной армии. Сражался на фронтах Гражданской, в межвоенный период командовал взводом, ротой, батальоном, полком. Окончил Стрелково-тактические курсы усовершенствования комсостава РККА имени III Коминтерна, Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава при Военной академии механизации и моторизации РККА им. И. В. Сталина. С июня 1938 года командовал элитной 100-й стрелковой дивизией. Во главе её ему довелось повоевать и во время Советско-финской войны. 29 июля 1940 года был назначен командиром 2-го стрелкового корпуса, а за месяц до этого получил звание генерал-майора. Войну с Германией встретил с корпусом (100-я и 161-я стрелковые дивизии) под Минском. Корпус храбро дрался в районе Березины и Минска, обе дивизии отличились и вскоре стали гвардейскими. С 16 августа был заместителем командующего войсками Брянского фронта и, как только ситуация обострилась, возглавил фронтовую подвижную группу (108-я танковая и 4-я кавалерийская дивизии, 141-я танковая бригада). Затем командовал оперативной группой войск, куда входили две кавалерийские, три стрелковые дивизии и две танковые бригады. Именно усилиями группы генерала Ермакова была, по сути дела, спасена от разгрома 13-я армия генерал-майора А. В. Городнянского. Из окружения свою группу генерал Ермаков вывел вполне боеспособной, хотя и порядком выбитой. Маршал Ерёменко в своих мемуарах отзывался о бывшем своём подчинённом с уважением, как об одарённом командире и человеке «большой личной храбрости».

Тульская оборона для генерала Ермакова станет роковой. Уже в октябре у него испортились отношения с 1-м секретарём Тульского обкома и горкома партии В. Г. Жаворонковым[183]. В ноябре случился прорыв под Сталиногорском (ныне Новомосковск), что привело в ярость командующего Западным фронтом Г. К. Жукова, который отстранил Ермакова от должности и отдал под трибунал. Масла в огонь подлил и секретарь обкома тов. Жаворонков.

Начальник штаба армии полковник Николай Емельянович

Аргунов был человеком старой закалки, из прапорщиков Русской армии. Родился в крестьянской семье в селе Куроши Сычёвского уезда Смоленской губернии 2 января 1898 года. Окончил земскую школу, затем городское училище. Во время Первой мировой войны окончил полковую учебную команду, а затем Гатчинскую школу прапорщиков. Уже в декабре 1917 года он присоединился к Красной гвардии, а в Красной армии служил с момента её создания. Учился в Смоленске на пулемётных курсах комсостава, в 1924 году окончил Высшую тактическо-стрелковую школу командного состава РККА им. Коминтерна «Выстрел» и в 1927 году поступил в Военную академию им. М. В. Фрунзе. Если раньше вся служба Аргунова прошла на строевых должностях, то после окончания академии и до начала войны он занимал лишь штабные посты. В 1938 году окончил Академию Генерального штаба РККА, был оставлен в ней преподавателем, буквально за менее чем три недели до начала войны — 3 июня 1941 года — был назначен начальником штаба 25-го мехкорпуса. В этой должности он и встретил войну. Затем, после того как в августе понесший большие потери корпус был расформирован, руководил Оперативным отделом штаба Брянского фронта. Командовал Белёвским боевым участком, где фактически собрал остатки 50-й армии, выходящие из окружения, и в октябре принял руководство штабом этой армии. После тульской эпопеи Николай Емельянович Аргунов 2 января 1942 года получит генеральские звёзды, а в марте его отзовут в Москву — сначала он возглавит группу контролирования за формированием стрелковых и кавалерийских соединений, а в октябре — ноябре — Разведуправление Центрального штаба партизанского движения. Затем он служил заместителем командующего ряда фронтов по вспомогательному пункту управления, командовал стрелковыми дивизиями, а закончил войну в должности начальника штаба 32-й армии. Он принял участие в Японской войне, а после неё остался в армии, служил в различных округах по линии боевой подготовки. В конце своей военной карьеры Аргунов три года прослужил в ГДР, где участвовал в создании национальной народной армии.

Когда штаб 50-й армии прибыл в Тулу, там уже полным ходом шла подготовка к обороне города. 16 октября партийный актив принял решение по докладу 1-го секретаря обкома партии тов. Жаворонкова «О текущем моменте и задачах парторганизации». В решении говорилось: «Мы, большевики Тулы, заверяем Центральный Комитет ВКП(б), что все как один с оружием в руках будем драться до последней капли крови за нашу Родину, за наш любимый город и никогда не отдадим Тулу

врагу». И действительно, Тула дралась яростно. Туляки-ополченцы и бойцы истребительных отрядов насмерть стояли на самых опасных участках обороны. И враг городом русских оружейников овладеть так и не смог.

Тревожная весть пришла в Тулу 21 октября: немцы захватили Калугу и ринулись на Алексин и Тарусу. К тому времени оказались оккупированными Детчинский, Бабынинский, Перемышльский и Черепетский районы Тульской области. Горожане понимали, что со дня на день враг подступит к областному центру. В Тулу шли потоки беженцев, приносившие с собой страшные вести.

Из дневника жительницы Тулы Нины Михайловны Яковлевой.

«2 октября 1941 года. Немцы взяли Орел.

16 октября 1941 года. Моя подруга передала мне слова Дуняши[184]: «Немцы в Тулу не войдут, я заперла дверь на замок, а ключи потеряла». (Но тогда я ничему не верила. Спустя много лет, в газете «Тульская молва» я прочитала заметку о Дуняше, где описывались ее предсказания 23 октября.) Городской комитет обороны принял решение о формировании Тульского рабочего полка (командир — Горшков А. П., комиссар — Агеев Г. Л.) В полк объединили 1500 человек. Вооружение — старые трофейные винтовки, ручные гранаты, бутылки с горючей жидкостью. Пулемёты собирались из запчастей, из учебного оружия. Обмундирование не выдавалось. В полку были люди разные по возрасту и по профессии. Горшков — единственный кадровый офицер. Шла подготовка к уличным боям. Поперек улицы сооружались каменные или деревянные стены, к которым присыпалась земля. Насыпи имели толщину 3–3,5 метра, высоту — 2 метра. На перекрестке ул. Первомайской и Ф. Энгельса была выстроена баррикада. Начались грабежи пустующих квартир, магазинов, складов. Охрана порядка в городе была возложена на коменданта полковника Мельникова».

Газета «Коммунар» 22 октября вышла со статьёй «Как уничтожить вражеские танки». — 23 октября капитан А. П. Горшков приступил к формированию полка, именно этот рабочий полк тульских ополченцев в самые ближайшие дни во многом решит судьбу обороны Тулы. — 24 октября, как мы уже знаем, штаб 50-й армии издал свой первый приказ. — 25 октября город объявлен на осадном положении, а капитан Горшков доложил в штаб 50-й армии о том, что закончил формирование Тульского рабочего полка. Первоначально полк состоял из пяти батальонов:

— 1-й батальон, куда вошли добровольцы из всего города, насчитывал 500 человек;

— 2-й батальон, сформированный из рабочих и служащих Центрального района Тулы, насчитывал 300 человек;

— 3-й батальон: Привокзальный район, 300 человек;

— 4-й батальон: Пролетарский район, 200 человек;

— 5-й батальон: Зареченский район, 200 человек.

Анатолий Петрович Горшков родился 9 мая 1908 года в Москве в семье рабочего. Окончил школу и текстильное училище. Работать начал в Москве на хлопчатобумажном комбинате «Товарищества Прохоровской Трёхгорной мануфактуры» учеником гравёра-накатчика. Затем стал директором Дома культуры. В 1930 году призван на военную службу и направлен на Дальний Восток в пограничные войска НКВД. В год призыва вступил в ВКП(б). Прошёл путь от рядового пограничника до командира погранотряда. С Дальнего Востока переведён на Запад, служил на румынской и польской границах. Окончил пограничное училище и Высшую пограничную школу НКВД. В 1938 году направлен в Управление погранвойск в Киеве, затем переведён в Москву, в Главное управление пограничных и внутренних войск НКВД СССР.

Из личного дела офицера А. П. Горшкова (10 июня 1940 года): «Партии Ленина — Сталина и Социалистической Родине — предан. Политически и морально устойчив, бдителен, военную и государственную тайну хранить умеет. Силу воли имеет. Энергичен, настойчив, решителен. В работе постоянно проявляет широкую личную инициативу. Требователен к себе и подчинённым. Дисциплинирован и исполнителен. Практически здоров. В быту скромен».

В начале Великой Отечественной войны капитан А. П. Горшков назначен начальником 4-го отдела Управления НКВД по Тульской области. Главной задачей отдела стала организация партизанских отрядов, разведывательно-диверсионных групп и истребительных батальонов. Вместе с сотрудниками отдела в самые короткие сроки Анатолий Петрович сформировал 19 истребительных батальонов. Как свидетельствуют документы, «в состав истребительных батальонов входили проверенные коммунисты, комсомольцы и советские активисты, способные владеть оружием». Когда пал Орёл и начались бои под Мценском, тульские «ястребки» совместно *с* подразделениями войск НКВД охраняли тылы сражающихся войск, занимались эвакуацией материальных ценностей, хлебных запасов и колхозного скота. Общее руководство отрядами осуществлял капитан Горшков.

В октябре за четверо суток он со своими помощниками сформировал полк. Фактически это было типичное ополченческое

формирование, созданное для защиты родного города. Но были и отличия. К примеру, бойцы рабочего полка были лучше вооружены, чем ополченцы других тульских полков, и обеспечены различными необходимым снаряжением и боеприпасами. Многое ведь изготавливалось туг же, на военных заводах и в домашних мастерских оружейников.

Из личного дела офицера А. П. Горшкова: «Не будучи в достаточной степени обучен и сколочен, рабочий полк под командованием тов. Горшкова принял на себя первые удары танковых колонн Гудериана и полка «Великая Германия» и в дальнейшем стойко удерживал рубежи на подступах к Туле. Полком тов. Горшков руководил в особо трудных условиях, так как из-за отсутствия командного состава не было штаба, средств связи, а в течение первых пяти дней не было и комиссара полка».

Рабочий полк храбро дрался на тульских рубежах. Потом, когда началось контрнаступление, освобождал Калугу, в составе 217-й стрелковой дивизии с боями продвигался к Варшавскому шоссе и встал в оборону по реке Угре, удерживал захваченные плацдармы. Там в марте 1942 года полку был присвоен общевойсковой порядковый номер — 766-й стрелковый. Наступал полк уже с новым командиром, майором В. М. Барановым, а капитан Горшков вернулся на прежнее место службы. Когда непосредственная угроза городу была снята, ему была поручена подготовка разведывательно-диверсионных групп, а также организация заброски в немецкий тыл. Эти группы часто становились ядром для партизанских отрядов. С партизанским движением оказалась связанной и дальнейшая боевая служба Горшкова: сначала, в начале 1942-го, он занял пост заместителя начальника Брянского штаба партизанского движения, а в следующем году состоял при штабе 1-го Белорусского фронта представителем Белорусского штаба партизанского движения и увязывал вопросы взаимодействия партизанских формирований с войсками. 16 сентября 1943 года он был произведён в генерал-майоры. В 1944 году его, как специалиста по партизанской войне, назначили заместителем начальника Советской военной миссии в Югославии.

После войны Горшков служил в Главном управлении НКВД СССР по борьбе с бандитизмом, возглавлял 1-й отдел, курировавший борьбу с антисоветскими формированиями на территории Украины и Молдавии. В феврале 1946 года его перевели в Нальчик, наркомом (затем министром) внутренних дел Кабардинской АССР: и здесь его главной задачей стало очищение этой северокавказской республики от вооружённых бандформирований.

В 1948 году служба Горшкова в органах завершилась. Позже он работал в строительных организациях Академии наук СССР и при этом активно работал в Международной комиссии Советского комитета ветеранов войны. Всегда рядом с ним была жена Антонина Александровна. Дочери Людмила и Нина родились до войны, Татьяна — после войны.

По воспоминаниям командующего 50-й армией генерала И. В. Болдина, Тульский рабочий полк свой первый бой принял 30 октября 1941 года в 7 часов 30 минут в районе Рогожинского посёлка на Южном боевом участке. Около сорока немецких танков при поддержке автоматчиков атаковали в районе кирпичного завода. Бой длился более четырёх часов. Танки не смогли преодолеть противотанковый ров. Первый немецкий танк подбил командир отделения Пётр Саликов. Вскоре на западной окраине Рогожинского посёлка немцы нащупали слабое место, не прикрытое рвом. Ров здесь просто не успели выкопать. Танки обошли ров и атаковали с тыла. Полк отошёл на запасные позиции в район Комсомольского парка, преградив немцам путь к посёлку Красный Перекоп. В бою погиб комиссар полка Григорий Агеев.

Генерал Болдин несколько смягчает краски боёв первого дня немецких атак. Мемуары есть мемуары. Если наложить на болдинскую картину донесение начальника Южного боевого участка майора И. Я. Кравченко и страницы дневника начальника штаба 956-го стрелкового полка 299-й стрелковой дивизии старшего лейтенанта В. А. Венцеля, то получим более жёсткий сюжет.

В тот день, 30 октября, в 8.00 противник с направления Гостеевка атаковал участок обороны Тульского рабочего полка в районе парка Осоавиахима силами 34 средних и тяжёлых танков и до батальона мотопехоты. По свидетельству старшего лейтенанта Бенцеля, на атакованном участке не было противотанковых препятствий, огонь четырёх зенитных орудий не остановил немецкие танки, «танки методично подъезжали к переднему краю обороны, давили бойцов траками и расстреливали из пулемётов». При этом часть бойцов рабочего полка поддалась панике, и они вместе с бойцами 2-го стрелкового батальона 156-го стрелкового полка НКВД, который держал оборону правее Орловского шоссе, прикрывая Тульский механический институт, оставили свои позиции и в беспорядке отошли. Немецкие танки прорвались к городу, овладели парком Осоавиахима. Положение Южного участка настолько осложнилось, что командование обороны Тулы приняло решение взорвать мосты через Упу в черте города. Паника тут же

перекинулась на горожан — начались беспорядки, мародёрство и разграбление магазинов и складов.

Майор И. Я. Кравченко в своём донесении был более краток и резок в оценке ситуации. После столкновения с передовыми немецкими частями рабочий полк был рассеян и бежал. Танки и мотопехота прорвались к городу. Критическую ситуацию удалось выправить только с помощью трёх групп истребителей танков и личного состава подошедшего 1005-го стрелкового полка 173-й стрелковой дивизии. Полком командовал старший лейтенант Савчинский. По приказу майора Кравченко стрелковые подразделения своим огнём отрезали немецкую пехоту от танков, а танкам и тем временем занялись артиллеристы. Итог боя таков: пять танков подбито и сожжено в парке Осоавиахима, восемь танков уничтожили артиллеристы 843-го артполка боевой группы Линькова. на высоте 225,5. Противник больше не возобновлял атаки. К 10.00 положение на всех участках тульской обороны было восстановлено.

За четыре дня боёв Тульский рабочий полк потерял половину своего личного состава убитыми и ранеными. Батальоны и роты тут же были пополнены новыми добровольцами.

Бывший директор Тульского рыбокоптильного завода, воевавший с немцами во время Первой мировой войны, участник Гражданской, начальник штаба одного из батальонов Тульского рабочего полка Семён Илларионович Потапов своё настроение и общую готовность к самопожертвованию осенью 1941 года выразил так: «Ключи от нашего города мы несли в своей душе. Лучше было умереть, чем открыть разбойникам двери родного дома».

9

Рядом с Тульским рабочим полком на южной окраине города позиции заняли 156-й полк НКВД и батальон милиции. Здесь же, по приказу генерала А. Н. Ермакова, развёртывали свои огневые позиции, окапывались, отрывали ходы сообщения, устраивали орудийные дворики батареи 732-го зенитно-артиллерийского полка. Полк был предназначен для охраны заводов и важнейших объектов города, но теперь расчётам предстояло стрелять не по самолётам, а по танкам.

Немецкие танки вскоре прорвали оборону 290-й стрелковой дивизии и вышли к Ясной Поляне. Через три часа марша они появились уже возле Косой Горы. Обходной маневр, как всегда, приносил свои положительные плоды. Особенно сильный бой

вспыхнул у Рогожинского посёлка. Здесь оборону держали батальоны Тульского рабочего полка. К исходу дня перед позициями туляков горели 19 танков. Утром 30 октября немцы возобновили танковую атаку. Это был самый, пожалуй, трудный день тульской обороны.

Из дневника Нины Михайловны Яковлевой: *«29 октября* в нашем доме было суматошно. Меня отправили за хлебом. В это время работал один Филипповский магазин на улице Советской. Очередь тянулась по Ф. Энгельса до Каминского. Хлеба не было, магазин был закрыт. Вдруг над нами завис немецкий самолет очень низко. Мы увидели голову летчика, смотревшего на нас. Вся очередь отхлынула от стен домов и встала посреди улицы, разглядывая самолет. Какой-то военный закричал: «Что вы делаете, вас же могут убить!» Только тогда народ разбежался. Домой бежала по ул. Коммунаров к Первомайской, а мне навстречу — люди с узлами в руках. Дома застала всю семью, собиравшуюся уходить. Спешно собирали в мешки нужные вещи. Оказывается, приходили военные и выгоняли всех жителей из домов по ул. Первомайской и отправляли на ул. Свободы в подвалы домов. Казармы, находившиеся напротив дома, были пусты, ворота распахнуты настежь. Ликеро-водочный завод (около 20 школы) раздал своим сотрудникам (сколько те могли взять) водку и спирт, оставшееся спустили по трубам в сторону поселка Михалкове. С Косой Горы вернулся трамвай, и больше туда не пошел. Гул канонады час от часу усиливался. Когда стемнело, стрельба смолкла. Пошел мелкий холодный дождь. В разных частях города были пожары.

30 октября утром Тула приняла бой. Все атаки были отбиты. Орудийные расчеты лейтенанта Милованова стояли на том месте, где стоит зенитная пушка у 2-го корпуса Политехнического института.

31 октября утром была сильная перестрелка на южной окраине города. У ворот дома, где мы сидели в подвале, лежала убитая лошадь. Подошедший к нашей толпе офицер сказал: «Что смотрите? Рубите мясо, скоро есть будет нечего». Потом варили суп из мороженой картошки с кониной. Противно! Из подвала дома, где мы сидели, перебрались в костнотуберкулезный санаторий, где до осады работала врачом жена моего брата. Жили на кухне санатория. Ночью я спала на плите. Через час после нашего вселения во двор санатория въехали 2 грузовые машины с зенитками. На углу ул. Свободы размещался штаб. Каждый налет сопровождался обстрелом, а мы орали от страха падающих бомб. Красноармейцы были одеты в белые полушубки. Санаторий располагался в одном квартале от парка, где проходила передняя

линия обороны».

А вот оперативная сводка штаба Брянского фронта от 29 октября 1941 года:

«Первое: Войска фронта на правом крыле фронта вели бои с прорвавшимися через ПЛАВСК на ТУЛУ мотомеханизированными частями пр[отивни]ка и на всём фронте продолжали отходить по намеченным планом рубежам.

Второе: 50-я армия продолжала вести бои на рубеже ЗАХАРОВКА, НИКОЛАЕВКА, а на остальном фронте, не имея соприкосновения с пр[отивни]ком, продолжала отходить на восток.

194 сд продолжает оборонять рубеж: СТАР. ПАВШИНО, БРЕДИХИНО; перед ней пр[отивни]ка нет.

Штадив — АЛЕШНЯ.

217 сд с 19.00 27.10 на марше в район СЛОБОДА (30–35 км зап [аднее] ТУЛА) и во второй половине дня 28.10 прошла КРАПИВНА.

58 зсп[185] обороняется по вост, берегу р. ПЛАВА в районе вост. КРАПИВНА.

173 сд в 12.00 28. 10 вела бой с 15 танками и ротой пехоты пр[отивни]ка на рубеже ЗАХАРОВКА, НИКОЛАЕВКА. Пр[отивни]к овладел этими пунктами и прорвался к ОЗЕРКИ, где и задержан.

Уничтожено 7 танков противника.

О сводном отряде: о МСП 108 тд, МСБ 11 тбр, с 9 орудиями оборонявшими ПЛАВСК, после 18.0027. 10 данных нет.

260 сд, отходя на восток, 26.10 прошла АРСЕНЬЕВО. Новых сведений нет.

154 сд, отходя в восточном направлении, 27.10 прошла АРСЕНЬЕВО.

299 сд, двигаясь на ПЛАВСК, прошла 27.10 ЛИТВИ-НОВО.

258 сд с 26. 10 на марше.

6 Гвард. Дивизия, следуя в район ЕФРЕМОВ, к исходу 28. 10 18 км зап. ЕФРЕМОВ.

29сд обороняет район Щёкино.

Штадив — ЯСНАЯ ПОЛЯНА[186].

31 кд на марше в район КОСАЯ ГОРА, куда ожидалась к 14.00 28.10. Сведений о прибытии не поступило.

278 сд (отд. подразделением — 226 чел.) ЕФРЕМОВ, совместно со сводным танковым батальоном — 14 танков — обороняет ЕФРЕМОВ, фронтом на северо-запад.

В дивизии, с которыми не имеется связи, с 26–27. 10 посланы офицеры связи на самолётах и на машинах»[187].

Сводку подписал заместитель начальника штаба Брянского фронта полковник Л. М. Сандалов.

Связь была налажена лишь с Ефремовским боевым участком и со штабом 50-й армии, который на тот момент располагался в здании обкома ВКП(б). После того как генерал А. Н. Ермакова рассорился с В. Г. Жаворонковым, штаб был переведён в северо-восточную часть города, а затем и вовсе выведен в дачный район. Как видно из оперативной сводки, 28 октября 1941 года всё под Тулой было в движении. Но войска ещё не заняли свои рубежи. И войск было немного. В дивизиях по-прежнему насчитывалось по 600–800 человек, и на их фоне Тульский рабочий полк выглядел довольно внушительной силой. Правда, это было не регулярное соединение, но первые же бои показали, что полк умеет драться не хуже регулярных армейских частей. Судя по тону сводки, в штабе Брянского фронта в день атаки на город всё было спокойно.

А возле Рогожинского посёлка и у Косой Горы уже горели танки передовой ударной группы полковника Г. Эбербаха. И солдаты из полка «Великая Германия» карабкались по грязи среди горящих машин, пытаясь найти укрытие под ливнем пуль со стороны позиций, занятых тульскими рабочими. В этот день в обороне отличились также бойцы 154-й дивизии генерал-майора Я. С. Фоканова[188] и 217-й дивизии полковника В. П. Шлегеля[189].

Из вечерней (на 20.00) оперативной сводки штаба Брянского фронта от 30 октября:

«1. Войска Брянского фронта на правом крыле вели бои на подступах в ТУЛА, на левом крыле отходили на рубеж ДМИТРОВО, РУССКИЙ БРОД, НОВ. ДЕРЕВНЯ, КРУТОЕ, СТАЛИНО, ЗЯБРЕВО, ВЫШНЕ-ДОЛГОЕ, НОВ. САВИНЫ, ЛИПОВСКОЕ, ТИМ.

2. 50 армия с утра 30.10.41. вела бои на подступах у ТУЛА. О результатах боя и положении частей армии сведений не поступило, кроме 41 кд, установлена в районе КАМЕНКА, 30 км сев[еро]-зап[аднее] ЕФРЕМОВ.

217сд сосредоточилась к утру 30. 10 в р-не ТУЛА.

6 гсд вышла полностью в район ЕФРЕМОВ».

И в конце сводки: «На Ефремовский боевой участок вышла группа полковника ГРАЧЁВА, действовавшая в районе ВОЛХОВ. В ЕФРЕМОВ прибыло 900 человек, которые поступили на доукомплектование подразделений 278 сд»[190].

Накануне авиаразведкой было установлено оживлённое движение на всех шоссе и мало-мальски пригодных дорогах, ведущих в сторону Тулы. На дороге Плавск — Щёкино до 30 танков, голова 7 километрами севернее Плавска. На той же дороге автоколонна до 100 единиц транспорта. На юго-западной окраине Алексина колонна до 75 танков. На шоссе Чукино —

Ефремов в направлении Тёплого зафиксировано движение разведгрупп по два-три танка.

К Туле Гудериан стягивал всё, что можно, что имел, что было на ходу и что можно было бросить в очередную атаку. Он понимал, что Тула — это не просто ключ, а золотой ключ от Москвы, которым он не сегодня-завтра сможет отпереть любой замок на пути к советской столице. «Гейнц-ураган» перегруппировывал свои головные танковые и моторизованные части и снова бросал их в атаку. И с ужасом читал поступавшие с передовой донесения о том, что и эта атака отбита русскими, что на поле боя оставлено столько-то боевых машин…

Оперативная сводка, составленная к 18.00 31 октября 1941 года: «Штарм 50.

Медвенская.

В течение дня противник неоднократно атаковал г. ТУЛА. В атаке одновременно участвовало до двух батальонов мотопехоты и 40–50 танков. Всего было введено в бой не менее мп и до ста танков. Все атаки противника отбиты, уничтожено 16 танков противника.

194 сд продолжает обороняться на рубеже: ПАВШИ-НО — БРЕДИХИНО, прикрывая ОБОЯНСКОЕ и МИХАЙЛОВСКОЕ направления. Перед фронтом сд противника нет.

Тульский боевой участок: Одоевское шоссе, исключительно МИХАЛКОВО.

58 сп (300 штыков, 1 50-мм миномёт) обороняет МИХАЛКОВО.

156 сводный полк (820 человек, 10 пулемётов) обороняет фронт КИТАЕВКА, ПАРК (1 км южнее города), перехватывая Орловское шоссе.

154 сд (500 штыков, 4 122-мм орудия) и 260 сд (200 человек) обороняют рубеж по южной и по юго-восточной окраине ТУЛА от ПАРКА до реки УПА.

Мотострелковый батальон и 11 тбр (130 штыков) обороняет район БОЛЬШ. ВЕШКА.

258 сд (200 штыков) обороняет северную часть города на Московском шоссе.

51 местный батальон (120 человек) обороняет узел трёх дорог и шоссе у совхоза «ПРИУПИНСКИИ».

Рота 151 ПАП перехватывает Калужское шоссе у совхоза «ЯСНОЕ».

290 сд (600 штыков) — резерв, северная часть города.

Штаб Тульского боевого участка — Пролетарский район.

31 кд (395 человек, 40 орудия) занимает оборону:

111 кп — КРИВОЛУЧЬЕ, ГЛУХИЕ ПОЛЯНЫ.

114 и 116 кп сосредоточились МЫЗА.

30.10 в бою убит командир 31 кд полковник ПИЛЬНЕВ.

413 сд одним эшелоном выгрузилась в СТАЛИНОГОРСК и заняла оборону непосредственно у города.

32 тбр, выгрузившись не полностью, 30.10.41. принимала участие в бою. Имеет потери: КВ — 1, Т-34 — 3 танка. Ранен командир танкового полка.

За 30.10.41. уничтожен 31 танк.

9 гвардейский миномётный полк в лесу — совхоз «ВОЛЫНЕЦКИЙ». Полк 31.10 дал 2 залпа по противнику.

447 кап (9 орудий) на прежних позициях.

299 сд и 41 кд — данных не поступило»[191].

О потерях немцев тульские хроники свидетельствуют довольно правдиво. Без преувеличений. Документы подтверждают, что авангард 2-й танковой армии Гудериана, возглавляемый командиром 5-й танковой бригады полковником Генрихом Эбербахом, во время первых лобовых атак на Тулу понёс довольно значительные потери. Которые, как известно, Германия уже не могла легко восполнять.

«Сводка потерь противника с 30.10.41. по 2.11.41.», составленная разведотделом штаба Брянского фронта, свидетельствует о следующем:

«1. 30.10.41. нашей авиацией по дороге ОПТУХА — МЦЕНСК и в р[айо]не ГОРБАЧЁВО — ПЛАВСК уничтожено 67 автомашин, из них 20 с людьми, 18 автобусов, одна зенитная установка, 4 танка и до 580 солдат и офицеров.

На аэродроме ОПТУХА уничтожено на земле 3 самолёта и в воздушном бою сбит один самолёт. Выведено из строя 5 самолётов пр[отивни]ка.

2. 30.10.41. нашими частями под ТУЛОЙ уничтожено 30 танков противника.

3. 31.10.41. нашими наземными частями под ТУЛОЙ уничтожено 16 танков пр[отивни]ка.

Нашей авиацией в течение 31.10.41. в р[айо]не ДОМНИНО уничтожено 4 автодрезины и до 100 солдат и офицеров. В р[айо]не ПЛАВСК, ЧЕРНЬ, ст. ГОРБАЧЁВО уничтожено 39 автомашин, 15 танков, 3 автодрезины, сбит один самолёт «Ме-109» и убито до 350 солдат и офицеров.

4. 1.11.41. нашей авиацией на дороге ПЛАВСК — ТУЛА уничтожено 4 автомашины с людьми. В р[айо]не ТУЛА, КОСАЯ ГОРА, ПЛАВСК уничтожено 40 автомашин с людьми, 15 мотоциклов с мотоциклистами, 1 танк, 2 бронемашины и, кроме того, 60 солдат и офицеров.

Нашими наземными частями под ТУЛОЙ уничтожено 6

танков, одна бронемашина, 26 автомашин, 6 самолётов пр[отивни]ка, сбитых зенитной артиллерией.

Нашей авиацией в р-не ТУЛА уничтожено 9 танков, 98 автомашин с людьми и грузом, одна зенитная точка, 3 автоцистерны и до 300 солдат и офицеров. В воздушном бою сбит один самолёт «Ме-109»[192]. Нашей авиацией на ж[елезной] д[ороге] ОРЁЛ — КУРСК (между ст. ГЛАЗУНОВКА и ст. ЗОЛОТУХИНО) разбит бронепоезд пр[отивни]ка, который прикрывал восстановительные работы ж[елезно]д[орожного] пути, проводимые пленными красноармейцами; при атаке авиации немцы разбежались, воспользовавшись этим, разбежались 60 красноармейцев.

5. 2.11.41. нашей авиацией на ст. ОПТУХА разбит эшелон немцев, уничтожено несколько вагонов с боеприпасами и две ж/д цистерны с горючим. В р[айо]не ЯСНАЯ ПОЛЯНА — ЩЁКИНО — ЧУКИНО и по дороге КОСАЯ ГОРА — ГЛАДКОЕ нашей авиацией уничтожено 5 автоцистерн, 5 танков, 12 автомашин и эшелон с боеприпасами — 25 вагонов, 4 зенитных точки и до 200 солдат и офицеров.

По дороге ЧУКИНО — ТЁПЛОЕ и в р[айо]нах ЛАЗАРЕВО, ЖИТОВО нашей авиацией уничтожено 8 танков, 25 автомашин, 6 автоцистерн, 10 зенитных точек, 3 бронемашины, 6 ж[елезно]д[орожных] цистерн с горючим и 200–250 солдат и офицеров»[193].

В Подольском архиве удалось обнаружить и ещё одну сводку потерь противника, подписанную начальником разведотдела штаба Брянского фронта подполковником М. А. Кочетковым, которая охватывает период с 4 по 8 ноября 1941 года:

«1. Нашими наземными войсками уничтожено:

4.11.41. в районе ДЕДИЛОВО 5 танков пр[отивни]ка; в районе МАСЛОВО — 2 танка, 30 солдат пр[отивни]ка; в районе пос[ёлка] РОГОЖИНСКИЙ — 3 танка пр[отивни]ка.

5.11.41. в районе ДЕДИЛОВО — 8 танков и до 400 солдат и офицеров пр[отивни]ка.

6.11.41. в районе НИЖ. КИТАЕВКА — 8 танков пр[отивни]ка;

7.11.41. в районе АЛЕКСЕЕВКА, РЖАВА — до бат[альона] пехоты пр[отивни]ка.

8.11.41. В районе ПИРОГОВО (вост[очнее] ПЛАВСК) до 500 солдат и офицеров.

2. Нашей авиацией бомбометанием и штурмовыми действиями уничтожено:

4.11.41. в районах: ТУЛА, КОСАЯ ГОРА, ЯСНАЯ ПОЛЯНА, ЧЕРНЬ, МЦЕНСК — 60 автомашин, 2 зенитных точки, до взвода пехоты, на земле один самолёт «Ме-109», один истребитель

неустановленного типа и в воздушном бою сбит один самолёт «Ю-88» и три самолёта «Ме-109».

5. 11. 41. в районах: АФОНАСЬЕВО, ПАВШИНО, ТИТОВО, КОСАЯ ГОРА, ПЛАВСК, КРАПИВНА — 16 автомашин с людьми и в воздушном бою сбит один самолёт «ХШ-126»[194]. В районе ПАНИНО, ОСЛАНОВО, КРУТОЕ, ЗУБРОВКА — 20 специальных автомашин, 35 автомашин с грузом, до 100 солдат и офицеров, 1 самолёт «Хе-113»[195], 1 самолёт «ХШ-126» и 1 самолёт «Ме-109».

6.11.41. в районе ОРЁЛ, ст. МОХОВАЯ, ст. ЗОЛОТАРЁВО — 4 автомашины и до 20 солдат. На аэродроме ОРЁЛ — 6 самолётов неустановленного типа и 2 автомашины с лётным составом.

7.11.41. в районе ЧЕРНЬ убито 16 солдат и офицеров.

8.11.41. по дороге МЦЕНСК — ЧЕРНЬ — 68 автомашин с людьми, 12 цистерн с горючим, 80 мотоциклистов, до взвода пехоты и 1 самолёт неустановленного типа»[196].

Список побед внушителен. Лётчики, конечно же, присвистывали, составляя свои донесения. Поди проверь их работу — за десятки-то километров в немецком тылу. Хотя, как известно, проверялось и это — агентурной разведкой, партизанами, авиаразведкой.

Бомбила наша авиация и Ясную Поляну. Понять это можно: надо было остановить Гудериана, выжечь его танки. Шла война. Впрочем, неизвестно, упала ли хоть одна советская бомба на территории усадьбы Льва Николаевича Толстого. Немцы же нанесли музею-усадьбе огромный урон. Удивительное дело, солдаты вермахта шли в Россию под флагом борьбы с большевизмом, а кинулись в конце концов истреблять русский народ, уничтожать его культуру, глумиться над святынями. Хотя, конечно же, можно привести много примеров, свидетельствующих о том, как тот или иной немецкий офицер помогал бедствующим русским, угощал детей шоколадом, запрещал своим мародёрствующим подчинённым уводить со двора последнюю корову-кормилицу. Отдельные случаи проявления человечности и сострадания не отменяют систему, которая пришла в СССР в немецкими танками.

В усадьбе Л. Н. Толстого немцы устроили не только казарму, но и госпиталь. И хоронили умерших от ран тут же, неподалёку от могилы писателя. К счастью, тогдашний директор объединённых музеев Л. Н. Толстого внучка писателя Софья Андреевна Толстая-Есенина накануне оккупации смогла добиться эвакуации экспонатов. Под руководством хранителя яснополянских фондов С. И. Щёголева почти всё ценное было вывезено в Томск. Правда, многое всё же осталось в усадьбе.

И во время 47-дневной оккупации многое из оставшегося

пропало и было утрачено. Немцы утащили седло, принадлежавшее Л. Н. Толстому, часы, некоторые другие предметы. Офицеры пытались развести в главном доме костёр и едва не устроили пожар. Потушили его С. И. Щёголев и прибежавшие на огонь местные жители. Варварское отношение к святыне, принадлежащей всему человечеству, можно теперь комментировать на любой манер. Но, говорят, солдаты вермахта, жившие в Ясной Поляне, даже не знали, кому принадлежал здешний дом и в чей музей они вошли квартировать и ломать паркет для печей. Они подозревали, что владельцем усадьбы был какой-то влиятельный коммунист…

10

Больше полутора месяцев длилась осада Тулы. Бои то затихали на день-другой, когда немцы решались атаковать севернее или южнее, пытаясь обойти город, блокировать его, чтобы додавить в полной изоляции, то вспыхивали с прежней яростью.

Но был бой, который, возможно, решил судьбу тульского противостояния. Он был самым первым. В оперативной сводке штаба Брянского фронта о бое 29–30 октября на южных окраинах Тулы говорится скупо:

«Части 50 А (258, 154, 260, 217 сд, 108 тд, полк рабочих вели бой с танками и мотопехотой пр[отивни]ка на юго-западной и южной окраине ТУЛА.

С 14.00 30. 10 велись уличные бои на южной окраине ТУЛА с прорвавшимися 19-ю танками пр[отивни]ка.

В уличных боях уничтожено 5 танков.

32 тбр, выгрузившись к 14.00 30. 10 в районе ст. ХОМЯ-КОВО, направлена в ТУЛА.

О 41 кд, 173, 290, 299, 194 сд, 58 зсп, 11 тбр — сведений не поступило»[197].

Стоп. Давайте в этом месте остановимся и наложим смысл только что прочитанного на известные события, происходившие под Тулой, попытаемся понять то, что до сих пор в истории обороны города ещё покрыто тайной.

Дело в том, что в некоторых публикациях говорится о том, что штаб 50-й армии якобы принял решение Тулу не оборонять и отвести войска восточнее, на новый рубеж. Этой версии придерживаются исследователи и та часть тульских краеведов, которые склонны возложить лавровый венок защитника Тулы на чело 1-го секретаря обкома партии В. Г. Жаворонкова, считая, что

командующий 50-й армией генерал А. Н. Ермаков смалодушничал и приказал выходящим из окружения дивизиям идти через Тулу дальше на восток. Из рассказов бывшего сержанта 732-го зенитно-артиллерийского полка, принявшего первый удар немецких танков, Тимофея Дмитриевича Дубинина, полковника в отставке, долгие годы изучавшего историю тульской обороны: «Севернее Тулы были остановлены остатки дивизии, не хочу называть её номера, во главе с командиром — генерал-майором, которые по своей территории, несмотря ни на какие приказы, продолжали уходить на восток. Те окруженцы, которые отходили в Тулу, представляли собой малоприятное зрелище. Я своими глазами видел, как они отступали прямо через наши боевые порядки. Представьте себе, что чувствовали наши бойцы, видя, как красноармейцы бегут от немцев. Они рванули к винному заводу и начали громить его. Из автоматов стреляли по цистернам со спиртом, подставляли к дыркам котелки. Как мне рассказывали, один боец пытался зачерпнуть спирт из цистерны сверху, упал в неё и утонул. Спирт тёк по земле ручьями».

История об утонувшем в цистерне со спиртом бойце одна из самых распространённых времён войны. «Тонули» наши бойцы и в Польше, и в Восточной Пруссии, и в других странах и городах Европы. Может, кто-то по дурости и вправду утонул в спирте, но, надо признать, эта бродячая по всем фронтам и многим устам легенда похожа больше на развёрнутую метафору. Что же касается вида вышедших из окружения, то, пожалуй, да, выскочившие из ада выглядят не блестяще… К тому же — голодные, злые…

Далее: «Руководил обороной города первый секретарь Тульского обкома партии и руководитель городского комитета обороны Василий Гаврилович Жаворонков — сам артиллерийский офицер запаса. Вместе с командиром полка он выбирал позиции на самых танкоопасных направлениях. Потом приезжал, проверял, как они оборудованы, как подготовлены расчёты. Держался он, приезжая к нам, удивительно спокойно. Вот только кобура у него была постоянно расстёгнута, и на его сиденье в машине появился автомат. Причин его спокойствия и уверенности тогда никто не понимал. Солдаты поговаривали, что будто бы Сталин вызвал к себе Жаворонкова и приказал Тулу врагу не сдавать».

Тимофей Дмитриевич Дубинин пишет о том, что командование 50-й армии не разделяло уверенности 1-го секретаря: «Назначенный командующим 50-й армией генерал-майор Ермаков сразу же вывел штаб армии из Тулы, на северо-восток, в ближний тыл. А через месяц отступление части войск

50-й армии привело к окружению города. Как мне рассказывал Жаворонков, ему позвонил секретарь Сталиногорского райкома партии и сказал, что войска получили приказ отходить. Жаворонков начал искать Ермакова — тот где-то в частях. Попросил передать, что нужно срочно переговорить. Ермаков пригласил его вместе с членами комитета обороны в штаб армии. Там Ермаков заявил им, что у армии нет сил для защиты Тулы и надо отойти. И предложил руководству города и области уйти вместе со штабом. Жаворонков пытался с ним спорить. Но тот ничего не хотел слушать, да и уже не мог ничего изменить — войска отступали».

Последний эпизод относится в сдаче Сталиногорска. У нас ещё будет возможность почитать сводки и боевые донесения об этих боях. А теперь несколько комментариев. Конечно, эти воспоминания написаны сторонником обкомовской версии обороны Тулы. Одно только категоричное утверждение о том, что «руководил обороной города первый секретарь», чего стоит. А зачем он приезжал к защитникам города с расстёгнутой кобурой?

Невозможно умалить значения тульских коммунистов в обороне города осенью — зимой 41-го года, но и тотальное преувеличение их подвига и при этом умаление роли войск не служит поиску истины, а только запутывает обстоятельства, уводит в сторону, порождает ненужную интригу. Желание подправить историю у нас явление весьма распространённое. Когда существует «социальный заказ» на то, чтобы представить те или иные события в более презентабельном виде, тут же появляется и штатный исполнитель этого проекта. Вот такие «истории» финансируются щедро. А попробуй найди среди чиновников покровителя и заказчика на написание правдивой истории без прикрас… Кому она нужна, такая — без прикрас? Ведь чиновник совершенно искренне убеждён в том, что неприукрашенной правдой нельзя воспитывать молодёжь — это плохо повлияет на их нежные души. А что подумают недруги?

Однако для военной истории, в том числе местной (у каждого города, у каждого района есть своя история, свой эпизод времён войны) наступает эпоха возвращения правды. Правды действительных событий. И эта правда, как категория нравственная, возвращает из небытия многие забытые имена. Воспитывать детей и побеждать недругов можно только правдой. Делай не ложью — всё выйдет по Божью…

Никакого приказа об оставлении Тулы, подписанного штабом 50-й армии и разосланного в дивизии и бригады, как обычно бывает в подобных случаях, в архивах найти не удалось. Так что свои минувшие дни бойцы вспоминают по-разному…

Позиции у города заняли и тульские ополченцы, и регулярные войска, в том числе и вчерашние окруженцы. Конечно, последние представляли собой жалкое зрелище, из окруженииия, как уже было сказано, вырвались не красавцами. Но правда такова, что город защищали и они.

Штаб же армии находился там, где ему было положено находиться, — в ближнем тылу. В здании обкома немецкие пикировщики его могли накрыть одним точным попаданием и обезглавить армию. Такие случаи уже были, а потому командиры различных уровней имели указание размещать свои управления в малоприметных местах и тщательно их маскировать.

Можно предположить, что нервозность обкомовских работников, которые не спали ночей, чтобы обеспечить оборону города, вызвал факт оставления Тулы 238-й стрелковой дивизией. Эта дивизия прибыла из Казахстана в начале октября специально для обеспечения обороны города. В это время вовсю шла эвакуация промышленных предприятий и специалистов. Но многое оставалось в цехах. В какой-то момент стало очевидным, что всё не вывезти. 14 октября пришло известие о том, что немцы заняли Калугу. Город тогда относился к Тульской области. У многих туляков там жила родня. Поэтому известие было воспринято как огромная трагедия. Разведка доносила, что из Калуги, тесня разрозненные части 49-й армии генерала И. Г. Захаркина, противник двинулся в направлении Ферзикова и Алексина. Возникла угроза захвата Тулы с юго-запада и юга. И тогда 238-ю стрелковую дивизию ускоренным маршем перебросили в район Алексина «для его обороны и недопущения прорыва на дорогу Москва — Тула».

Согласно директиве начальника Оперативного управления и заместителя начальника Генштаба Красной армии генерал-майора А. М. Василевского командиру 238-й стрелковой дивизии полковнику Г. П. Короткову было приказано:

«В связи со стремлением противника нанести удар от Калуги на Подольск, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает 238 сд к утру 18. 10 выйти в район г. Алексин, занять рубеж для обороны Бундырево — Алексин — Щукино и быть готовой с него нанести удар в направлении на Петри-щево во фланг противника, при его попытке к наступлению на Подольск.

С выходом на р. Ока прочно прикрыть свой левый фланг со стороны района Лихвин — Перемышль»[198].

Дивизией командовал полковник Геннадий Петрович Коротков, прекрасный офицер с великолепным военным образованием и опытом. Дивизия будет отчаянно и храбро сражаться под Алексином и несомненно внесёт свою достойную

лепту в оборону Тулы. Она удерживала фронт на рубеже Погиблово — Карташёво — Божениново — Битюги. Потери дивизии за период с 27 ноября по 2 декабря 1941 года составили: убитыми — 537 человек, ранеными — 770 человек и пропавшими без вести — 693 человека. Потери противника перед её фронтом за этот же период: убитыми и ранеными свыше 4000 человек, 2 танка, 16 миномётов, 24 станковых пулемёта и 42 ручных пулемёта. Дивизия вскоре будет передана 49-й армии. На реке Угре под Юхновом она получит наименование 30-й гвардейской. Полковник Коротков станет генералом, некоторое время будет руководить штабом 49-й армии, затем возглавит 5-й гвардейский стрелковый корпус, потом 53-ю армию. Войну он закончит командующим 22-й армией[199].

Вот такие офицеры командовали нашими дивизиями под Москвой. Они были не хуже командиров вермахта. И образования, и опыта им было не занимать. А когда получили в руки инициативу и возможность самостоятельно принимать решения, силы Красной армии как будто удвоились.

После ухода полнокровной дивизии город будто осиротел и оставшимся в нём жителям и войскам, силы которых были весьма незначительны, стало действительно жутко. 29 октября в 10.00 после артподготовки противник силой до двух батальонов, при поддержке танков и штурмовой авиации, которая действовала непосредственно на поле боя, атаковал позиции 290-й стрелковой дивизии севернее Щёкина. Оборона была прорвана, и к 11.00 немецкие танки уже подходили к Ясной Поляне. После полудня немецкий авангард подошёл к Косой Горе. Противник наращивал удар, и к исходу дня на фронте прорыва действовало уже около ста немецких танков. Заняты Ивановские дачи, Новобасово, станция «Подземгаз». Правды ради следует отметить, что Ясная Поляна и Косая Гора были сданы 290-й стрелковой дивизией полковника Н. В. Рякина[200] и 31-й кавдивизией полковника Я. Н. Пивнева[201] без боя.

Немецкие танкисты в прицелы башенных пушек уже разглядывали южные кварталы Тулы. Но вначале им предстояло пройти через позиции Тульского рабочего полка, остатков наших дивизий и подавить огневые точки 732-го зенитно-артиллерийского полка. Назревала решающая дуэль. 20 октября Ставка отдала приказ командованию Дальневосточного фронта направить в распоряжение 50-й армии 112-ю танковую и 239-ю стрелковую дивизии, с Юго-Западного фронта срочно снимали и перебрасывали в район Тулы 2-й кавалерийский корпус генерала П. А. Белова. Эшелоны с танками и пехотой были в пути. Кавалеристы Белова тоже были в нескольких переходах от города.

«Быстрый Гейнц» снова опережал. Лавры покорителя Тулы жаждал сорвать командир XXIV моторизованного корпуса генерал танковых войск барон Лео Гейер фон Швеппенбург.

Как уже было сказано, командир танковой бригады 3-й танковой дивизии полковник Г. Эбербах вёл ударную группу по шоссе Орёл — Тула и вдоль него. На участке, к которому выскочили танки Эбербаха и грузовики с пехотой, оборону держали защитники Южного боевого участка. Им командовал только что назначенный на эту должность майор Кравченко. Ему предстояло «смывать свою вину» перед полковником Серёгиным кровью. Правда, судя по поступкам, Кравченко имел твёрдый и прямой характер и вины своей ни перед кем не чувствовал, а просто честно воевал.

Под началом у майора Кравченко к тому времени была 69-я бригада войск НКВД СССР по охране особо важных предприятий промышленности, 732-й зенитно-артиллерийский полк и Тульский рабочий полк.

Левее, на Воронежском шоссе, окопалась 260-я стрелковая дивизия полковника В. Д. Хохлова[202]. Впрочем, дивизией отряд полковника Хохлова назвать можно было лишь условно: 200 человек без материальной части изготовились связками гранат и бутылками с КС встретить танки Эбербаха. На Одоевском шоссе оборону занял батальон тульской милиции.

Атака началась 30 октября. Бой, то затихая, то возобновляясь с нарастающей силой, длился до 1 ноября. Эбербах, видя, что его танки и мотопехота не могут преодолеть обороны по Орловскому и Воронежскому шоссе, пытался маневрировать, искать обходные пути и щели, но везде его встречали огнём. Вскоре силы его группы начали иссякать. Настроение и у экипажей, и у пехотинцев тоже было поганое. То, что прошло при взятии Орла и Брянска — стремительная атака малыми силами и паника в рядах противника, — здесь не удалось. Горели танки, гибли лучшие экипажи, залегла и не могла поднять головы прошедшая Польшу, Францию, белорусские леса и смоленские поля пехота. У немцев ничего не получалось. Русские стояли как вкопанные, точно били их орудия, упорно держалась в своих окопах пехота. Они тоже гибли, но оказались настолько нечувствительны к потерям, что порядки их так и не удалось нарушить.

Поразительно, но фон Бок в своём дневнике в записи за 29 октября 1941 года Тульский участок фронта удостоил такой записью: «С установившимся лёгким морозцем и при некотором общем улучшении погоды 2-й танковой армии при поддержке люфтваффе удалось достичь района в пяти километрах от Тулы. Пехотные корпуса танковой армии, переправившись через Оку,

также продолжают движение в северо-восточном направлении». Тон записок спокойный, уверенный. А ведь он, командующий группой армий «Центр», судя по этому тону, ещё не знал, что на южной окраине Тулы рабочие, бойцы бригады НКВД (охранявшей тульские заводы), милиционеры и немногочисленные красноармейцы из числа вчерашних окруженцев, усиленные зенитными расчётами, пожгли столько их танков, что южное крыло «Тайфуна» уже не могло с прежней мощью продвигаться к Москве, чтобы выполнить первоначальную задачу. И только на следующий день появляется запись, в которой уже чувствуется некая тревога: «Ослабленное остриё наступления Гудериана достигло южных пригородов Тулы, которую противник готовится оборонять. Остальная техника отстаёт и вязнет в грязи на ужасных дорогах. Кроме выхода авангарда Гудериана к Туле, других существенных изменений на фронте не отмечалось. Погода мерзкая».

Мерзкая погода… Мерзкие дороги… Мерзкие известия из-под Тулы… Мерзкие рабочие тульских заводов… Мерзкие красноармейцы из 50-й армии, не добитой Гудерианом на Рессете, за что он теперь и расплачивается… А ведь ещё накануне фельдмаршал любовался хорошей погодой, лёгким морозцем. Впрочем, погода, как известно, меняется в зависимости от обстановки на передовой…

Через несколько дней, когда станет ясно, что в лоб Тулу не взять, фон Бок запишет: «Положение Гудериана завидным не назовёшь». Вот уж действительно. 30 октября защитники Тулы отбили четыре атаки. В них каждый раз участвовало от 20 до 50 танков и до батальона пехоты. А теперь представьте, если бы эти 20 или даже 15 танков с батальоном пехоты ворвались в город. За ними бы хлынули остальные силы. И — всё, Тула оказалась бы у ног Гудериана. Но этого не произошло. 31 октября Эбербах сумел организовать уже только три атаки. 1 ноября сил хватило только на две. За три дня боёв, учитывая и схватки с мелкими группами противника на других участках обороны Тулы, было уничтожено 38 танков и до 500 солдат и офицеров противника. Наши потери: 3 подбитых танка, 3 орудия, 4 станковых пулемёта, 5 противотанковых ружей, убито 84 человека, ранено 212.

Туляки и бойцы 50-й армии одержали победу, которая решила судьбу города, армии, фронта и, возможно, Москвы. 31 октября в район Тулы с Дальнего Востока прибыла в эшелонах и разгрузилась 413-я стрелковая дивизия генерал-майора А. Д. Терешкова, полки которой тут же заняли оборону на южных подступах к городу в районе Дедилово. В тот же день прямо из города по врагу ударили «Катюши». 1 ноября там же, на южных

окраинах, заняла позиции 32-я танковая бригада. Из тыла прибывали другие части. Тульская оборона наращивала силы, эшелонировала свои боевые порядки в глубину. Гудериан свой шанс упустил.

Ночь на 2 ноября прошла относительно спокойно. Мелкие группы автоматчиков то приближались к позициям защитников города, то снова отходили. Обе стороны вели усиленную разведку. Утром начался обстрел города из орудий. Тульские батареи тут же ответили. Начались позиционные бои и мелкие схватки, которые уже не могли существенно повлиять на ход событий. Центральные газеты в эти дни рассказывали о беспримерной обороне героической Тулы. Отмечались подразделения командиров Фока-нова, Гордиенко, Зубкова. Отличились все. Но весь ужас схватки с немецкими танками суждено было пережить зенитчикам.

Из воспоминаний политрука 732-го зенитно-артиллерийского пока Михаила Ивановича Сизова: «Было нас немного. Всего двадцать один человек: командир взвода лейтенант Григорий Матвеевич Волнянский, командиры орудий ефрейторы Фёдор Никитович Никитенко и Иван Герасимович Казак, наводчики красноармейцы Беспалов и Шведов, заряжающие красноармеец Александр Васильевич Волокиткин и замполитрука Василий Федосеевич Шейко, бойцы орудийной прислуги ефрейторы Сиренко и Жарков, красноармеец Евдокимов, разведчики красноармейцы Колобашкин, Арифметиков, Голуб и другие. Командиру группы Волнянскому только что исполнилось двадцать лет».

Лейтенанты вытащили основную тяжесть командирской работы на той войне. С этим, конечно, можно поспорить, но я не стану. Лейтенанты командовали стрелковыми и огневыми взводами, иногда батареями, миномётными ротами, стрелковыми ротами, иногда батальонами. Лейтенанты командовали тяжёлыми танками. Основной состав истребительной и штурмовой авиации тоже был лейтенантским. Лейтенанты командовали взводами и батареями противотанковых пушек, зачастую сами вставали к панорамным прицелам, сами заряжали орудия.

Туле в то утро просто повезло. На основной позиции у Орловского шоссе оборону занимал огневой взвод лейтенанта Волнянского. По воспоминаниям выживших в том бою, лейтенант готовился к бою основательно. Произвёл необходимые топографические расчёты, «заранее обсудил с командирами орудий и наводчиками возможные варианты боя, с утра до позднего вечера отрабатывал с ними приёмы стрельбы по

наземным целям». Лейтенант Волнянский был классическим лейтенантом Великой Отечественной войны, каким этот героический образ донесли до нас книги Юрия Бондарева, Григория Бакланова, Василя Быкова и Константина Воробьёва. Этот образ, с налётом суровой романтики, когда-то талантливо переносил на широкий экран отечественный кинематограф. К сожалению, сейчас эта культура почти утрачена, погребена под конъюнктурным валом нелепых фэнтези и бездарных поделок в виде картонных сериалов, где лейтенантов 41-го года пытаются изображать лощеные столичные актёры.

Коренному туляку Валентину Ивановичу Пудовееву в ту осень было 20 лет. Родительский дом Пудовеева стоял рядом с тем самым Орловским шоссе, откуда ждали атаки и откуда она вскоре последовала. Он наблюдал этот бой. Вот что он вспоминает: «Когда командира зенитного заслона Г. Волнянского инструктировали в штабе обороны города Тулы, ему наверняка показали схему укрепрайона в зоне предполагаемой первой атаки немцев. Не мог он не знать расположения полей наших противотанковых и противопехотных мин. С большой долей уверенности можно предположить, знал он и о минировании правой стороны Орловского шоссе от съезда к воротам кирпичного завода имени «12 Октября». Левая сторона шоссе была надёжно защищена от танков глубоким оврагом, тянувшимся почти до Воронежского шоссе.

Когда в 6 часов 30 минут синяя ракета, выпущенная нашими разведчиками из района Зеленстроя, оповестила оборону о продвижении немецких танков, Волнянский наверняка ожидал первых их подрывов на минах. Однако танки свободно шли через минное поле. Это обстоятельство не могло не повлиять на нервозность наших зенитчиков, которые дали несколько промахов, обнаружив себя вспышками выстрелов в утренней темноте. По светящимся трассерам зенитных орудий Волнянский откорректировал прицелы орудий. Первый танк был подбит в 300 метрах от расположения зенитной батареи. Но сразу же на наши позиции обрушился шквал артиллерийского, миномётного и пулемётного огня. Немецкие танки двигались по булыжному шоссе и маневрировали, стараясь увернуться от зенитного огня, и потому стреляли не прицельно. Завесу огня создавали перед нами немецкие миномёты и пушки, которые вели огонь с Зеленстроя, Басово, «Подземгаза», Ивановских дач.

В атаке участвовали танки PzKw IV трёх модификаций — E, F, G выпуска 1940–1941 годов. Вес этих машин достигал 21 тонны, толщина лобовой брони и передней части башни — 25–30 мм, задняя часть башни и боковая — 15–20 мм, днище — 10 мм.

Максимальная скорость — 40 км/час, запас топлива на 250 километров. Танки были вооружены одной пушкой калибра 42–50 мм и тремя пулемётами калибра 7,92 мм. В боезапас входило 99 выстрелов и 2500 патронов. Вся эта бронированная армада беспрестанно стреляла, создавая невообразимый грохот. Волнянскому приходилось подавать команды не голосом, а жестами, выпрямившись во весь рост, чтобы его видели наводчики зениток.

Один вопрос постоянно мучил меня: почему не сработали мины? Читая воспоминания очевидцев о первом бое под Тулой, я ни в одном из них не встречал упоминания об этом. Наконец, после долгих размышлений, у меня появилась более-менее правдоподобная версия. 28–29 октября подразделение сапёров минировало основное шоссе и правую его сторону. Но, видимо, получили приказ-мины на боевой взвод не ставить, пока не последует команда сверху. Полагаю, это можно объяснить тем, что с Косой Горы ожидался подход наших отступающих частей: остатков артиллерии, живой силы…

В поддержку этой версии говорит и тот факт, что для постановки мин на боевой взвод оставили двух сапёров. Но дальше события развивались трагичным и непонятным образом — сапёры, получившие, наконец, команду ставить взрыватели, погибли: либо от взрыва чьей-то гранаты, либо подорвавшись на собственной мине. Это случилось после обеда 29 октября. Рабочие кирпичного завода и бойцы рабочего полка похоронили сапёров у плакучей ивы на правой стороне Орловского шоссе.

Возникает вопрос: почему не прислали других сапёров, тем более что за ночь с 29 на 30 октября со стороны Косой Горы подошло несколько раненых бойцов да трое верховых на лошадях? Как оказалось, вся наша техника — тягачи, автомобили, артиллерия — были брошены на пути танкового прорыва немцев от Мценска к Туле… Может быть, гибель сапёров чей-то злой умысел и кто-то из высокого командования подыграл немцам? К сожалению, этот эпизод так и остался непрояснённым до сих пор…

Шоссе до поселка Басово просматривалось отлично. По его обочинам, слева и справа, стояли столбы трамвайной электросети и телеграфные укреплённые на четверть в высоту кусками трамвайных рельсов. Эти столбы представляли помеху для фланговых выстрелов — трудно было артиллеристам совместить промежуток между столбами и быстро двигающийся, «рыскающий» танк. Что и отразилось на третьей танковой атаке. В тот день соединение из 15–20 танков спряталось за корпусом кирпичного завода. Перестроившись, они на предельной

скорости, плотным строем, выскочили из засады, повернули к зениткам, прикрывая три отставших машины, чтобы их не заметили зенитчики. Тройка танков на предельной скорости неслась к механическому институту. Вскоре один из трёх танков наскочил на мину недалеко от противотанкового рва. Зенитчики заметили танки, развернули стволы орудий на 90 градусов и подбили одну машину, с другой сорвали гусеницу. Уткнувшись в землю, танк открыл прицельный огонь по артиллеристам — с его позиций расположение наших орудий отлично просматривалось. Были легко ранены несколько наших бойцов. Метким выстрелом танк подбили… Тем временем основная группа немецких танков оказалась на расстоянии 50–70 метров от наших орудийных расчётов. Только невероятными усилиями им удалось отбросить немцев, подбив при этом три танка».

По воспоминаниям политрука М. И. Сизова, «двигались танки группами с интервалом 500–600 метров. Стреляли наугад, так как осевший туман ещё прикрывал передний край обороны».

Из журнала боевых действий 732-го зенитно-артиллерийского полка ПВО: «В 6 часов 50 минут утра 30 октября 1941 года танки противника волнами устремились к городу, пытаясь пройти огонь и ворваться в город, но все попытки фашистской гадины сломить сопротивление защитников города Тулы ни к чему не привели».

Лейтенант Волнянский погиб в том бою. Он похоронен на Всехсвятском кладбище в Туле, посмертно награждён орденом Ленина. Родом он был из села Глинского Ромейского уезда Полтавской губернии. Образование имел среднее. В армию призван из Киевского политехнического института. Член ВЛКСМ.

Из наградного листа, подписанного командиром полка майором М. Т. Бондаренко[203] и комиссаром полка старшим батальонным комиссаром Г. И. Морозкиным: «Погиб смертью героя при борьбе с германским фашизмом 30 октября 1941 г. в 8 час. 50 мин. Под руководством бесстрашного, преданного делу партии молодого командира взвод утром 30 октября встретил огнём колонну вражеских танков в количестве 40 машин, которая шла по Орловскому шоссе к городу Тула. Благодаря умению и мужеству, презрению к смерти и героизму лейтенанта Волнянского ни один танк в город не прошёл. Двумя 85-мм орудиями прямой наводкой в упор разбито 14 танков противника. Остальные рассеяны и повернули обратно». Героя почему-то не дали. Может, потому, что тогда, в 41-м, к награждению подходили предельно строго: награждали, даже медалью, скупо.

Другим огневым взводом зенитной батареи (6-й) командовал политрук Сизов. Четыре зенитки в том бою уничтожили 14 танков. Полковник Эбербах, встретив ураганный огонь на

окраинах Тулы, пытался маневрировать. Он дробил танковые группы, искал свободную щель в обороне или слабое место. Но нигде не смог найти ни того ни другого. Четыре танка уничтожили зенитные расчёты лейтенанта Милованова, оборонявшиеся в районе стадиона и посёлка Красный Перекоп.

По воспоминаниям генерала Болдина, который в том бою не участвовал, но в своих мемуарах его всё же осветил, «полк занимал тогда оборону на высоте 225,5, что в трехстах метрах от Орловского шоссе, а также на Воронежском шоссе и в Рогожинском поселке. Рано утром в районе кирпичного завода, расположенного южнее поселка, показались около сорока вражеских танков. Вслед за ними двигались цепи автоматчиков. Стреляя на ходу, танки приближались к окопам полка двумя группами — слева и справа. Туляки подпустили противника поближе, а затем автоматчиков обстреляли ружейно-пулеметным огнем, танки же забросали гранатами и бутылками с зажигательной смесью. Отличился при этом командир отделения Петр Саликов, первым подбивший танк. Более четырех часов продолжался бой. Несколько раз атаковали гитлеровцы позиции полка. Но танки так и не смогли преодолеть противотанковый ров, а автоматчики не шли вперед без танков».

Командир Южного боевого участка майор Кравченко о ходе боя доложил в штаб армии в более мрачных тонах: противник атаковал 30 октября 1941 года в 8:00 силами 34 средних и тяжёлых танков и до батальона мотопехоты с направления Гостеевка; Тульский рабочий полк был рассеян и бежал в неизвестном направлении, после чего немецкие танки и мотопехота прорвались к городу, и танки овладели парком ОСОАВИАХИМа (на южной окраине Рогожинского посёлка, ныне парк имени 250-летия оружейного завода), подойдя вплотную к церкви. Ситуацию удалось выправить только с помощью трёх групп истребителей танков и личного состава подошедшего 1005-го стрелкового полка 173-й стрелковой дивизии…

В местной историографии до сих пор ведутся споры по поводу этого боя. Где правда, в донесении ли майора Кравченко, или в том, что написали о Южном участке потом. Но результат ясен: немцы не прошли, Тула в эти дни и ночи выстояла.

В конце этой главы стоит упомянуть об одном малоизвестном факте, который, как мне кажется, будет любопытен читателю, интересующемуся историей Великой Отечественной войны. Когда начальник 4-го отдела УНКВД Тульской области капитан пограничных войск А. П. Горшков сформировал Тульский рабочий полк, тут же возникла проблема — чем людей вооружать? Некоторые бывшие бойцы тульского ополчения рассказывали, что

привезли 200 старых французских винтовок Лебеля, вручили их самым лучшим и ответственным ополченцам, к ним раздали боекомплект — по пять патронов. С таким боезапасом даже на заячью охоту не ходят. Но патронов больше не было. Не хватало патронов и для пулемётов Льюиса. Словом, вооружать людей было нечем.

И тут кто-то вспомнил, что на складах хранится опытная партия экспериментального пистолета-пулемёта системы Коровина. На фотографиях, где запечатлены бойцы Тульского рабочего полка, оружие довольно разнообразное: самозарядные винтовки СВТ, пистолет-пулемёт Шпагина, винтовки системы Мосина. Коровинского автомата нет ни на одном снимке. Возможно, фотографироваться с «новым» автоматом нельзя было из соображений секретности. Хотя, можно предположить, немцы в тех боях наверняка захватили образцы этого оружия. И какой-нибудь ганс получил Железный крест за такой трофей…

Генерал Болдин в своих мемуарах не раз упоминает о том, что в цехах оружейных заводов продолжалась работа и что выпущенное оружие тут же поступало на передовую. Можно предположить, что в основном это были именно пистолеты-пулемёты Коровина. Коровинское изобретение весьма напоминало немецкий МР 38/40, который у нас почему-то принято абсолютно необоснованно называть «Шмайсером». В конце войны в войсках появится пистолет-пулемёт Судаева. Так вот он — брат-близнец коровинского автомата. Сергей Александрович Коровин создал свой пистолет-пулемёт ещё до войны. Но в войска поступали пистолеты-пулемёты конструкторов Шпагина и Дегтярёва. Коровинский в производство не пошёл. Но в октябре 41-го налаживать срочное производство этого оружия на тульских заводах заставили чрезвычайные обстоятельства. Какое количество автоматов системы Коровина было произведено и передано войскам осенью и зимой 41-го года, неизвестно. Тульские исследователи говорят о нескольких сотнях. Сохранилось же всего несколько образцов. Однако известно, что он поставлялся в Тульский рабочий полк до весны 42-го, когда туляки уже дрались на реке Угре под Юхновом. К тому времени полк получил общевойсковой номер и был вооружён по существующим штатам: винтовками системы Мосина, автоматами ППШ, пулемётами Дегтярёва и «Максимами».

Вес автомата системы Коровина — 3,52 кг; калибр — 7,62; патрон — ТТ (тот же, что для ППД и ППШ); ёмкость рожка — 35 патронов; длина ствола — 270 мм; прицельная дальность стрельбы — 200 м; темп стрельбы — 470 выстрелов в минуту.

Стрелять из пистолета-пулемёта можно было только очередями, с открытого затвора. При невысоком темпе стрельбы расход патронов был небольшим, что немаловажно в бою.

Тульский рабочий полк был единственным подразделением, вооружённым этим редким автоматом периода Второй мировой войны.

11

Положение Гудериана действительно было незавидным. И тем не менее его передовые части продолжали наступать. Теперь уже в обход Тулы с юго-востока и востока в общем направлении на Дедилов, Сталиногорск, Венёв и Каширу. Гудериан и его солдаты грезили Москвой, хотя прекрасно понимали, что, возможно, зимовать придётся в подмосковных полях. Новое направление обещало прорыв советского фронта на менее защищённом участке и окружение 50-й и части войск 49-й армии в районе Тулы, Алексина, Серпухова. План был грандиозным, но и ему не суждено было сбыться.

Однако события развивались весьма драматично, и всё снова висело на волоске. 18 ноября ударная группировка 2-й танковой армии силами четырёх танковых, трёх мотопехотных, пяти пехотных дивизий и мотопехотного полка «Великая Германия» прорвала оборону 50-й армии и устремились на Дедилово и Сталиногорск.

Чтобы закрыть брешь у Сталиногорска, Ставка направила сюда резервную 239-ю стрелковую дивизию полковника Г. О. Мартиросяна[204]. Свежая дивизия тут же была брошена в самое пекло. Вначале она смогла потеснить противника и несколько улучшить положение 50-й армии, но вскоре сама оказалась в окружении и вышла из боёв сильно потрёпанной. Понимая, что одной дивизией дела не решить, штаб Западного фронта создал Венёвский боевой участок в составе 413-й (генерал-майор А. Д. Терешков), 173-й (полковника. В. Богданов), 129-й (полковник А. В. Гладков) стрелковых, 31-й кавалерийской (полковник Я. Н. Пивнев), а также 108-й танковой (полковник С. А. Иванов) дивизий, 11-й танковой бригады (полковник Поль Арман) и 125-го отдельного танкового батальона (капитан Шалимов).

Ещё 11 ноября управление Брянского фронта было расформировано. Войска переданы Юго-Западному и Западному фронтам. 50-я армия вошла в состав Западного фронта и отныне являлась его левым крылом. Командиром Венёвского боевого

участка Г. К. Жуков назначил генерал-майора А. Д. Терешкова. Участок вёл бои с переменным успехом до конца дня 24 ноября: в этот день город Венёв пал, а боевой участок, как боевая единица, прекратил своё существование.

Двадцать четвёртого ноября 17-я немецкая танковая дивизия полковника Рудольфа-Эдуарда Лихта, не сумев взять город в лоб, обошла его с востока и создала угрозу окружения оборонявшихся здесь подразделений 50-й армии. Наши войска покинули город, обжитые позиции на его окраинах и отошли в северном направлении. Из дневника фон Бока: «22.11.41. Вчера танковая армия совершила прорыв в северо-восточном направлении между Сталино-горском и Тулой, а сегодня захватила Сталиногорск.

23.11.41. Острие наступления 2-й танковой армии достигло Венёва и начинает поворачиваться в восточном направлении. Противник отводит свои войска, противостоящие левому крылу танковой армии. Он также перешёл к обороне перед правым крылом 4-й армии.

Во второй половине дня приехал Гудериан и доложил, что не может выполнить поставленную перед ним задачу, хотя боевая ценность его танковых и пехотных дивизий резко упала. Если 2-й танковой армии и в самом деле удастся достичь Оки между Рязанью и Коломной, ей придётся «зависнуть» там на открытых позициях на неопределённое время… Гудериан должен продолжать наступление…

24.11.41. 2-я танковая армия, чьё правое крыло всё ещё связано боями в районе Ярцева, взяла Михайлов и прорвалась к Венёву через Осётр. Русские в качестве ответной меры продолжают подтягивать войска из Москвы.

25.11.41. Боевая группа Эбербаха из 2-й танковой армии совершила прорыв к югу от Каширы и встретила сопротивление танковых частей противника…

26.11.41. 2-я танковая армия докладывает о попытках прорыва со стороны противника, окружённого под Сталиногорском. Русские со всех сторон подтягивают войска для оказания противодействия группе Эбербаха, наступающей на Каширу.

27.11.41. «Черный» день для 2-й танковой армии! Поначалу противник начал оказывать мягкое давление на ее правый фланг. Потом он неожиданно нанес удар большой силы с севера через Каширу против передовых частей танковой группы Эбербаха. Одновременно русские стали наступать из района Серпухова в южном направлении через Оку. Ценой оставления своих танков и тяжелого вооружения окруженные в Сталиногорске русские части вырвались из «котла» в северо-восточном направлении. Атака

XXXXIII корпуса на левом крыле танковой армии имела лишь ограниченный успех. Вспомогательное наступление правого крыла 4-й армии через Оку было отозвано после достижения 4-й армией незначительного первоначального успеха. Вечером Гудериан, находившийся тогда на фронте, приказал своему начальнику штаба проинформировать меня, что, оказавшись перед лицом превосходящих сил противника и по причине недостатка горючего, танковая армия будет вынуждена отозвать операцию, если правое крыло 4-й армии не атакует через Оку «без промедления». Кроме того, армия просила передать ей 296-ю дивизию с тем, чтобы по крайней мере нанести противнику поражение в районе Тулы. Я сказал Либенштейну, что о наступлении 4-й армии «без промедления» через Оку не может быть и речи и что, если я пошлю 296-ю дивизию, армии придется также высвободить свои части в Епифани и на юге от нее. В противном случае для операции в районе Тулы у танковой армии просто не хватит сил. Танковая армия, таким образом, должна вступить в сражение под Тулой при одновременной посылке сил прикрытия в восточном и северном направлениях. Приказ об отправке сил прикрытия в северо-восточном направлении вплоть до Оки и на север через Каширу аннулирован».

Итак, Гудериан в очередной раз упёрся в непреодолимую стену сопротивления 50-й армии, к этому времени усиленной за счёт переброшенных сюда с фронта 49-й армии кавалеристов генерала П. А. Белова и подразделений 112-й танковой дивизии полковника А. Л. Гетмана[205]. В штабе группы армий «Центр», где к этому времени уже устали от постоянных требований командующего 2-й танковой армией дать очередное пополнение, шанцевый инструмент для солдат и тёплую одежду, решили свернуть наступательные действия в районе Серпухова, но при этом никаких резервов не давать Гудериану. А ведь и в районе Серпухова, и в районе Каширы генерал Жуков в эти дни действовал одними и теми же резервами: кавалеристами Белова и танками Гетмана. Бросал то на Малеево поле под Серпухов, то в район Каширы. Создавалось впечатление, что там и там действуют автономные ударные конно-механизированные группы. Очевидно, немцы этого не знали. В очередной раз их разведка проморгала манёвр Жукова. Вот что написал в своих мемуарах о событиях 26 и 27 ноября сам Гудериан: «Я находился в этот день в LIII армейском корпусе и решил отправиться 27 ноября в штаб XLVII танкового корпуса и 29-ю мотопехотную дивизию. Утром я прибыл в Епифань, где [командир XLVII танкового корпуса] генерал Лемельзен доложил мне, что ночью 29-я мотопехотная дивизия очутилась в критическом положении. Главные силы 239-

й сибирской стрелковой дивизии, оставив свою артиллерию и автотранспорт, вырвались из окружения и ушли на восток. Растянутая линия окружения из частей 29-й мотопехотной дивизии не смогла сдержать прорвавшихся русских и понесла большие потери. Я направился в штаб дивизии и в 71-й пехотный полк, который пострадал больше всех. Сначала я считал, что причиной несчастья является плохое состояние разведки и охранения. Однако после того, как я на месте заслушал сообщения командира батальона и командиров рот, мне стало ясно, что войска верно выполняли свой долг и что причиной прорыва является превосходство сил противника».

Эти атаки ударных групп 2-й танковой армии отражал уже другой командующий 50-й армией. 22 ноября 1941 года, когда стало известно, что ударная группа полковника Эбербаха прорвалась к Сталиногорску, когда затрещал весь фронт южнее Тулы, командующий Западным фронтом отстранил от должности генерала А. Н. Ермакова и назначил командующим 50-й армией генерал-лейтенанта И. В. Болдина. 19 декабря отстранённый от командования генерал Ермаков был арестован и отдан под трибунал. 29 января 1942 года Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла суровый приговор: 5 лет исправительно-трудовых лагерей, лишение звания и наград. В тот же день Президиум Верховного совета СССР помиловал Ермакова, освободив его от отбытия наказания и вернув звание и награды. Вскоре нашлась и подходящая должность: в июне 1942 года он был назначен заместителем командующего 20-й армией. В сентябре 1943 года он будет командовать этой армией, а 22 февраля 1944 года получит звание генерал-лейтенанта.

В 2007 году туляки подготовили и направили президенту Российской Федерации В. В. Путину прошение о пересмотре архивного уголовного дела в отношении генерал-майора А. Н. Ермакова. 1 августа 2007 года Президиум Верховного суда Российской Федерации дело рассмотрел, посмертно реабилитировал генерала, а само дело прекратил на основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ — «за отсутствием в деянии состава преступления».

Генерал Болдин в должность командующего вступил в довольно трудные дни: Гудериан непрерывно атаковал, медленно продвигаясь вперёд. 27 ноября под Алексином был атакован правый фланг армии. К 3 декабря противник вышел на шоссе Серпухов — Тула и перерезал коммуникации 50-й армии. Часть войск оказалась в полуокружении, часть — в полном окружении. На следующий день по приказу командарма 340-я стрелковая дивизия полковника С. С. Мартиросяна[206] и 112-я танковая

дивизия полковника А. Л. Гетмана нанесла мощный деблокирующий удар во фланг 24-му моторизованному корпусу противника. Атака оказалась настолько неожиданной и сильной, что немцы остановились и начали перегруппировку.

Гудериан: «Перед лицом угрозы моим флангам и тылу и учитывая наступление неимоверно холодной погоды, в результате которой войска потеряли подвижность, я в ночь с-5 на 6 декабря впервые со времени начала этой войны решил прекратить это изолированное наступление и отвести далеко выдвинутые вперед части на линию: верхнее течение р. Дон, р. Шат, р. Упа, где и занять оборону. За все время войны я не принимал ни одного решения с таким трудом, как это. Такого же мнения придерживались мой начальник штаба Либенштейн и старший из командиров корпусов генерал фон Гейер, однако это мало способствовало улучшению моего настроения.

В ту же ночь я по телефону доложил о своем решении фельдмаршалу фон Боку. Его первым вопросом было: «Где, собственно, находится ваш командный пункт?» Он был уверен, что я нахожусь в Орле, далеко от района происходящих событий. Однако танковые генералы не делали таких ошибок. Я находился достаточно близко от района происходящих событий и от своих войск, чтобы иметь возможность правильно оценить обстановку и возможности моих солдат.

Положение было серьезным не только в полосе действий моей 2-й танковой армии. В ту же ночь с 5 на 6 декабря вынуждены были прекратить свое наступление также 4-я танковая армия Гёпнера и 3-я танковая армия Рейнгардта, вышедшая с севера к пункту, находившемуся в 35 км от Кремля, так как у них не было сил, необходимых для достижения великой цели, уже видневшейся перед ними. В районе Калинина, где действовала наша 9-я армия, русские даже перешли в наступление.

Наступление на Москву провалилось. Все жертвы и усилия наших доблестных войск оказались напрасными».

Переброшенные из-под Серпухова танковая дивизия и кавалерийский корпус окончательно переломили ситуацию на этом участке фронта. Тула накапливала силы для предстоящего контрнаступления.

Из дневника Нины Михайловны Яковлевой: *«10 ноября 1941 года.* Утром выбили немцев из Рогожинского поселка и кирпичного завода. Ввели продовольственные карточки. Я ходила их получать. И вот тут имела дело с баррикадой, через которую никак не могла перелезть. Это было очень трудно. Я плакала от бессилия. Помочь было некому. Казармы были пусты. Все хозяйственные дела были на мне. В руках были деньги, карточки

на продукты, уголь. Кое-как с рыданиями перебралась. Заработала чесотку.

25 декабря 1941 года. Была страшная бомбежка.

31 декабря 1941 года. Слушали по радио сообщение об освобождении Калуги. По талонам выдавали топливо: мешок угля и несколько поленьев».

Тула выстояла и уже налаживала жизнь тылового города. Сюда, в крупный узел железных и шоссейных дорог, поступали грузы для воюющей армии, чтобы потом, уже на автомобильном и гужевом транспорте растечься по армейским и дивизионным складам, — продовольствие, фураж, оружие, боеприпасы, обмундирование, снаряжение. Здесь формировались маршевые роты и батальоны для отправки под Калугу, Медынь, Сухиничи и Юхнов.

Тула продолжала сражаться, отдавая фронту всё, что могла отдать, — солдат, оружие, боеприпасы, продовольствие. В маршевых подразделениях, которые зачастую пешим маршем направлялись к фронту, шли бойцы и командиры и несли в своих сердцах дух воинов непокорённого города, города-крепости. За годы войны 250 туляков и жителей Тульской области стали Героями Советского Союза.

В 1976 году этот подвиг города-крепости был отмечен присвоением Туле звания Город-герой с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

ГЕРОЙ СОЛОВЬЁВОЙ ПЕРЕПРАВЫ

Александр Ильич Лизюков,

полковник, командир 1-й гвардейской

мотострелковой дивизии

и Северной группы войск обороны Москвы

Жизнь Александра Ильича Лизюкова сразу после его трагической гибели летом 1942 года в танковом бою под Воронежем стала распадаться на отдельные легенды. Они сразу же покрывались туманом недомолвок и домыслов, так что собрать мозаику воедино и восстановить истинную картину жизни и подвигов героя долгое время представлялось невозможным. Только когда были опубликованы штабные документы, донесения, а также свидетельства очевидцев, туман стал рассеиваться. Появились публикации, в основном под рубрикой «Забытый герой»…

1

Двадцать шестого марта 1900 года в день священномученика Александра в Гомеле в семье учителя Ильи Устиновича Лизюкова и его жены родился сын. Нарекли Александром. У будущего танкового командира РККА было два брата: старший — Евгений и младший — Пётр. Вскоре после рождения Петра умерла мать, а затем Илья Устинович получил место директора школы в селе Нисимковичи. Сыновья остались в Гомеле, жили в семье брата отца Афанасия Устиновича и его жены Варвары Терентьевны. Забегая вперёд, стоит упомянуть об одном любопытном и, скорее даже, трогательном факте из жизни семейства Лизюковых. В 1938 году, когда дяди Афанасия уже не было на свете, Александр Ильич для вдовствующей тёти Варвары в благодарность за материнскую заботу о нём и его братьях построил в Гомеле на улице Рабочей дом. Лизюковы в нём живут до сих пор.

Александр окончил шесть классов гимназии и вскоре — шёл

1919 год — добровольцем вступил в Красную армию. Вчерашнего гимназиста тут же направили на учёбу в Смоленск на артиллерийские командные курсы. Осенью 1919 года молодой краском получил своё первое назначение — в 58-ю стрелковую дивизию 12-й армии Юго-Западного фронта на должность командира огневого взвода артиллерийской батареи. Дивизия почти не выходила из боёв — то с добровольцами генерала А. И. Деникина, то с гайдамаками С. В. Петлюры.

Военная карьера с самого начала заметно пошла в гору. Летом 1920 года Лизюков возглавил маршевую батарею 7-й стрелковой дивизии, а два месяца спустя назначен начальником артиллерии бронепоезда «Коммунар». Не тогда ли он понял, что артиллерия на механической тяге куда мобильней и мощнее, чем на конной. Как бы там ни было, но через год Лизюков уже был курсантом Высшей автобронетанковой школы в Петрограде. После окончания курса обучения в сентябре 1923 года направлен в команду бронепоезда им. Л. Д. Троцкого на должность заместителя командира. Бронепоезд принадлежал 5-й армии и дислоцировался на Дальнем Востоке.

Дальний Восток, так сложилось, стал настоящей школой для командиров Красной армии. Школа эта была суровой, воспитывала жестоко, но основательно. Дальневосточники вскоре покажут себя в песках Монголии на Халхин-Голе, в карельских снегах во время Советско-финской войны и в полях Великой Отечественной. Командиры рот и батальонов станут командирами корпусов, командующими армиями, генералами, а комдивы и комкоры-маршалами. Г. К. Жуков, И. И. Федюнинский, И. С. Конев, Н. Э. Берзарин, И. П. Рослый…

Осенью 1924 года Лизюков поступил в Военную академию им. М. В. Фрунзе. Учился с лёгкостью и азартом. В это время, когда он окончательно определился в выборе своего дальнейшего пути и застегнул себя в армейскую гимнастёрку, его окликнуло давнее, ещё гимназическое влечение — литературное творчество. Вначале он, человек военный, пытался погасить его писание военно-технических статей для различных периодических изданий и брошюр, но творец в нём уже проснулся, и пошли стихи. Лизюкова пригласили в редколлегию журнала «Красные зори». С тех пор он начал довольно активно публиковать лучшее из своего литературного творчества. В то время на молодых поэтов оказывали сильное влияние Владимир Маяковский, Сергей Есенин и Демьян Бедный. Вот образчик творчества краскома Лизюкова:

Нашу родину рабочих

И отечество крестьян
Не задушит, не подточит
Ни буржуй, ни наглый пан!..

Думаю, читатель сам определит, чьё здесь влияние сильнее.

В это время Лизюков много читал, конспектировал прочитанное, много писал сам, сочинял. Старался не пропускать выступления известных поэтов, чьи имена тогда гремели и собирали большие залы: Маяковского, Есенина. Увлёкся театром: постановки Шекспира, Мольера, Чехова, Островского. Читал оригиналы пьес. Его восхищали острота диалогов и блеск монологов героев. Прекрасное знание театра, драматургии помогут ему выжить в «Крестах» после ареста и нелепого обвинения в намерении таранить Мавзолей с членами правительства во время парада.

В 1927 году он окончил академию и был приглашён на преподавательскую работу в Ленинград на бронетанковые курсы, которые когда-то заканчивал. Затем преподавал тактику в Военно-технической академии им. Ф. Э. Дзержинского на факультете моторизации и механизации. Два года руководил редакционно-издательской частью в техническом штабе начальника вооружений РККА. И только в 1933 году его просьба направить в войска была наконец удовлетворена — он получил 3-й отдельный танковый батальон, который дислоцировался под Наро-Фоминском Московской области и входил в состав 1-й механизированной бригады им. К. Б. Калиновского. Через год на базе батальона сформировал отдельный тяжёлый танковый полк.

В 1936 году Лизюкову присвоили звание полковника и назначили командиром 6-й отдельной тяжёлой танковой бригады им. С. М. Кирова, базировавшейся в Слуцке и входившей в Ленинградский военный округ. На вооружении бригады стояли танки Т-28 и Т-35.

Генерал-майор танковых войск В. А. Опарин вспоминал о своём сослуживце по бригаде им. С. М. Кирова: «Лизюков отдал много сил формированию бригады и подготовке кадров танкистов. Можно так выразиться: от его глаз и ушей ничто важное не ускользало… Очень серьёзно Лизюков занимался вождением. Он смело экспериментировал в этом деле, требовал водить танки на больших скоростях, преодолевать лесные зоны, овраги, гористые участки. И какие замечательные механики-водители были воспитаны в нашей части!»

Бригада стала образцовой. За успехи в боевой подготовке полковника. И. Лизюков был награждён орденом Ленина —

высшей наградой в СССР.

Аресты командиров и политработников, прошедшие в округах в 1937 году, «дело Тухачевского», скорый суд над участниками «военно-фашистского заговора» в Красной армии и расстрелы маршалов и командармов, казалось, не коснулись ни полковника Лизюкова, ни его товарищей.

2

В ноябре того же 1937 года, когда разговоры об июньском расстреле начали утихать, взяли бывшего начальника Автобронетанкового управления РККА, а в то время особоуполномоченного СНК СССР по связи И. А. Халепского. Он не выдержал допросов с пристрастием и подписал всё, что ему инкриминировали — участие в «военно-фашистском заговоре», — а по ходу разбирательства оговорил более ста человек из числа своих сослуживцев и подчинённых, в том числе и бывших. В тот чёрный список, который сотрудники НКВД тут же кинулись разрабатывать, попал и Лизюков.

То ли во время допросов Халепского, то ли уже Лизюкова, арестованного 8 февраля 1938 года, следователи придумали следующий сюжет: Лизюков «собирался совершить террористический акт в отношении наркома Ворошилова и других руководителей ВКП(б) и советского правительства путём наезда танка на Мавзолей во время одного из парадов».

Почти два года длилось следствие. Лизюкова держали в одиночной камере внутренней тюрьмы Управления государственной безопасности НКВД Ленинградской области, которую в народе именовали «Крестами». В то время камеры были забиты военными. В августе того же 37-го в грузовом автофургоне с надписью «Хлеб» сюда привезли снятого с поезда за несколько остановок до Ленинграда командира 5-го кавалерийского корпуса, дислоцированного в Пскове, комдива К. К. Рокоссовского. А из Дома предварительного заключения НКВД, прозванного «Большим домом», перевели поэта Николая Заболоцкого, автора поэмы «Торжество земледелия». На допросы их водили по одним и тем же коридорам. Возможно, и рёбра ломали в одной и той же пыточной камере.

Воспоминания о Лизюкове периода пребывания в «Крестах» оставил генерал-лейтенант, а в то время полковник И. С. Стрельбицкий, который в октябре 1941 года будет командовать Подольским артиллерийским училищем и выведет своих курсантов и офицеров-преподавателей на Ильинский рубеж

Можайской линии обороны, чтобы остановить немецкие колонны, идущие по Варшавскому шоссе к Москве.

Они познакомились в холодном коридоре тюрьмы в ожидании допроса. «Меня поставили к стене лицом, — вспоминал генерал Стрельбицкий, — и велели не разговаривать. Я успел в соседе, стоявшем от меня в двух шагах, узнать одного из офицеров штаба округа, полковника. Вскоре я услышал шёпот:

— Что на воле, освобождают ли кого? Говорите тихо, не поворачивая головы, выжидайте время, когда надзиратель ходит.

Я не рассчитал голоса и был замечен надзирателем, тот подошёл и сильным ударом в затылок наказал меня, предупредив:

— Следующий раз будешь лишён передачи.

Несмотря на боль в голове, я улыбнулся и подумал: какая там передача, когда жена и понятия не имеет, что я переведён в «Кресты».

Прошло два часа, никто меня не вызывает. Сосед <…> командир тяжёлой танковой бригады полковник Лизюков прошептал:

— Вот чудак, разве ты не понимаешь, что это специальный приём вынудить тебя быть сговорчивым. Ты постой с моё и тогда всё понимать будешь.

Тут только я обратил внимание на то, что он был в галошах. Он же мне сообщил, что стоит уже целую неделю, с перерывами по пять часов. Слышал я об этом, но представить себе не мог[207].

Лизюков научился в совершенстве владеть своим голосом и говорил даже тогда, когда надзиратель был недалеко.

— Посмотри на мою голову и на руки, потом, потом. Это следователь меня избивал за издевательства над ним.

— Как так? — удивлённо спросил я его.

И он рассказал мне интересную историю: «Привели меня в ДПЗ[208], а там, как в академии, всему просвещают и наставляют. Узнал я, что за вредительство может осудить Тройка и Особое Совещание, это исчадие дьявола, а вот за шпионаж обязательно попадёшь на суд Верховной военной коллегии Трибунала, и тогда судьям можно объяснить, что никакой ты не шпион. И вот, когда следователь до того доконал меня, что уже никаких сил не было дальше терпеть, я и сказал ему: «Ладно, вижу, что мне всё равно крышка, буду сдаваться. Отпустите меня на неделю в камеру, и я надумаю, какую вину на себя и брать: то ли шпионаж, то ли вредительство, то ли антисоветскую агитацию».

Что тут со следователем было! Он чуть не целует меня. Заказал четыре ужина, папирос и говорит: ‘Я всегда знал, что ты подходящий дядя, и зря ты сомневался. У меня все

подследственные брали на себя вину и не морочили головы, всё подписывали. Которые соглашались, получили по десятке. Вот тебе честное слово коммуниста! У меня-то всего расстрелянных не больше двадцати, и то сами виноваты. Только ты, голубчик, сам разработай, как полагается. Ты же академии кончал и напиши, чтобы красиво было и начальство было довольно. Вас же там всему обучали'.

Следователь на редкость туповатый попался. И вот я разработал, что завербовали меня в шпионскую организацию английские и французские шпионы, а фамилии-то дал им из старинных пьес. Пока дело передавалось в Военную коллегию Верховного суда, прошло больше месяца. Получил я две передачи, разрешили сделать закупку в магазине за мои деньги».

Дальше не дали нам договорить, и окончание я узнал спустя несколько месяцев. Лизюков на суде отказался от своих показаний, объяснив, что его вынудили недозволенными методами признать себя виновным. И тут-то, к ужасу Лизюкова, два члена Военной коллегии прервали его, заявив, что это враждебный приём, и поэтому заявление Лизюкова в расчёт не принимать, а ему вынести высшую меру наказания. Лизюков не растерялся и закричал: «Прочтите фамилии! Ведь все, кто меня завербовал, — это же действующие лица из таких-то и таких произведений». Что тут было! Трудно представить. И его [дело] направили на доследование.

Однако дорого это обошлось и Лизюкову, он недосчитался двух рёбер, и, когда я с ним встретился уже в дни Великой Отечественной войны, то он жаловался на ноги, и очень, и говорил об этом как о последствиях. Там же он рассказал мне о встрече, при выходе из окружения, со своим бывшим следователем. Тот оказался жалким трусом, изорвавшим свой партийный билет и бежавшим без оглядки на восток».

Что тут скажешь… Следователи НКВД, какими бы они преданными ни были делу партии в мирное время, оказались неспособными к защите Родины. Хотя отряды НКВД и целые части храбро дрались в дни немецкого «Тайфуна» и затем, в период контрнаступления наших фронтов. Но там, в тех отрядах и частях, к счастью, были другие люди — воины, а не тюремщики.

В декабре 1939 года на очередном заседании трибунал счёл обвинения следователей НКВД в отношении А. И. Лизюкова безосновательными и полностью оправдал его.

3

Звание и награды были возвращены. В 1940 году его назначили преподавателем Военной академии механизации и моторизации РККА им. И. В. Сталина. Но Лизюков снова затосковал по работе в войсках, и вскоре добился назначения в 36-ю танковую дивизию 17-го механизированного корпуса на должность заместителя командира по строевой части.

Война застала полковника Лизюкова в пути. Накануне он был срочно вызван в Москву, на новое место службы. 21 июня нарком обороны СССР подписал приказ о назначении его на должность начальника 1-го отдела авто-бронетанкового управления Западного Особого военного округа. В штабах не хватало образованных, энергичных и инициативных офицеров, способных мыслить и работать на перспективу. И особенно это касалось танковых и механизированных войск. По инициативе нового начальника Генерального штаба Г. К. Жукова полным ходом шло формирование мехкорпусов. Только что отгремела Зимняя война с Финляндией. В результате походов Красной армии в Западную Белоруссию и Северную Буковину границы СССР отодвинулись на запад. Именно там расквартировывались дивизии и полки новых корпусов.

Вокзалы и эшелоны, в особенности те, которые шли на запад, в те дни были переполнены: офицеры-отпускники срочно отзывались и направлялись в свои части. Из воспоминаний вдовы Лизюкова Анастасии Кузьминичны: «Приехав в Москву, он в этот же день возвращается обратно в свою часть, но до неё не доезжает, ибо там уже были немцы. Тут же, по дороге, он собрал народ, ехавший кто в отпуск, кто из отпуска. Это хорошо описывает Константин Симонов в своей статье «Июнь, декабрь», как Лизюков организовал отряд, из кого, откуда он взялся, как он стал командиром, появилось оружие и как будто под его командованием находится регулярная армия, которой он командует, по крайней мере, не менее трёх лет, а не разношёрстная публика, а ведь здесь были шофёры, юристы, инженеры и т. п. и получилась — кадровая армия».

С отцом на войну — 24 июня Лизюков был назначен заместителем командира 17-го мехкорпуса — увязался шестнадцатилетний сын Юрий. Он вспоминал: «Все военные должны были вернуться в свои части. Стали решать семейным советом, что делать дальше с нами, и решили, что я и мать поедем в Ленинград, к матери моей мамы. Но я категорически отказался от этой мысли и просил отца взять меня с собой на фронт — так, как он делал всегда: брал меня на все учения и маневры. В семье наступила пауза, и здесь вмешалась моя мать. Она сказала отцу: «Попробуй поговорить в Наркомате обороны,

чтобы его всё-таки разрешили взять с тобой, а то уже в Финскую убегал, так здесь уже наверняка сбежит!» И отцу разрешили взять меня с собой». Юрий Лизюков впоследствии окончит Саратовское танковое училище и уже летом 1942 года лейтенантом продолжит службу в 5-й танковой армии.

До Барановичей, в окрестностях которого базировался 17-й мехкорпус, эшелон не доехал. Под Борисовом налетели немецкие самолёты и в щепки разбомбили состав. Среди уцелевших во время налёта бойцов и командиров началась паника: кто-то пустил слух о немецком десанте, высадившемся на Березине и захватившем мосты и переправы.

Именно такие минуты определяют, кто есть кто, и решают, кому жить воином, а кому — трусом, спасающим свою шкуру. Лизюков приказал прекратить панику, собрал вокруг себя надёжных и быстро сформировал отряд, разбил его по взводам, ротам, батальонам. Утром следующего дня новое формирование полковника Лизюкова уже именовалось стрелковым полком. Полк имел чёткую иерархию и был полностью вооружён. Полный штат, в том числе и материальная часть, был даже у артиллерийских батарей.

Июнь, первые дни и недели немецкого вторжения в историю Великой Отечественной войны вошли как период разгрома, тотального отступления, бега, колоссальных людских потерь и тяжёлого вооружения. Но это не так. Вернее, не совсем так. И не везде. На некоторых участках, намертво врывшись в землю, стойко держали оборону дивизии, полки и отдельные батальоны. Их командиры знали свой долг и умели делать то, что должно.

Полк Лизюкова каждый день и каждый час пополнялся. Часть превращалась в соединение. К лизюковцам, державшим дисциплину и порядок, присоединялись одиночки, мелкие группы бойцов разных родов войск и целые взводы и роты. Бойцы потеряли свои части и бродили по лесам в поисках спасения.

Вскоре наладили связь с гарнизоном города Борисова. Просил, требовал поставить его соединению боевую задачу. Но кругом царила неразбериха. Чтобы отдать приказ действовать, надо знать обстановку, владеть ею. И Лизюков начал действовать сам. «Под Борисовом, в тяжёлой обстановке растерянности и неразберихи, я запомнил на всю жизнь полковника Лизюкова, — писал Константин Симонов, в то время военкор «Красной Звезды». — Он с тех пор мысленно стал для меня одним из образцов не только военного, но и, шире говоря, гражданского мужества». И далее: «На следующий день я расстался с полковником и больше его не видел. В ноябре на Карельском фронте, на Рыбачьем полуострове, к нам с большим опозданием

попали, наконец, центральные газеты. Не помню, в какой из них на первой странице был напечатан снимок с надписью: «Командир 1-й Московской мотострелковой дивизии Герой Советского Союза полковник Лизюков принимает гвардейское знамя…» Я узнал его. Да, конечно, именно он был там, в лесу под Брисовом, в июне. И я вспомнил забытую фамилию. Полковник Лизюков. Мне хотелось почему-то увидеть на снимке рядом с ним его сына, так же рядом, как они были тогда, в июне…»

В романе «Живые и мёртвые» Константин Симонов напишет: «…Лысый танкист с орденом Ленина, ехавший из Москвы в одном вагоне с Синцовым и по праву самого энергичного из оказавшихся здесь людей распоряжавшийся другими…»

Начальником гарнизона города Борисова был корпусной комиссар И. З. Сусайков[209]. Он же — начальник танкового училища. Когда к городу и переправам через Березину подошли передовые подразделения немцев, под его рукой было 1400 человек из числа курсантов, преподавателей и бойцов гарнизона. Удержать город и переправы через Березину этими силами представлялось попросту невозможным.

И вот в последних числах июня в Борисов вошёл полк Лизюкова. Согласно Строевой записке, составленной 29 июня 1941 года, на 18.00 численность гарнизона Борисова составляла уже 7681 человек.

Сусайков и Лизюков были знакомы по довоенной службе. Оба танкисты. Правда, именно довоенное, а именно 37-й год, их судьбы и разделял. Лизюков был арестован и находился под следствием, а Сусайков, как сказано в официальной биографии, «в период репрессий как политработник принимал участие в написании политических характеристик с «компроматом» на командиров РККА». Впрочем, такая участь политработнику в войсках могла достаться по разнарядке, по должности.

Об обороне Борисова расскажем особо. Бои конца июня — начала июля 1941 года на Березине в районе Борисова, пусть и несущественно, но всё же повлияли на ход боевых действий на Центральном направлении, и особенно на фронтовую судьбу Лизюкова.

4

Если смотреть глубже и неформально, то станет очевидным, что Битва за Москву во всей её предыстории и истоках, началась уже тогда, на белорусской земле. Под Могилёвом и Витебском, в районе Барановичей и Борисова.

Только 26 июня была восстановлена связь Борисовского гарнизона со штабом Западного фронта. Информационная блокада была прорвана. Корпусной комиссар Сусайков приказом командования назначен начальником гарнизона и ответственным за оборону города и боевого участка, а начальником штаба — полковник Лизюков. В директиве штаба фронта говорилось: «Вы ответственны за удержание БОРИСОВА и переправ и, как крайний случай, при подходе к переправам противника переправы взорвать, продолжая упорную оборону противоположного берега. На переправу от ЗЕМБИН к свх. ВЕСЕЛОВО выслать мотоотряд с подрывным имуществом с задачей: подготовить переправу к взрыву, упорно оборонять и при подходе противника капитально взорвать. Вам также поручается выполнение того же с переправой у ЧЕРНЯВКА (юго-восточнее БОРИСОВ)».

На Борисов наступала 18-я танковая дивизия 2-й танковой группы. Дивизией командовал генерал-майор Вальтер Неринг, один из лучших танковых командиров вермахта. Началась подготовка к обороне. Надо признать, что Сусайков не сразу оценил профессиональные и волевые качества своего начштаба, а также его воинство, сколоченное буквально из ничего, из бегущих и деморализованных, поддавшихся панике и бросивших оружие. С определённой степенью недоверия к своему первому помощнику написано донесение Сусайкова в штаб фронта, датированное 28 июня: «Гарнизон, которым я располагаю для обороны рубежа р. Березины и Борисова, имеет сколоченную боевую единицу только в составе бронетанкового училища (до 1400 человек). Остальной состав — бойцы и командиры — сбор «сброда» из паникёров тыла, деморализованных отмеченной выше обстановкой, следующие на поиски своих частей командиры из тыла (командировки, отпуск, лечение) со значительным процентом приставших к ним агентов германской разведки и контрразведки (шпионов, диверсантов и пр.). Всё это делает гарнизон Борисова небоеспособным».

Конечно, Сусайков сгущал краски, что нетрудно понять. Защитники Борисова чувствовали себя брошенными. Город и переправы через Березину вот-вот должна была атаковать 18-я танковая дивизия. Численно она в три раза превышала курсантов Сусайкова и «сброд» Лизюкова, вместе взятых. Имела более двухсот боеспособных лёгких и средних танков, самоходные штурмовые орудия, полевую и противотанковую артиллерию, миномёты. Марш дивизии Неринга с воздуха поддерживала авиация. Сусайков своим донесением выпрашивал у штаба Западного фронта поддержку. И она вскоре прибыла на Борисовский рубеж.

Командование, понимая важность переправ через Березину, по которым в те дни нескончаемым потоком шли отступающие части Красной армии, растерзанные под Белостоком и Минском, в срочном порядке перебросило сюда 1-ю Московскую мотострелковую дивизию под командованием полковника Я. Г. Крейзера. Однако первые же столкновения с противником показали, кто есть кто. Мотострелки, занимая позиции во втором эшелоне за окопами курсантов и батальонами, сформированными Лизюковым, не выполняли приказов штаба Борисовского гарнизона и порою попросту уклонялись от боя. Бои в зоне ответственности Борисовского гарнизона начались 30 июня и продолжались до 3 июля.

Штаб во главе с полковником Лизюковым разбил рубеж на несколько участков, назначил командиров. Жители Борисова и окрестных деревень были привлечены к строительству обороны. Отрыли противотанковый ров и траншеи. Курсанты и «сброд» тут же заняли окопы и начали совершенствовать линию обороны. Из воспоминаний Константина Симонова: «Мне указали как на старшего на корпусного комиссара Сусайкова. Он стоял на лесной дороге, молодой небритый человек в надвинутой на глаза пилотке, в красноармейской шинели, накинутой на плечи, и почему-то с лопатой в руках». Для «Живых и мёртвых» Симонову своих героев придумывать было незачем. И характеры, и сюжет писателю дарила война.

Во время Борисовской обороны отличились многие бойцы и командиры. Корпусной комиссар Сусайков подготовил несколько десятков представлений к наградам. Но пачка этих наградных листов так и не превратилась в боевое серебро орденов и медалей, затерявшись среди невостребованных бумаг штаба Западного фронта. Среди прочих есть и наградной лист на полковника А. И. Лизюкова: «С 26 июня по 8 июля 1941 года работал начальником штаба группы войск по обороне города Борисова. Несмотря на то, что штаб пришлось формировать из командиров, отставших от своих частей в момент беспорядочного отхода подразделений от г. Минск, тов. Лизюков проявил максимум энергии, настойчивости и инициативы.

Буквально под непрерывной бомбёжкой со стороны противника, не имея средств управления, т. Лизюков своей настойчивой работой обеспечил управление частями. Лично проявил мужество и храбрость. 2 июля под сильным нажимом противника совершил отход 175 МП[210]. На место мною был выслан т. Лизюков, который с группой курсантов сумел восстановить положение и привести в порядок дрогнувшие подразделения. Пренебрегая опасность[211] тов. Лизюков

появлялся среди бойцов и командиров на важнейших участках и восстанавливал необходимый порядок.

За проявленную храбрость, мужество и стойкость при обороне г. Борисова, в последующем по обороне рубежей г. Орша достоин представления к правительственной награде — орденом «Красное Знамя».

Подпись Сусайкова скреплена гербовой печатью танкового училища.

В первые дни и недели войны Лизюкову пришлось воевать на родине. От Борисова до Гомеля рукой подать. И сложись дальнейшие обстоятельства как-то иначе, пришлось бы отступать через родной город. Но дорога, как вскоре выяснилось, пролегла севернее, к Орше.

Перед войной в Борисовское танковое училище были переведены курсанты Подольского стрелково-пулемётного училища. Они-то, подольские, и составляли основу курсантских подразделений. А потому навыками в составе взвода, роты, батальона они владели куда лучше, чем навыками танкового боя. Был момент, когда немецкие автоматчики просочились к мосту через Березину. Лизюков поднял курсантов в штыковую атаку, и мощной контратакой немцы были отбиты. Когда бой затих, к переправе подошла колонна — это были наши войска, вырвавшиеся из окружения. Командование не отдавало приказа на взрыв мостов именно поэтому: со стороны Минска на Борисов продолжали двигаться колонны остатков разбитых частей. Один из выживших в тех боях на Березине на всю жизнь запомнил слова полковника Лизюкова, которые тот произнёс перед бойцами и курсантами на переправе после боя с немецкими автоматчиками: «Мост — это жизнь тысяч людей, которые выходят из окружения. Наши войска, когда выйдут на тот берег, сразу повернут оружие против фашистов и преградят им дорогу на Смоленск».

В первые дни боёв оборона на Березине в районе Борисова держалась прочно. Все попытки противника прорваться к переправам пресекались артиллерийским и стрелковым огнём, а также контратаками танков 1-й Московской мотострелковой дивизии. Но не хватало противотанковых пушек и зениток. Немецкая авиация постоянно висела в воздухе над окопами защитников Борисова и предмостными укреплениями. Отогнать самолёты было нечем. Под прикрытием пикирующих бомбардировщиков 3 июля танки Неринга прорвались к основному мосту у Зембина, в короткой схватке перебили сапёров, которые отвечали за взрыв моста, овладели переправой и захватили плацдарм на восточном берегу.

В боях за Борисов были тяжело ранены полковник

Я. Г. Крейзер и корпусной комиссар И. З. Сусайков.

Курсанты танкового училища были отведены с линии обороны и впоследствии эвакуированы в Саратов. Они стали первым составом 3-го Саратовского танкового училища. В Саратов после боёв на Соловьёвой переправе Лизюков отправит и сына Юрия, который был зачислен в училище ещё в Борисове и дрался в рядах курсантов все эти дни с винтовкой в руках.

5

И снова отступление. В июле рухнула оборона в районе Витебска и Смоленска. Немцы пытались охватить Смоленскую группировку наших войск и создать новый «котёл» подобный минскому. На карту ставилась судьба не только Москвы. У немцев снова появился шанс реализовать блицкриг стремительным прорывом к столице Советского Союза. В середине июля 1941 года 7-я танковая дивизия генерал-майора барона Ганса фон Функа захватила Ярцево.

Беглого взгляда на карту было достаточно, чтобы понять замысел противника и незавидное положение армий, оставшихся западнее и юго-западнее района Смоленска и в самом городе. Ярцево — коммуникационный узел: автострады Минск — Москва и железной дороги Смоленск— Москва. От Ярцева веером расходятся большаки и дороги местного значения — на Белый, на Духовщину, на Дорогобуж к Соловьёвой переправе. Захватом Ярцева немцы решали сразу несколько задач: отсекали отход для 19, 16 и 20-й армий и таким образом замыкали очередной «котёл», обеспечивая себе марш на Вязьму и далее к Москве по Минскому шоссе.

Штабом Западного фронта к Ярцеву и днепровским переправам была в срочном порядке выдвинута армейская группа генерала К. К. Рокоссовского. Левый фланг надёжно закрыл 44-й корпус комдива В. А. Юшкевича[212]. На переправах через Днепр в районе деревень Соловьёве и Ратчино положение контролировал сводный отряд полковника Лизюкова.

С середины июля Соловьёва переправа оставалась единственной коммуникацией, по которой велось материально-техническое обеспечение войск, всё ещё продолжавших удерживать оборону в районе Смоленска. Через этот коридор в тыл шли санитарные обозы с ранеными. И вот над этой артерией, питавшей три армии, нависла угроза.

Сводным отрядом, который обеспечивал безопасность Соловьёвой переправы, командовал полковник Лизюков. Он же

был и её комендантом.

Снова ему поручили удерживать переправы и обеспечивать движение войск через водную преграду. Месяц назад это было на Березине. Теперь — на Днепре в его верхнем течении. Войско у Лизюкова на этот раз было невеликое: до полка мотопехоты и 15 танков из остатков 5-го мехкорпуса (часть из них была неисправна). Боевые машины окопали и использовали как неподвижные огневые точки. Переправа находилась в зоне ответственности армейской группы генерала Рокоссовского.

Немцы изо всех сил старались завладеть понтонами и перерезать сообщение. Но запечатать Смоленский «котёл» им так и не удалось. 27 июля они всё же прорвались к Соловьёвой переправе и захватили её. Лизюков срочно запросил подкрепления у Рокоссовского, и тот выслал отряд, который мощной атакой восстановил положение. В эти дни огневую мощь отряду полковника Лизюкова значительно усилила подошедшая к переправе экспериментальная батарея «Катюш» под командованием капитана И. А. Флёрова.

В начале августа 16-я и 20-я армии получили приказ командования прекратить оборону Смоленска и выходить на восточный берег Днепра. Начался выход войск Смоленской группировки из «мешка».

Немецкие самолёты постоянно висели над переправой. Зенитное прикрытие было слабым, но зенитчики Лизюкова делали своё дело. Основной поток войск, отходящих на левый берег, подошёл к Соловьёвой переправе 3 августа. Немцы тоже придвинулись вплотную. Обстреливали понтоны из орудий, поставленных на прямую наводку. В полдень того же 3 августа в результате массированных налётов авиации и постоянного артиллерийского огня настилы мостов, наведённых накануне для увеличения пропускной способности переправы, были уничтожены. Однако к утру следующего дня колонны наших войск снова пошли по восстановленным мостам. 16-я и 20-я армии переправились на восточный берег Днепра и заняли оборону. Здесь они будут держаться до октября, до начала операции «Тайфун».

Начальник штаба 4-й полевой армии группы армий «Центр» генерал Гюнтер Блюментритт спустя годы в своих мемуарах напишет: «Самым значительным <…> было сражение в районе Смоленска, где была окружена большая группировка русских. Две полевые армии <…> удерживали три стороны котла, в то время как наши танки блокировали выход из него близ Ярцева. И снова эта операция не увенчалась успехом. Ночью русские войска вырвались из кольца окружения и ушли на восток…»

А вот что писал о Лизюкове маршал К. К. Рокоссовский: «Полковник Александр Ильич Лизюков был прекрасным командиром. Он чувствовал себя уверенно в любой, самой сложной обстановке, среди всех неожиданностей, которые то и дело возникали на том ответственном участке, где пришлось действовать его отряду. Смелость Александра Ильича была безгранична, умение маневрировать малыми силами — на высоте. Был момент, когда немцы перехватили горловину мешка в районе переправ через Днепр. Но это продолжалось всего несколько часов. Подразделения Лизюкова отбросили и уничтожили весь вражеский отряд».

Ещё 12 июля, когда полуокружённые смоленские армии сражались на своих позициях, по команде ушло представление на коменданта Соловьёвой переправы к награждению орденом Красного Знамени. За Березину «Красное Знамя» Лизюков так и не получил. Командование и на этот раз решило иначе: 5 августа, когда пришло известие, что войска вышли на левый берег и занимают оборону на новом рубеже, вышел Указ Президиума Верховного совета СССР «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с германским фашизмом и проявленные при этом отвагу и геройство» полковнику Лизюкову Александру Ильичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Курсант Борисовского танкового училища Юрий Александрович Лизюков был награждён медалью «За отвагу».

6

После Соловьёвой переправы пути отца и сына Лизюковых разошлись: Юрий убыл в Саратов для прохождения ускоренного курса обучения в танковом училище, а Александр Ильич получил новое назначение — принял командование 1-й танковой дивизией.

Танки и мотопехота Лизюкова держали оборону на восточном берегу реки Вопь северо-восточнее Ярцева, действуя в полосе обороны 16-й армии генерала Рокоссовского. Изучив оборону своего участка, Лизюков принял решение ликвидировать небольшой плацдарм, захваченный противником во время летнего наступления. Командование утвердило план операции. Атака 1-й танковой дивизии стала частью фронтовой операции — войска Западного фронта под командованием Г. К. Жукова в это время проводили Ельнинскую наступательную операцию. В

начале сентября 1941 года танки и мотопехота 1-й танковой дивизии поднялись в атаку. Мощным концентрированным ударом плацдарм был ликвидирован. Развивая наступление, ударная группа форсировала Вопь и захватила плацдарм на западном берегу. Противник контратаковал, нолизюковцы энергично закрепились на выгодных позициях, подтянули артиллерию, окопали танки и удерживали плацдарм весь сентябрь. Немцы, опасаясь дальнейшего развития наступления наших войск, вынуждены были перебросить сюда резервы и держать их в постоянной боевой готовности.

За этот манёвр, увенчавшийся успехом, дивизия была преобразована в 1-ю гвардейскую мотострелковую и награждена орденом Красного Знамени.

Вскоре дивизию перебросили в район Можайска, а затем на Юго-Западный фронт и передали 40-й армии.

Соседом дивизии Лизюкова оказалась конно-механизированная группа генерала П. А. Белова.

Здесь произошёл бой, который попал в документы и мемуары участников обеих сторон. Генерал Гудериан вспоминал, что его передовые части, а именно 25-я моторизованная дивизия, не выдержав атаки русских, вынуждены были оставить Штеповку и что противник удерживал её не менее недели. Писатель П. П. Вершигора, служивший фотокорреспондентом в газете 40-й армии, тоже вспоминал: «В районе восточнее Сум, впервые за эту войну, я увидел, как бегают немцы».

После боёв в районе Штеповки дивизия полковника Лизюкова дралась под Сумами, а затем, после сдачи Сум, отведена во фронтовой резерв и передислоцирована под Москву.

7

Наступил октябрь 1941 года. Группа армий «Центр» проводила операцию «Тайфун» — последний, решающий бросок на Москву. К тому времени 1-я танковая дивизия была преобразована в 1-ю гвардейскую мотострелковую дивизию. Её-то и направили в район Наро-Фоминска на усиление 33-й армии. 21 октября 1941 года эшелоны дивизии начали прибывать на станцию Апрелевка. После разгрузки части и подразделения тут же занимали оборону по обводу западных окраин Наро-Фоминска.

Генерал М. Г. Ефремов отдал приказ: после сосредоточения, 22 октября, атаковать на запад с целью овладения новым рубежом в трёх-четырёх километрах. Противник тем временем начал свою

атаку. Произошёл встречный бой. Немцам удалось прорваться на стыке с соседними 222-й и 110-й стрелковыми дивизиями и выйти к реке Наре. Несколько дней длилось противостояние. Город, кварталы, улицы, дома переходили из рук в руки. Потери дивизии были огромны: только за трое суток с 21 по 23 октября 1-я гвардейская мотострелковая дивизия потеряла 1521 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

В ночь на 24 октября в штаб 33-й армии из штаба Западного фронта поступила телефонограмма:

«КОМАНДАРМУ 33 ЕФРЕМОВУ

ДЛЯ НЕМЕДЛЕННОЙ ПЕРЕДАЧИ

КОМДИВУ 1 МСД ЛИЗЮКОВУ, КОМИССАРУ 1 МСД МЕШКОВУ

Тов. СТАЛИН лично приказал передать тов. ЛИЗЮКОВУ и тов. МЕШКОВУ, что он считает делом чести 1-й МСД очистить к утру 24. 10 НАРО-ФОМИНСК от противника. Об исполнении этого приказа тов. ЛИЗЮКОВУ и тов. МЕШКОВУ доложить 24. 10 лично тов. СТАЛИНУ

ЖУКОВ, БУЛГАНИН».

Говорят, когда генерал Ефремов зачитывал командирам, которым предстояло вести в бой свои части и соединения, текст этой телеграммы, в штабе стояла мёртвая тишина. Всем было понятно, что означает этот приказ. Либо выполнить, «очистить к утру Наро-Фоминск от противника», либо сделать для этого всё и умереть.

Подготовка к атаке была короткой. В 6.00 началась артподготовка. Два залпа сделал дивизион гвардейских миномётов. Ещё не осела снежная пыль, густо перемешанная с кирпичной крошкой, вперёд пошли два гвардейских полка — 175-й и 6-й. Их атаку поддерживали танки 5-й танковой бригады.

Немцы, засевшие в жилых кварталах и промзонах, открыли ураганный огонь. В захваченном городе они успели укрепиться. На танкоопасных участках сосредоточили противотанковую артиллерию, заминировали дороги и проходы. Бой шёл весь день. Потери с обеих сторон были огромными. Атаки гвардейцев, которые следовали одна за другой, ощутимых результатов не давали. Только четвёртая рота 175-го мотострелкового полка под командованием старшего лейтенанта Кудрявцева ворвалась на территорию ткацко-прядильной фабрики и удерживала один из фабричных корпусов.

Конечно же, и Лизюков, и командарм Ефремов, и офицеры штаба, и в полках понимали, что отбить город такими силами, которыми располагали 1-я гвардейская мотострелковая дивизия и 5-я танковая бригада, не удастся. Каждая новая атака множила

потери. К достижению цели — «очистить к утру…» — усилия полков и танкистов привести попросту не могли. К тому же противник начал активно маневрировать резервами — подбрасывал артиллерию и пехоту с неатакованных участков. Просматривая донесения, Лизюков заметил, как стремительно растёт число пропавших без вести. Девяносто процентов из них — пленные.

Вечером из штаба Западного фронта пришла телефонограмма:

«Т. ЕФРЕМОВУ.

Т. ЛИЗЮКОВ и т. МЕШКОВ до сих пор не донесли ничего об исполнении приказа т. СТАЛИНА. Немедленно пошлите донесение, копию представьте нам.

ЖУКОВ, БУЛГАНИН».

Кроме потерь и неудач, докладывать было нечего. За день непрекращающихся боёв дивизия потеряла 761 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Телефонограмму в Ставку отправляли из штаба армии, но за подписью Лизюкова и Мешкова. Как и было приказано.

«МОСКВА. ТОВ. СТАЛИНУ

К 20.00 овладел северной, западной, северо-западной, центральной и юго-восточной частью города НАРО-ФОМИНСК. Упорные бои продолжаются. Подробности дадим шифром.

ЛИЗЮКОВ, МЕШКОВ.

24. 10.41.

21.40».

К исходу 25 октября Лизюков отдал приказ оставить город. Лишь в излучине Нары дивизия сохранила небольшой плацдарм, который удерживался усиленной ротой одного из стрелковых полков.

В эти дни маятник противостояния на ближних подступах к Москве швыряло то в одну сторону, то в другую. Одни расходовали последние силы и ресурсы на то, чтобы продолжить наступление, другие — чтобы удержаться. 1-я гвардейская мотострелковая сдавала Наро-Фоминск, она же его и возьмёт. Только чуть позже. И с другим командиром.

8

В конце ноября немцы сделали последний рывок на Москву. Они атаковали почти на всех направлениях и участках. Тогда казалось, что, дрогни взвод, противник тут же нажмёт и сомнёт роту, батальон, и в образовавшуюся брешь, стремительно

расширяя её, хлынут полки и дивизии…

Особенно жарко было на правом фланге Западного фронта. Туда и был направлен полковник Лизюков. Из воспоминаний генерала К. Ф. Телегина: «Ночью 27 ноября Ставка приказала Военному Совету Московской зоны обороны срочно создать Северную оперативную группу под командованием полковника А. И. Лизюкова в составе 28-й и 43-й стрелковых бригад, усилив её двумя дивизионами гвардейских миномётов и ротой танков КВ с задачей прикрыть Москву со стороны Рогачёвского и Ленинградского шоссе на рубеже Хлебниково — Черкизово…»

Вначале это было похоже на лихорадочное латание дыр. Но потом картина стала наполняться новыми стрелковыми бригадами и дивизиями, прибывающими с востока. Свежие соединения тут же заполняли окопы и траншеи и вступали в бой. Московская оборона становилась для немцев неприступной.

В одном из интервью маршал Г. К. Жуков отметил совершенно конкретно: «В двадцати двух километрах от Москвы находится населённый пункт Красная Поляна. Вот тут-то и образовалась в нашем фронте дыра. Её-то и закрывали бригады генерала Лизюкова, выдвинутые из Московской зоны обороны». Уже к концу ноября Северная оперативная группа пополнилась ещё пятью стрелковыми бригадами и частями усиления. На основании директивы Ставки № ОП/3016 от 29 ноября 1941 года на базе Северной оперативной группы была развёрнута армия, получившая номер «20». Это было второе формирование армии, сгоревшей на смоленской земле в боях и сражениях по защите столицы. Новое формирование постоянно пополнялось резервами. В начале декабря в 20-ю влилась 331-я и 352-я стрелковые дивизии. Это были дивизии нового формирования, полнокровные, вооружённые и оснащённые по полному штату.

Соединение готовили к наступлению. Армией командовал генерал А. А. Власов, штабом руководил Л. М. Сандалов. Командарм все эти дни сидел в штабе, находившемся в Химках. То ли болел, то ли работал с бумагами. Сандалов сколачивал штаб. А войсками тем временем руководил заместитель командующего А. И. Лизюков.

Правый фланг Западного фронта справа налево, от стыка с Калининским фронтом: 30-я армия, 1-я ударная армия, 20-я армия, 16-я армия. Дальше уже пошла зона ответственности армий центра Западного фронта: 5, 33, 43-й и так далее. 20-я армия была самой малочисленной — списочный состав 38 148 человек. Для сравнения — 16-я армия Рокоссовского насчитывала 96 897 человек.

В первых числах декабря дивизии и бригады 20-й армии

сосредоточились к северо-западу от Москвы по линии Лобня, Сходня, Химки, заняв участок фронта между более сильными 1-й ударной и 16-й армиями. Приказ на наступление был таким: «20-я армия силами 331 сд и 28 сбр наступает в общем направлении на Красная Поляна, Мышецкое, Покров и уничтожает пр-ка в р-не Красная Поляна, Владычино, Холмы».

В последнее время не утихают споры историков и публицистов на тему: а кто же в действительности командовал 20-й армией в период контрнаступления? Власов? Сандалов? Лизюков? Первые приказы по армии подписаны Лизюковым. Потом — Власовым. Но между отдачей приказа и фактическим управлением войсками может существовать некий зазор. И в него порой вмещались целые судьбы. На фронте роль заместителя командарма самая неблагодарная. Хочешь спрятать энергичного и инициативного с глаз долой, так, чтобы он ни при каких обстоятельствах не вынырнул на глаза командованию и вечно тлел под рукой своего непосредственного начальника, назначь заместителем командующего армией к такому же волевому, да ещё и тщеславному.

Скорее всего, как утверждает биограф Лизюкова И. Н. Афанасьев, Александр Ильич в отсутствие вновь назначенного командарма (генерала А. А. Власова) продолжал выполнять обязанности командующего. И. Н. Афанасьев в подтверждение своей версии приводит такой факт. 28 ноября 1941 года в Штабе обороны города Москвы полковник Лизюков получает удостоверение «в том, что он по 31 декабря 1941 года действительно является командиром Северной группы войск обороны г. Москвы». А буквально на следующий день, 29 ноября, Ставка издаёт директиву № 498 о преобразовании «опергруппы Лизюкова в 20-ю армию».

В августе 1966 года редакция «Военно-исторического журнала» организовала «круглый стол». Маршал Г. К. Жуков отвечал на вопросы журналистов по теме Битвы за Москву. Из стенограммы: «…Первая постановка задачи 30 ноября предусматривала очень короткие задачи контрударного порядка. Задачи войскам по глубине не превышали 20–30 километров. <…> У нас нет такого приказа, где заранее, допустим, 30 ноября, 1–2 декабря, отдали бы директиву, которая свидетельствовала, что это приказ на контрнаступление. Такая задача не стояла, потому что у нас ни сил не было, ни средств. <…> Такого в классическом понимании начала контрнаступления, как это было, допустим, под Сталинградом, не было. Оно пошло как развитие контрударов. <…> Оно было ходом событий организовано. <…> Почему была введена в дело 20-я армия? Красная Поляна —

это 22 километра от Москвы. У нас на этом участке получилась «дырка». И только группа Лизюкова была поспешно выведена, заткнули эту «дырку». Туда же по приказу Сталина выехал Булганин с задачей отобрать обратно у противника Красную Поляну. Речь шла только о Красной Поляне, но не дальше. <…> Контрудары 1-й Ударной армии и группы Лизюкова начали отбрасывать противника, в порядке логического продолжения всё это нарастало, и в конце концов к 8 декабря вылилось в более широкое контрнаступление».

Немцы заняли Красную Поляну 30 ноября 1941 года. 2-я танковая дивизия 3-й танковой группы, наступая от Солнечногорска по линии шоссе, ворвалась в Красную Поляну и закрепились в этом крупном населённом пункте в 17 километрах от Москвы. Это был удобный плацдарм для дальнейшего наступления. Трофейные документы V армейского корпуса свидетельствуют о том, что на начало декабря немцы планировали продвинуться до канала Москва — Волга и захватить переправы.

В результате произошло фактически встречное сражение. В него были втянуты с обеих сторон танки, артиллерия и авиация. К примеру, наступление 331-й стрелковой дивизии и 64-й отдельной стрелковой бригады, которые в эти дни атаковали Красную Поляну и опорные пункты, сооружённые немцами в окрестных деревнях, активно поддерживала с воздуха 43-я авиадивизия ВВС Западного фронта. Не жалели снарядов и артиллеристы. В дело были пущены все калибры, в том числе 152-мм орудия тяжёлого артполка РГК. Накопленные силы пора было применить.

Полковник Лизюков шёл в атаку с 1106-м полком 331-й стрелковой дивизии в пешем строю. Немцы тоже нажимали, старались остановить наступление, жёстко контратаковали. И той и другой стороне казалось, что инициативой овладевают именно они. В один из этих дней состоялся разговор генерал-фельдмаршала фон Бока и начальника Генштаба сухопутных войск Германии генерала Гальдера. После тщательного изучения донесений, поступающих с фронта, они пришли к выводу, что «если происходящее сейчас наступление на Москву с севера не будет иметь успеха, то Москва станет новым Верденом, то есть сражение превратится в ожесточённую фронтальную бойню».

В январе 1942 года Лизюкова представили к ордену Ленина. Потребовалась аттестация командующего армией. А. А. Власов тут же её представил: «Тов. Лизюков с 30.XI.41 г. по 1.1.42 г. всё время руководил боевой деятельностью войск 20 Армии. 1. и 3.12.41 г. т. Лизюков лично водил 1106 полк 331 сд в атаку и по

заданию т. Булганина по его личному героизму овладели д. Горки. Солнечногорск захвачен под руководством т. Лизюкова и он один из первых вошёл в город».

При атаке на Солнечногорск полковник Лизюков в пешем строю шёл впереди батальонов 35-й стрелковой бригады. Пуля ждала его ещё тогда, в декабре 41-го, но под Красной Поляной и Солнечногорском он её перехитрил. Впрочем, никакой хитрости с его стороны не было, шёл с пистолетом в руке, как простой комбат или ротный, подбадривал своих бойцов, следил за быстро меняющимися событиями, управлял подразделениями.

Под Москвой за ним наблюдал Н. А. Булганин. Лизюков знал, что об атаке на Красную Поляну и Солнечногорск не сегодня завтра будет доложено Сталину. И Булганин Сталину доложил. По всей вероятности, доклад был представлен в светлых, героических тонах. Во-первых, Булганин выполнил задание Верховного, а во-вторых, роль командующего Северной оперативной группой полковника Лизюкова во время боёв была действительно яркой. Разрабатывал операции, непосредственно сам проводил их, проявляя при этом личную храбрость и полководческий талант.

Первого января 1942 года Сталин вызвал Лизюкова в Москву. Встреча произошла на ближней даче. Этот жест Верховного главнокомандующего свидетельствовал об особом признании заслуг защитника Москвы. Со сталинской дачи Лизюков уехал генерал-майором и командиром 2-го гвардейского стрелкового корпуса. Однако представление к ордену Ленина дальше штаба Западного фронта не уйдёт. В политотделе прекрасно понимали: Лизюков обласкан Сталиным, получил генеральское звание, гвардейский корпус, и если дать ему ещё высший орден страны, то от 20-й армии в официальное сообщение Совинформбюро «Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы» в галерею защитников столицы придётся ставить его портрет, а не Власова… Орден Ленина придержали. Не везло Лизюкову на ордена. К ордену Красного Знамени представили командарма Власова, и тот его получил.

Впрочем, комфронта Г. К. Жуков за московскую эпопею, которую он целиком вытащил на своём характере — упорстве, жёсткости, а порою и жестокости, — был награждён всего лишь медалью «За оборону Москвы», и то только в 1944 году.

9

В феврале 1942 года был отпечатан сборник «Разгром

немецких войск под Москвой: В помощь политруку». В сборнике помещена и статья командующего 20-й армией генерала Власова «Борьба за солнечногорский плацдарм». Ни слова о Лизюкове в ней не будет.

Генерал Лизюков в эти дни сражался на Калининском фронте. В эти дни из печати выйдет его брошюра «Что надо знать воину Красной Армии о боевых приёмах немцев: Из опыта фронтовика». Только что отпечатанный экземпляр Лизюков подарит Сталину с надписью: «Родному Сталину А. Лизюков». Верховный прочтёт брошюру, при этом расшифрует военные аббревиатуры, исправит типографские опечатки и на обложке размашисто наложит резолюцию: «Прочесть».

В 2015 году родственники Лизюкова сделали запрос в Министерство обороны по поводу несостоявшегося награждения. В официальном ответе сказано, что «причины отказа в архиве не отражены». Что это значит? Положили «под сукно», вот и всё…

В марте 1942 года Лизюков писал с фронта Александру Фадееву: «Дорогой Александр Александрович! Помню нашу тёплую встречу и рассчитываю на дружескую помощь в подборе хорошей редакции для нашей газеты. Наш корпус прошёл большой, поистине героический путь. Вы сами понимаете, какое огромное значение имеет для бойцов, командиров и политработников своевременное, правдивое описание тех подвигов, которые они совершают. <…> Писатели же о наших героических людях часто забывают. <…> Рад был узнать, что здоровье Ваше поправляется, надеюсь видеть Вас у себя в корпусе при первом же вашем выезде на фронт. <…> Крепко, крепко жму руку. Примите мой сердечный привет. С самыми тёплыми к Вам чувствами — Александр Лизюков, командир 2-го Гвардейского корпуса».

Писателей, артистов, людей искусства Лизюков любил особой любовью. Какое-то время в нём самом военный боролся с писателем. Военный одолел. Но любовь, навыки и затаённая до времени мечта остались. Возможно, спустя годы читатель получил бы прекрасные и правдивые книги о войне — романы или мемуары, — но, как говорил Василь Быков, судьба посылает солдату на войне из всех возможных вариантов худший. И, видимо, летом под Воронежем командирский КВ, в котором находился генерал Лизюков, к несчастью, выскочит на опытный расчёт немецкой противотанковой пушки, и тот расстреляет советский танк несколькими точными выстрелами…

До войны Лизюков публиковал свои стихи и прозу в журналах «Вокруг света», «Красные зори». Работал над пьесой «Сумбур молодости», черновик которой впоследствии пропал.

Написал повесть о службе на бронепоезде. Рукопись отправил в Госиздат и вскоре получил предложение развернуть повесть в роман. Рассказ «Красноармеец Глянцев» о Гражданской войне был издан в 1927 году отдельной книжкой. Чувствовал себя русским человеком и мог подчеркнуть это. Сохранилась служебная карточка за тот же 1927 год, в которой в графе национальность он написал: «Великоросс». Когда войска отправлялись на Советско-Польскую войну, написал в стихах «Клятву красноармейца» и перевёл её на украинский язык. К языкам вообще был очень восприимчив. Знал немецкий, французский, английский, а также латышский. Свободно писал и разговаривал на русском и украинском.

В августе 1941 года состоялся первый выезд бригады московских артистов на фронт. Руководитель бригады Борис Филиппов делал беглые записи.

«*17 августа 1941 года,* С трудом находим одно из подразделений — тщательно замаскированный лагерь, над которым непрерывно кружатся вражеские самолёты.

…Танковой частью, в которой мы находимся, командует Герой Советского Союза полковник Лизюков. Часть дислоцирована на «бойком месте». Начался концерт. Русланова посвящает своё выступление Лизюкову.

18 августа 1941 года. Отправляемся в путь в 9 утра в село Батищево. Ищем новую часть.

Провожая нас, полковник Лизюков оглашает приказ о зачислении Владимира Яковлевича Хенкина и Лидии Андреевны Руслановой почётными красноармейцами 57-й танковой дивизии. В знак уважения к почётным красноармейцам им выдаётся полный комплект обмундирования и предоставляется легковая машина для доставки в следующую воинскую часть».

10

Второй гвардейский стрелковый корпус генерал Лизюков формировал сам. Сам подбирал командиров, особо ценил танковых. Вскоре корпус сосредоточился в районе Валдая и принял участие в окружении Демянской группировки немцев.

Командующий 3-й ударной армией, в состав которой входил корпус, в своём представлении Лизюкова к награде за успешно проведённую операцию, писал: «2-й гвардейский стрелковый корпус под командованием т. Лизюкова проделал успешный марш-манёвр с боями от Старой Руссы до Холма, нанеся значительный урон противнику и преодолев трудности

бездорожья в зимних условиях <…> нанёс противнику большие потери». И там же: «…т. Лизюков — волевой, энергичный командир».

В апреле 1942 года Лизюков получил приказ сформировать 2-й танковый корпус. Корпус был включён в состав 5-й танковой армии, а в июне Лизюкова назначили её командующим. Назначению предшествовала встреча со Сталиным. На этот раз разговор состоялся в Кремле в присутствии В. М. Молотова, Б. М. Шапошникова, Г. К. Жукова.

Прав был Г. К. Жуков, в то время начальник Генерального штаба, когда убедил руководство страны, и в первую очередь Сталина, в необходимости создания крупных механизированных соединений, основу и главную ударную мощь которых составляли бы танки. Надо признать, что опытом поделились немцы, продемонстрировав во время летнего наступления 1941 года эффективность танковых групп.

Вновь сформированная 5-я танковая армия дислоцировалась в полосе Брянского фронта. Летом 1942 года немцы неожиданно прорвались к Воронежу. Ставка подготовила контрудар. Главной ударной силой манёвра должна была стать 5-я танковая. Биограф Лизюкова И. Н. Афанасьев, посвятивший последнему бою командарма многие страницы своих исследований, пишет: «5-я танковая армия находилась в движении, но было приказано начать операцию не позднее 15–16 часов 5 июля, не ожидая окончательного сосредоточения всех сил. Днём ранее в район Ельца Сталин откомандировал начальника Генерального штаба А. М. Василевского, которому поручалось устранить нераспорядительность Брянского фронта, не обеспечившего приём 5-й танковой армии и постановку боевых задач, а по существу — лично отдать приказ о начале наступления во фланг прорвавшемуся врагу. Возражения Лизюкова, который предлагал своим ходом произвести скрытное сосредоточение всех сил, не допустить ввода армии в бой по частям, а нанести массированный удар, были отвергнуты. Судьба командарма и его танкистов была перепоручена высшему командованию, которое проложило армии путь по штабным картам».

Генерал Лизюков в те дни переживал, можно сказать, личную трагедию. С июня 41-го он мечтал о таком ударе. И на Березине, и на Днепре, и под Наро-Фоминском, и под Красной Поляной, и позже, в районе Холма, когда замыкали кольцо вокруг Демянской группировки немцев. Как хотелось ему спланировать удар так, чтобы все преимущества наших средних танков Т-34 и тяжёлых КВ были умножены правильным построением и распределением сил. Чтобы в момент наступления и развития атаки под рукой

имелись все силы. Лизюков репетировал, отрабатывал этот свой удар уже тогда, имея в своём распоряжении всего несколько лёгких и средних танков да немного артиллерии.

И вот вместо концентрированного удара командование приказывало идти в бой разрозненными частями. Казалось бы, не 41-й год, когда впопыхах армии вводились в бой полками, а дивизии ротами. Но косность штабного мышления по инерции толкала больших начальников именно к этому…

Константин Симонов в книге «Разные дни войны» писал: «Одна из бригад Лизюкова была отрезана, с ней не было связи. Командующий приказал немедленно восстановить связь и вывести бригаду из-под удара. И Лизюков, обескураженный своими неудачными действиями предыдущих дней и не дождавшись прихода танков другой бригады, сел на свой КВ и пошёл в одиночку разыскивать пропавшую бригаду. Через два или три километра его танк расстреляли немецкие орудия. Спасся один башенный стрелок…»

Случайно оказавшись под Воронежем, Симонов хотел встретиться с Лизюковым. Может быть, вспомнить поле под Борисовом, Березину и штыковую атаку курсантов. Но — не судьба.

Соединения армии, в том числе танковые бригады в бой вводились по частям. По частям противник с ними и разбирался. Лизюков был в отчаянии. По версии некоторых исследователей, после неудач первых дней и первых атак Лизюков подготовил донесение и свои предложения о том, как исправить положение. Пакет был адресован в Ставку лично Верховному главнокомандующему. Но тот пакет дальше штаба Брянского фронта не ушёл.

Временное командование войсками Брянского фронта 7 июля 1942 года было возложено на генерала Н. Е. Чибисова. У Лизюкова с Чибисовым в день гибели командарма состоялся тяжёлый разговор, после которого Лизюков сел в танк и помчался выполнять приказ.

Долгое время могила генерала Лизюкова была неизвестна. Хоронили героя во время боя. В 2008 году поисковый отряд обнаружил могилу. Останки были идентифицированы, перенесены в Воронеж и похоронены на Мемориале Славы с подобающим торжеством.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ И СОБЫТИЯ

1941, 30 сентября — в наступление перешла 2-я немецкая танковая группа группы армий «Центр»; начало операции «Тайфун».

2 октября — в наступление перешли 4-я и 9-я немецкие полевые армии и 3-я танковая группа.

3 октября — немецкие танки вышли на южную окраину Орла.

4 октября — немецкие войска заняли города Спас-Деменск, Людиново, Киров.

5 октября — немецкие войска с ходу взяли Юхнов; Брянский фронт получил приказ об отходе на 2-ю полосу обороны, Западный фронт — на Ржевско-Вяземский оборонительный рубеж.

6 октября — немецкие танковые части взяли Брянск и Карачев; у деревни Воронки на Варшавском шоссе вступил в бой передовой отряд подольских пехотно-пулемётного и артиллерийского училищ.

7 *октября* — немецкие танковые соединения замкнули кольцо окружения в районе Вязьмы; в «котле» оказались войска четырёх армий и группы генерала И. В. Болдина.

9 октября — немецкие войска взяли Гжатск и перерезали Минское шоссе и железные дороги Вязьма — Сызрань и Москва-Смоленск.

10 октября — объединение Западного и Резервного фронтов; немецкие войска прорвали советскую оборону на Калужском и Малоярославецком направлениях.

12 октября — немецкие войска заняли Медынь и Калугу; приказом ГКО СССР создана Московская зона обороны.

13 октября — назначение генерала армии Г. К. Жукова командующим новым Западным фронтом; ликвидация Вяземского «котла».

14 октября — немецкие войска взяли Боровск и Калинин.

75 *октября* — принятие ГКО СССР решения об эвакуации Москвы.

16–17 октября — «Московская паника».

18 октября — немецкие войска заняли Можайск, Малоярославец, Верею.

19 октября — создание Калининского фронта под командованием генерала И. С. Конева; введение приказом ГКО СССР в Москве осадного положения.

24 октября — немецкие войска заняли Тарусу.

29 октября — немецкие войска остановлены на рубеже реки Нара и вынуждены перейти к обороне; части 2-й немецкой

танковой группы подошли к Туле.

30 октября — немецкие танки без боя заняли Ясную Поляну.
4 ноября — наступление морозной погоды, завершение периода распутицы.

7 ноября — в Москве на Красной площади прошёл парад в честь 24-й годовщины революции.

10 ноября — расформирован Брянский фронт.

18 ноября — 2-я немецкая танковая группа после перегруппировки возобновила наступление на Тулу.

21 ноября — немецкие войска взяли Узловую.

23 ноября — немецкие войска взяли Клин.

24 ноября — немецкие войска взяли Солнечногорск.

25 ноября — немецкие войска взяли Сталиногорск (Новомосковск) и прорвались на южную окраину Тулы.

27 ноября — 7-я немецкая танковая дивизия форсировала канал Москва — Волга.

27–30 ноября — успешный контрудар советских войск под Тулой.

2 декабря — немецкие части вышли к Химкам, в 30 км до центра Москвы (3 декабря они были выбиты).

5 декабря — Калининский фронт перешёл в наступление; завершение Московской оборонительной операции; на Тульском направлении 2-я немецкая танковая группа перешла к обороне; немецкие войска заняли Елец.

6 декабря — в наступление перешли Западный и Юго-Западный фронты.

8 декабря — в соответствии с Директивой ОКВ № 39 немецкие войска перешли к обороне на всём советско-германском фронте.

9 декабря — принятие ЦК ВКП(б) решения о сокращении кандидатского стажа для военнослужащих, отличившихся в боях, при приёме в члены партии; войска Юго-Западного фронта освободили Елец, Западного фронта — Венёв.

12 декабря — войска Западного фронта освободили Сталиногорск (Новомосковск).

13 декабря — Совинформбюро передало сообщение о срыве немецких планов взятия Москвы.

15 декабря — войска Западного фронта освободили Клин и Истру.

16 декабря — войска Калининского фронта освободили Калинин.

17 декабря — войска Западного фронта освободили Алексин.

19 декабря — 19-я отдельная курсантская бригада 49-й армии вошла в освобождённую Тарусу; А. Гитлер сместил со своих постов главнокомандующего сухопутными войсками В. фон

Браухича и командующего группой армий «Центр» Ф. фон Бока.

20 декабря — войска 16-й армии освободили Волоколамск.

24 декабря — восстановлен Брянский фронт, новым командующим назначен генерал Я. Т. Черевиченко.

26 декабря — войска 33-й армии освободили Наро-Фоминск.

28 декабря — войска Западного фронта освободили Козельск.

29 декабря — принятие СНК СССР Постановления о восстановлении угольных шахт Московского бассейна.

30 декабря — ударная группа 50-й армии генерала В. С. Попова полностью очистила от захватчиков Калугу.

1942, 2 января — войска 43-й армии освободили Малоярославец.

4 января — войска 33-й армии освободили Боровск.

7 января — завершение контрнаступления Красной армии, начало наступательной операции.

14 января — передовые части 43-й армии штурмом овладели Медынью.

17 января — в штаб 33-й армии из штаба Западного фронта поступил приказ войти в брешь, не занятую немецкими войсками, и наступать на Вязьму; начало Ржевско-Вяземской наступательной операции.

20 января — передовые части 5-й армии штурмом взяли Можайск.

23 января — принятие СНК СССР распоряжения о поддержке детей, потерявших родителей.

27 января — начало рейда 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала П. А. Белова по тылам противника.

29 января — 16-я армия генерала К. К. Рокоссовского освободила город и железнодорожную станцию Сухиничи.

1 февраля — назначение командующего Западным фронтом Г. К. Жукова также главнокомандующим Западным направлением.

75 *февраля* — части 1-го гвардейского кавалерийского корпуса совместно с партизанами освободили Дорогобуж.

5 марта — войска 49-й армии с боем взяли Юхнов.

20 апреля — завершение Битвы за Москву, принятие Ставкой ВГК решения о переходе войск Центрального направления к обороне.

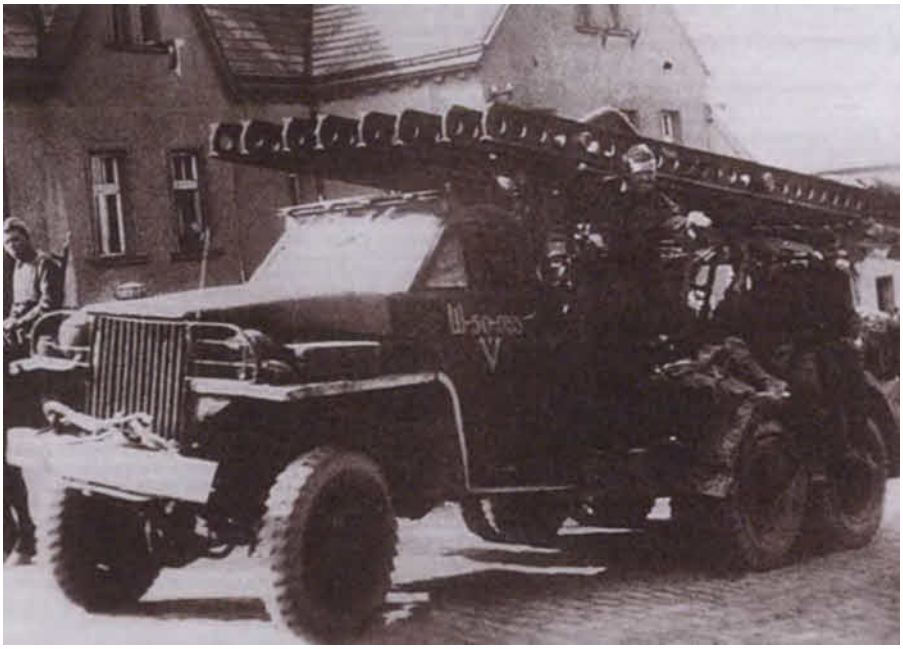
ИЛЛЮСТРАЦИИ

Монумент «Героям Битвы под Москвой» на Перемиловских

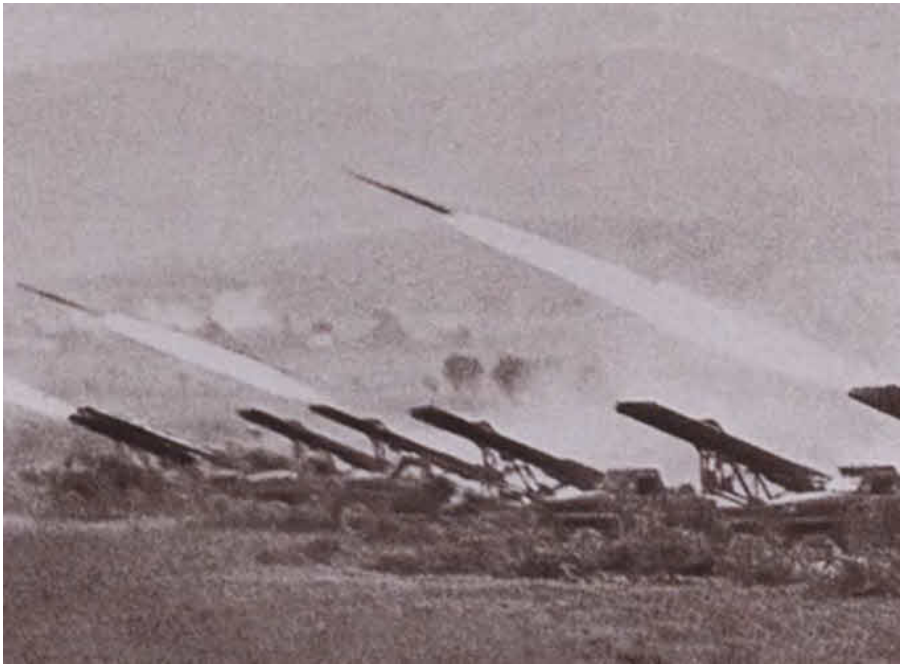
высотах напротив города Яхрома

Капитан Иван Андреевич Флёров

Памятная доска на доме, где жил И. А. Флёров, на улице Флёрова в Балашихе

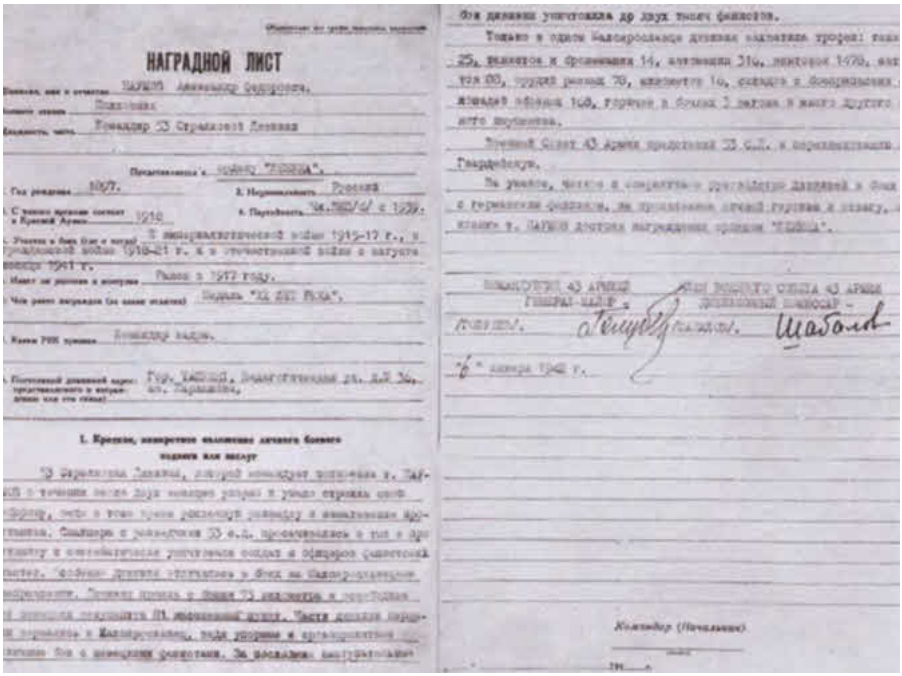


Гвардейский миномёт БМ-13 — легендарная «Катюша»



Залп батареи «Катюш»

Полковник Александр Фёдорович Наумов



НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Командир 23 Стрелковой Ленинска

Представляется к ордену "ЛЕНИНА".

Год рождения 1907. Национальность Русский

С какого времени состоит в Красной Армии 1918 Партийность ВКП(б) с 1939г.

Участие в боях (где и когда) В империалистической войне 1915-17 г., в гражданской войне 1918-21 г. и в отечественной войне с августа месяца 1941 г.

Имеет ли ранения и контузии Ранен в 1917 году.

Чем ранее награжден (за какие отличия) Медаль "ЗА ОБОРОНУ".

Какое УВО кончил Командир взвода.

Почтовый домашний адрес представителя к награждению или его семьи: Гор. Тамбов, Энергетическая ул. д.№ 34, кв. Тарханова.

1. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

23 стрелковая дивизия, которой командует полковник т. Загайд с течении всего боя немедленно умело и умно отражала все удары, чем в тоже время дезорганизовала руководство и управление артиллерии. Командир с руководством 23 с.д. просачивались в тыл и артиллерию и систематически уничтожали людей и огневую советской пушки. Особенно доблестно отличились в боях на Калининградском направлении. Личный состав с боями 23 дивизии в настоящее время находится на подступах к Кенигсбергу. Части дивизии ведут бои с немецкими фашистами. За проявленное мастерство

Она дивизия уничтожила до двух тысяч фашистов.

Только в одном Калининградском дивизия захватила трофеи: танков 25, самолетов и фронтовых 14, автомашин 314, минометов 1-70, автомашин 65, трудно рыжих 70, автомашин 10, складов с боеприпасами, складов оружия 148, горючего в баках 3 завода и много другого имущества.

Военный Совет 43 Армии представляет 23 с.д. к правительственной Гвардейскую.

За умелое, четкое и смелое руководство дивизией в боях с германскими фашистами, за проявленную личной храбрость и отвагу, достойно т. Загайд достоин награждения орденом "ЛЕНИНА".

Командующий 43 Армией Член Военного Совета 43 Армии
Генерал-лейтенант Дивизионный комиссар -
Кузнецов. Щабалд

"6" января 1945 г.

Командир (Начальник)

Наградной лист на А. Ф. Наумова с представлением его к ордену Ленина

Генерал-майор Александр Фёдорович Наумов

Комкор Михаил Григорьевич Ефремов. 1937 г.

Генерал-лейтенант Михаил Григорьевич Ефремов. 1940 г.

М. Г. Ефремов (крайний справа), полковой комиссар Ф. С. Вишневецкий и полковник Н. Л. Бунин с Ваней Андриановым, награждённым орденом Красной Звезды. Март 1942 г.

Командующий 33-й армией М. Г. Ефремов на передовой. 1942 г.

Тело генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова

Мемориальная доска на памятнике на месте гибели М. Г. Ефремова. Фото Д. Бугаенко

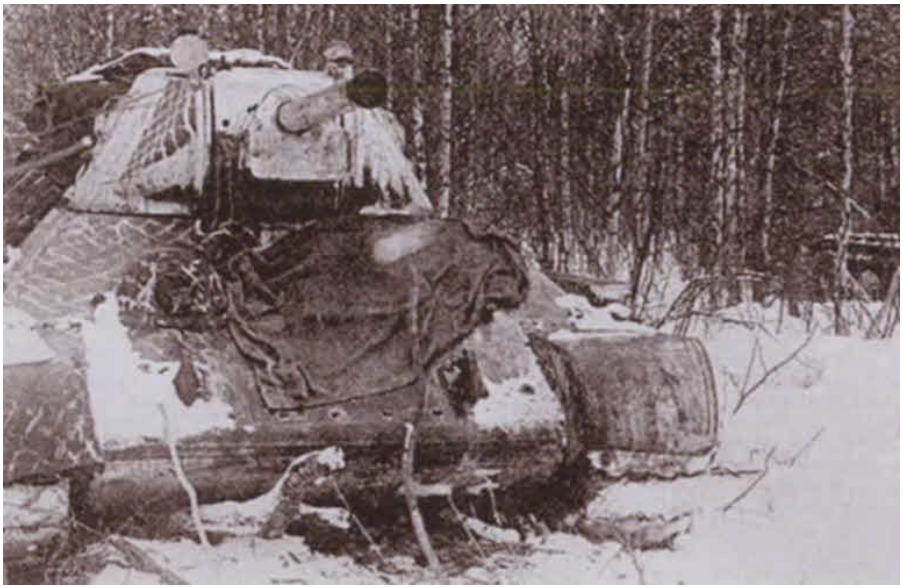
Памятник генералу М. Г. Ефремову в Вязьме

Открытка с изображением генерала М. Г. Ефремова.

Художник Ю. Виноградов. 1955 г.

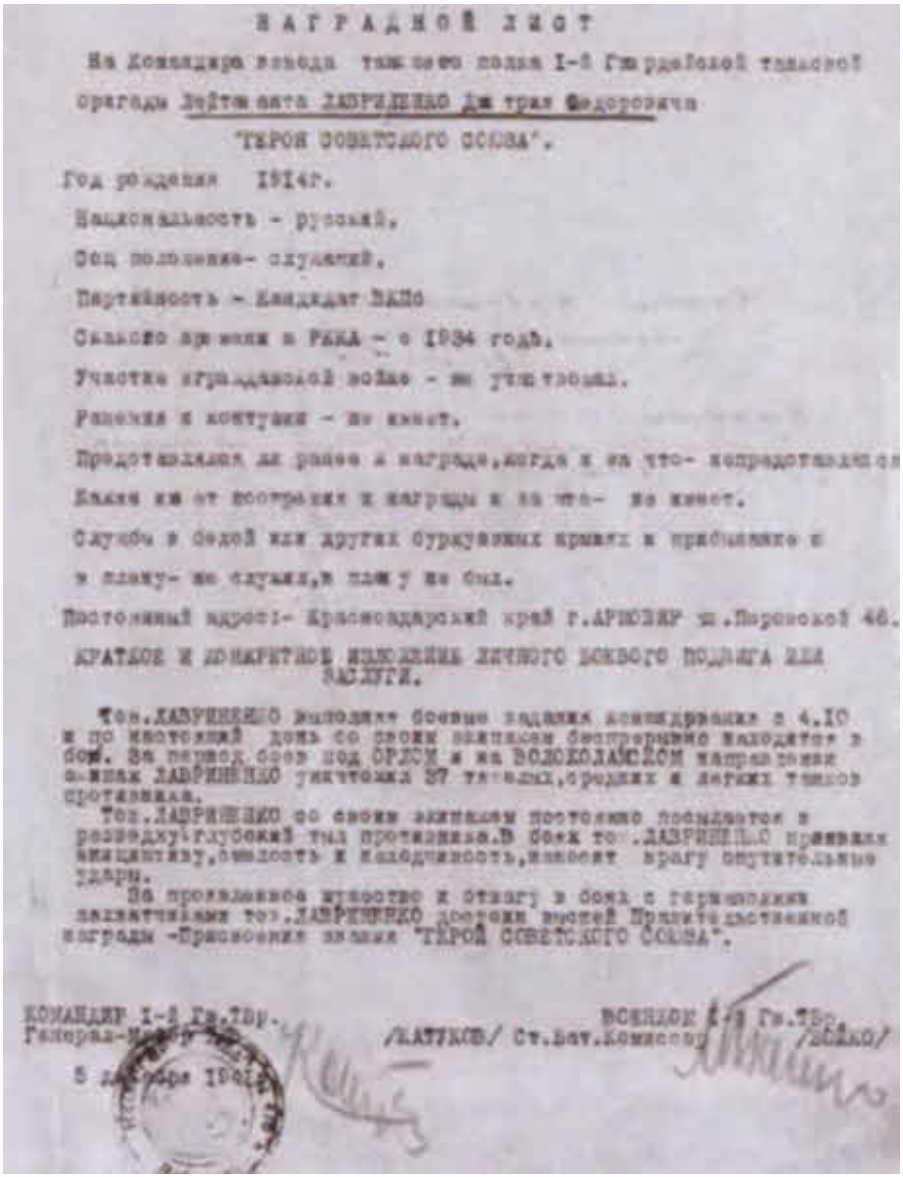
Экипаж танка лейтенанта Д. Ф. Лавриненко, сам командир — крайний слева

Боевой листок о подвигах экипажа Лавриненко



Танк Т-34 4-й танковой бригады в засаде

Немецкие солдаты у танка PzKw IV под Москвой. Декабрь 1941 г.



НАГРАДНОЙ ЛИСТ

На Командира взвода танкового полка I-й Гв. гвардейской танковой
бригады лейтенанта ЛАВРИНЕНКО Дм трия Федоровича

"ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА".

Год рождения 1914г.

Национальность - русский.

Соц положение- служащий.

Партийность - Кандидат ВКП

Сколько армии и РККА - с 1934 годЪ.

Участие в гражданской войне - не участвовал.

Ранения и контузии - не имел.

Представлялся ли ранее к награде, когда и за что- непредставлялся

Какие ин ост ранные н награды и за что- не имел.

Служил в белой или других буржуазных армиях и привлекался и

в плену- не служил,в плену не был.

Постоянный адрес:- Краснодарский край г.АРМАВИР ул.Пирогова 46.

КРАТКОЕ И ЛАКОНИЧНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ЛИЧНОГО БОЕВОГО ПОДВИГА ИЛИ
ЗАСЛУГИ.

Тов.ЛАВРИНЕНКО выполнял боевые задания командования с 4.10
и по настоящий день со своим взводом беспрерывно находится в
бою. За период боев под ОРЛОМ и на ВОЛОКОЛАМСКОМ направлении
взводом ЛАВРИНЕНКО уничтожил 27 танков,средних и легких танков
противника.

Тов.ЛАВРИНЕНКО со своим взводом постоянно посылается в
разведку глубокий тыл противника.В боях тов.ЛАВРИНЕНКО проявлял
инициативу,смелость и находчивость,наносит врагу ощутительные
удары.

За проявленное мужество и отвагу в боях с германскими
захватчиками тов.ЛАВРИНЕНКО достоин высшей Правительственной
награды -Присвоения звания "ГЕРОЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА".

КОМАНДИР I-й Гв.Тбр.
Генерал-Майор Т[illegible]

/ЛАТКОВ/ Ст.Бат.Комиссар

5 декабря 1941г.

Наградной лист на лейтенанта Д. Ф. Лавриненко с представлением к званию Героя Советского Союза

Бюст старшего лейтенанта Д. Ф. Лавриненко в Краснодаре

Дом, в котором родился А. Чекалин

Партизаны слушают сообщение Совинформбюро.

Северо-западный район СССР. 1941 г.

Памятник юному партизану Александру Чекалину в городе Чекалин (бывший Лихвин)

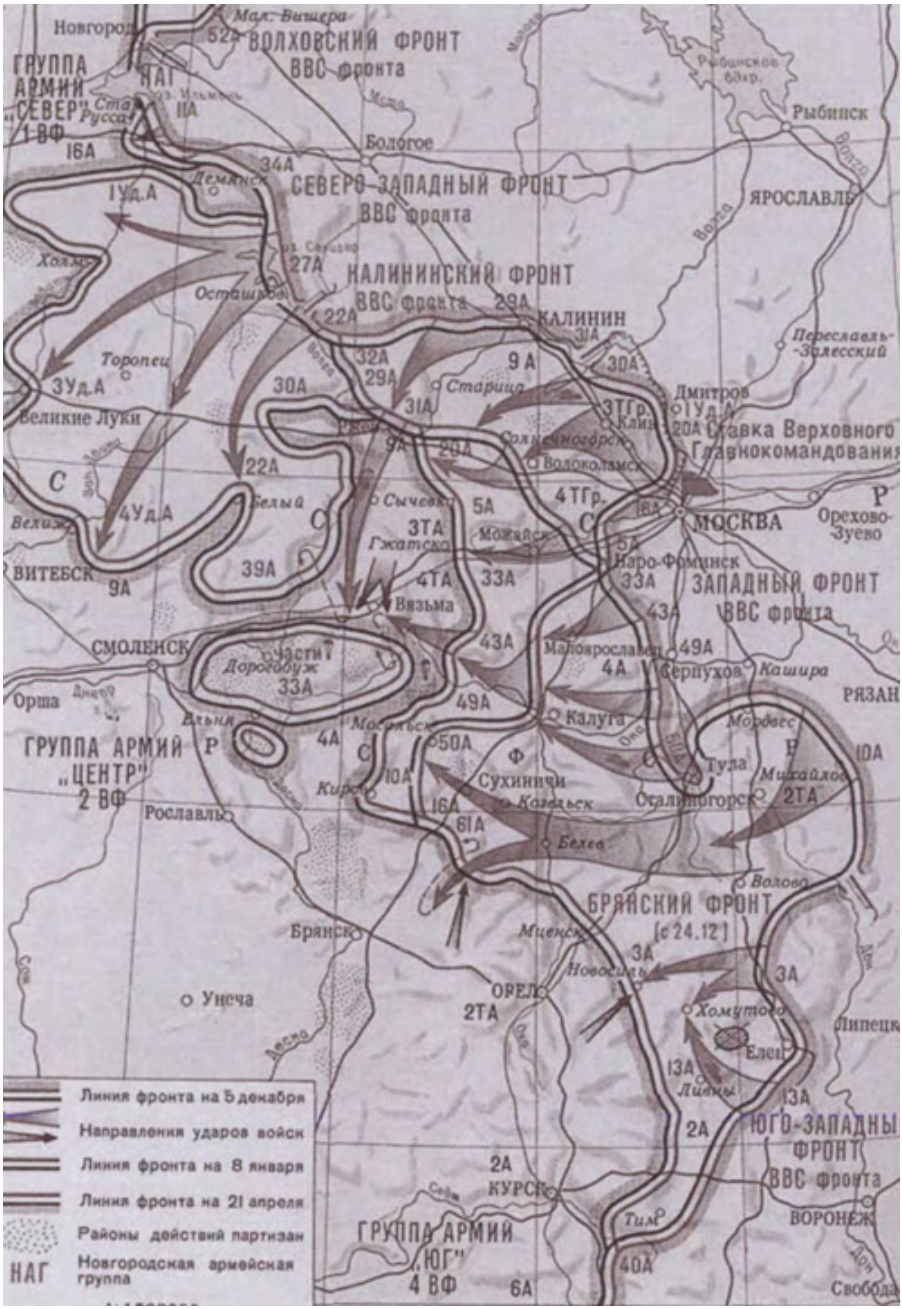
Дерево, на котором казнили А. Чекалина (до наших дней не сохранилось)

Командующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Ф. фон Бок в селе Никольском Звенигородского района Московской области. Октябрь 1941 г.

Немецкое военное кладбище в подмосковной деревне. Зима 1941/42 г.

Фрагмент мемориала «Героям-панфиловцам» у разъезда

Дубосеково



Контрнаступление Красной армии под Москвой.

5 декабря 1941 г. — 20 апреля 1942 г.

Военный парад на Красной площади 7 ноября 1941 года.

Фото С. М. Гурария

Танки Т-34 проходят по Красной площади 7 ноября 1941 года.

Фото А. Устинова

«Отец панцерваффе» Гейнц Гудериан

Колонна 2-й танковой группы на околице села на территории СССР

Братья Александр и Пётр Лизюковы

Генерал-майор Александр Ильич Лизюков

(на первом плане)

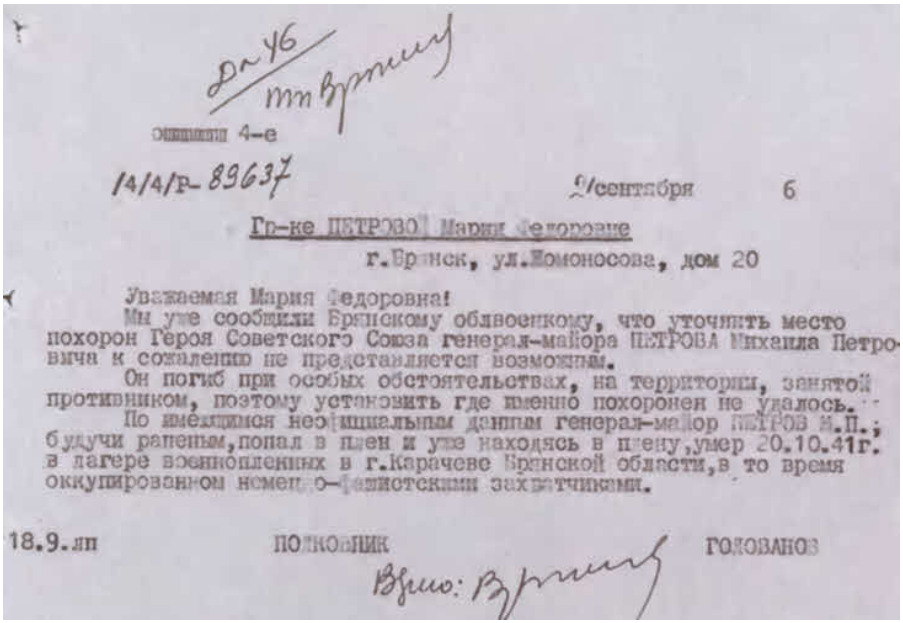
Генерал-майор Александр Ильич Лизюков (в центре).

Село Большая Верейка. Июль 1942 г.

А. И. Лизюков беседует с танковым экипажем

Генерал-майор Михаил Петрович Петров

Генерал-майор Николай Емельянович Аргунов



Дело 46
тт Брянск
отдел 4-е
14/4/р-89637
9/сентября 6

Гр-ке ПЕТРОВОЙ Марии Федоровне
г.Брянск, ул.Ломоносова, дом 20

Уважаемая Мария Федоровна!
Мы уже сообщили Брянскому облвоенкому, что уточнить место похорон Героя Советского Союза генерал-майора ПЕТРОВА Михаила Петровича к сожалению не представляется возможным.
Он погиб при особых обстоятельствах, на территории, занятой противником, поэтому установить где именно похоронен не удалось.
По имеющимся неофициальным данным генерал-майор ПЕТРОВ М.П., будучи раненым, попал в плен и уже находясь в плену, умер 20.10.41г. в лагере военнопленных в г.Карачеве Брянской области, в то время оккупированном немецко-фашистскими захватчиками.

18.9.лп ПОЛКОВНИК ГОЛОВАНОВ
Верно: Брянск

Ответ супруге генерала М. Ф. Петровой об обстоятельствах гибели её мужа

Могила генерала М. П. Петрова в Брянске на Аллее Славы

Генерал-майор Аркадий Николаевич Ермаков

Обелиск в городе Тула, на участке, где сражались войска А. Н. Ермакова

Солдаты Красной армии на улицах Москвы

Бойцы истребительного батальона Тульского оружейного завода. 1941 г.

Генерал-майор Михаил Александрович Сиязов

Американский генерал-майор А. Боллинг дарит карабин М1 командиру 89-го стрелкового корпуса М. А. Сиязову во время встречи в Торгау

Саманд Алиевич Сиабандов

Иван Яковлевич Кравченко

Майор Анатолий Петрович Горшков

Герой Советского Союза генерал-майор А. П. Горшков

Лейтенант Григорий Матвеевич Волнянский

Расчёт советского пулемёта «Максим» на оборонительной позиции во время обороны Москвы.

27 ноября 1941 г. Фото А. Капустянского

Советский миномётный расчёт ведёт огонь в районе Минского шоссе.

Октябрь 1941 г.

Командование 16-й армии в районе Истры: генерал-майор артиллерии В. И. Казаков, член Военного совета дивизионный комиссар А. А. Лобачёв, командующий армией генерал-лейтенант К. К. Рокоссовский, начальник штаба генерал-майор М. С. Малинин. Декабрь 1941 г.

Советские войска на марше проходят через освобождённый город Клин.

Декабрь 1941 г. Фото Л. Великжанина

Советский конный патруль возле брошенного немецкого танка PzKw III в деревне Крюково под Москвой.

20 декабря 1941 г. Фото В. Кинеловского

БИБЛИОГРАФИЯ

Афанасьев Н. М. Первые залпы. М., 1982.

Афанасьев И. Н. Судьба командарма Лизюкова: версии, мифы и правда. М., 2018.

Барнет К. Военная элита рейха. Смоленск, 1999.

Барятинский М. Б. Танковые асы Сталина. М., 2018.

Беляев И. Н. Золотые звёзды родного края. Смоленск, 1999.

Бешанов В. В. Год 1942 — «Учебный». Минск, 2002.

Бок Ф. фон. Я стоял у ворот Москвы. М., 2009.

Бондаренко А. Ю., Ефимов Н. Н. Москва на линии фронта. М., 2016.

Виноградов А. И., Виноградова А. А. Герой-командарм. М., 1967.

Брейтвейт Р. Москва 1941. Город и его люди на войне. М., 2006.

Гальдер Ф. Военный дневник 1941–1942. М., 2003.

Гарайс М. 98-я пехотная дивизия. М., 2013.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 2013.

Гунченков И. Ф. Солдатский подвиг командарма. Калуга, 2005.

Заболоцкий Н. А. Я воспитан природой суровой. (История моего заключения). М., 2008.

Карасёв В. Яхромский мост: Крах «Тайфуна». М., 2019.

Карел П. Восточный фронт. М., 2003.

Кершоу Р. 1941 год глазами немцев. Берёзовые кресты вместо железных. М., 2010.

Кнышевский П. Н. и др. Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М., 1992.

Колодный Л. Е. Повесть о «Катюше». М., 1968.

Комаров Д. Е. Вяземская земля в годы Великой Отечественной войны. Смоленск, 2004.

Красильников И. А. Сорок третья армия в 1941-м году. Подольск, 2007.

Мейер-Детринг В. 137-я пехотная дивизия. М., 2013.

Мельников В. М. Трагедия и бессмертие 33-й армии. М., 2006.

Милютин А. «Катюши» (БМ-13) на Западном направлении к началу операции «Тайфун». URL: https://aldr-m.livejoumal.com/8509.html; обращение 16.11.2019.

Митчем С., Мюллер Дж. Командиры третьего рейха. Смоленск, 1997.

Михеенков С. Е. Трагедия 33-й армии. М., 2012.

Михеенков С. Е. Остановить Гудериана. М., 2013.

Музей Смоленского областного центра героико-патриотического воспитания молодёжи «Долг». Д. 34. Отчёты работы поисковой группы от 4.11.95.

Мухин Ю. И. Война и мы. М., 2000.

Мягков М. Ю. Вермахт у ворот Москвы. 1941–1942. М., 1999.

Наумов А. Ф. На Варшавском шоссе. Алма-Ата, 1968.

Непомнящий Н. Н. 100 великих тайн Второй мировой. М., 2010.

Ополчение на защите Москвы. Сборник под ред. А. М. Петрова. М.» 1978.

Пальчиков П. А. Взявший меч. Жизнь и судьба Дыбенко // Москва. 2007. № 11.

Провал гитлеровского наступления на Москву. М., 1966.

Прусакова Н. А. События Московской битвы. Образы времени. Калининград, 2015.

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой. М., 1971.

Райнике А. 5-я егерская дивизия. М., 2014.

Рейнгардт К. Поворот под Москвой. М., 2010.

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 2000.

Сандалов Л. М. На московском направлении. М., 2000.

Свердлов Ф. Д. Ошибки Г. К. Жукова. М., 2002.

Соколов Б, В. Тайны Второй мировой. М., 2000.

Фоменко В. «Катюша» — правда и мифы о создателях грозного оружия // Заметки по еврейской истории. Сетевой журнал еврейской истории, традиции, культуры. № 6(141). Июнь 2011. URL: http://berkovich-zametki.com/2011/Zametki/Nomer6/Fomenko 1. php; обращение 16.11.2019.

Хаупт В. Битва за Москву: Первое решающее сражение Второй мировой. 1941–1942. М., 2010.

Чугунов Г. Горькая осень сорок первого. Актобе, 2010.

Чуев С. Власовцы — пасынки Третьего рейха. М., 2006.

INFO

Михеенков С. Е.
М 69 Москва-41 / Сергей Михеенков. — М.: Молодая гвардия, 2020. — 402[14] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1826).

ISBN 978-5-235-04362-6

УДК 355/359
ББК 68(49)2

знак информационной продукции 16+

Михеенков Сергей Егорович
МОСКВА-41

Редактор *К. А. Залесский*
Художественные редакторы *К. В. Забусик, А В. Никитин*
Технический редактор *М. П. Качурbна*
Корректор И. В. Абрамова

Сдано в набор 02.12.2019. Подписано в печать 12.12.2019. Формат 84x108/з2. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 21,84 + 1,68 вкл. Тираж 2000 экз. Заказ № 2001870.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва, Сущевская ул., 21. Internet: http://gvardiya.ru. E-mail dsel@gvardiya.ru

arvato BERTELSMANN
Supply Chain Solutfons
Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного электронного оригинал-макета в «Ярославский полиграфический комбинат» 150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

В. С. Антонов
ЯКОВ СЕРЕБРЯНСКИЙ

Документальный рассказ о выдающемся советском разведчике-профессионале, имя которого в 1920—1930-е годы было окружено легендами в чекистской среде. В разведке прошел путь от нелегального оперативного сотрудника и резидента за кордоном до создателя и руководителя самостоятельного специального нелегального подразделения, активно действовавшего практически по всему миру. Его деятельность всегда сопровождалась повышенным уровнем секретности. Достаточно сказать, что впервые материалы о проведенных им уникальных разведывательных операциях появились в отечественной и зарубежной литературе лишь в начале 1990-х годов, то есть спустя почти 50 лет после его смерти.

А. Ю. Бондаренко
ВОЕННЫЕ КОНТРРАЗВЕДЧИКИ

Настоящая книга — это рассказ о столетней истории и славных боевых делах военной контрразведки ВЧК — ОГПУ — НКВД — КГБ — ФСБ России, а также — о ее людях. Но это не биография одной конкретной личности и не сборник очерков. Говоря об истории службы, автор постарался рассказать о многих ее сотрудниках, что позволит читателю получить достаточно полное представление о людях, в различное время осуществлявших контрразведывательную деятельность в войсках, и о той работе, которую они выполняли.

З. Прилепин
ЕСЕНИН

Сергея Есенина любят так, как, наверное, никакого другого поэта в мире. Причем — всего сразу — и стихи, и его самого, как человека. Но если взглянуть на его жизнь и творчество чуть внимательнее, то сразу возникают жесткие и непримиримые вопросы. Есенин — советский поэт или антисоветский? Христианский поэт или богоборец? Поэт для приблатненной публики и томных девушек или новатор, воздействующий на

мировую поэзию и поныне? Крестьянский поэт он или имажинист? Кого считал главным соперником в поэзии и почему? С кем по-настоящему дружил? Каковы его отношения с большевистскими вождями? Сколько у него детей и от скольких жен? Кого из своих женщин он по-настоящему любил, наконец? Пил ли он — или это придумали завистники? А если пил — то кто его спаивал? За что на него заводили уголовные дела? Хулиган ли он был, как сам о себе писал — или жертва обстоятельств? Чем он занимался те полтора года, пока был за пределами Советской России? И, наконец, самоубийство или убийство? Книга дает ответы не только на все перечисленные вопросы, но и на множество иных. Захар Прилепин с присущей ему яркостью и самобытностью детально, день за днем, отражает биографию Сергея Есенина, делая неожиданные выводы и заставляя читателя остро сопереживать.

А. А. Ганиева
ЛИЛЯ БРИК

Имя Лили Брик — музы Маяковского, приверженки свободной любви, щеголихи и любительницы талантов, сестры писательницы Эльзы Триоле и любимой фотомодели родоначальника конструктивизма Александра Родченко — до сих пор будоражит умы. Ей приписывают заслуги и обвиняют в злодеяниях. Она неотделима от высокой поэзии и желтых сплетен, от русского авангарда и заграничного шика. В нее безумно влюблялись и страстно ненавидели, она спасала от тюрьмы и доводила до истерики. Почему к ней тянулись великий футурист Маяковский и красный командир Примаков, режиссеры Лев Кулешов и Сергей Параджанов, поэт Андрей Вознесенский, композитор Родион Щедрин и балерина Майя Плисецкая? Как эта не очень красивая женщина умудрялась уводить мужчин из семей, сохраняя дружбу с их женами и детьми? Что ее связывает с чекистами и как ей удалось уцелеть в Люциферов век? Ее биография — это рассказ о кульбитах нашей истории и искусства, о советском и буржуазном, о Сталине и Хрущеве, о смерти и сексе. Книга Алисы Ганиевой погружает читателя в мир страстей, поэзии, подавленных комплексов и загадочной магии под названием «Лиля Брик».

Н. С. Беглова
ИЗАБЕЛЛА ЭБЕРГАРДТ

Изабелла Эбергардт (1877–1904) — путешественница, журналистка, писательница. Российская подданная, она никогда не была в России; родилась и выросла в Женеве — и не любила ее

всю жизнь. Она шокировала современников мужской одеждой, независимостью, любовными связями и, наконец, обращением в ислам и жизнью среди кочевников в пустыне Сахара. Ее судьба столь необычна, что представляется удивительным романом, написанным чрезвычайно талантливым писателем, — причем писателем была она сама, творившая свою жизнь так же, как другие создают произведения искусства. Та, которую называли «казаком на сахарских просторах», «кочевницей, русской душою», продолжает поражать воображение и после своей трагической гибели.

Л. Л. Никифорова, М. Б. Кизилов
АЙН РЭНД

Пожалуй, Айн Рэнд (Алиса Розенбаум) — самый популярный англоязычный писатель российского происхождения. Она родилась в столичном Петербурге, бежала в Крым из революционного Петрограда, написала первые произведения в советском Ленинграде, откуда эмигрировала в США, где стала романисткой, драматургом, киносценаристом, философом, культурологом. Своими интеллектуальными бестселлерами она повлияла на становление идеологии современного капиталистического мира. Ими зачитываются американские президенты и бизнесмены, они входят в программу учебных заведений США. Аллюзии на ее произведения можно встретить в современной музыке, книгах, молодежной субкультуре и даже компьютерной игре, а ее бурная личная жизнь стала сюжетом нашумевшего голливудского фильма. Она ненавидела коммунизм и считала, что любая страна «свободного мира» имеет моральное право напасть на СССР, создала философию объективизма и провозгласила эгоизм главной добродетелью человека. Имея всемирную славу, она почти не известна на родине. Восполняет этот пробел биография Айн Рэнд — история еврейской Золушки из России, ставшей королевой американской интеллектуальной жизни.

Н. С. Борисов
ВАСИЛИЙ ТЕМНЫЙ

Судьба оказалась жестокой к московскому князю Василию II Васильевичу (1425–1462). В русскую историю он вошел с прозвищем Темный, что означает — Слепой: подвергнутый жестокой казни своими двоюродными братьями еще в 1446 году, он в течение шестнадцати лет правил страной будучи слепцом, калекой — и тем не менее сумел удержать в своих руках власть и даже лично водил войско в походы. Но ведь и сам Василий

проявил ничуть не меньше жестокости и вероломства в ходе кровавой междоусобицы, поразившей Русь во второй четверти *XV века, так* что не случайно один из современников назвал его «иудой» и «душегубцем». Автор книги, доктор исторических наук, профессор Николай Сергеевич Борисов, на основе всех имеющихся в нашем распоряжении источников рисует перед читателем сложную и многообразную картину жизни Московского государства того времени и воссоздает полный противоречий портрет этого неоднозначного правителя, отца будущего «государя всея Руси» Ивана III.

А. Ю. Карпов
ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО

Вниманию читателей предлагается биография одного из самых ярких правителей в истории Русского средневековья, великого князя Владимиро-Суздальского Всеволода Большое Гнездо. Именно в годы его княжения (1176–1212) Владимиро-Суздальская Русь достигла наивысшего расцвета, превратившись в сильнейшее русское государство, и от одного слова владимирского «самодержца» не раз зависели судьбы княжеских столов в Киеве, Новгороде, Галиче, Рязани и других городах. «Сей есть Всеволод всем русским нынешним князьям отец», — писал о нем книжник XVI века, и слова эти можно истолковать и так, что многие черты будущей российской государственности и политической жизни Московского царства были заложены в правление самого могущественного из владимирских князей. Вместе с вышедшими ранее биографиями отца Всеволода князя Юрия Долгорукого и старшего брата Андрея Боголюбского книга образует своего рода трилогию, в центре которой история Владимиро-Суздальского княжества — политического ядра будущей Великороссии.

В. В. Бондаренко
СВЯТЫЕ СТАРЦЫ

В этой книге речь идет о старцах в православном смысле этого слова. А это не просто наиболее уважаемые и опытные в духовной жизни монахи, но те, кто достиг необычайных духовных высот, приобрел дар целительства, чудотворцы и прозорливцы, молитвенники, спасшие своим словом сотни и тысячи людей, подлинные «столпы веры». Автор книги, историк и писатель Вячеслав Бондаренко, включил в нее десять очерков о великих старцах Русской Православной Церкви XVIII–XX веков, прославленных в лике святых. Если попробовать составить список наиболее выдающихся граждан нашей Родины, считает автор, то

героев книги по праву можно поставить во главе этого списка достойных: ведь именно они сосредоточили в себе духовную мощь и красоту России, ее многовековой опыт. И совсем не случайно за советом, наставлением, благословением к ним приходили и полководцы, и политики, и писатели, и философы, и простые люди.

К. П. Ковалев-Случевский
НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ

Одним из самых известных в мире святых является Николай Чудотворец, епископ Мир Ликийских. Он считается покровителем моряков и бездомных, тюремных узников и детей. В чудеса его верят жители почти всей планеты. На Руси его называли «Русский Бог», знали, что молитва ему спасает от бед. Когда-то его мощи лежали в городе Миры (ныне Турция), а в XI веке были перевезены в итальянский город Бари, куда ныне устремляются миллионы паломников, чтобы поклониться святителю и взять с собой частицу благоухающего чудесного миро. Все дети мира зовут его Санта Клаус, он приносит подарки на Новый год. Книга известного писателя, историка Константина Ковалева-Случевского — собрание уникальных сведений о святителе Николае, его духовном подвижничестве. Полное жизнеописание привлекает живым литературным языком и научно-историческим содержанием. Издание предназначено для всех, кто интересуется подлинной историей мировой цивилизации и жизнью и подвигами великого святого.

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

З. Прилепин «ЕСЕНИН»
В. Молодяков «ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ»
В. Бондаренко «СВЯТЫЕ СТАРЦЫ
Н. Борисов «ВАСИЛИЙ ТЕМНЫЙ»
Н. Петрова «НАХИМОВ»
А. Карпов «ВСЕВОЛОД БОЛЬШОЕ ГНЕЗДО»
Л. Млечин «ВОЖДИ СССР»
В. Антонов «ЯКОВ СЕРЕБРЯНСКИЙ»
Л. Никифорова, М. Кизилов «АЙН РЭНД»
Е. Погорелая «ЧЕРУБИНА ДЕ ГАБРИАК»
К. Ковалев-Случевский «НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ»
А. Горбунов «ОЛЕГ БОРИСОВ»

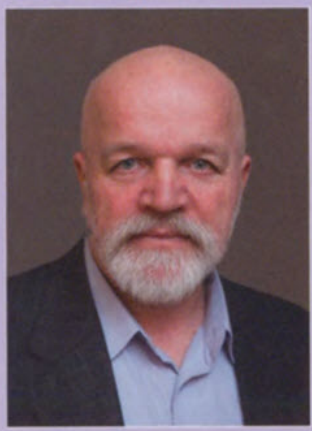
Сергей Михеенков

Сергей Михеенков — российский писатель, журналист и военный историк. Лауреат многих литературных премий, в частности Национальной премии «Лучшие книги и издательства — 2017» в номинации «История» за книги «Конев», «Жуков» и «Рокоссовский» (издательство «Молодая гвардия», серия «ЖЗЛ»).

Отечественные и зарубежные историки до сих пор не могут прийти к общему пониманию того, что же произошло на Московских рубежах в 1941 году. Откуда появилась такая энергия у дивизий и бригад Западного и соседних с ним фронтов? Какое чудо произошло? Почему группа армий «Центр» не смела защитников Москвы в октябре, когда у вермахта, казалось, всё складывалось как нельзя лучше? Почему недожала в ноябре, когда тонкая ниточка советской обороны стала вдруг утолщаться, обрастать стрелковыми и танковыми бригадами, дивизионами «Катюш», но по-прежнему была ещё слаба? Почему не удержала удара наших армий в декабре? И, с другой стороны, почему так жёстко Красная армия была остановлена в начале 1942 года, на исходе контрнаступления?

На все эти вопросы отвечает эта книга, посвящённая одной из самых грандиозных и значимых битв Второй мировой войны.

Сергей Михеенков



Сергей Михеенков — российский писатель, журналист и военный историк. Лауреат многих литературных премий, в частности Национальной премии «Лучшие книги и издательства — 2017» в номинации «История» за книги «Конев», «Жуков» и «Рокоссовский» (издательство «Молодая гвардия», серия «ЖЗЛ»).

ISBN 978-5-235-04362-6

Отечественные и зарубежные историки до сих пор не могут прийти к общему пониманию того, что же произошло на Московских рубежах в 1941 году. Откуда появилась такая энергия у дивизий и бригад Западного и соседних с ним фронтов? Какое чудо произошло? Почему группа армий «Центр» не смела защитников Москвы в октябре, когда у вермахта, казалось, всё складывалось как нельзя лучше? Почему недожала в ноябре, когда тонкая ниточка советской обороны стала вдруг утолщаться, обрастать стрелковыми и танковыми бригадами, дивизионами «Катюш», но по-прежнему была ещё слаба? Почему не удержала удара наших армий в декабре? И, с другой стороны, почему так жёстко Красная армия была остановлена в начале 1942 года, на исходе контрнаступления?

На все эти вопросы отвечает эта книга, посвящённая одной из самых грандиозных и значимых битв Второй мировой войны.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

notes

Примечания

1

Ряд историков утверждают, что всего лишь с мая на июнь 1941 года.

2

19 октября 1941 года было принято постановление ГКО СССР «О введении в Москве и прилегающих к городу районах осадного положения» и на следующий день оно начало действовать.

3

Так немцы называли кашеваров.

4

И получает её 19 декабря.

По другим источникам — в 1905 году. В музее И. А. Флёрова в селе Двуречки хранится аттестат выпускника школы ФЗУ, в котором указан 1907 год рождения.

6

Основана в 1820 году как офицерские классы артиллерийского училища, которые в 1855 году преобразованы в Михайловскую артиллерийскую академию. После революции, в 1919 году, она превратилась в Артиллерийскую академию РККА, в 1925 году стала Военно-технической академией РККА, на базе артиллерийского факультета которой в 1932 году и была создана Артиллерийская академия им. Ф. Э. Дзержинского. После войны она несколько раз меняла названия и реорганизовывалась, пока в 2004 году ей не было возвращено историческое название, и она стала именоваться Михайловской военной артиллерийской академией.

7

Юрий Александрович Победоносцев (1907–1973) — конструктор, доктор технических наук (1949), член-корреспондент Международной академии астронавтики (1968). Окончил Московский авиационный институт (1930). Работал в различных институтах, связанных с авиацией и ракетной техникой, с 1933 года — в РНИИ, с 1941 года — в МВТУ, в 1948–1950 годах заведующий кафедрой «Баллистические ракеты». Лауреат Сталинской премии 2-й степени (1941) «за изобретения по вооружению самолётов». Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды, «Знак Почёта».

8

См.: Гвардии «Катюша». Л. 1978

«БМ» — боевая машина, 13 — калибр 132-мм.

10

Павел Алексеевич Белов (1897–1967) — генерал-полковник (1944), Герой Советского Союза (1944). С марта 1941 года командовал 2-м (с ноября — 1-м гвардейским) кавалерийским корпусом. Участник Московской битвы. В 1942–1945 годах командовал 61-й армией. Награждён 5 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 3 орденами Суворова 1-й степени и орденом Кутузова 1-й степени.

11

Во время Ржевско-Вяземской наступательной операции (8.1-20.4.1942) корпус Белова был отрезан от основных сил и оказался в котле и почти четыре месяца вёл боевые действия за линией фронта.

Так с 1937 года стал именоваться РНИИ.

13

Александр Сергеевич Попов (1913 — после 1983) — конструктор. С 1935 года сотрудник РНИИ (НИИ-3). Участвовал в разработке и строительстве БМ-13. Лауреат Сталинской премии 2-й степени (1941).

14

Дмитрий Александрович Шитов (1902—?) — инженер-полковник. С 1935 года сотрудник РНИИ (НИИ-3). Участвовал в разработке и строительстве БМ-13. После войны начальник лаборатории Военно-воздушной инженерной академии им. Н. Е. Жуковского.

15

Александр Иванович Кривошапов — полковник. Во время войны командовал 644-м пушечным артиллерийским полком и 14-й гвардейской пушечной артиллерийской бригадой.

16

Георгий Спиридонович Кориофилли (1901–1973) — генерал-полковник артиллерии (1958). В июне — августе 1941 года начальник штаба артиллерии Западного фронта. Затем начальник артиллерии 56-й (1942–1943), 18-й (1943–1944) армий, заместитель командующего артиллерией 1-го Украинского фронта (1944), командующий артиллерией 4-го Украинского фронта (1944–1945). Награждён орденом Ленина, 5 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 1-й степени, орденами Кутузова 1-й и 2-й степени, Суворова 2-й степени.

17

Александр Иванович Акимов (1895–1965) — генерал-лейтенант (1943). С июля 1940 года командир 73-й стрелковой дивизии. В августе 1941 года был ранен, остался в тылу противника, после выздоровления сформировал партизанский отряд. Затем командовал 82-й (3-й гвардейской) мотострелковой дивизией (1942–1943), 6-м гвардейским механизированным (1943–1944) и 78-м стрелковым (1945–1946) корпусами. Награждён орденом Ленина, 5 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 2-й степени, 2 орденами Кутузова 2-й степени, орденом Богдана Хмельницкого 2-й степени.

18

Добрый день! Здравствуйте! *(груз.)*.

19

Павел Алексеевич Курочкин (1900–1989) — генерал армии (1959), Герой Советского Союза (1945). С июня 1941 года командующий войсками Орловского военного округа, на базе которого сформировал 20-ю армию. В августе командующий 43-й армией, затем представитель Ставки на Северо-Западном фронте, был командующим этим фронтом (1942, 1943), 11-й (1942–1943), 34-й (1943) армиями, 2-м Белорусским фронтом (1944), 60-й армией (1944–1945). После войны начальник Военной академии им. М. В. Фрунзе (1954–1968). Награждён 6 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Кутузова 1-й степени, орденами Октябрьской Революции, Суворова 1-й степени, Отечественной войны 1-й степени, «Знак Почёта».

20

Своё поэтичное название БМ-13 получила чисто случайно. Дело в том, что на каждой установке рядом с номером стояло заводское клеймо, по своим очертаниям похожее на литеру «К».

21

Аббревиатура «мпп» означает мотопехотный полк, на самом деле на тот момент подобные полки именовались стрелковыми.

22

Александр Семёнович Бакаев (1895–1977) — основоположник производства баллистных порохов, доктор технических наук (1949). В 1937 году начальник лаборатории № 8 в НИИ-6 Наркомата оборонной промышленности СССР. В 1937–1943 годах находился в заключении, работал в Особом бюро НКВД, с 1941 года главный инженер ОТБ-6. После войны заведующий кафедрой МХТИ им. Д. И. Менделеева (1948–1972). Двукратный лауреат Сталинской премии 3-й степени (1946, 1947). Награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды.

Давид Израилевич Гальперин (1903–1977) — химик, специалист в области баллистных порохов. В 1938–1943 годах находился в заключении, работал в Особом бюро НКВД. С 1943 года главный инженер завода им. С. М. Кирова, с 1951-го — научный руководитель НИИ-130. Разработчик непрерывной (шнековой) технологии производства зарядов к БМ-13. Двукратный лауреат Сталинской премии 3-й степени (1946, 1947). Награждён орденом Трудового Красного Знамени, 2 орденами «Знак Почёта».

Валерия Ивановна Карькина (1917–1986) — технолог производства пороха. Работала в ОИЗ-512, ОТБ-512, с 1947 года — в НИИ-125. Лауреат Сталинской премии 3-й степени (1947).

23

Непомнящий Н. Н. 100 великих тайн Второй мировой. М., 2010.

24

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 90. Л. 88–90.

25

Николай Николаевич Воронов (1899–1968) — главный маршал артиллерии (1944), Герой Советского Союза (1965). С июля 1941 года начальник (с марта 1943 года командующий) артиллерии РККА и заместитель наркома обороны СССР. В 1946–1950 годах командующий артиллерией Вооружённых сил СССР. Награждён 6 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, 3 орденами Суворова 1-й степени, орденами Октябрьской Революции и Красной Звезды.

26

Михаил Фёдорович Лукин (1892–1970) — генерал-лейтенант (1940), Герой Российской Федерации (1993, посмертно). С 1940 года командовал 16-й армией, попавшей в окружение под Смоленском. С августа командующий 20-й, с сентября — 19-й армиями. В октябре принял командование окружённой под Вязьмой группировкой. 14.10.1941 взят в плен, в 1945 году освобождён. Прошёл проверку органов НКВД и восстановлен в РККА. Награждён 5 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды.

27

Среди историков ходит такое сравнение: Жуков был при Сталине тем же, кем был Суворов при Потёмкине.

28

Яков Эммануилович Сировский (1908–1967) — полковник. В начале войны комиссар стрелковых дивизий, затем командир 455-го (1944) и 1091-го (1944–1945) стрелковых полков. Награждён 3 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Александра Невского, Богдана Хмельницкого 2-й степени, Красной Звезды.

29

Валентин Михайлович Яиров (1908–1978) — генерал-майор (1958). В начале войны начальник оперативного отделения штаба 132-й стрелковой дивизии, 16.10.1941 ранен и эвакуирован. Позже начальник штаба (1942–1944) и командир (1944–1945) 327-й (с 1943 года 64-й гвардейской) стрелковой дивизии. Награждён 4 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Кутузова 2-й степени, Александра Невского, Красной Звезды.

30

Павел Артемьевич Артемьев (1897–1979) — генерал-полковник (1942). В 1941 году начальник Управления оперативных войск НКВД СССР. С начала войны командующий войсками МВО (1941–1947, 1949–1953), одновременно начальник Московского оборонительного района (1941–1943). Награждён 2 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 2 орденами Красной Звезды, орденом Октябрьской Революции.

31

Константин Федорович Телегин (1899–1981) — генерал-лейтенант (1943). Был членом Военных советов МВО (1941–1942), Донского (1942–1943), Центрального (1943), Белорусского (1943–1944), 1-го Белорусского (1944–1945) фронтов, Группы советских оккупационных войск в Германии (1945–1947). В 1948–1953 годах в заключении. Награждён 3 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Октябрьской Революции, Суворова 1-й степени, Богдана Хмельницкого 1-й степени, Красной Звезды.

32

Юхнов немцы захватили 5 октября, в Медынь вошли утром 11 октября 1941 года. От Юхнова до Медыни 47 километров по Варшавскому шоссе.

33

Василий Андреевич Смирнов (1889–1979) — генерал-майор (1940). С 1940 года начальник Подольского стрелково-пулемётного училища. В октябре 1941 года сформировал из курсантов полк и оборонялся с ним в Ильинском секторе Малоярославецкого УРа. Затем командовал 2-й Московской (1941–1942), 129-й (1942) и 116-й (1943–1946) стрелковыми дивизиями. Награждён 3 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Кутузова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени.

34

ЦАМО РФ. Ф. 312. Оп. 1. Д. 6.

35

Иван Георгиевич Старчак (1905–1981) — полковник, командир разведывательно-диверсионного отряда. Один из руководителей обороны Варшавского шоссе в октябре 1941 года. Был начальником парашютно-десантной службы Управления ВВС Западного фронта, в 1943 году начальник парашютно-десантной службы авиабригады парашютных войск. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды.

36

Арсен Маркович Автандилов (1910–1986) — генерал-майор (1955). В 1941 году командовал 1083-м стрелковым полком, был тяжело ранен 28. 12. 1941. С 1944 года командовал 7-м гвардейским кавалерийским полком. Награждён 3 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды.

Ныне Боровского района Калужской области.

38

Николай Георгиевич Шевцов (1906—?) — полковник (1943). В 1940–1944 годах командир 2-го мотострелкового полка Внутренних войск НКВД СССР. Награждён 3 орденами Красной Звезды.

39

Череда переименований Акмолинска началась с 1960-х годов: в 1961-м он стал Целиноградом, в 1992-м — Акмолой, в 1998-м — Астаной, в 2019-м — Нур-Султаном. С 1998 года это столица Казахстана.

40

Из старинной казачьей песни; дуван — делёж добычи.

41

Иван Васильевич Панфилов (1893–1941) — генерал-майор (1940), Герой Советского Союза (1942, посмертно). С 1938 гбда военком Киргизской ССР, с июля 1941 года командир 316-й стрелковой дивизии. С конца августа 1941 года сражался на Волоколамском направлении; погиб в бою. Награждён орденом Ленина, 3 орденами Красного Знамени.

42

Иван Семёнович Стрельбицкий (1900–1980) — генерал-лейтенант артиллерии (1944). В 1938–1939 годах в заключении. В 1941 года командир 8-й противотанковой артбригады, начальник Подольского артучилища (август — сентябрь), затем начальник (командующий) артиллерии 60-й, 3-й ударной, 2-й гвардейской армий. Награждён 3 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й и 2-й степени, Красной Звезды.

ПТ отряды — подвижные транспортные отряды.

44

Николай Павлович Краснорецкий (1905–1941) — полковник (1939). В боях на озере Хасан и на р. Халхин-Гол командовал 109-й стрелковой дивизией. С 1940 года командир 109-й моторизованной, с сентября 1941 года — 53-й стрелковой дивизиями; погиб в бою 22. 10. 1941 на р. Нара. Награждён 2 орденами Красной Звезды.

45

Константин Дмитриевич Голубев (1896–1956) — генерал-лейтенант (1942). С марта 1941 года командовал 10-й, в июле — августе — 13-й, с октября — 43-й армиями. В мае 1944 года тяжело ранен под Витебском. В 1944–1949 годах — заместитель уполномоченного СНК СССР по делам репатриации советских граждан.

46

Константин Антонович Зыков (1904–1966) — генерал-лейтенант (1945). В 1938–1942 годах комиссар 53-й стрелковой дивизии, затем начальник политотдела 61-й (1943) и 7-й гвардейской (1944–1945) армий, 2-го Украинского и Забайкальского фронтов (1945). Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени.

47

Александр Николаевич Боголюбов (1900–1956) — генерал-полковник (1945), Герой Советского Союза (1945). В 1941 году начальник Оперативного отдела штаба Резервного фронта, с октября начальник штаба 43-й армии. Затем был 1-м заместителем начальника Оперативного управления Генштаба (1942), начальником штаба следующих Северо-Западного (1943), 1-го Украинского (1943–1944), 2-го Белорусского (1944–1945) фронтов. Награждён 2 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 1-й степени, орденами Кутузова 1-й степени, Богдана Хмельницкого 1-й степени.

48

Павел Никонович Бибиков (1903–1985) — генерал-майор (1945). С октября 1941 года начальник штаба 53-й стрелковой дивизии, затем начальник штаба 5-го гвардейского стрелкового корпуса (1942–1944), командир 19-й гвардейской стрелковой дивизии (1944–1945). Награждён 5 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды.

49

Андрей Александрович Боргест (1906–1942) — капитан, начальник 1-го отделения штаба 53-й стрелковой дивизии. 16.1.1942 умер от ран.

17-я стрелковая дивизия к тому времени была воссоздана вновь. На укомплектование её была направлена часть командного состава, оставшегося после формирования 53-й стрелковой дивизии.

51

Александр Иосифович Бараев (1912–1986) — старший лейтенант (1941), Герой Советского Союза. В 1941 году командир пулеметной роты, батальона 12-го стрелкового полка, с декабря — 1-го батальона 475-го стрелкового полка. 31.12.1941 был тяжело ранен и в 1944 году уволен в запас. Награждён 2 орденами Ленина, орденом Отечественной войны 1-й степени.

52

Так немцы называли наши истребители И-16. «Ишаки» были очень маневренными, вели огонь очень точно. «Крысами» немцы прозвали их за способность «заглядывать» едва ли не в землянки.

53

Дмитрий Михайлович Селезнёв (1897–1960) — генерал-майор (1940). С 1939 года командовал 53-м стрелковым корпусом, который был разгромлен под Смоленском. С октября 1941 года командир 17-й стрелковой дивизии. Затем заместитель командующего 43-й армией (1942), командующий 22-й (1942–1943) и 4-й ударной (1943) армиями. Награждён 2 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Красной Звезды.

Станцию и посёлок Балабаново штурмовали также левофланговые подразделения одной из дивизий 33-й армии генерала М. Г. Ефремова.

55

Сергей Иванович Шабалов (1901–1973) — генерал-майор (1942), член Военного совета 8-й (1941) и 43-й (1941–1945) армий. Награждён орденами Ленина, Красного Знамени, Кутузова 1-й степени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени.

Сейчас это микрорайон разросшегося Малоярославца.

Малоярославец в то время относился к Московской области. Через город проходило Варшавское шоссе, а также Старая Калужская дорога и большаки местного значения, в том числе на Боровск и далее на Верею. Через город проходила железная дорога Киевского направления с ближайшей крупной узловой станцией Калуга II. Малоярославец также входил в полосу Можайской линии обороны, на которой сражалась дивизия полковника Наумова в октябре 1941 года. Таким образом, удерживая Малоярославец, противник контролировал весь прилегающий район и значительную полосу своего фронта. Потеря Малоярославца угрожала группе армий «Центр» обвалом этого участка фронта.

Публикуются в авторской стилистике.

59

По всей вероятности, имелось в виду, что заканчивался телефонный провод, который приходилось постоянно разматывать.

60

Имеется в виду Варшавское шоссе, которое проходит через Малоярославец.

61

Представление было отклонено вышестоящими инстанциями.

В районе Сухиничей в это время действовала 16-я армия генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского. А удар с юга, о котором с беспокойством упоминает Ф. Гальдер, по всей вероятности, осуществляли 10, 50 и 49-я армии и 1-й гвардейский кавалерийский корпус генерала П. А. Белова. Они составляли левое, южное крыло и центр Западного фронта. Именно эти соединения в результате зимнего наступления из района Каширы сняли блокаду Тулы, освободили Калугу, Тарусу, Высокиничи, Полотняный Завод, Кондрово, Киров, Мещовск, Мосальск. В этот же период 16-я армия взяла Сухиничи и вплотную подошла к Жиздре.

Именно в эту брешь командование Западного фронта в эти дни нацеливало ещё одну группировку — Западную группировку 33-й армии во главе с генерал-лейтенантом М. Г. Ефремовым. А через Варшавское шоссе западнее Юхнова с боем прорывались части 1 — го гвардейского кавалерийского корпуса. Эти войска имели целью Вязьму. С севера, широко охватывая Вязьму, тем временем двигался клин авангарда Калининского фронта.

64

Гарайс имеет в виду занятие Медыни частями своей дивизии — 98-й пехотной.

Как видим, после «планового отхода» на «заранее подготовленные позиции» в 98-й пехотной дивизии судетских орлов полков и батальонов уже не было. Были сформированы дивизионные роты и группы.

Его должность именовалась как заместитель генерал-инспектора Инспекции стрелковых войск Главной инспекции Советской армии (с мая 1953 года — Инспекции стрелковых и воздушно-десантных войск Главной инспекции Министерства обороны СССР, с июля 1954 года — Инспекции стрелковых войск Главной инспекции МО СССР.

67

Ржевско-Вяземская операция Западного и Калининского фронтов, которая началась 8 января и закончилась 20 апреля 1942 года, была частью контрнаступления под Москвой. Это одна из самых кровопролитных операций первого периода Великой Отечественной войны. Красная армия в ней потеряла около 770 тысяч человек убитыми, ранеными и попавшими в плен, противник — около 330 тысяч человек, большое количество вооружения и военной техники.

68

По всей вероятности, имеется в виду деревня Уколово.

69

По всей вероятности, имеется в виду деревня Семёновское.

70

Иван Васильевич Болдин (1892–1965) — генерал-полковник (1944). В 1941 году командовал группой войск в окружении и успешно её вывел, с октября — 19-й, с ноября — 50-й армией. В 1945 году заместитель командующего 3-м Украинским фронтом. Награждён орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 2 орденами Красной Звезды, орденами Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й степени.

71

Должность главнокомандующего войсками Западного направления была восстановлена 1 февраля 1942 года и на неё был назначен генерал армии Г. К. Жуков, сохранивший при этом пост командующего Западным фронтом. В этом отношении ему также был подчинен Калининский фронт.

Вскоре она будет выведена из состава 33-й армии и передана в распоряжение штаба 43-й армии.

73

ЦАМО РФ. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 131. Л. 120–122.

В 1938 году командарм 2-го ранга М. К. Левандовский был арестован вместе с другими высокопоставленными военными и через пять месяцев расстрелян. Его показания легли в основу обвинений, выдвинутых против П. Е. Дыбенко. Последний едва не утащил за собой М. Г. Ефремова.

ЦАМО РФ. Личное дело М. Г. Ефремова. Д. 1780368.

В те годы считали военный конфликт с Англией более вероятным, чем с Германией, потому академический курс выстраивали в соответствующем направлении. М. Г. Ефремов впоследствии не раз пожалеет, что изучать довелось не тот язык…

77

ЦГАРА. Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1048. Л. 169.

ЦАМО РФ. Ф. 25887. Оп. 39. Д. 1372. Л. 582.

79

Фёдор Алексеевич Семеновский (1901–1941) — корпусной комиссар (1939). С 1938 года член Военного совета Отдельной Дальневосточной армии, с марта 1939 года — Орловского военного округа, с начала войны — 20-й армии. 24.10.1941 был взят в плен и расстрелян. Награждён 2 орденами Красного Знамени.

80

Василий Николаевич Гордов (1896–1950) — генерал-полковник (1943), Герой Советского Союза (1945). Во время Советско-финской войны — начштаба 7-й армии. С июня 1941 года начальник штаба, в августе и с октября командующий 21-й армией. Затем командовал Сталинградским фронтом (1942), 33-й (1942–1944) и 3-й гвардейской (1944–1945) армиями. После войны командовал Приволжским военным округом. С ноября 1946 года в отставке. В 1947 году арестован, в 1950-м приговорён к высшей мере и расстрелян; в 1956 году реабилитирован. Награждён 2 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 3 орденами Суворова 1-й степени, орденами Кутузова 1-й степени и Красной Звезды.

81

Леонид Григорьевич Петровский (1897–1941) — генерал-лейтенант (1941). Сын члена Политбюро ЦК ВКП(б) Г. И. Петровского. В 1937 году командир стрелкового корпуса. В 1938–1940 годах находился под следствием органов НКВД. С ноября 1940 года командир 63-го стрелкового корпуса. В июле 1941 года во время контрнаступления на Бобруйск попал в окружение и при попытке прорыва 17.8.1941 был смертельно ранен. Награждён орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны 1-й степени (посмертно).

82

Фёдор Исидорович Кузнецов (1898–1961) — генерал-полковник (1941). В 1941 года командовал Северо-Западным фронтом, 21-й армией, Центральным фронтом, 51-й и 61-й армиями, с декабря заместитель командующего Западным фронтом. Затем начальник Военной академии Генштаба (1942–1943), заместитель командующего войсками Волховского (1943–1944) и Карельского (1944–1945) фронтов. Награждён 2 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени и Красной Звезды.

83

ЦАМО РФ. Ф. 226. Оп. 648. Д. 24. Л. 8.

84

Леонид Михайлович Сандалов (1900–1987) — генерал-полковник (1944). С 1940 года начальник штаба, в июне — июле 1941 года и. д. командующего 4-й армией. В 1941 году начальник штаба Центрального и Брянского фронтов, затем 20-й армии (1941–1942), Брянского (1942–1943), 2-го Прибалтийского (1943–1945), 4-го Украинского фронтов (1945). Награждён 3 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Октябрьской Революции, Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды.

85

Андрей Иванович Ерёменко (1892–1970) — маршал Советского Союза (1955), Герой Советского Союза (1944). В 1941 году командовал Западным (июнь-июль) и Брянским (август-октябрь) фронтами. Затем командовал 4-й ударной армией (1941–1942), Юго-Восточным (1942), Сталинградским (1942–1943), Южным (1943), Калининским (1943), 1-м Прибалтийским (1944–1945), 4-м Украинским (1945) фронтами. Награждён 5 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, 3 орденами Суворова 1-й степени, орденами Октябрьской Революции и Кутузова 1-й степени.

Мещанский И. Б., Исаев А. В. Триумфы и трагедии великой войны. М., 2010.

87

Василий Филиппович Герасименко (1900–1961) — генерал-лейтенант (1940). В 1941 году командовал 21-й (июнь — июль) и 13-й (июль) армиями, с сентября заместитель командующего Резервным фронтом по тылу, с октября помощник начальника тыла РККА. Затем командующий войсками Сталинградского военного округа (1941–1942), 28-й армией (1942–1943), войсками Харьковского (1944) и Киевского (1944–1945) округов, нарком обороны УССР (1944–1945). Награждён 2 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1-й степени и Кутузова 2-й степени.

88

Константин Иванович Миронов (1897–1942) — полковник (1938). В 1941 году до августа командовал 140-й, с октября — 113-й стрелковыми дивизиями. Погиб в боях под Вязьмой 15.4.1942. Награждён орденом Красного Знамени.

Безыменский Л. А. Укрощение «Тайфуна». Смоленск, 2004.

90

Александр Сергеевич Щербаков (1901–1945) — генерал-полковник (1943). В 1938–1945 годах 1-й секретарь Московских обкома и горкома ВКП(б). Также занимал посты кандидата в члены Политбюро и секретаря ЦК (с 1941), начальника Совинформбюро (с 1941) и Главного политического управления РККА (с 1942), заместителя наркома обороны СССР и председателя Совета военно-политической пропаганды (1942–1943), заведующего Отделом международной информации ЦК (1943–1945).

91

26 сентября 1941 года дивизии народного ополчения, так называемые ДНО, получили общевойсковые номера. Так 4-я ДНО стала 110-й стрелковой дивизией, 5-я — 113-й, 6-я — 160-й.

92

Виктор Иванович Полосухин (1904–1942) — полковник (1940). С марта 1941 года командир 32-й стрелковой дивизии. Погиб 18.2.1942 у деревни Иваники. Награждён орденом Красного Знамени.

93

Тимофей Яковлевич Новиков (1900–1944) — генерал-майор (1942). С 1938 года командовал 406-м стрелковым полком, с октября 1941 года — 222-й стрелковой, с ноября — 1-й гвардейской мотострелковой, с января 1942 года -181-й стрелковой дивизиями. В августе 1942 года под Сталинградом взят в плен; умер в концлагере Флоссенбург.

94

Сергей Иванович Иовлев (1899–1979) — генерал-майор (1943). С 1940 года командир 64-й стрелковой дивизии, с которой попал в окружение под Смоленском. В 1941 году командовал 50-й и 133-й стрелковыми дивизиями (октябрь), отрядом Особого назначения Западного фронта (с октября), 1-й гвардейской мотострелковой дивизией (с декабря), затем 194-й (1942), 215-й (1943–1944) стрелковыми дивизиями и 59-й стрелковой дивизией внутренних войск НКВД (1945). Награждён 2 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени, Отечественной войны 1-й (дважды) и 2-й степени.

95

Андрей Иванович Гребнев (1898—?) — полковник. В 1941 году командовал 374-м стрелковым, в ноябре — декабре — 6-м мотострелковым полками. Затем командир 598-го стрелкового полка (1943–1944), заместитель командира 207-й стрелковой дивизии (1944–1945). Награждён 2 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 3-й степени, Александра Невского, Отечественной войны 1-й степени.

96

Ян Янович Вейкин (1897–1979) — генерал-майор (1942). С августа 1941 года командир 201-й (с октября 1942 года 43-й гвардейской) стрелковой дивизии (с перерывом с декабря 1941-го по май 1942-го). С декабря 1942 года командир 14-го гвардейского стрелкового полка, затем 94-го стрелкового корпуса (1943, 1945). Награждён 5 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Суворова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени.

97

Генрих Генрихович Паэгле (1898—?) — полковник (1935). В 1941 году начальник штаба (с августа) и командир (с декабря) 201-й стрелковой дивизии (до марта 1942-го). В 1944 году старший тактический руководитель кафедры общей тактики Военной академии им. М. В. Фрунзе. В 1944–1952 годах находился в заключении.

98

Эдгар Адамович Берзит — полковой комиссар, комиссар 201-й стрелковой дивизии. Погиб 21.12.1941 у деревни Елагино.

99

Константин Максимович Эрастов (1902–1967) — генерал-лейтенант (1944). С 1939 года командовал 93-й стрелковой дивизией, затем 12-й гвардейской стрелковой дивизией (1942–1943), 46-м стрелковым корпусом (1943–1945). Награждён 3 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени и Кутузова 2-й степени.

100

Александр Кондратьевич Кондратьев (1896–1969) — генерал-лейтенант (1945). С 1941 года начальник штаба 3-й (июнь-июль), 24-й (с августа) и 33-й (с октября) армий, затем 10-й резервной/ 5-й ударной (1942–1943), 42-й (1944), 54-й (1944), 1-й ударной (1944–1945) армий. Награждён 4 орденами Красного Знамени, орденами Ленина и Кутузова 2-й степени.

101

ЦАМО РФ. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 26. Л. 44.

Теперь это Износковский район Калужской области.

103

ЦАМО РФ. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 57. Л. 37.

104

Пётр Николаевич Офросимов (1892–1942) — генерал-майор артиллерии (1940). С августа 1941 года начальник артиллерии 33-й армии. 17.4.1942 при выходе из окружения в районе Вязьмы тяжело ранен и вскоре погиб. Награждён орденами Ленина и Красного Знамени.

105

ЦАМО РФ. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 279. Л. 6-11.

106

ЦАМО РФ. Ф. 388. Оп. 8712. Д. 279. Л. 22, 23.

107

Константин Фёдорович Васильченко (1899–1970) — генерал-майор (1942). С 1940 года сотрудник Оперативного управления Генштаба РККА, старший помощник (1942), заместитель (с 1942) начальника Западного направления. Награждён 3 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды.

108

Алексей Фёдорович Левашёв (Левашов) (1900–1942) — генерал-майор (1942). С 1939 года командовал 214-й воздушно-десантной бригадой, с ноября 1941 года — 4-м воздушно-десантным корпусом. Награждён орденами Ленина и Отечественной войны 1-й степени.

109

Александр Фёдорович Казанкин (1900–1955) — генерал-лейтенант (1944). С мая 1941 года начальник штаба, в августе — ноябре и в феврале — августе 1942 года и. д. командира 4-го воздушно-десантного корпуса. Затем командовал 1-й (1942–1943) и 16-й (1943–1944) гвардейскими воздушно-десантными дивизиями, 12-м гвардейским стрелковым корпусом (1945). Награждён 2 орденами Ленина, 5 орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 1-й степени, Богдана Хмельницкого, Суворова 2-й степени.

110

Афанасий Павлантьевич Белобородов (1903–1990) — генерал армии (1963), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). С июля 1941 года командовал 78-й (с ноября — 9-й гвардейской) стрелковой дивизией, затем 5-м (1942–1943) и 2-м (1943–1944) гвардейскими стрелковыми корпусами, 43-й армией (1944–1945). Награждён 5 орденами Ленина, 5 орденами Красного Знамени, орденами Октябрьской Революции, Суворова 1-й и 2-й степени, Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 2-й степени.

111

Василий Андреевич Ревякин (1893–1975) — генерал-майор (1940). С 1939 года комендант Москвы. С октября 1941 года заместитель командующего 43-й армией, затем командовал 8-й гвардейской (с декабря), 160-й (с 30.1.1942) стрелковыми, 1-й гвардейской мотострелковой (с 16.2.1942), 164-й стрелковой (1943) дивизиями, 65-м стрелковым корпусом (1944). Награждён 5 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Кутузова 2-й степени, Красной Звезды.

112

В 1974 году село Угодский Завод было переименовано в Жуково, а в 1996 года объединено с посёлком Протва и получило статус города и название Жуков.

113

На самом деле 21-м пехотным полком командовал полковник Теодор Пой (Peu).

114

Лаврентий Фомич Цанава (настоящая фамилия Джанджава) (1900–1955) — генерал-лейтенант (1945). Был наркомом/министром внутренних дел (1938–1941) и госбезопасности (1941, 1943–1951) БССР. В 1941–1942 годах заместитель начальника Управления особых отделов НКВД СССР и одновременно начальник Особых отделов Западного и Центрального фронтов (1941–1943). В 1953 году был арестован и умер в тюрьме. Награждён 4 орденами Ленина, 5 орденами Красного Знамени, 2 орденами Кутузова 1-й степени, орденами Суворова 1-й степени.

115

Марк Дмитриевич Шляхтин (1905–1961) — полковник (1942). С 1940 года заместитель начальника Политуправления Главного управления погранвойск НКВД СССР. С 1941 года член Военного совета 33-й армии (снят 31.3.1942). Затем заместитель начальника по политчасти Управления войск НКВД по охране тыла Воронежского фронта (1942–1943), начальник политотдела Управления войск НКВД по охране тыла Центрального и 1-го Белорусского фронтов (1943–1945). Награждён 3 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Кутузова 3-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени, Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды (дважды).

116

Василий Емельянович Макаров (1903–1975) — генерал-лейтенант (1944). С 1940 года заместитель министра госконтроля СССР и ближайший помощник Л. З. Мехлиса. Во время войны член Военного совета Брянского фронта (1941), начальник Политуправления (1941–1944) и член Военного совета (1944) Западного и 3-го Белорусского (1944–1945) фронтов. В 1950–1953 годах заместитель министра госбезопасности СССР по кадрам. Награждён 2 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й степени, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды.

117

Роман Павлович Бабийчук (1903—?) — генерал-лейтенант (1954). В войну заместитель командира 21-го мехкорпуса по политчасти (1941–1942), член Военного совета 33-й армии (1942–1945). Награждён 2 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 2 орденами Красной Звезды, орденом Кутузова 1-й и 2-й степени.

118

Степан Ильич Киносян (1900–1965) — генерал-лейтенант (1945). С июля 1941 года начальник Оперативного отдела штаба 33-й армии. Затем начальник штаба 49-й армии (1944–1945). Награждён 5 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Суворова 2-й степени, Кутузова 1-й и 2-й степени, Богдана Хмельницкого 1-й степени.

119

Николай Никитович Якимов (1896—?) — полковник. В 1941–1942 годах командовал 49-й отдельной стрелковой бригадой, с 11 марта по 23 апреля 1942 года — 160-й стрелковой дивизией. Награждён орденом Красного Знамени.

120

Владимир Георгиевич Кучинёв (1895–1956) — полковник (1939). С 1939 года командовал 785-м стрелковым полком 144-й стрелковой дивизии, с сентября 1941-го по 1944 год — 338-й стрелковой дивизией. Награждён 3 орденами Красного Знамени и орденом Ленина.

121

7 августа 1943 года генерал-лейтенант Г. Шмидт покончит с собой при сходных обстоятельствах: когда под Белгородом штаб его разбитой дивизии окажется в окружении и закончатся боеприпасы.

122

Иван Григорьевич Захаркин (1889–1944) — генерал-полковник (1943). Во время войны командовал 43-й (1941) и 49-й (1941–1943) армиями, затем заместитель командующего Центральным (1943) и Белорусским (1943–1944) фронтами, командующий войсками Одесского военного округа (1944). Погиб в автокатастрофе. Награждён орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени и Красной Звезды.

123

В то время районный центр Московской области, ныне посёлок Жуковского района Калужской области.

124

Михаил Ефимович Катуков (1900–1976) — маршал бронетанковых войск (1959), дважды Герой Советского Союза (1944; 1945). С 1940 года командовал 20-й танковой дивизией, с 1941 года — 4-й (с ноября — 1-й гвардейской) танковой бригадой. Затем командовал 1-м танковым, 3-м механизированным (1942–1943) корпусами, 1-й танковой (с апреля 1944 года гвардейской) армией (1943–1945). Награждён 4 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 1-й степени, орденами Кутузова 1-й и 2-й степеней, Богдана Хмельницкого 1-й степени, Красной Звезды.

125

Андрей Иванович Литвинов (1900–1981) — генерал-майор (1942). Во время войны заместитель командира 35-го стрелкового корпуса по политчасти, член Военного совета 49-й (1941–1942) и 3-й ударной (1943–1945) армий. Награждён 2 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, 2 орденами Отечественной войны 1-й степени, орденами Кутузова 2-й степени, Красной Звезды.

126

Николай Александрович Антипенко (1901–1988) — генерал-лейтенант интендантской службы (1943). Во время войны интендант 30-й (1941) и 49-й (1941–1942) армий, затем руководил тылом Брянского, Центрального и 1-го Белорусского фронтов. Награждён 3 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Отечественной войны 1-й степени, орденами Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й и 2-й степени.

127

Павел Андреевич Фирсов (1901–1964) — генерал-лейтенант (1945), Герой Советского Союза (1945). С октября 1941 года командовал 194-й горнострелковой дивизией, затем 49-й стрелковой (1942), 1-й артиллерийской истребительной (1942) дивизиями, 30-м (26-м гвардейским) стрелковым корпусом (1943–1945). Награждён 3 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени, Красной Звезды.

128

Одна из улиц города носит имя П. А. Фирсова.

129

Иван Григорьевич Деревянкин (1905–1968) — генерал-лейтенант (1942). Во время войны начальник политотдела (1941–1942), комиссар (1942) 4-й (1-й гвардейской) танковой бригады, заместитель командира по политчасти 2-го танкового корпуса (1942–1943).

Ныне Отрадненского района Краснодарского края.

131

Дмитрий Данилович Лелюшенко (1901–1987) — генерал армии (1959), дважды Герой Советского Союза (1940, 1945). Во время войны с сентября 1941 года командовал 1-м особым корпусом, с октября — 5-й, с ноября — 30-й армиями. Затем командовал 1-й (1942), 3-й гвардейскими (1942–1943, 1943–1944), 4-й (гвардейской) танковой (1944–1945) армиями. Награждён 4 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 1-й степени, 2 орденами Кутузова 1-й степени, орденами Октябрьской Революции, Богдана Хмельницкого 1-й степени.

132

Лев Михайлович Доватор (1903–1941) — генерал-майор (1941), Герой Советского Союза (1941). С августа 1941 года командовал кавгруппой (50-й и 53-й кавдивизии) Западного фронта, с ноября — 3-го (затем 2-го гвардейского) кавкорпуса, в декабре заместитель командующего 16-й армией и командир опергруппы. Смертельно ранен 19.12.1941. Награждён 2 орденами Ленина, орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

133

Так в документе.

134

Николай Андреевич Чернояров (1899—?) — полковник. С 1941 года командир 147-го, с июля — 206-го танковых, с августа — 688-го моторизованного полков, с октября — 23-й, с декабря — 17-й танковых бригад. Затем заместитель начальника АБТВ 9-й резервной армии (1942), начальник/командующий АБТВ/БТиМВ 24-й (1942–1943), 4-й гвардейской (1943), 38-й (1943–1944), 40-й (1944), 32-й (1944–1945) армий. Награждён 3 орденами Красного Знамени, орденами Ленина и Красной Звезды.

135

Фельджандармерия (нем. Feldgendarmerie) — немецкая полевая полиция. Из-за того, что жандармы носили металлические горжеты на цепях, их называли «цепными псами». Личный состав проходил полевую подготовку по уставу пехоты. Она занималась контролем дорожного движения, поддержанием воинского порядка и дисциплины, предотвращением актов саботажа и диверсий, арестом дезертиров, противодействием партизанам и т. д.

136

Ортскомендатура (нем. Ortskommandantur) — местный военно-административный орган на оккупированных территориях, находящихся в зоне ответственности тылового района объединений вермахта.

137

Имеется в виду отдел 1с (разведка и контрразведка) штаба 4-й армии.

138

Архив УФСБ по Калужской области. Ф. 10. Д. 128. Т. 1.

139

Гущина Н. В. Калуга. Сорок первый год. Калуга, 2012.

140

Из материалов Нюрнбергского процесса. Сб. мат-лов Т. 1. М., 1954.

141

О действиях финских подразделений в период активных боёв в декабре 1941-го и в январе 1942 года в районе Калуги и на Старой Калужской дороге см.: *Михеенков С. Е.* Кровавый плацдарм. 49-я армия в прорыве под Тарусой и боях на реке Угре. 1941–1942. М., 2012.

142

Немецкая армия начала ощущать острую нехватку топлива и нефтепродуктов для своей техники. Последнее забирали танковые части.

143

Старинный микрорайон на юго-западе г. Калуги на берегу р. Оки.

144

Николай Сергеевич Щербачёв (1876—?) — уроженец Калуги и сын помещика, чиновника для особых поручений Канцелярии калужского губернатора. В 1897–1917 годах работал в Калужской земской управе. При советской власти работал в финансовых учреждениях, был известен как человек честный и строгий. Во время оккупации Калуги назначен бургомистром, из города уехал с немцами 28.12.1941.

145

ЦАФСБРФ. Ф. 14. Оп.4.Д. 589. Л. 194–198.

146

Николай Сергеевич Осликовский (1900–1971) — генерал-лейтенант (1943), Герой Советского Союза (1945). В 1941–1942 годах командовал 9-й Крымской (2-й гвардейской) кавдивизией, затем 3-м гвардейским кавкорпусом (1942–1945). Награждён 2 орденами Ленина, орденами Красного Знамени, 2 орденами Красной Звезды, орденами Суворова 1-й и 2-й степени, Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени.

147

Гарнец — русская мера объёма сыпучих веществ; равна 3,28 литра, применялась до введения современной метрической системы. Гарнцевый сбор — отчисление в пользу владельца мельницы определённой части сданного на помол зерна в качестве оплаты за помол.

148

Алексей Дмитриевич Терешков (1893–1960) — генерал-лейтенант (1945), Герой Советского Союза (1945). С августа 1941 года командовал 413-й стрелковой дивизией, затем 38-м стрелковым корпусом (1943–1945). Награждён 2 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Суворова и Кутузова 2-й степени.

149

Павел Васильевич Миронов (1900–1969) — генерал-лейтенант (1944), Герой Советского Союза (1945). С сентября 1941 года командовал 107-й (5-й гвардейской) стрелковой дивизией, затем 7-м (1942–1943) и 37-м (1944–1946) гвардейскими стрелковыми корпусами. Награждён 2 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1-й степени, Кутузова 2-й степени, Красной Звезды.

150

Авксентий Михайлович Городнянский (1896–1942) — генерал-лейтенант (1942). С 1940 года командир 129-й стрелковой дивизии, затем командовал 13-й (с августа 1941) и 6-й (с января 1942) армиями. Погиб 27.5.1942 на Изюм-Барвенковском плацдарме. Награждён орденом Ленина.

Лопуховский Л. Н. Вяземская катастрофа 1941 года. М., 2006. С. 346.

152

ЦА МО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 157. Л. 53.

153

Там же. Ф. 48а. Оп. 154. Д. 91. Л. 356.

Там же. Ф. 3. Оп. 11556. Д. 3. Л. 29.

155

Там же. Л. 1–3.

156

Яков Григорьевич Крейзер (1905–1969) — генерал армии (1962), Герой Советского Союза (1941). В 1941 году командовал 1-й мотострелковой (затем танковой) дивизией, в августе-декабре -3-й армией. Затем командовал 1-й резервной (1942), 2-й гвардейской (1942, 1943, 51-й (1943–1945) армиями. Награждён 5 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1-й и 2-й степени, Кутузова 1-й степени, Богдана Хмельницкого 1-й степени.

157

О возможной утечке информации через линию фронта из Генштаба см.: *Михеенков С. Е.* Серпухов. Последний рубеж. М., 2011.

158

Бок Ф. фон. Я стоял у ворот Москвы. Дневник командующего группой армий «Центр». М., 2009. С. 190–192.

159

Там же. С. 192.

Гудериан Г. Воспоминания солдата. М., 2013. С. 264.

161

Яков Степанович Фоканов (1899–1985) — генерал лейтенант (1943). С 1940 года командовал 154-й (47-й гвардейской) стрелковой дивизией, затем заместитель командующего 5-й танковой армией (1942–1943), командир 29-го гвардейского стрелкового корпуса (1943–1945). Награждён 5 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Кутузова 1-й и 2-й степени, Суворова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени.

162

Михаил Петрович Краснопивцев (1896–1942) — полковник. С 1941 года командир 473-го стрелкового полка 154-й стрелковой дивизии. Погиб 14.2.1942 при выходе из окружения. Награждён 2 орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1-й степени (посмертно).

163

Николай Алексеевич Шляпин (1902–1941) — бригадный комиссар. С 1940 года военком 91-й стрелковой дивизии, с августа 1941 года член Военного совета 50-й армии. Погиб 17.10.1941 при выходе из окружения.

164

Борис Григорьевич Вайнтрауб (1904–1990) — генерал-майор (1954). С июля 1941 года и. о. командира 437-го стрелкового полка, с августа начальник Оперативного отделения и штаба 154-й стрелковой дивизии, с июня 1944 года начальник штаба 80-го стрелкового корпуса. Награждён 3 орденами Красного Знамени, 3 орденами Отечественной войны 1-й степени, орденами Ленина, Кутузова 2-й степени, Красной Звезды.

165

Кузьма Иванович Трубников (1888–1974) — генерал-полковник (1945). В 1938–1940 годах находился под следствием. С июля 1941 года командовал 258-й, с ноября — 217-й стрелковыми дивизиями. Затем заместитель командующего 16-й армией (1942), Донского (1942–1943), Центрального (1943), 1-го (1943–1944) и 2-го (1944–1945) Белорусских фронтов, командующий 10-й гвардейской армией (1943). Награждён 2 орденами Ленина, 5 орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 1-й и 2-й степени, Суворова 2-й степени, Красной Звезды.

166

Иван Федотович Серёгин (1898–1959) — генерал-майор (1943). В июле-декабре 1941 года командовал 299-й, затем 18-й (1942), 98-Й/86-Й гвардейской (1942–1943) стрелковыми дивизиями, был заместителем командира 2-го отдельного (1944–1945), 38-го гвардейского (1945) стрелковых корпусов. Награждён 3 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Красной Звезды.

167

Ныне Думиничский район Калужской области.

168

Алексей Георгиевич Журавлёв (1905–1989) — генерал-майор (1944). С 1939 года начальник политотдела 2-го стрелкового корпуса, с августа 1941 года — 50-й, затем 29-й (1942–1943) и 1-й танковой (1943–1945) армий. Награждён 3 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды.

169

Ныне Лужского района Ленинградской области.

Еременко А. И. В начале войны. М., 1965. С. 379–381.

171

Александр Андреевич Коробков (1897–1941) — генерал-майор (1940). С января 1941 года командующий 4-й армией Западного Особого военного округа. В начале войны его армия была практически полностью уничтожена. 30 июня он был отстранён от командования и арестован. Вместе с Д. Г. Павловым и др. признан виновным «в проявлении трусости, бездействия, нераспорядительности, в сознательном развале управления войсками и сдаче оружия противнику без боя», приговорён к смертной казни и расстрелян.

172

ЦА МО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 21. Л. 17–19.

173

ЦА МО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 45. Л. 310–312.

Там же. Л. 6, 7.

175

ЦА МО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 51 Л. 403–406.

176

ЦА МО РФ. Ф. 202. Оп. 3996сс. Д. 1. Л. 36.

177

Ниже в тексте документа использованы следующие сокращения (кроме широко распространённых): кнс — комначсостав; мкс-младший комсостав; пап — пушечный артиллерийский полк; осб — отдельный сапёрный батальон; озад — отдельный зенитный артиллерийский дивизион; ran — гвардейский артиллерийский полк.

178

ЦА МО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 21. Л. 427–430.

179

Алексей Васильевич Куркин (1901–1948) — генерал-полковник танковых войск (1944). С января 1941 года командовал 3-м мехкорпу-сом (в августе окружён и уничтожен), в октябре -26-й армией. Затем командир 9-го танкового корпуса (1942), начальник Саратовского танкового лагеря (1942–1943), заместитель командующего бронетанковыми и мехвойсками РККА (1943), командующий бронетанковыми и мехвойсками 2-го Украинского (1943–1945) и Забайкальского (1945) фронтов. Награждён орденами Ленина и Красной Звезды, 2 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 1-й степени, 2 орденами Кутузова 1-й степени.

Григорий Григорьевич Соколов (1904–1973) — генерал-лейтенант (1940). В войну с 1941 года начальник войск НКВД охраны тыла Западного фронта, с августа начальник штаба Центрального фронта, с сентября заместитель начальника Генштаба РККА, в октябре начальник штаба, с ноября командующий 26-й, с декабря — 2-й ударной армиями. Затем заместитель командующего войсками Московской зоны обороны (1942–1943), начальник Управления военно-учебных заведений войск НКВД/МВД СССР (1944–1948). Награждён 5 орденами Красного Знамени, 2 орденами Красной Звезды, орденами Ленина, Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени.

180

Степан Савельевич Гурьев (1902–1945) — генерал-майор (1942), Герой Советского Союза (1945). С мая 1941 года командовал 10-й воздушно-десантной бригадой, с октября — 5-м воздушно-десантным корпусом. Затем командовал 39-й гвардейской стрелковой дивизией (1942–1943), 28-м (1943–1944) и 16-м (1944–1945) гвардейскими стрелковыми корпусами. Погиб 22.4.1945. Награждён 2 орденами Ленина, 2 орденами Красного Знамени, орденами Кутузова 2-й степени и Красной Звезды.

181

Денис Протасович Подшивайлов (1898–1962) — генерал-майор (1942). С 1940 года командовал 470-м (32-м гвардейским) стрелковым полком, затем 97-й (1942), 49-й гвардейской (1942–1945) стрелковыми дивизиями. Награждён 3 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Суворова 2-й степени, Кутузова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени.

182

Константин Леонтьевич Сорокин (1901–1989) — генерал-лейтенант (1945). С 1940 года начальник отдела политпропаганды 16-й армии. В октябре 1941 года военком 1-го гвардейского стрелкового корпуса, в октябре — ноябре 1941-го и июле — ноябре 1942-го член Военного совета 50-й армии. Затем начальник Политуправления Закавказского фронта (1942–1944) и член Военного совета Забайкальского фронта (1944–1945). Награждён 3 орденами Красного Знамени, 2 орденами Отечественной войны 1-й степени, орденами Ленина, Красной Звезды, Суворова 2-й степени.

183

Василий Гаврилович Жаворонков (1906–1987) — Герой Советского Союза (1977). С 1938 года 1-й секретарь Тульского обкома и горкома ВКП(б), кандидат в члены ЦК партии (1939–1961). С декабря 1941-го по июль 1942 года член Военного совета 50-й армии, председатель Тульского комитета обороны. Затем 1-й секретарь Куйбышевского обкома и горкома ВКП(б) (1943–1946). Награждён 2 орденами Ленина, 2 орденами Трудового Красного Знамени, 2 орденами Отечественной войны 1-й степени, орденами Октябрьской Революции и Красного Знамени.

184

Евдокия Ивановна Кудрявцева, тульская чудотворица и предсказательница. В Туле её звали Дуняшей. Ей верили, тем более что она действительно предсказала многие события. Похоронена при Никольском храме посёлка Временный, что между Тулой и Щёкином. На могилу постоянно приезжают паломники.

Зсп — запасной стрелковый полк.

Вот и прозвучала в оперативных сводках 41-го года эта знаменитая усадьба, не менее известная, чем сама Тула.

187

ЦА МО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Ед. хр. 43. Л. 371.

188

Яков Степанович Фоканов (1899–1985) — генерал-лейтенант (1943). С 1940 года командовал 154-й стрелковой дивизией. Затем заместитель командующего 5-й танковой армией (1942–1943), командир 29-го гвардейского стрелкового корпуса (1943–1945). Награждён 5 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Кутузова 1-й и 2-й степени, Суворова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени.

189

Владимир Петрович Шлегель (1901 —?) — полковник (1940). В войну с июня 1941 года начальник штаба, с октября — командир 217-й стрелковой дивизии. В январе 1942 года отправлен в Сибирский военный округ, заместитель начальника Рубцовского военного пехотного училища. В июле 1942 года уволен с военной службы. Награждён орденом Красного Знамени.

190

ЦА МО РФ. Ф. 251. Оп. 646. Ед. хр. 43. Л. 393–396.

191

ЦА МО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Ед. хр. 94. Л. 563–569.

192

Имеется в виду немецкий одномоторный истребитель «Мессершмитт» Bf 109.

193

ЦАМО Ф. 202. Оп. 5. Ед. хр. 48. Л. 24–26.

194

Имеется в виду немецкий самолет ближний разведчик и корректировщик «Хеншель» Hs 126.

195

Самолётов истребителей «Хейнкель» Не 113 в природе не существовало, это был результат кампании дезинформации, проведённой немцами.

196

ЦАМО Ф. 202. Оп. 5. Ед. хр. 48. Л. 53.

197

ЦАМО Ф. 202. Оп. 5. Ед. хр. 51. Л. 16.

198

ЦАМО Ф. 48а. Оп. 1554. Л. 413.

199

Более подробно о действиях 49-й армии генерала И. Г. Захаркина и, в частности, 238-й сд полковника Короткова см.: *Михеен-ков С. Е.* Серпухов. Последний рубеж. М., 2011.

200

Николай Васильевич Рякин (1894–1958) — генерал-майор (1942). С 1932 года служил в войсках НКВД. С июля 1941 года командовал 290-й, с марта 1942 года — 120-й стрелковыми дивизиями. Затем заместитель командующего 65-й (1942–1943), 62-й (1943) армиями. Награждён 2 орденами Красного Знамени, орденом Ленина.

201

Яков Николаевич Пивнев (1899–1941) — полковник (1940). С июля 1941 года командовал 31-й отдельной кавдивизией. В октябре погиб в боях под Тулой.

202

Василий Данилович Хохлов (1902—?) — полковник (1939). С марта 1941 года командовал 225-й, с июля — 260-й, с декабря — 290-й, затем 173-й (1942), 277-й (1942) стрелковыми дивизиями, начальник штаба 70-го стрелкового корпуса (1944) и 86-й стрелковой дивизии (1944–1945). Награждён 2 орденами Красного Знамени, орденами Ленина, Кутузова 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени.

203

Михаил Трофимович Бондаренко (1904–1983) — генерал-майор артиллерии (1949). С сентября 1941 года командовал 732-м, затем 250-м (1942–1943) зенитными артиллерийскими полками ПВО, 52-й зенитно-артиллерийской дивизией (1943–1946). Награждён орденами Красного Знамени, орденами Ленина и Красной Звезды.

204

Гайк Оганесович Мартиросян (1903–1978) — генерал-майор (1943). С 1941 года командовал 239-й стрелковой дивизией. Осенью 1942-го контужен под Ржевом. Затем начальник кафедры Военной академии им. М. В. Фрунзе (1943–1944), заместитель командующего 43-й армией (1944–1945), командир 90-го стрелкового корпуса (1945). Награждён 3 орденами Красного Знамени, 2 орденами Отечественной войны 1-й степени, орденами Ленина, Кутузова 2-й степени.

205

Андрей Лаврентьевич Гетман (1903–1987) — генерал армии (1964), Герой Советского Союза (1965). С марта 1941 года начальник штаба 30-го мехкорпуса, с сентября командовал 112-й танковой дивизией, затем 6-м (11-м гвардейским) танковым корпусом (1942–1944), заместитель командующего 1-й гвардейской танковой армией (1944–1945). Награждён 5 орденами Ленина, 6 орденами Красного Знамени, орденами Октябрьской Революции, Суворова 2-й степени, Богдана Хмельницкого 2-й степени, Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды.

206

Саркис Согомонович Мартиросян (1900–1984) — генерал-лейтенант (1942), Герой Советского Союза (1945). С марта 1941 года начальник штаба 227-й стрелковой дивизии, с сентября командовал 340-й, затем 50-й (1943–1944) стрелковыми дивизиями, 73-м стрелковым корпусом (1944–1945). Награждён 4 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Суворова 2-й степени, орденом Дружбы народов.

207

О том, что это был за приём ленинградских следователей и какое воздействие он имел на подследственных, описал в своих воспоминаниях «История моего заключения» Н. А. Заболоцкий: «Первые дни меня не били, стараясь разложить меня морально и измотать физически. Мне не давали пищи. Не разрешали спать. Следователи сменяли друг друга, я же неподвижно сидел на стуле перед следовательским столом — сутки за сутками. За стеной, в своём кабинете, временами слышались чьи-то неистовые вопли. Ноги мои стали отекать, и на третьи сутки мне пришлось разорвать ботинки, так как я не мог более переносить боли в стопах. Сознание стало затумариваться, и я все силы напрягал для того, чтобы отвечать разумно и не допустить какой-либо несправедливости в отношении тех людей, о которых меня спрашивали. <…> На четвёртые сутки, в результате нервного напряжения, я начал постепенно терять ясность рассудка. Помнится, я уже сам кричал на следователей и грозил им. Появились признаки галлюцинации: на стене и паркетном полу кабинета я видел непрерывное движение каких-то фигур. Вспоминается, как однажды я сидел перед целым синклитом следователей. Я уже нимало не боялся их и презирал их…»

208

Дом предварительного заключения — «Большой дом».

209

Иван Захарович Сусайков (1903–1962) — генерал-полковник танковых войск (1944). В марте 1941 года начальник Борисовского автотракторного (танкового) училища, с 26 июня начальник Борисовского гарнизона и ответственный за участок обороны и переправы через Березину. В боях за Борисов тяжело ранен. Затем был членом Военного совета Брянского (1942–1943), Воронежского (1942), Степного (1943), 2-го Украинского (1943–1945) фронтов. Награждён 3 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1-й (дважды) и 2-й степени, Кутузова 1-й степени.

210

Полк 1-й Московской мотострелковой дивизии полковника Я. Г. Крейзера.

211

Так в тексте.

212

Василий Александрович Юшкевич (1897–1951) — генерал-полковник (1945). С 1941 года командовал 44-м стрелковым корпусом, с августа — 22-й, с октября — 31-й армиями, затем 22-й (1942–1943, 1943–1944), 3-й ударной (1944) армиями. Награждён 2 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, орденами Суворова 1-й степени, Кутузова 1-й степени, Красной Звезды.